

САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Ученые записки
Сахалинского государственного
университета**

Сборник научных статей

Выпуск VIII

Южно-Сахалинск
2009

ББК 74.58
УДК 3778
У 91

У 91

Ученые записки Сахалинского государственного университета: сборник научных статей / Гл. ред. А. А. Василевский. – Вып. VIII. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009. – 180 с.

ISBN 978-5-88811-284-7

Сборник научных статей «Ученые записки Сахалинского государственного университета» состоит из двух разделов: естественные и точные науки, гуманитарные и общественные науки. Первый раздел содержит публикации по физике Земли и различным аспектам экологии. Во втором разделе публикуются статьи по археологии, праву, истории, экономике, филологии, истории педагогики.

Журнал рассчитан как на специалистов, так и на широкий круг читателей: работников науки, образования и культуры, студентов, аспирантов.

Главный редактор: А. А. Василевский, докт. ист. наук, доцент.

Редактор выпуска: М. С. Высоков, докт. ист. наук, доцент.

Редколлегия: Андриановская И. И., канд. юрид. наук, доцент;
Мисиков Б. Р., канд. физ.-мат. наук, докт. пед. наук, доцент;
Пархоменко Р. С., докт. экон. наук, профессор;
Рублева Л. И., докт. филол. наук, профессор;
Сафронов С. Н., канд. биол. наук, доцент.

Учредитель: Сахалинский государственный университет.

ББК 74.58
УДК 3778

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
САХАЛИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сборник научных статей

ВЫПУСК VIII

Корректор Рязанова М. Г., Шатохина М. Ф.
Верстка Иосько Е. Ю., Надточий О. А.

Подписано в печать 16.12.2009. Бумага «SvetoCopy». Гарнитура «MinionPro».
Формат 210х297. Тираж 500. Объем 22,5 усл. п. л. Заказ № 543-10.
Издательство Сахалинского государственного университета.

693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел./факс (4242) 42-16-06. E-mail: polygraph@sakhgu.sakhgu.ru

ISBN 978-5-88811-284-7

© Сахалинский государственный университет, 2009
© Издательство СахГУ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ФИЗИКА ЗЕМЛИ

Злобин Т. К., Полец А. Ю.

ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ОЧАГОВ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ В САХАЛИНО-КУРИЛЬСКОМ РЕГИОНЕ 10

В работе указана важность исследований землетрясений на Сахалине и Курилах, а также вызванных ими сейсмодислокаций и тектонических подвижек. Показано, что они могут быть выполнены на основе изучения механизмов очагов землетрясений. Изложена методика исследований путем построения механизма очага землетрясений с использованием сетки Вульфа. Рассмотрены основные типы геологических подвижек по разлому и показано определение типа сейсмодислокаций по величине угла наклона PL к горизонту, оси промежуточного N напряжения и нодальных плоскостей (DP_1 , DP_2). Показаны практическое применение названной методики в Сахалинском и Курило-Охотском регионах и ее конкретные результаты определения тектонических подвижек.

In this work the importance of researches of earthquakes and seismic dislocations, tectonic movements caused by them in Sakhalin and Kuril islands was shown. They can be implemented on the basis of studying of focal mechanisms of earthquakes was shown. Methodics of researches by means of building stereogram of focal mechanisms of earthquakes in the low half-sphere with using of the Wulff net was stated. The main types of geological movements along the faults were considered; and determination of the type of seismic dislocations by the angle of inclination of the slopping (PL) to horizon; the axis of intermediate stress (N) and nodal planes (DP_1 , DP_2) was shown. The practical application of the named methodics in Sakhalin and Kuril-Okhotsk region and its concrete results of definition of the tectonic movements was shown.

ЭКОЛОГИЯ

Зенкин О. В., Мелкий В. А., Минервин И. Г.

ВЫЯВЛЕНИЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ ПО МОДИФИЦИРОВАННЫМ СПУТНИКОВЫМ ДАННЫМ 17

Чайко А. А.

ВЛИЯНИЕ СТОКОВ ГОРОДСКИХ КОММУНИКАЦИЙ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА КАЧЕСТВО ВОДЫ В РЕКАХ ЮГА САХАЛИНА (НА ПРИМЕРЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОД РЕКИ СУСУИ ОРГАНИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ В 2007–2008 гг.) 24

В данной статье рассматривается проблема загрязнения водотоков бытовыми коммунальными и сельскохозяйственными стоками в условиях юга острова Сахалин на примере реки Сусуи. Статья базируется на данных собственных полевых исследований, проведенных автором в 2007–2008 гг.

This article deals with some problems having connection to the pollution of small rivers with organic substances flowing in water-currents with a superficial drain from agricultural areas. This pollution problem is considered in connection with specific features of Sakhalin island (river Susuya). The article is based on own field researches which were carried out by the author in 2007–2008.

Смирнов А. А.

АНТРОПОГЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОРМОВОЙ БАЗЫ АБОРИГЕННЫХ ОХРАНЯЕМЫХ И ОХОТНИЧЬИХ ВИДОВ МЛЕКОПИТАЮЩИХ САХАЛИНА 31

Хозяйственное освоение Сахалина значительно изменило среду обитания большинства видов животных. Для некоторых млекопитающих (бурундук, заяц-беляк, лисица, соболь) кормовая база улучшилась. У кабарги и северного оленя отмечается снижение численности в связи с уничтожением основных мест обитания. У бурого медведя и выдры обеспеченность основными кормами в настоящее время уже явно недостаточна (в

основном это связано с перепромыслом лососевых), поэтому следует ожидать снижение численности этих видов.

Economic development of Sakhalin has considerably changed an inhabitancy of the majority of kinds of animals. For some mammal (a chipmunk, a hare-white hair, a fox, a sable) the forage reserve has improved. At deer musk and northern deer decrease in number is marked in connection with destruction of the basic places of dwelling. At a brown bear and an otter security the basic forages is now already obviously insufficient (basically it is connected with fishery salmon), therefore it is necessary to expect decrease in number of these kinds.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

АРХЕОЛОГИЯ

Василевский А. А., Ткаченко С. В., Федорчук В. Д.

ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «ГЕОЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС САХАЛИНА»

(РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГРАНТУ № 06-06-96028) 45

ИСТОРИЯ

Ким И. П.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ

И В КЕНИГСБЕРГСКОЙ/КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1947 гг. 60

Шалкус Г. А.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ КОНТИНГЕНТА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

НА КОНЦЕССИОННЫХ ПРОМЫСЛАХ (1925–1944 гг.) 62

Данная статья посвящена истории формирования и положения японской рабочей силы на нефтяных концессиях на Северном Сахалине в период с 1925 по 1944 гг.

The given article is devoted to the history of the formation and state of the Japanese working force at the oil concessions of Northern Sakhalin in the period from 1925 to 1944.

Щеглов В. В.

СОВЕТСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР) 69

Костанов А. И.

АРХИВЫ И АРХИВНОЕ ДЕЛО В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920–1922 гг.) 77

Статья посвящена истории архивов Дальневосточной республики, существовавшей на завершающем этапе Гражданской войны в России в 1920–1922 годах.

The article is devoted to the history of archives of the Far Eastern Republic, having existed at the final stage of Civil War in 1920-1922.

ПЕДАГОГИКА

Пасюков П. Н.

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА НА САХАЛИНЕ 91

Раскрыты достижения сахалинской научной школы в сфере физической культуры и спорта, определены стратегические направления развития региональной спортивной науки в современных условиях, что будет способствовать открытости российского образования, его вхождению в мировое образовательное пространство, международное научное сообщество.

Информация может быть полезна для руководителей и специалистов образования, физической культуры и спорта, здравоохранения, различных отраслей экономики и социальной сферы, решающих проблемы здоровья и физической активности населения в холодных регионах.

Here are shown the advances of the Sakhalin scientific school in the field of physical culture and sports, the strategic directions of development of modern regional sport science; these will help to introduce the Russian education to the international education space and the international scientific society.

The information can be useful for advisers and specialists in education, physical culture and sports, public health, various kinds of economics and sociology that are for solving health problems and physical activity of people in cold regions.

Якименко Р. В., Лукашенко А. В.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО (ЛИТЕРАТУРНОГО) ОБРАЗОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ СахГУ

100

В настоящей статье проводится анализ научно-методических интересов сахалинских ученых-методистов в области литературного образования: изучение поэзии XX века, организация интерпретационной и исследовательской деятельности школьников, методика формирования профессиональной компетентности учителя литературы в системе непрерывного образования и др. Исторический опыт научно-методической школы литературного образования и ее лучших представителей стал органической частью сахалинской науки. Труды ученых-методистов призваны помочь учителям и студентам-словесникам в овладении методическими знаниями, в выработке умения самостоятельно и творчески подходить к решению вопросов преподавания литературы в школе, колледжах и вузах.

The problems of philological (literary) education in research work of scientist in Yuzhno-Sakhalinsk Pedagogical college.

Analysis of scientific - methodological interests of Sakhalin scientists is represented in this article. It touches the problems of literary education as for: studying poetry in the 20th century, interpretation and research activity school children themselves. Methods of professional skills which teacher gains if he works in the system of un - stopped teaching.

Historical experience, being kept for the working period of scientific school in the field of literary education became one of the most important part of Sakhalin teaching. The books, written by young scientist should help teachers and students in knowledge, touching the problems of methods in teaching, and producing skills to work independently and to solve problems of literary education at school, colleges and Institutes.

Табаченко Т. С.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

104

Статья посвящена актуальным проблемам когнитивистики в профессиональном образовании. Обращение к принципам когнитивного обучения обусловлено переходом системы образования на уровень компетенций.

Эффективность компетентностного подхода в обучении связана с овладением метазнаниями и метаумениями, что составляет основу когнитивного обучения.

Используя данные когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, автор статьи раскрывает возможные способы использования принципов когнитивного обучения в лингвистическом образовании.

The article is devoted to relevant problems of cognitive science in professional education. Reference to principles of cognitive teaching determined by transition of educational system to the level of competence.

The effectiveness of competence methods in teaching is connected with acquirement of metaknowledge and metaskills that constitute the basis of cognitive teaching.

Using the facts of cognitive psychology and cognitive linguistics, the author of the article reveals possible methods of using the principles of cognitive teaching in linguistic education.

ПСИХОЛОГИЯ

Власенкова Е. Г.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЮДЕЙ, НАХОДИВШИХСЯ В НАЦИСТСКИХ, КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ..... 110

В статье приводятся данные о психологических особенностях людей, находившихся в нацистских, концентрационных лагерях. Описывается опыт известных австрийских психотерапевтов, прошедших нацистские концлагеря Виктора Франкла и Бруно Беттельхайма, рассматриваются основные фазы заключенных, попавших в нацистские лагеря. Выдвигается предположение о том, что именно личностная характеристика «жизнестойкость» позволяет человеку успешно переносить сложные стрессовые ситуации, возможно именно это качество и помогло выжить узникам в концентрационных лагерях и сохранить при этом здоровье.

In article the data about psychological features of the people who were in concentration camps is cited. Experience of the known psychotherapists, V.Frankla and Bruno Bettelhajma's last concentration camp is described. The assumption what the personal characteristic of firmness allows the person to transfer to lives successfully difficult stressful situations is put forward and to keep thus health.

About psychological features of the people who were in concentration camps.

Емельянова А. И.**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ..... 114**

В статье рассматривается проблема оценки профессионализма муниципальных служащих как важный фактор управления системой муниципальной службы. Профессиональные управленцы рассматриваются в качестве критического элемента эффективного управления и, следовательно, благополучного развития муниципалитетов. В статье обозначена необходимость изменения системы оценки муниципальных служащих службы с целью улучшения ее деятельности.

The paper discusses importance of professional competence of municipal workers as a factor for successful governance within the framework of municipality. It is argued that professional managers play crucial role in effective public administration and, therefore, in well-being of municipal entities. The author outlines proposals for change in the existing system of professional evaluation of municipal workers that will help to improve its effectiveness.

Коньков А. Т.**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЕГО ФУНКЦИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ 117**

Статья рассматривает феномен социального капитала и определяет содержание его роли в системе экономического взаимодействия. Обосновывается тезис об универсальном характере экономической функции социального капитала и продуктивность данной концепции для анализа экономических отношений.

The article explores the concept of social capital and its role in the system of economic interactions. It is argued that economic function of social capital is universal and that the concept is well fit for the research of economic relations.

ФИЛОЛОГИЯ

Агеносов В. В.**ШОЛОХОВ: ТРУДНАЯ БИОГРАФИЯ (БЕЗ МИФОВ И ЛЕГЕНД) 124**

В статье автор, опираясь на факты биографии Шолохова, восстановленные в последние годы, развеивает мифы, сложившиеся вокруг жизни и творчества писателя. В. В. Агеносов предельно объективно прослеживает непростую судьбу одного из самых крупных и спорных писателей XX века.

According to the facts of Sholokhov's biography that were restored in the last years of his life, author of this article scattered the myths around the live and creative work of Sholokhov. V.V. Agenosov traces the fate of the one of the famous and most controversial writers of the 20th century.

Лифанова И. В.**ОБРАЗ ДОМА В РОМАНЕ М. ОСОРГИНА «СИВЦЕВ ВРАЖЕК» 134**

Предлагаемая статья посвящена анализу образа дома в романе М. А. Осоргина «Сивцев Вражек». Дом рассматривается как доминанта пространственной организации романа и как образ, воплотивший авторское представление о мире и человеке.

This article is devoted to the analysis of the figure «house» in the novel by M. A. Osorgin «Sivcev Vrazhek». House is discussed as dominant of the novel spatial structure and as figure that sounds shows author's idea of the world and the man.

ЭКОНОМИКА

Пархоменко Р. С., Вельмешев В. В., Мирзоева Г. Р.**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ 139**

Статья посвящена развитию энергетики в формате малого и среднего бизнеса. Несмотря на лидерство России в добыче и экспорте энергоресурсов, она отстает от развитых стран по энергопотреблению на душу населения при чрезмерной энергоёмкости ВВП. В результате в энергетике нарастают кризисные явления, препятствующие экономическому росту и улучшению качества жизни населения. Выход из создавшегося положения может обеспечить малая энергетика на основе использования нетрадиционных энергоресурсов при сокращении выбросов в окружающую среду диоксида углерода. Развитие малой энергетики особенно актуально для Сахалинской области, располагающей ресурсами низконапорного природного и

попутного нефтяного газа для производства недорогой электрической и тепловой энергии, необходимой населению и бизнесу.

Despite world leadership in production and export of energy resources Russia falls behind developed market economies having low level of energy consumption with the high energy intensity of GDP. As the result of funding shortfall recessionary trends are rising and encompassing even bigger parts of vitally important subsystems. Development of small-scale power generation with utilization of liquefied natural gas may help to overcome existing problems. New technologies based on modern gas installations allow to significantly increase electric and heat production while decreasing environmental emissions. Development of small-scale power generation is especially topical for remote areas such as Sakhalin region, which has all required energy resources but nevertheless incurs a high power and heat deficit.

Урубкова И. Е.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ С ОСНОВНЫМИ СТРАНАМИ-ПАРТНЕРАМИ ПО АТР☒

148

В статье анализируется динамика внешней торговли Сахалинской области с ее основными партнерами по АТР. Выявляются причины изменения структуры внешней торговли в постсоветский период.

In this article the author analyses the dynamic trends of the foreign trade of the Sakhalin oblast with its main partners within the Asia Pacific Region. The reasons of the changing of the structure of its foreign trade are discussed.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андреиановская И. И.

О ПРОЯВЛЕНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ ТРУДОВОГО ПРАВА☒

156

В статье проводится анализ преемственных положений, содержащихся в институте трудовых споров. Автор рассматривает как преемственные, так и новые положения, показывает их позитивное и негативное воздействие на формирование данного института и высказывает некоторые суждения по поводу его совершенствования.

The article gives a detailed analyses of coordinated statutes of labor dispute institutions. The author overviews coordinated and innovative statutes and shows their positive and negative influence on the formation of above-mentioned institutions and suggests some decisions concerning its improvement.

Андреиановская И. И.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПЕРЕВОДОВ НА ДРУГУЮ РАБОТУ☒

161

В статье с точки зрения преемственности и новизны проводится анализ норм трудового права, регулирующих переводы на другую работу. С этих позиций выделены элементы несогласованности исследуемых норм, в связи с чем автор предлагает с учетом преемственных положений определить перевод и смежные с ним правовые явления, закрепив их в отдельных статьях Трудового кодекса.

The article presents the full analyses of labor law norms which regulate transferring to other job or position from the point of view of succession and novelty. Bearing in mind this point of view the author shows the elements of this norm coordination thus it is suggested to determine transferring and similar rights and fix it in the articles of Labors Codex.

Бухалов А. В.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛЯТИВНОЙ ПРИРОДЕ ЧАСТНОГО ДОГОВОРА☒ 165

Андреева А. Е.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ☒ 169

В предлагаемой статье автор рассматривает вопрос о международно-правовом статусе субъектов Российской Федерации, который был определен Федеральным законом «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» 1999 года. В статье анализируются положения Закона, отмечаются недостатки с учетом опыта международных связей членов Российской Федерации, в том числе Сахалинской области.

The author discusses the problem of international legal status of Russian federation subjects determined by Federal Law "On coordination of international and export ties of RF Subjects" 1999. The

article gives the analyses of this Law key-points, emphasizes weak points bearing in mind international cooperation ties of Russian Federation, including Sakhalin Region.

Нагаева Т. И.

ФОРМЫ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ И ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ..... 173

Статья посвящена исследованию действия и бездействия как форм преступного деяния, их тесной связи с объектами уголовно-правовой охраны. Автор показывает, что законодательное описание форм преступного деяния в диспозициях норм Особенной части Уголовного кодекса (юридическая форма) находится в тесной связи с правовой природой поставленных под охрану общественных отношений (интересов). В свою очередь, уяснение социально-правовой сущности объекта уголовно-правовой охраны позволяет безошибочно определить юридическую форму преступного деяния. При несовпадении юридической формы преступного деяния с его фактической (поведенческой) стороной значение имеет юридическая форма, которая определяется основаниями уголовно-правовых запретов, особенностями объектов уголовно-правовой охраны.

Высоков М. С.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КОЛЕСНИКОВ. 1929–2009 гг. 176

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ..... 179

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПОСТУПАЮЩИМ В РЕДАКЦИЮ..... 180

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Физика Земли
Экология

ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ОЧАГОВ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ В САХАЛИНО-КУРИЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Злобин Тимофей Константинович – академик МАНЭБ, доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры физики СахГУ, директор НИИ физики Земли и биосферы СахГУ, заведующий лабораторией природных катастроф. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1990 году – докторскую. В 1996 году в США (Калифорния) был избран действительным членом (академиком) Международной академии наук, промышленности, образования и искусств. В 1997 году был избран академиком Международной академии наук, экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ) и президентом Сахалинского отделения

МАНЭБ. Опубликовано восемь монографий и более 190 научных трудов в России, США, Германии, Турции, Италии и других странах. Участвовал во многих всесоюзных и международных конференциях, симпозиумах, конгрессах. Его научные работы посвящены исследованиям глубинного строения литосферы, землетрясениям, вулканам, нефтегазоносности, поискам рудных, угольных и парогидротермальных месторождений.

Полец Анастасия Юрьевна – аспирант СахГУ по специальности «Геофизика». В 2006 году закончила физико-математическое отделение Института естественных наук СахГУ. Опубликовала четыре научные работы. Область научных интересов: глубинное строение и сейсмотектоника Охотоморского региона, механизмы очагов землетрясений.

ВВЕДЕНИЕ

Сахалин и Курилы расположены в зоне перехода от евразийского континента к Тихому океану. Эта область молодой кайнозойской складчатости отличается современными тектономагматическими процессами, которые проявляются в активном вулканизме и в чрезвычайно высокой сейсмичности. В связи с этим большое значение здесь для жизнедеятельности имеют землетрясения и извержения вулканов.

Сейсмичность наиболее высока на Курилах, где происходят землетрясения с максимальной на Земле магнитудой (до 7–8 и более), что соответствует 10–12 баллам по шкале интенсивности, относимые к категории катастрофических землетрясений. Последние такие сейсмические события были в районе Средних Курил 15 ноября 2006 года и 13 января 2007 года, когда произошли катастрофические землетрясения соответственно с магнитудой $M = 8,3$ и $M = 8,1$ [7]. Но и на Сахалине также были сильные землетрясения. Из них самым значительным по энергии было Монеронское землетрясение 5 сентября 1971 года с магнитудой 7,5 [6]. Несколько меньшее по силе, но относимое к катастрофическим, было Нефтегорское землетрясение 25 мая 1995 года, в результате которого погибло 2066 человек и был полностью разрушен одноименный город [5].

В связи с тем, что в последние годы начато активное освоение шельфа Сахалина и добыча углеводородов, строительство крупнейшего в мире завода по сжижению природного газа на острове, еще активнее развиваются инфраструктура, промышленное и гражданское строительство.

Поэтому большое значение для всех этих объектов и жизнедеятельности населения представляет сейсмическая опасность. Работы по прогнозу землетрясений как на Сахалине, так и в мире ведутся

давно. Есть некоторые успехи. Например, предсказано землетрясение в районе г. Невельска 2 августа 2007 года и др. [11]. Однако надежный и однозначный прогноз не достигнут. Это связано со сложностями изучения геологических и физических свойств реальной среды и развития деформационных процессов в очаге. В значительной степени прогресс в этих исследованиях связан с познанием физики очага землетрясения, процессов, происходящих в очаге. Это может быть выполнено на основе изучения механизма очага землетрясения [8].

Само по себе землетрясение представляет собой механический процесс разрушения среды с внезапным высвобождением энергии, накопленной в упругодеформированных горных породах. Оно проявляется в подземных толчках и колебаниях земной поверхности и обусловлено резким разрывом и смещением напряженных пород по разлому, возникающему близ поверхности Земли.

В течение ряда последних лет нами выполнялись работы по изучению землетрясений Курило-Охотского и Сахалинского регионов.

Дальнейшим развитием этих исследований является построение стереограмм механизмов очага на сетке Вульфа и классификация по типу сейсмодислокаций. Методика их построения и ее применение в Курило-Охотском регионе изложены в настоящей работе.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

При определении динамических параметров очага землетрясения используют различные методики. В данной работе речь пойдет о методике, в основе которой лежит использование сетки Вульфа [2]. Применять ее начали в Советском Союзе для определения механизма очага землетрясений и построения стереограммы механизма очага [4].

Сетка Вульфа позволяет осуществить на плоскости построения, необходимые для определения пространственной ориентации осей главных напряжений, возможных плоскостей разрыва и подвижек в очаге землетрясения.

Рассмотрим основные компоненты, которые необходимы при определении механизма очага.

I. Оси главных напряжений: **T** – ось напряжения растяжения; **N** – ось промежуточного напряжения; **P** – ось напряжения сжатия. Оси главных напряжений задаются двумя параметрами: **AZM** – азимутом оси (сжатия; растяжения), **PL** – углом наклона к горизонту.

Азимут обозначается в таблице **AZM** и измеряется по часовой стрелке от направления на север до оси плоскости: $0 \leq Az \leq 2\pi$. Угол наклона к горизонту (**PLUNG**) обозначается в таблице **PL** и измеряется от горизонтали до оси плоскости: $0 \leq PL \leq \pi/2$, если построения выполняются в нижней полусфере.

II. Нодальные плоскости

NP – нодальная плоскость, или плоскость-смещитель. Нодальные плоскости задаются тремя параметрами: **STK** – азимутом простирания; **DP** – углом падения; **SLIP** – углом скольжения.

Азимут простирания плоскости (**STRIKE**) обозначается в таблице **STK** и измеряется от направления на север по часовой стрелке до направления простирания. Направление простирания выбирается так, чтобы, глядя вдоль линии простирания, наблюдатель видел висячий блок справа, т. е. падение плоскости происходит вправо по отношению к направлению простирания. **STK** измеряется от 0 до 2π : $0 \leq STK < 2\pi$.

Угол падения плоскости (**DIP**) обозначается в таблице **DP**, измеряется от горизонта до оси плоскости и изменяется в интервале от 0 до $\pi/2$: $0 \leq DP \leq \pi/2$.

Угол скольжения плоскости (**SLIP**) обозначается в таблице **SLIP**, измеряется от линии простирания плоскости против часовой стрелки до вектора подвижки. Угол **SLIP** заключен в интервале $(-\pi; \pi)$, его

значения зависят от направления движения в очаге. Если в очаге преобладают сбросовые движения, т. е. ось сжатия **P** располагается в квадранте, содержащем центр сетки, то λ – отрицательно: $-\pi \leq \lambda \leq 0$.

Построение стереограмм механизма очага на сетке Вульфа (нижняя полусфера) изложено в работе [10].

Рассмотрим элементы разрывов с видимым смещением пород. Землетрясение – это приход к земной поверхности упругих колебаний, возбуждаемых мгновенным смещением масс горных пород в очаге землетрясения [5]. Основная причина таких смещений – подвижки в зонах развивающихся тектонических разрывов. В результате подвижек могут происходить различные типы смещения блоков относительно друг друга (рис. 1).

Такие смещения блоков и разрывы могут произойти в результате землетрясений, и в этом случае они называются *сейсмогенными*. Обычно они наследуют более древние разломы земной коры. Примером может являться разлом Сан-Андреас в Калифорнии, возникший не менее 40 млн. лет назад.

Подвижке по разрыву предшествует нарастание напряжений и накопление деформаций в очаге, которое происходит до тех пор, пока не будет превзойден предел упругости, а затем уже наступает смещение и снятие напряжений. В действительности процесс более сложный. Так как само землетрясение выражено не одним толчком, а несколькими на протяжении дней, недель и месяцев, эти повторные толчки называются *афтершоками* [5].

Главным элементом разрывных перемещений является поверхность, по которой произошел разрыв и смещение одного блока пород относительно другого. Этот элемент называется поверхностью разрыва, или сместителем. Наклон сместителя может меняться от горизонтального до вертикального.

Смещающиеся относительно друг друга блоки пород называются *блоками* или *крыльями*. Опущен-

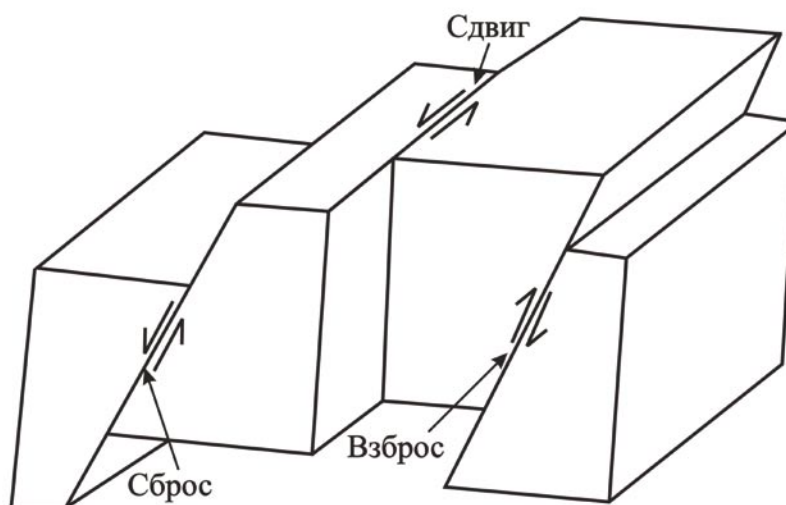

Рис. 1. Основные типы разрывных нарушений, по работе [12]

ным является блок пород, переместившийся вниз по отношению к другому блоку, отделенному от первого сместителем. *Лежащий блок* всегда находится под сместителем, а *висячий* – над сместителем (рис. 2).

Важным элементом разрывной структуры со смещением является линия разрыва, образован-

ном однородном теле разрыв и подвижка всегда происходят под углом примерно 45° к направлению действия силы [3].

Если взаимно перпендикулярные силы сжатия и растяжения действуют в земной коре в горизонтальном направлении, а возникшая в результате

Разрывные структуры

- 1 - опущенный блок
- 2 - угол падения сброса
- 3 - плоскость сброса
- 4 - чистое смещение
- 5 - угол наклона
- 6 - поднятый блок
- 7 - висячий блок
- 8 - лежащий блок
- 9 - горизонтальное перемещение
- 10 - вертикальное перемещение

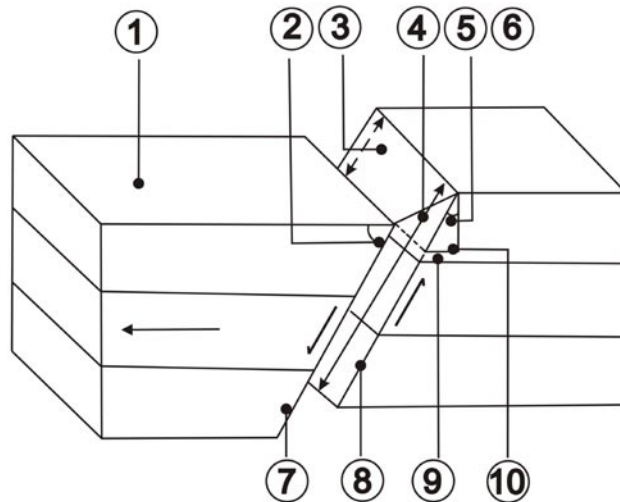

Рис. 2. Разрывные структуры, по работе [1]

ная от пересечения сместителя с поверхностью рельефа местности. Этот элемент называется также *линией разрывного нарушения, линией сместителя* или линией сброса, взброса, надвига и т. п.

При вертикальном сместителе независимо от формы рельефа местности линия разрыва всегда будет прямой, если простираение сместителя будет постоянным. Линия разлома при наклонном сместителе и горизонтальной поверхности местности также при любом наклоне сместителя будет всегда прямой. Изогнутая, зигзагообразная линия разлома в плане может образоваться при наклонном сместителе и разнообразном расчлененном рельефе местности или при горизонтальной дневной поверхности и изменении простираения сместителя [9].

В теле Земли в общем поле напряжений можно выделить две составные части: всестороннее сжатие, вызванное давлением вышележащих слоев, и систему скалывающих напряжений, сочетающую одностороннее сжатие с перпендикулярным ему односторонним растяжением. Всестороннее (литостатическое) сжатие вызвано весом самой породы, присутствует в ней всегда и в однородном веществе не вызывает никаких нарушений равновесия. Скалывающие напряжения появляются при действии внешних усилий, деформирующих породу. Для литосферы в целом эти усилия создаются воздействием более подвижной верхней мантии, а в отдельных участках литосферы проявляется взаимодействие слагающих ее разнообразных частей.

В соответствии с законами механики в сплош-

их действия трещина располагается вертикально, то подвижка происходит вдоль нее в горизонтальном направлении. Это – сдвиг (рис. 3а).

Сдвиги. Сдвигами называются разрывы со смещением блоков горных пород в горизонтальном направлении, обычно по вертикальному или крутопадающему сместителю, примерно по линии его простираения. Смещения в сдвигах наблюдаются в толщах любого залегания.

Распространение сдвигов наиболее характерно для складчатых областей. Крупные сдвиги начинают формироваться в эпохи горообразования и развиваются длительно (до нескольких десятков млн. лет) [3].

Взбросы. Взбросами называются надвиги с крутым падением сместителей (от 60 до 85°). Если силы сжатия горизонтальны или субгоризонтальны, а растяжение ближе к вертикальному направлению, то разлом располагается крутонаклонно, и верхнее его крыло в результате действия сил движется вверх. Это – взброс (рис. 3б).

Во взбросах сместитель, или поверхность скольжения, называется *взбрасывателем*. Взбросы образуются в различных геотектонических областях земной коры и прослеживаются в относительно устойчивых, жестких массивах, в горизонтально и наклонно залегающих породах, а также в простых и сложных складчатых зонах земной коры и образуются преимущественно при хрупких деформациях. Взбросы характерны и для краевых частей интрузивных массивов.

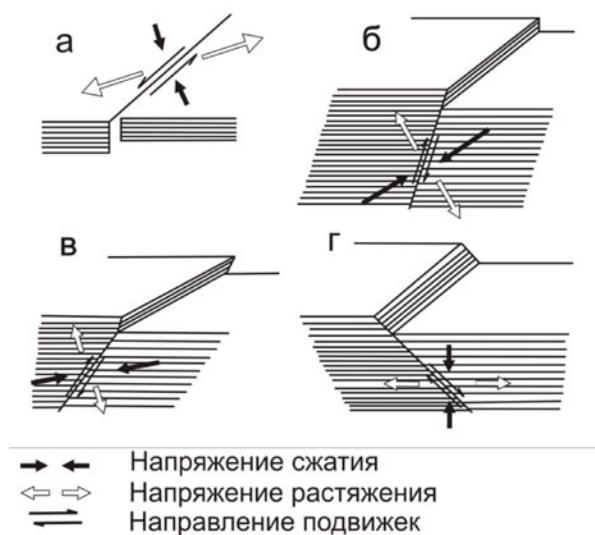

Рис. 3. Ориентация тектонических напряжений и типы геологических подвижек по разлому: а – сдвиг (левосторонний); б – взброс; в – надвиг; г – сброс. По работе [3]

Надвиги. Взброс по пологой плоскости называется надвигом, если активно верхнее крыло, т. е. надвигами называются разрывные смещения, в которых сместители падают в сторону приподнятого блока (крыла), но с меньшими углами, чем у взбросов. Среди надвигов выделили *поддвиги*. Взброс по пологой плоскости называется поддвигом, если активно нижнее крыло (рис. 3в).

Сбросы. Сбросами называются такие формы разрывов со смещением горных пород, в которых сместитель наклонен в сторону опущенного блока. Преобладающее большинство сместителей в сбросах имеют крутое или вертикальное падение. Сброс происходит в коре, когда в горизонтальном направлении преобладает растяжение (рис. 3г).

Сбросы бывают продольными, поперечными, косыми или диагональными. При мощном горизонтальном растяжении возникает структура, когда два сброса формируют нечто вроде канавы с опускающимся дном, – грабен или выступы – горсты (рис. 4).

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКТОНИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ ПО ТИПУ СЕЙСМОДИСЛОКАЦИЙ

Классификация по типу сейсмодислокаций осуществляется по величине угла наклона PL к горизонту, оси промежуточного N напряжения и нодальных плоскостей (DP_1, DP_2):

сбросы и взбросы – $PLN < 45^\circ$, $20^\circ < DP_1, DP_2 < 70^\circ$, если угол при $P < T$, то это взброс (рис. 5), угол при $T < P$, то это сброс (рис. 6),

сдвиги – $PLN \geq 45^\circ$ (рис. 7);

пологие надвиги и поддвиги – $PLN < 45^\circ$, $DP_1 \geq 70^\circ$, $DP_2 < 20^\circ$, если угол при $P < T$, то это пологий надвиг (рис. 8), угол при $T < P$, то это пологий подвиг (рис. 9).

Рассмотрим механизмы очагов отдельных землетрясений.

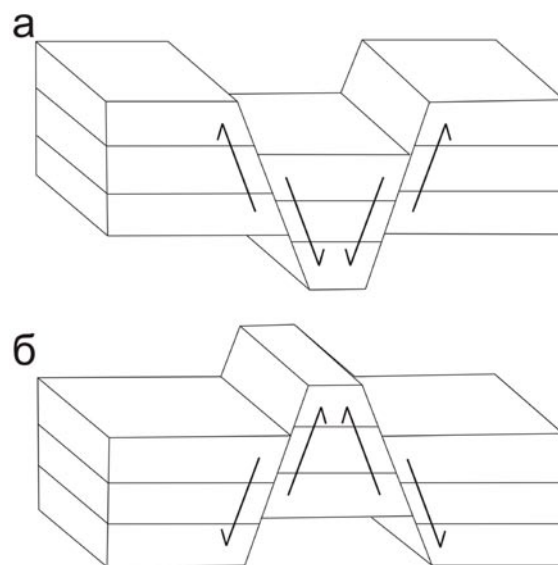

Рис. 4. Структуры, возникающие при смещении пород: а – грабен; б – горст, по работе [1]

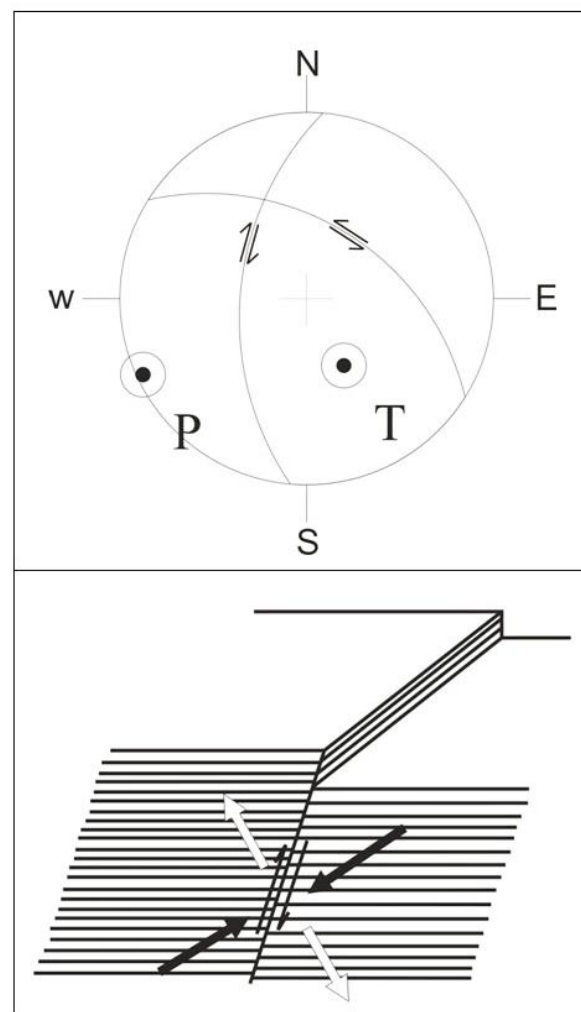

Рис. 5. Тип смещения по разлому и соответствующая стереограмма механизма очага землетрясения (взброс)

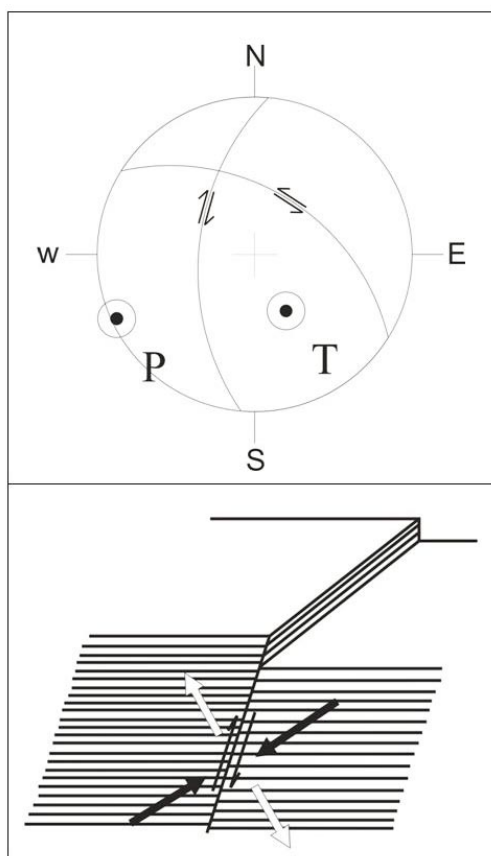

Рис. 6. Тип смещения по разлому и соответствующая стереограмма механизма очага землетрясения (сброс)

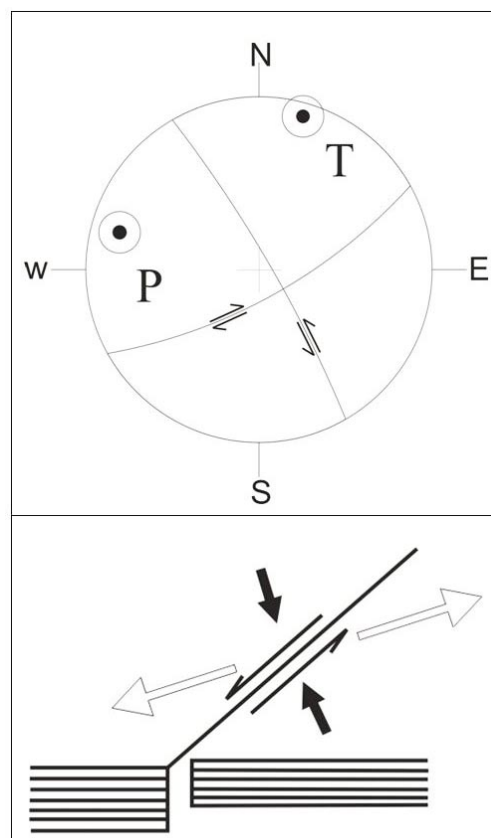

Рис. 7. Тип смещения по разлому и соответствующая стереограмма механизма очага землетрясения (сдвиг)

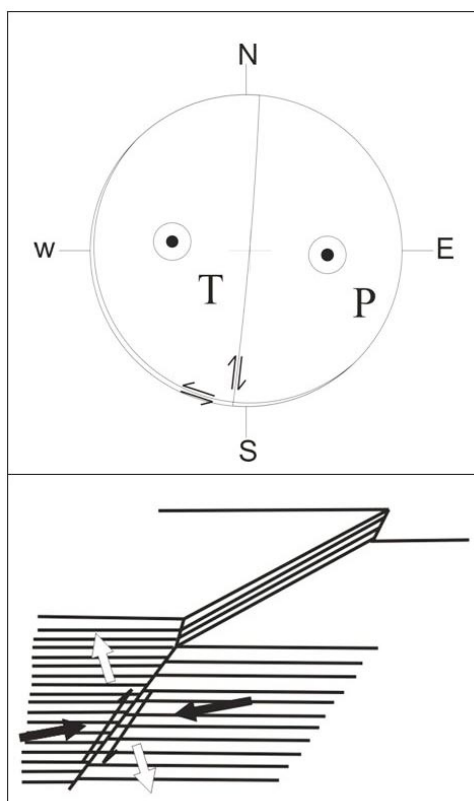

Рис. 8. Тип смещения по разлому и соответствующая стереограмма механизма очага землетрясения (пологий надвиг)

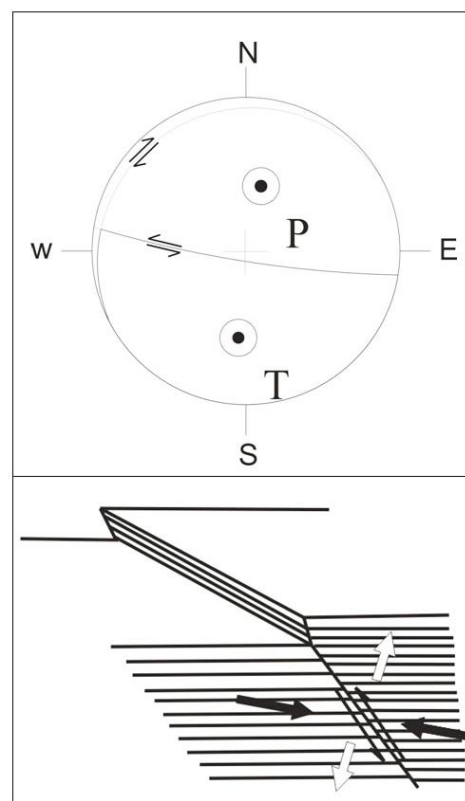

Рис. 9. Тип смещения по разлому и соответствующая стереограмма механизма очага землетрясения (пологий поддвиг)

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ

Для рассмотрения практического применения вышеназванной методики представим результат распределения механизмов очагов землетрясений в Курило-Охотском и Сахалинском регионах (рис. 10). При этом проанализируем в этих регионах механизмы очагов сильных землетрясений ($M \geq 5$), произошедших, например, в 2000 году и приведенных в Международном каталоге NEIC [13].

Анализ построенных механизмов очагов каждого землетрясения в 2000 году показал следующее. В западной части площади землетрясения № 10, 11 на юго-западном Сахалине севернее перешейка Поясок (48°) являлись **сбросами**, а землетрясение № 12 – **сдвигом** (рис. 10). В самой глубокой части разреза в верхней мантии на глубине 355 и 361 км в очагах землетрясений № 7 и № 8 произошли подвижки типа сброса. Их эпицентры соответствовали юго-западной части Курильской глубоководной котловины.

Вдоль Курильской островной дуги, под о-вом Итуруп, в районе о-ва Уруп, восточнее о-ва Онекотан и под Парамуширом были зафиксированы землетрясения № 18, 17, 5, 9 и 15. Гипоцентры их находились на глубинах в диапазоне от 61–90 до 91–300 км. Типы подвижки были: под о-вом Итуруп (№ 17, 18) – пологий поддвиг, под Урупом – взброс (№ 5), восточнее Онекотана – пологий надвиг и под Парамуширом – сдвиг (№ 15).

Под приокеаническим склоном желоба на глубинах до 60 км в очагах землетрясений № 1, 2, 3 восточнее о-ва Итуруп (точнее, пролива Фриза) были установлены подвижки типа взброса (рис. 10). В центральной части Курильской островной системы отмечены землетрясения № 6 и 13, которые соответствовали взбросам, а несколько северо-восточнее в очаге землетрясения № 16 наблюдался сдвиг на глубине 49 км. На аналогичной глубине ($H = 38$ км) в очаге № 14 был установлен сброс. В самой северо-восточной части рассматриваемой площади восточнее о-ва Парамушир в очаге землетрясения № 4 был установлен взброс на глубине 59 км.

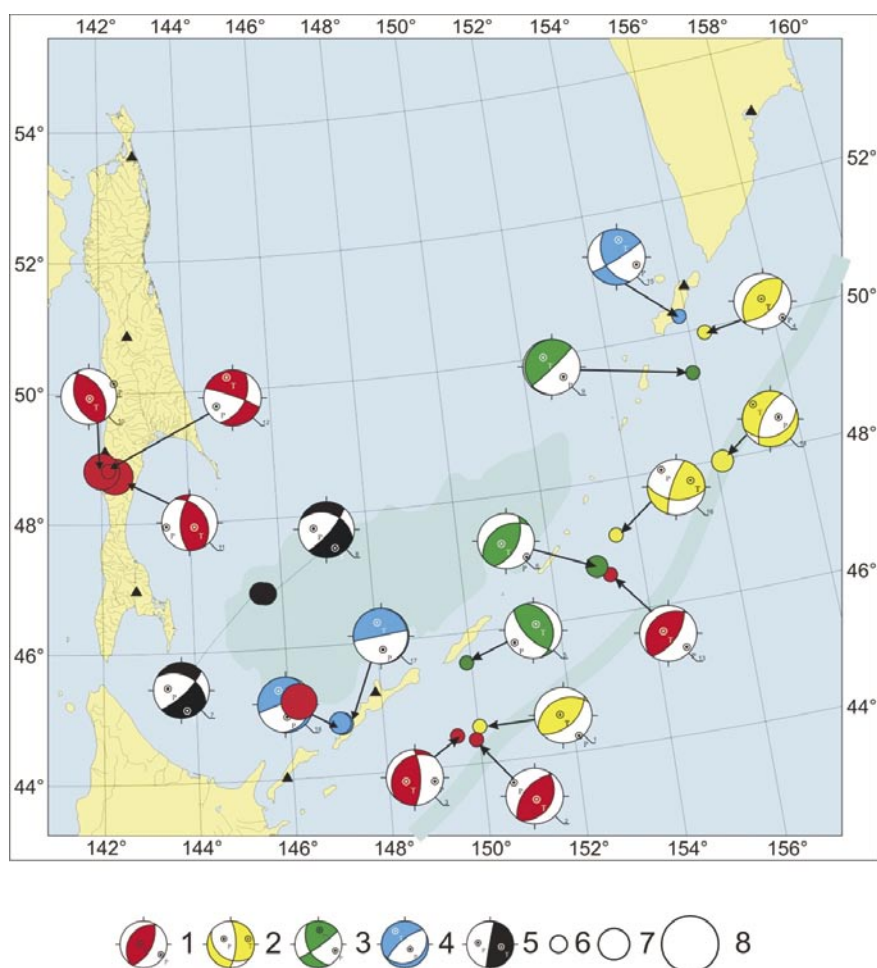

Рис. 10. Пространственное распределение сейсмодислокаций в очагах коровых землетрясений

1–5 – основные сейсмодислокации: взброс (1), сброс (2), сдвиг (3), поддвиг (4) и надвиг (5);
6–8 – магнитуда: $5,0 \leq M \leq 5,9$ (6), $6,0 \leq M \leq 6,9$ (7), $7,0 \leq M \leq 7,9$ (8); разной тональностью на тереограммах механизма очага землетрясения показаны глубины гипоцентра землетрясений (H):
 $H = 0-30$ км, $H = 31-60$ км, $H = 61-90$ км, $H = 91-150$ км, черным цветом – $H = 150-640$ км

Таким образом, детальное рассмотрение каждого относительно сильного ($M \geq 5$) землетрясения позволяет судить о типах подвижек, установленных в различных частях и глубинах земной коры и верхней мантии. Этот пример показывает, как мы можем во времени анализировать и рассматривать тот или иной блок земной коры и верхней мантии, их движение. Естественно, анализируя типы сейсмодислокаций, происходящих в механизме очага, можно понять реальные движения блоков в очаге землетрясения, развитие сейсмотектонического процесса в очаге землетрясения, что позволит в конечном счете понять природу землетрясения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с большим значением землетрясений для жизнедеятельности на Сахалине и Курилах проведены исследования их проявлений в недрах. Изучены тектонические подвижки и сейсмодислокации, вызванные ими. Для этого изложена методика исследований путем построения механизма очага землетрясений с использованием сетки Вульфа. Работа выполнена на основе изучения механизмов очагов землетрясений по Международному каталогу NEIC.

При этом рассмотрены основные типы геологических подвижек по разлому и показано определение типа сейсмодислокаций по величине угла наклона PL к горизонту, оси промежуточного N напряжения и нодальных плоскостей (DP_1 , DP_2).

Показано практическое применение названной методики в Сахалинском и Курило-Охотском регионах. Установлено, как проявились тектонические подвижки и дислокации в регионе на конкретном участке на Курильских островах, в Охотском море и на Сахалине.

Список литературы

1. Арманд, Н. Н. Наша планета / Н. Н. Арманд, В. Д. Утехина, П. Г. Фельдман. – М.: Мир, 1985. – 246 с.
2. Балакина, Л. М. Поле упругих напряжений Земли и механизм очагов землетрясений / Л. М. Балакина, А. В. Введенская, Н. В. Голубева, Л. А. Мишарина, Е., И. Широкова. – М.: Наука, 1972. – 192 с.
3. Друмя, А. В. Землетрясение: где, когда, почему? / А. В. Друмя, Н. В. Шебалин. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 196 с.
4. Землетрясения Северной Евразии в 1995 году. – М.: ГС РАН, 2001. – 386 с.
5. Злобин, Т. К. Природные катастрофы в литосфере Сахалино-Курильского региона и меры безопасности / Т. К. Злобин. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2000. – 131 с.
6. Злобин, Т. К. Динамика сейсмического процесса и строение очаговых зон сильных землетрясений Сахалина и Курил / Т. К. Злобин. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2005а. – 141 с.
7. Злобин, Т. К. Динамика сейсмического процесса и строение очаговых зон сильных землетрясений Сахалина и Курил / Т. К. Злобин. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2005. – 141 с.
8. Злобин, Т. К. Первые результаты сопоставления катастрофических Симуширских землетрясений 15 ноября 2006 г. ($M = 8,3$) и 13 января 2007 г. ($M = 8,1$) и глубинного строения земной коры Средних Курил / Т. К. Злобин, Б. В. Левин, А. Ю. Полец // Доклады АН. – Т. 420. – № 1. – 2008. – С. 111–115.
9. Злобин, Т. К. Вариации поля упругих напряжений и основные сейсмодислокации в очаговой зоне Шикотанского землетрясения 4(5) октября 1994 года / Т. К. Злобин, Л. Н. Поплавская, Б. В. Левин, Д. А. Сафонов, А. Ю. Полец, М. И. Рудик // Доклады АН. – Т. 419. – № 6. – 2008. – С. 820–823 (англ. VI. 419A. – № 3. – Р. 523–526).
10. Павлинов, В. Н. Структурная геология и геологическое картирование с основами геотектоники. – Часть 1: Структурная геология / В. Н. Павлинов. – М.: Недра, 1979. – 359 с.
11. Полец, А. Ю. Геолого-тектоническая интерпретация решений механизма очагов землетрясений с использованием сетки Вульфа: методическое пособие / А. Ю. Полец, Л. Н. Поплавская, М. И. Рудик. – Препринт. – Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВО РАН, 2008. – 28 с.
12. Тихонов, И. Н. Методология прогноза сильных землетрясений по потоку сейсмичности на примере северо-западной части Тихоокеанского пояса: автореф. дис. ... докт. физ.-мат. наук / И. Н. Тихонов. – Южно-Сахалинск, 2009. – 41 с.
13. Якушова, А. Я. Общая геология / А. Я. Якушова, В. Е. Хаин, В. И. Славин. – М.: МГУ, 1988. – 448 с.
14. <http://neic.usgs.gov>

ВЫЯВЛЕНИЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ ПО МОДИФИЦИРОВАННЫМ СПУТНИКОВЫМ ДАННЫМ

Зенкин Олег Васильевич – кандидат технических наук, заведующий кафедрой геомониторинга и геоинформационного картографирования. Автор более 40 работ, в том числе двух монографий.

Мелкий Вячеслав Анатольевич – доктор технических наук, декан факультета природных ресурсов и нефтегазового дела, заведующий кафедрой геологии и природопользования. Член экспертного совета Сахалинской области и двух диссертационных советов. Руководит работой аспирантов и докторантов. Автор более 120 работ, в том числе шести монографий.

Минервин Игорь Георгиевич – первый проректор СахГУ, кандидат физико-математических наук. В 1981 г. закончил физико-математический факультет ЮСПИ, в 1985 г. – защитил диссертацию в Ленинградском физико-техническом институте им. А. Ф. Иоффе АН СССР. Автор более 50 научных работ, изданных в России и за рубежом, в том числе трех монографий.

Геоэкологические исследования основаны на применении знаний о геосферных оболочках Земли. Объектом исследований геоэкологии является обнаружение механизмов влияния природных и техногенных факторов на изменение состояния геосферных оболочек.

Особенностью геоэкологического метода исследования следует считать экологическую составляющую, связанную с вовлечением в процесс исследования объектов живой природы на поверхности суши или в океане. В связи с активизацией освоения природных ресурсов и возрастанием антропогенных воздействий на природную среду оценка геоэкологической обстановки акваторий становится все более актуальной. Направленность геоэкологических исследований на Дальнем Востоке обуславливается в первую очередь наличием разведанных рентабельных месторождений нефти и газа на шельфе Сахалина и перспективой их дальнейшей разработки. Следует учитывать интересы важнейшей для экономики Дальнего Востока рыбной отрасли. В этом свете оценка состояния водных объектов в районах добычи и транспортировки углеводородного сырья и воздействия на жизнедеятельность организмов вблизи этих объектов должна быть в центре внимания геоэкологии.

Проводить оценку геоэкологических обстановок в океане контактными методами непродуктивно по причине трудоемкости и высокой затратности проведения экспедиций. Кроме того, судовыми измерениями невозможно выполнять оперативные оценки геоэкологических обстановок на большой территории. Перспективным методом являются дистанционные измерения с помощью сканирующих устройств, установленных на искусственных спутниках Земли. В океане оценки геоэкологических обстановок могут проводиться на основе анализа цветности поверхностных вод. Основной вкладчик в цветность поверхности воды – фитопланктон, в связи с чем пространствен-

но-временные распределения фитопланктона являются индикатором изменений окружающей среды и могут использоваться для оценки геоэкологических обстановок с применением данных дистанционного зондирования.

Данная работа носит методический характер и посвящена исследованию весьма актуальной проблемы разработки региональных алгоритмов дешифрирования космических изображений, получаемых с многоканальных цветных сканеров, и их применению для анализа характера геоэкологической обстановки, поскольку использование спутниковых данных в геоэкологических исследованиях пока еще весьма затруднено из-за отсутствия апробированных методик обработки и интерпретации спутниковых данных.

Целью данного исследования являлась разработка методики анализа антропогенных загрязнений в водах Охотского моря по спутниковым данным MODIS на основе информации о состоянии фитопланктона.

Для достижения цели решались следующие задачи:

(1) Разработка классификации для анализа характера геоэкологической обстановки по состоянию хлорофилла в поверхностном слое воды.

(2) Технологическая реализация посредством разработки региональных алгоритмов восстановления океанографических параметров.

(3) Выявление классов геоэкологических обстановок на морской поверхности в разных диапазонах спектра.

(4) Разработка информационной технологии приема и дешифрирования данных дистанционного зондирования.

Для района Охотского моря в настоящее время доступны ежедневные 36-канальные спутниковые данные американского сканера MODIS. Приемная антенна установлена в г. Южно-Сахалинске. В районе полудня принимаются два спутниковых сним-

ка с разницей во времени $\sim 1,5$ часа [1]. Характеристики отраженного потока волн по данным MODIS включают данные каналов в видимой части спектра в диапазонах с длинами волн 405–420, 438–448, 483–493, 526–536, 546–556, 662–672, 673–683 и 743–753 nm. Снимки имеют в зависимости от каналов различное пространственное разрешение – 0,25 км, 0,5 км и 1 км. Нормализованные яркости восходящего излучения $L_{WN}(\lambda_i)$ по каждому спутниковому каналу, несущие сведения о концентрации хлорофилла-а и пигментов фитопланктона (данные 2-го и 3-го уровней), рассчитываются посредством ал-

горитмов атмосферной коррекции и глобальных биооптических алгоритмов, которые могут иметь значительные погрешности, в том числе вследствие региональной специфики. Для верификации спутниковых данных проводились специальные подспутниковые эксперименты, в которых осуществляется прямое сопоставление судовых и спутниковых данных.

Фитопланктоном в процессе фотосинтеза (рис. 1) вода и углекислый газ под действием света преобразуются в органические соединения. Зеленое растение при попадании на него солнечного света отражает

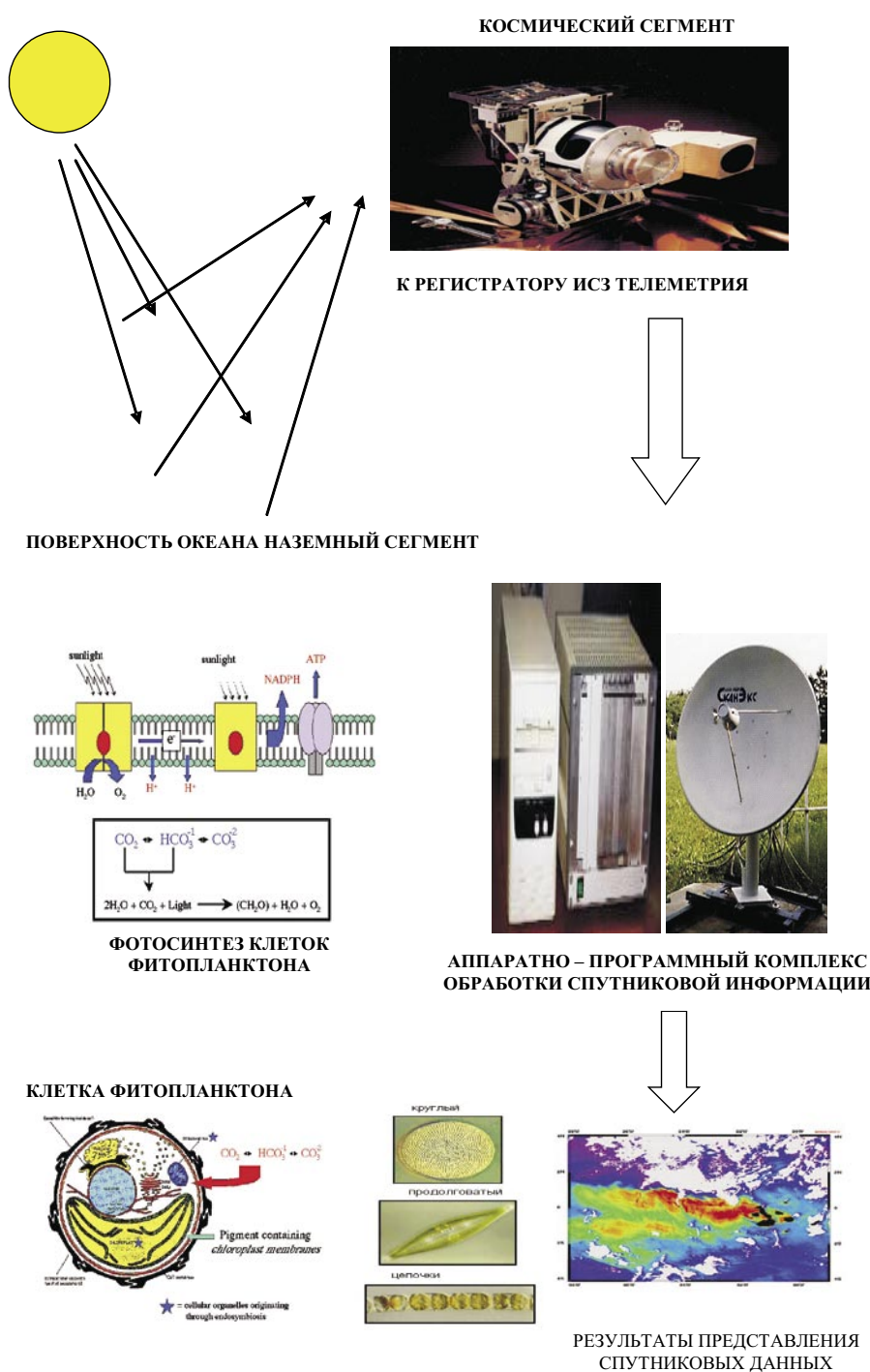

Рис. 1. Схема регистрации процессов фотосинтеза со спутников

прежде всего зеленые лучи и поглощает красные и синие. Вода, содержащая фитопланктон, обладает достаточно сложным набором спектральных характеристик, поскольку живые ядра в мельчайших растительных организмах содержат хлорофилл, используемый для фотосинтеза. Большая часть солнечной энергии поглощается хлорофиллами и каротиноидами. Наиболее важные из них – это сине-зеленый хлорофилл-*а* и светло-зеленый хлорофилл-*б*, благодаря которым фитопланктон имеет зеленую окраску.

Хлорофилл поглощает солнечный свет строго в определенной части спектра. Кроме поглощения света необходимо также учитывать характеристики рассеяния, поскольку фитопланктон имеет структуру, которая оптически эквивалентна крупным частицам. Также необходимо учитывать, что фитопланктон окружен растворенным органическим веществом, который содержит феофитин, обладающий отличающимися характеристиками спектра поглощения света.

Внутри планктонных полей могут находиться остатки погибших микроорганизмов, которые также обладают свойством поглощения света, несмотря на то что хлорофилл в них уже отсутствует. Следовательно, вода, содержащая фитопланктон, имеет различные характеристики поглощения и рассеяния света, в зависимости от особенностей и возраста популяции.

Хотя планктон является микроскопическим объектом, он присутствует в таких больших количествах, что может изменить цвет моря до такой степени, что различия определяются даже из космоса. Цветность океана определяется соотношением величин и спектральным составом основных световых потоков.

Первый из них – это поток отраженного поверхностью моря светового пучка электромагнитных

волн, падающего от солнца, второй – поток диффузного света, обусловленного рассеянием вверх, изменяющийся под влиянием избирательного поглощения и рассеяния при его прохождении к поверхности моря. Световой поток цветности моря регистрируется датчиками сканеров космических сегментов систем дистанционного зондирования в нескольких спектральных диапазонах. Данные о яркости светового потока поступают в наземный сегмент на приемную антенну.

Обычно цветение фитопланктона происходит при массовом развитии какого-нибудь одного вида планктона. Жгутиковые – перидинии и ноктилюки, развиваясь иногда в огромных количествах, вызывают цветение воды в виде розовых, бурокрасных, желтых или зеленоватых пятен и полос. Также фитопланктон развивается, стимулируемый избыточным поступлением нитратов, фосфатов и др. веществ из сточных вод, с полей смываемых минеральных удобрений в больших количествах или в результате техногенных воздействий. Это, в частности, вызывает развитие сине-зеленых, красных водорослей, негативно воздействующих на окружающую среду. Рост фитопланктона зависит от поступающих в воду антропогенных веществ, в связи с этим он является хорошим индикатором влияния антропогенных воздействий на изменения окружающей среды. Концентрация хлорофилла-*а* является прямой оценкой концентрации растворенных в воде органических веществ антропогенного характера.

Пища для планктона – минеральные элементы (азот, фосфор, сера, магний, калий и др.) – в больших количествах находится на глубине в холодных водах океана. В пришельфовой зоне происходит подъем этой воды к поверхности, поля фитопланктона удобряются, и начинается их разрастание (рис. 2). На развитие морских водорослей суще-

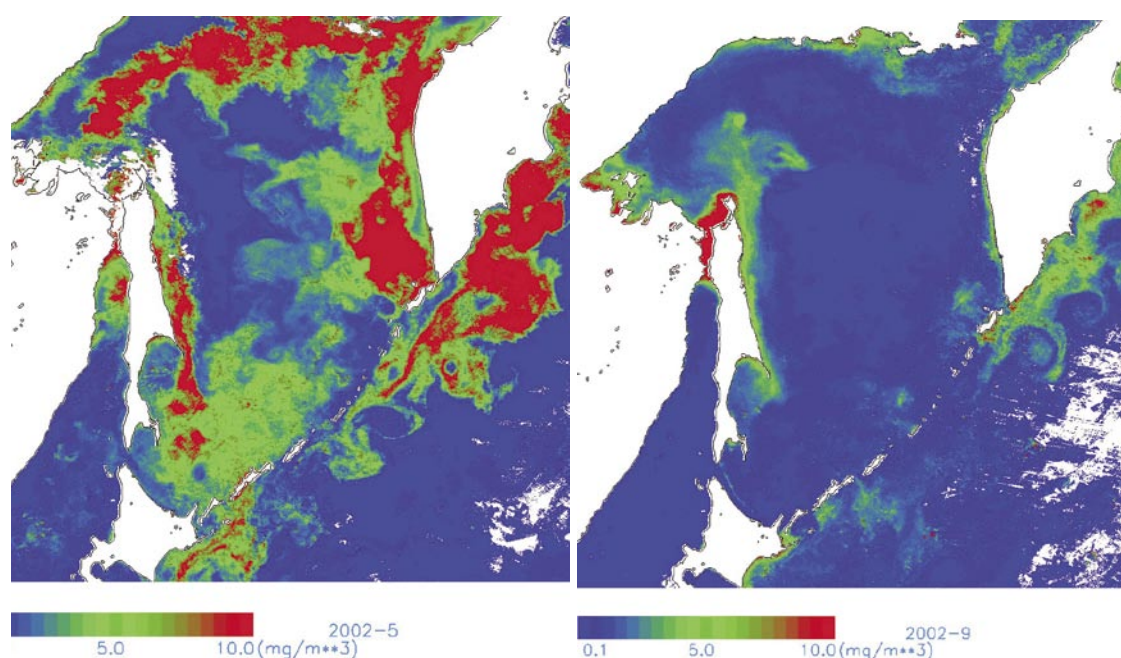

Рис. 2. Фотосинтетическая активность планктона в Охотском море

ственно влияют природные климатические факторы, к важнейшим из которых, помимо освещенности и наличия в воде растворенных питательных веществ, относится температура морской воды. У каждого вида фитопланктона, как, впрочем, и у наземных растений, есть интервал значений температуры, при котором начинает происходить их интенсивное размножение. В связи с этим крупномасштабные температурные аномалии в океане вызывают значительные изменения в активности морской биоты и выработке первичной продукции в океане и на земной поверхности.

Существенный рост планктона вызывают и процессы в морской среде, приводящие к возникновению региональных аномалий:

- таяние льда, сопровождающееся выносом питательных веществ в воду и ростом освещенности; вынос питательных веществ речным стоком;
- вертикальное перемешивание холодных и теплых вод в результате апвеллинга, создающее температурные условия для размножения практически в течение всего вегетативного периода;
- горизонтальное перемешивание холодных и теплых вод в вихрях течений;
- сезонные повышения и понижения температуры морской воды, приводящие к росту концентрации при приближении температуры воды к оптимальным для развития фитопланктона значениям.

Для идентификации природных процессов в Охотском море и прилегающих акваториях по спутниковой информации определены сезонные изменения концентрации хлорофилла-а, выделены типы вод по спектральным спутниковым данным в видимом диапазоне спектра (рис. 3).

Количественные оценки концентрации хлорофилла-а по спутниковым данным производятся по биооптическим алгоритмам. Они основаны на применении отношений (индексов) канальных значений яркости восходящего от воды излучения в видимой области спектра. С помощью тех или иных индексов, по существу, делается оценка формы кривой спектра в различных точках. Как правило, используется один индекс. Этого было бы достаточно, если бы форма спектральной кривой была простой. Однако у спектральных кривых, в зависимости от концентрации хлорофилла-а и биооптического класса вод, может наблюдаться несколько локальных пиков (рис. 4), что требует применения большего количества индексов.

В связи с этим стандартные алгоритмы расчета концентрации фитопланктона для Охотского моря имели значительные погрешности, обусловленные тем, что их калибровка проводилась по контактным измерениям в других районах Мирового океана. Поэтому другая задача, решенная в работе, связана с повышением точности биооптических алгоритмов расчета концентрации хлорофилла-а по спутниковым данным. Чтобы получить надежные алгоритмы, необходимо иметь достаточно большое число одновременных спутниковых и контактных измерений. В 2001–2002 годах такие измерения проведены для акватории Охотского моря проточ-

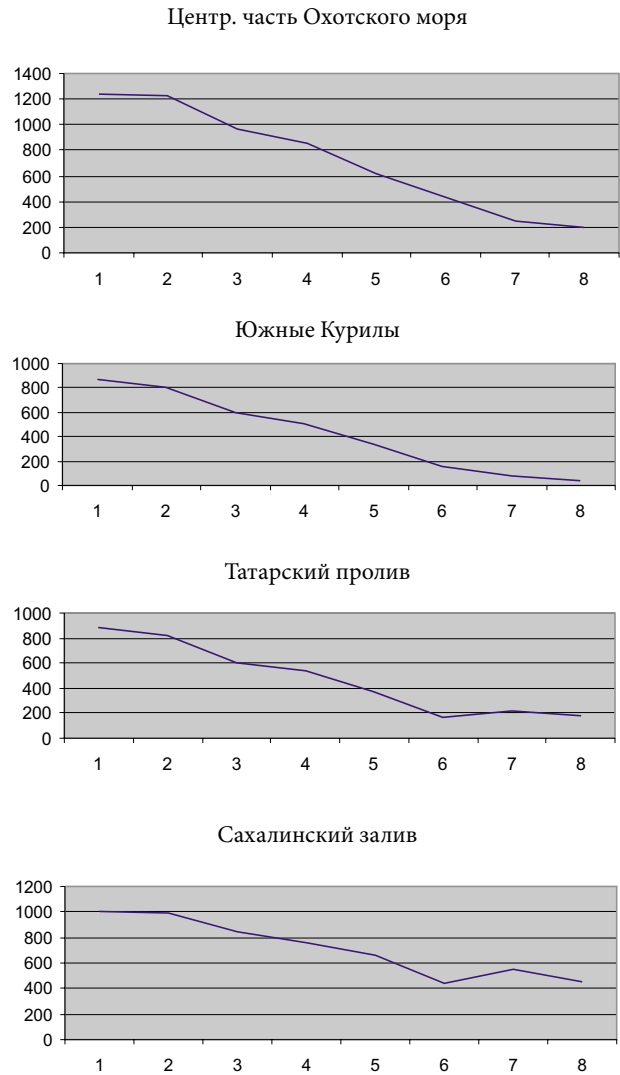

Рис. 3. Спектральные характеристики биооптических районов Охотского, Японского морей и северо-восточной части Тихого океана

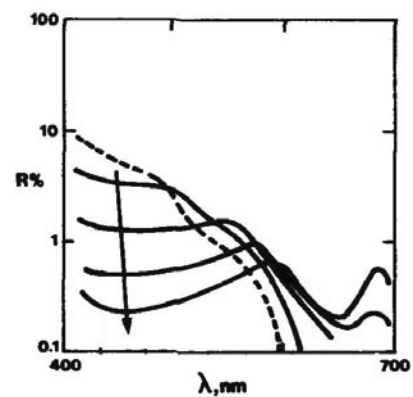

Рис. 4. Типичный спектр отражения для вод морей типа 1.

Вектором показано направление изменений кривых при росте концентрации хлорофилла и связанных взвешенных частиц. Пунктирная линия показывает спектр чистой воды

ным флуорометром с борта НИС «Надежда». Достаточно большая статистическая выборка (около 10 тысяч измерений) позволила объединить измерения в классы, выполнить сравнительный анализ спутниковых и судовых данных и разработать для Охотского моря региональный алгоритм расчета концентрации хлорофилла-а.

Фитопланктон вовлечен во многие геоэкологические процессы глобального и регионального характера. В частности, процесс связывания и переноса фитопланктоном углерода играет важную роль в регулировании глобальных изменений климата Земли, вызываемых колебаниями концентрации CO_2 .

С жизнедеятельностью фитопланктона связаны также процессы аккумуляции антропогенных загрязнений, биотрансформации химического состава воды, формирования донных осадков в шельфовой зоне, особенно в местах отложения твердого речного стока.

Среди процессов, не связанных напрямую с жизнедеятельностью фитопланктона и не вызывающих его цветения, но представляющих несомненный интерес при геоэкологических исследованиях, можно выделить процессы переноса растворенных и взвешенных химических элементов и соединений органического и неорганического происхождения морскими течениями, устьевые процессы смешения речного стока и морской воды, перенос загрязняющих веществ природного и антропогенного происхождения атмосферой и морскими течениями. В этом случае изменение цветности вод может использоваться в качестве индикатора антропогенных воздействий на окружающую среду.

Цветность океана определяется соотношением величин и спектральным составом поглощенных и отраженных световых потоков. В диффузном потоке, выходящем из моря, преобладает коротковолновая часть спектра, так как световой поток, рассеянный вверх, содержит преимущественно короткие лучи, рассеиваемые наиболее интенсивно. Таким образом, большая часть света, который рассеивается, будет лежать в синей области светового спектра. При прохождении вышележащих слоев воды у диффузного света срезается длинноволновая часть вследствие избирательного поглощения. Красная часть света быстро поглощается непосредственно вблизи поверхности океана. Таким образом, спектральное распределение энергии, выходящей из моря, зависит как от рассеяния, так и от поглощения.

При этом наибольшая энергия наблюдается при той длине волны, при которой отношение коэффициентов рассеяния и поглощения достигает максимума. Для чистой океанской воды этот максимум лежит около 0,47 мк, т. е. в синей части спектра. Цветность вод отдельных районов океана различна. Традиционно биооптические характеристики морей считают зависящими от нескольких базовых признаков, к важнейшим из которых относят взвеси органического и неорганического происхождения, фитопланктон и его продукты жизнедеятельности.

В работе применена методика, которая позволяет проводить оценку качественных и количественных параметров состояния геоэкологической обстановки по цветности вод с применением математических методов классификации спутниковой информации [5]. Использование спутниковой информации накладывает определенные ограничения на применяемые методы классификации, что вызвано мультиспектральностью спутниковых данных: данные со спутников принимаются в нескольких спектральных диапазонах. В связи с этим требуется применять сложные многопараметрические методы классификации. В настоящее время в качестве формальных схем такой классификации при дешифрировании спутниковых данных применяются методы искусственного интеллекта, в частности, модели самообучающихся нейронных сетей и методы размытых множеств [6, 7, 8].

В данной работе использован подход, основанный на размытой многопараметрической классификации, который применяется для исследования информационной структуры объектов с различной геоэкологической обстановкой. В многомерном массиве спутниковой информации к характеристике состояния объекта относится лишь определенная часть информации, которая его и идентифицирует. Идентификация объекта или явления представляет собой задачу распознавания образов, эффективность решения которой связана с качеством выбора рабочего словаря признаков. В основу развиваемого подхода к выбору рабочего словаря положено предположение о том, что объекты разных классов характеризуются собственным функциональным преобразованием, отражающим существенные характеристики объекта идентификации.

В алгоритмах спутникового дешифрирования применяются различные функциональные преобразования мультиспектральных данных, но их выбор не аргументирован формально. В работе [9] предложена методика формализации выбора информационной структуры алгоритмов (набор функциональных преобразований заданного вида), которая оптимизирует выбор рабочего словаря признаков. В качестве исходной информации для классификации применяются косвенные данные в виде нечетких отношений сходства объектов, которые преобразуются в данные о порядке объектов (рис. 5). На основе этих данных выбирается оптимальный набор приоритетных признаков рабочего словаря.

На основе найденного расчетным путем набора модифицированных признаков спектральных кривых видимого диапазона спектра была проведена типизация вод Охотского моря и прилегающих акваторий по данным дистанционного зондирования (рис. 6). Эта технология предназначена для идентификации антропогенных воздействий по спутниковой информации, в том числе путем визуального представления информационных продуктов в виде цветных изображений, поскольку регистрируемые ИСЗ мультиспектральные признаки преобразуются в 3-признаковое изображение для RGB визуализации.

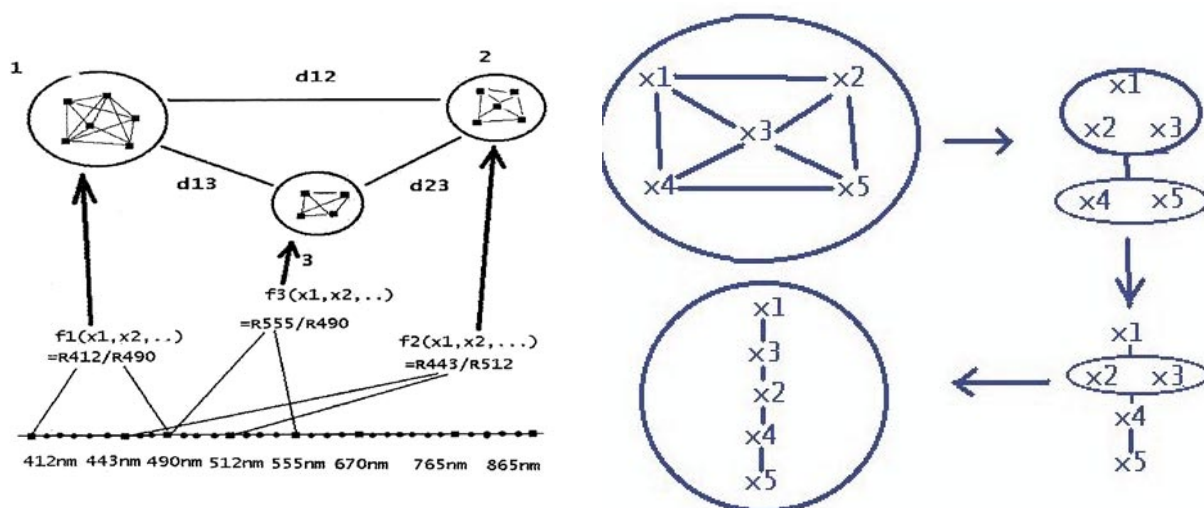

Рис. 5. Многопараметрическая классификация (слева) и ранжирование (справа) объектов космических изображений с применением размытых множеств сходства объектов. Классу s ставится в соответствие функциональное преобразование заданного вида $f_s(x_1, x_2, \dots)$. Попарная близость классов s и q оценивается значениями $V_{qs} = (\sum D_{iq} + \sum D_{is}) / \sum D_{iqs}$, которые имеют смысл нечетких отношений сходства. Разбиение множества на упорядоченные классы с использованием нечеткого отношения сходства $R(x, y) = R(y, x); X \oplus Y \rightarrow [0, 1]$ по α -уровням нечеткого отношения: $R_\alpha = \{(x, y) \in X \oplus Y | R(x, y) \geq \alpha\}$

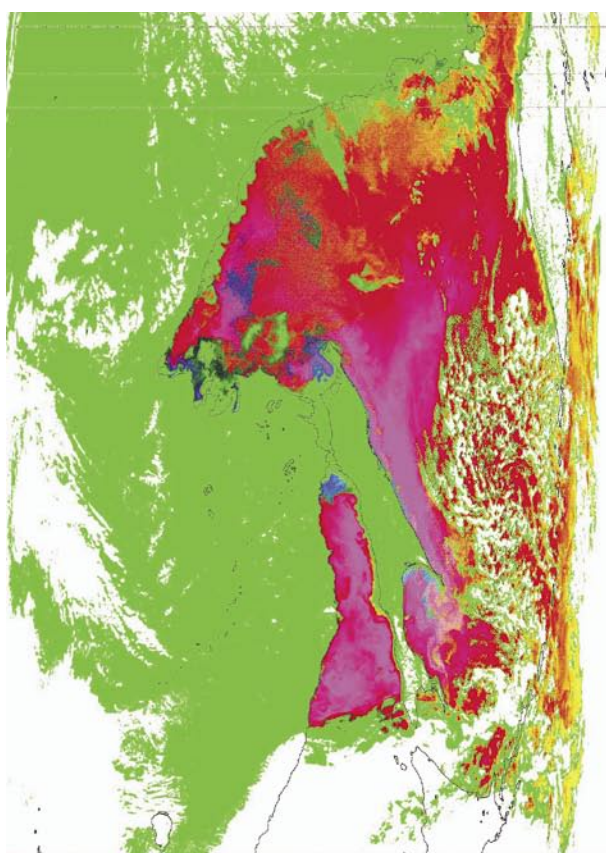

Рис. 6. Цветная визуализация классифицированных вод Охотского моря и прилегающих акваторий по данным дистанционного зондирования

Для анализа использовались 36-канальные данные американского сканера MODIS. Приемная антенна установлена в Южно-Сахалинске. Сканер MODIS [10] предназначен для широкомасштабных исследований поверхности океана, суши и атмосферы. Впервые с применением данных дистанционного зондирования цветности океана появилась возможность распространить проведение геоэкологических исследований на живые объекты водной оболочки, из которых важнейшее значение имеет фитопланктон. В отличие от более ранних космических сканирующих устройств в сканере MODIS значительно увеличено число каналов видимого диапазона спектра (табл. 1), что позволяет с большей точностью выполнять оценки состояния фитопланктона и цветности вод. Разработанные в процессе работы программно-алгоритмические средства позволяют преобразовывать многоканальные спутниковые данные в соответствии с применяемыми алгоритмами классификации, производить выборку данных из спутникового архива по дате и географическим координатам, строить временные ряды данных.

Таблица 1

Характеристики съемочной аппаратуры сканера MODIS

Канал	Спектральный диапазон
1	620 – 670
2	841 – 876
3	459 – 479

Канал	Спектральный диапазон
4	545 – 565
5	1230 – 1250
6	1628 – 1652
7	2105 – 2155
8	405 – 420
9	438 – 448
10	483 – 493
11	526 – 536
12	546 – 556
13	662 – 672
14	673 – 683
15	743 – 753
16	862 – 877

В результате проведенного исследования:

- разработана методика классификации для анализа характера геоэкологической обстановки по состоянию хлорофилла в поверхностном слое воды;
- найдены количественные методы для оценки хлорофилла-а для Охотского моря;
- определен способ формализации информации для выявления геоэкологических обстановок по модифицированным спутниковым данным, характеризующим цветность вод;
- разработаны технологические схемы приема данных дистанционного зондирования сканера MODIS и дешифрирования изображений, ориентированные на анализ геоэкологических обстановок.

Литература

1. MODIS: руководство оператора. – М.: ИТЦ СКАНЭКС, 2000.
2. Bukin O. A., Permyakov M. S., Puzankov K. L., Zenkin O. V., Tsareva O. S., Khovanets V. A. Comparison analysis of the ship's and satellite chlorophyll-A data in the coastal water of the Sea of Okhotsk. 3 SPIE Remote Sensing Symposium. – 2002. – Vol. 4892. – P. 32.
3. Букин, О. А. Сравнительный анализ результатов измерения концентраций хлорофилла-а, полученных с использованием данных сканера цвета морской поверхности SeaWiFS и методом лазерной индуцированной флуоресценции в Охотском море / О. А. Букин, М. С. Пермяков, О. В. Зенкин, В. А. Хованец, К. Л. Пузанков, Д. В. Буров, П. А. Салюк // Исследование Земли из космоса. – 2003. – № 4. – С. 84–90.
4. Зенкин, О. В. Оптимальное выделение структур информации на примере классификации вод Охотского моря по данным цветного спутникового сканера SeaWiFS / О. В. Зенкин // Известия ТИНРО. – 2003. – Т. 133. – С. 288–296.
5. Зенкин, О. В. Методика прогнозирования среднемесячной ТПО по спутниковым данным на примере течения Курошио / О. В. Зенкин // Визуализация в исследованиях биоресурсов Мирового океана. – Южно-Сахалинск, 2002. – <http://www.tinro.ru/sbs/showdoc/27/1>
6. Zenkin O. V. Problems of formation of models of image recognition. The international conference in computer logic. – Tallinn, 1988. – P. 261–269.
7. Zenkin O. V. A methodology for building a database for large-scale simulation models. Preprints of 4th IFAC/IFORS Symposium. – Zurich, Switzerland, 1986. – P. 543–548.
8. Поспелов, Д. А. Нечеткие множества в моделях управления и искусственного интеллекта / Д. А. Поспелов. – М.: Наука. – 312 с.
9. Зенкин, О. В. Имитационное исследование многоуровневых систем: тезисы докладов III Всесоюзной конференции «Проблемы и методы принятия решений в организационных системах управления» / О. В. Зенкин. – М., 1988. – С. 75–76.
10. Оценки природных ресурсов и окружающей среды, решаемых с использованием материалов дистанционного зондирования Земли. Классификатор тематических задач. Иркутск. – М., 2002. – 52 с.

ВЛИЯНИЕ СТОКОВ ГОРОДСКИХ КОММУНИКАЦИЙ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА КАЧЕСТВО ВОДЫ В РЕКАХ ЮГА САХАЛИНА

(на примере загрязнения вод реки Сусуи органическими веществами
в 2007–2008 гг.)

Чайко Артемий Александрович – выпускник 2008 г. аспирантуры СахГУ по специальности 25.00.36 «Геоэкология». Автор 14 публикаций.

Проблема загрязнения пресных поверхностных вод становится с каждым днем все актуальнее. Растет народонаселение, промышленное производство и сельское хозяйство, для растущего человечества требуется все больше пресной воды, но вместе с тем под влиянием растущего потребления ее становится все меньше. Почти половина стран на Земле испытывает затруднения, вызванные нехваткой пресной воды. На Сахалине реки загрязняются так же, как и во всем мире. Основными источниками загрязнения рек в условиях юга о. Сахалин являются стоки городской канализации и поверхностный сток с сельхозугодий.

Целью работы было выяснение уровня содержания некоторых органических загрязнителей в водах р. Сусуи для разработки рекомендаций по снижению антропогенного воздействия на данную реку.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РАЙОНА ИССЛЕДОВАНИЯ

Сахалин, занимающий около 90 % площади Сахалинской области, является одним из самых крупных островов России и относится к Дальневосточному региону. Его общая площадь 76,5 тыс. км². От материка Сахалин отделен проливом Татарским, сужающимся к северу, проливом Невельского (шириной 7,5 км), Амурским лиманом и Сахалинским заливом. С запада и юго-запада остров омывается водами теплого Японского моря (теплое течение Ойясио), с востока – холодными водами Охотского моря (Восточно-Сахалинское холодное течение). Остров вытянут в меридиональном направлении. Протяженность его составляет 948 км [1].

Климат Сахалина имеет муссонный характер. Более половины годовой суммы осадков выпадает в теплые месяцы (май – сентябрь), причем максимум их смещен на конец лета (август и начало сентября). Муссонный режим циркуляции иногда нарушается вторжением более теплых морских воздушных масс [2].

Климат Сахалина определяется еще и рельефом. На острове имеются две меридионально простирающиеся крупные горные системы: Западно-Сахалинский и Восточно-Сахалинский хребты.

Они летом несколько предохраняют внутренние части Тымь-Поронайской и Сусунайской долин, а особенно западное побережье от непосредственного воздействия холодного морского воздуха, поступающего в юго-восточном потоке с Охотского моря [3]. Для климата Сахалина характерна большая амплитуда колебаний и резкой смены ночных и дневных температур (от –2 °С ночью до 24 °С днем), а переход температуры от одного дня к другому нередко составляет 12 °С. Температурный градиент «почва – воздух» имеет положительный знак ночью и всегда отрицательный – днем (3–8 °С) [4]. Важной особенностью островного климата является сильная влажность, которая особенно отмечается в период осеннего максимума атмосферных осадков, выпадающих обычно в виде затяжных дождей. Переувлажнение характерно и для летних месяцев [5]. Влага играет большую роль во всех природных процессах Сахалина. Она является неотъемлемым элементом в биохимическом разложении горных пород, регулятором температурного режима почв, кислотности, скорости почвообразовательных процессов, веществом, имеющим огромное значение для существования организмов. Все это на Сахалине приобретает важность, потому что остров представляет собой довольно увлажненную территорию [6].

На Сахалине насчитывается свыше 5 тыс. рек, ручьев и ручьев общей протяженностью около 105 тыс. км. Подавляющее большинство водотоков имеет длину менее 10 км, но есть и большие, чья длина достигает свыше 350 км. Наиболее крупные реки: Поронай (350 км), Тымь (330 км), Лютога, Лангры (130 км), Найба (119 км), Углегорка (102 км), Сусуя (83 км). Сахалинские реки принадлежат к бассейнам Охотского и Японского морей, Татарского пролива и Амурского лимана [5].

ПРОБЛЕМА ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПРЕСНЫХ ВОД СУШИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Известно, что вода – среда, наиболее подверженная загрязнению. Это транспортирующая среда, поступающие в нее загрязняющие вещества быстро разносятся на большие расстояния, мигрируют, осаждаются, вступают в различные химиче-

ские реакции и т. д. Фактически весь поверхностный материковый сток участвует в процессе однонаправленного транспорта загрязнителей с суши в Мировой океан. Дожди смывают вещества с почвы на пониженные участки и водосборы, затем вещества с током воды в почвах переносятся в ручьи, в реки. Реки впадают в океан и выносят в него переносимые с током воды вещества. Процесс переноса водой веществ с суши в моря и океаны, а также в озера столь уникален и сложен, что загрязняющие вещества, сброшенные на суше, могут обнаруживаться за десятки километров в водных объектах, расположенных далеко за пределами территорий, подвергаемых загрязнению [7]. Гидросфера как глобальная среда, глобальная планетарная сфера имеет внутреннее деление на меньшие объекты, к которым относятся гидрографические сети, русловые сети и т. д. В конечном счете все загрязнители, поступающие в реки, попадают в Мировой океан, но наиболее подвержены загрязнению именно речные системы, то есть пресные воды.

Из весьма большого общего объема вод гидросферы (1338 млн. куб. км) пресных вод всего лишь 2,64 % [8]. Под влиянием антропогенной деятельности запасы пресной воды на земле сокращаются. Основными видами хозяйственной деятельности, оказывающими влияние на речной сток, являются земледелие, животноводство и промышленное производство, сферы хозяйственной деятельности, в том числе и загрязняющие водные объекты различными веществами [9].

Уже сейчас проблемы с обеспеченностью пресной водой населения испытывают более 90 развивающихся стран. Загрязнение рек является сложной проблемой. Наибольшее число стоков, загрязняющих поверхностные воды, образуется в энергетике, сельском и коммунальном хозяйствах. Большую роль в загрязнении вод играют вещества, выпадающие из атмосферы с осадками. В воды суши и океана поступают сера и азот в виде соединений. Для поверхностных вод суши характерно наличие большого количества органических веществ, поступающих с территории водосборного бассейна. Фосфор в виде соединений попадает в водоемы с бытовыми сточными водами, причем 20–30 % этого количества – из синтетических моющих средств.

Постоянно увеличивается доля загрязнений, вносимых в водоемы за счет смывов атмосферными осадками удобрений и пестицидов с полей. Основная трудность в предотвращении загрязнения сточных вод объектами сельского хозяйства заключается в том, что поступление биогенных веществ с пашен рассредоточено в пространстве, и в невозможности выделить «источники» и «потоки» загрязнений [10].

При поступлении в водоемы неочищенных сточных вод изменяются физические и химические свойства воды, растительный и животный мир водоемов. При очень сильном загрязнении меняется даже внешний вид водоема. В водоемах нарушается равновесие между продуцированием

и разрушением (деструкцией) органического вещества. Уровень содержания азота, фосфора и органических веществ в сточных водах так велик, что он может оказывать не только эвтрофирующее влияние на водные организмы, но и прямое токсическое воздействие на них. По берегам рек, в которые поступают навозные стоки, появляются заросли растений-нейрофитов, в основном сорняков, а деревья и кустарники при этом погибают [11].

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СТОКОВ НА КАЧЕСТВО РЕЧНОЙ ВОДЫ

Антропогенное вмешательство в гидросферу на территории городов в первую очередь выражается в приспособлении природной дренажной сети и искусственных каналов стока к сбрасыванию сточных вод. Большие города часто используют воду, забираемую из смежных речных бассейнов по каналам или трубопроводам. Распространено водоснабжение из подземных водоносных пластов [12]. Городские стоки оказывают большое влияние на реки урбанизированных районов, даже если водоток достаточно удален от городской территории. Загрязняющие вещества способны достигать его с поверхностным стоком, мигрируя на большие расстояния. И здесь опасность представляет не только промышленный комплекс. Основными загрязнителями города как большого скопления людей, конечно же, являются канализационные стоки, приносящие в водоток органику. Поверхностный сток с территории города на Великих озерах в США, к примеру, составляет 40 % от суммарного поступления органических загрязнителей в данные водоемы [13]. Большую роль здесь играет ливневая канализация [14].

Огромное влияние на реки имеют сельскохозяйственные стоки. Удобрение и переудобрение почв – это настолько сильный механизм, что под его влиянием уже происходят необратимые глобальные процессы. Список веществ, поступающих с сельскохозяйственных территорий, огромен. Однако основными загрязняющими веществами, смываемыми с сельскохозяйственных угодий, являются соединения фосфора и азота, составляющие основную массу почвенных органических удобрений. Известно, что загрязнение поверхностных вод элементами-биогенами наиболее интенсивно происходит в районах с хорошо развитым сельским хозяйством, которое является доминирующим источником поступления таких веществ, как азот и фосфор, в окружающую природную среду. Хозяйственная деятельность, которая ведется на территориях как непосредственно прилегающих к рекам и водоемам, так и просто находящихся в пределах их водосборов, часто оказывает негативное влияние на состояние водных экосистем [10].

В открытые водоемы, такие, как реки, неминуемо попадает дренажный сток с сельскохозяйственных угодий, орошаемых навозными удобрениями. Наибольшую опасность поступления

биогенных элементов в водотоки представляют угрозы, расположенные в пределах 500 м от уреза воды и в водоохранной зоне, где отмечается интенсивный поверхностный сток в процессе снеготаяния и ряд площадей подвергается затоплению паводковыми водами [11].

Геоэкологические проблемы сельского хозяйства относятся к категории универсальных проблем, то есть встречающихся в мире повсеместно. Они – продукт нескоординированных действий миллионов крестьян. Сельское хозяйство оказывает существенное влияние на водный режим и водный баланс как небольших территорий, так и крупных, масштаба целых континентов или всего мира. Как правило, увеличивается поверхностный сток – соответственно снижается подземный сток и запасы влаги в почве [8].

ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РЕК

Степень экологического неблагополучия вод часто оценивается по систематическому поступлению в водоемы и водотоки загрязняющих веществ разной степени опасности, накоплению их в донных отложениях, живых организмах, пищевых цепях, по наличию в воде мутагенов, канцерогенов, возбудителей инфекций, несоответствию качества воды санитарно-гигиеническим требованиям. Для оценки экологического состояния вод используют уровни загрязнения особо опасными токсическими веществами – нефтью и нефтепродуктами, фенолами, СПАВом, тяжелыми металлами и др. [9].

В оценке экологического состояния водного объекта можно выделить следующие основные компоненты. Во-первых, это эвтрофирование – обогащение рек и озер биогенными элементами, сопровождающееся повышением продуктивности вод. Эвтрофикация может быть результатом естественного старения водоема, внесения удобрений или загрязнения сточными (в том числе с полей) водами. Антропогенное эвтрофирование является ускоряемым хозяйственной деятельностью человека процессом на берегах и водосборе. Главным «ускорителем» служит сток, приносящий в водотоки соединения фосфора и азота. Скорость антропогенного эвтрофирования намного выше, чем естественного. Измеряется она не тысячелетиями, а десятками лет или годами, вследствие чего оно представляет особую опасность для рек. Во-вторых, это качество воды – ее питьевые и рекреационные свойства. Качество воды оценивается методами химического анализа и с помощью ряда гидробиологических характеристик. В-третьих, это рыбохозяйственная оценка [15].

Главным же критерием при оценке экологического состояния водного объекта является качественный состав вод, фоновое содержание в воде тех или иных веществ [9], например, наиболее распространенных антропогенных загрязнителей сельскохозяйственного комплекса – аммонийного азота, фосфатов, сероводорода и т. п. [11].

Также для оценки экологического состояния того или иного водного объекта необходимо знать его статус (рыбохозяйственное значение, источник питьевого водоснабжения, рекреационно значимый объект и т. д.) и стандарт качества, официально предъявляемый к его водам. Ведь очевидно, что нельзя применять одни и те же стандарты качества к водным объектам разного статуса.

Касательно предельно допустимых концентраций и их расчета в государственных организациях мониторинга и постоянного контроля качества природных поверхностных вод используется утвержденный государством перечень ПДК и ОБУВ различных веществ для водоемов, имеющих рыбохозяйственное значение [16].

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НА РЕКАХ

При организации гидрологических исследований следует руководствоваться следующими разделами общих правил охраны вод от загрязнения. Пункт 6.1.1. На водоемах пункт контроля качества воды (далее – пункт контроля) должен быть установлен у берега со стороны очага возможного загрязнения. Пункт 6.1.2. На водотоках должно быть не менее двух пунктов контроля – выше и ниже границы очага возможного загрязнения. Если водоток берет начало за пределами месторождения и пересекает его, то пункты контроля располагают до границы очага возможного загрязнения и за его пределами. Если исток водотока находится в пределах площади месторождения, то пункты контроля располагают у истока и ниже границы очага возможного загрязнения. Если исток водотока находится за пределами месторождения и впадает в основное русло на территории месторождения, то пункты контроля располагают выше границы очага возможного загрязнения и на устье водотока [17].

При определении органических веществ в воде поверхностных источников, озер и рек испытания (отбор и анализ проб) необходимо проводить по сезонам года [18].

ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКИ СУСУИ

Река Сусуя (Анивский район) – одна из наиболее крупных рек юга Сахалина, берет начало на восточном склоне Мицунского хребта, у подножия г. Светлой (790 м), впадает в залив Анива Охотского моря. Длина Сусуи 83 км, площадь водосбора равняется 823 км². Бассейн реки имеет асимметричную форму (в верхнем и среднем течении более развита правобережная часть, в нижнем течении – левобережная), вытянут в меридиональном направлении; длина его 53 км, средняя ширина 16 км (наибольшая – 30 км). Расположен бассейн в южной части острова. По характеру водного режима река Сусуя относится к группе рек с половодьем и паводками. Питание ее смешанное, с преобладанием снегового (доля

стока талых вод в годовом объеме составляет 50–60 %). Грунтовое питание реки устойчивое и составляет 15–20 % общего объема. Весеннее половодье обычно начинается в середине апреля, наибольшие расходы воды наблюдаются в первой декаде мая и заканчиваются в конце мая – начале июня. Летне-осенняя межень непродолжительная (20–30 дней), часто имеет прерывистый характер и наблюдается между отдельными паводками. Зимняя межень устанавливается во второй половине ноября или начале декабря, средняя ее продолжительность составляет 120–140 дней. Для нее характерно устойчивое стояние и очень низкая водность. Первые ледовые явления (забереги, шуга) в верхнем течении реки отмечаются во второй половине ноября; в начале декабря верхний участок покрывается льдом. По химическому составу воды реки относятся к гидрокарбонатному классу группы кальция, к категории мягких вод [19].

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКИ СУСУИ

Характеризуя современные геоэкологические проблемы Сусуи, в первую очередь следует отметить такие, как централизованный сброс различных сточных вод в реку, несанкционированный сброс и наличие рассредоточенных (диффузных) источников поступления загрязнителей, а также загрязнение водосборной территории, в том числе с нарушением водоохранной зоны реки, что является большой проблемой. На реках, протекающих через Южно-Сахалинск, в общем и на Сусуе в частности водоохранная зона нарушается тотально. Например, для рек до 100 км длиной, к которым относится река Сусуя (83 км), водоохранная зона, то есть территория, освобожденная от антропогенной деятельности, должна составлять не менее 200 метров [20], однако это правило нарушается на всем ее протяжении. В водоохранной зоне Сусуи располагаются и совхозные поля, и фермерские хозяйства, и частные жилые дома, доходящие местами до самого уреза воды. На берегах реки ведется выпас скота, впрочем, размеры этого явления здесь незначительны. Также в пойме Сусуи осуществляется незаконный, нерегламентируемый и никем не контролируемый сброс бытового мусора, различных отходов производственной сферы и строительного мусора.

Больших производственных объектов, таких, как металлургические комбинаты, заводы, иные предприятия производства, в Южно-Сахалинске нет, основное воздействие на экологическое состояние Сусуи оказывают коммунальные стоки городских канализационных сетей и сельское хозяйство. Наиболее характерными загрязнителями Сусуи, поступающими в реку со сточными водами городских коммуникаций и сельскохозяйственных объектов, являются азот аммонийный и фосфор [11].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данной работы автором проводились исследования фонового содержания органических веществ, наиболее характерных загрязнителей сельского хозяйства, к которым относятся азот аммонийный и фосфаты.

Согласно руководящим требованиям, указанным в разделе 2.2, с целью определения фоновых концентраций рассматриваемых загрязняющих веществ в водах реки Сусуи на ней были определены два створа: створ № 1, располагающийся в двух км выше города Южно-Сахалинска, и створ № 2, располагающийся в двух км ниже города Южно-Сахалинска. Отбор проб осуществлялся автором по сезонам года в 2007 и 2008 гг. Анализ воды со створов проводился в химической лаборатории на средства автора.

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОДЫ р. СУСУИ АЗОТОМ В 2007–2008 гг.

Полученные данные указывают на высокое загрязнение воды реки Сусуи аммонийным азотом и фосфатами во все сезоны года. Загрязнение воды азотом, однако, значительно выше, чем фосфатами, в сравнении соотношения концентраций этих веществ с установленными для них ПДК.

Картина изменения содержания азота аммонийного в период с весны по зиму выглядит следующим образом: весной концентрации азота минимальны и не превышают ПДК. Весной 2007 г. в створе № 1 содержание составляло 0,28 мг/л (0,71 ПДК), а в створе № 2 – 0,35 мг/л (0,89 ПДК), весной 2008 г. – 0,040 мг/л (0,1 ПДК) (минимальное значение) и 0,215 мг/л (0,55 ПДК) соответственно. Это закономерно и, возможно, связано с периодичностью поверхностного стока и циклов жизнедеятельности водных организмов и производимых ими процессов биологического разложения. В конце лета содержание резко возрастает, что связано, возможно, со смывом веществ с сельскохозяйственных угодий; концентрации азота в этот период высоки и значительно превышают ПДК как в нижнем, так и в верхнем створе. Так, содержание азота на створе № 1 летом 2007 г. составило 1,80 мг/л (4,61 ПДК), а на створе № 2 – 3,25 мг/л (8,33 ПДК) (максимальное содержание за весь период исследования). Летом же 2008 г. несколько снизилось: 0,66 мг/л (1,69 ПДК) в верхнем и 0,88 мг/л (2,25 ПДК) – в нижнем створе.

Осенью концентрации падают как в верхнем, так и в нижнем створе, однако в нижнем сохраняется превышение ПДК (в верхнем створе концентрации аммонийного азота составили 0,05 мг/л (0,128 ПДК), в нижнем – 1,04 мг/л (2,66 ПДК), что может обуславливаться остаточным вымыванием веществ, еще остающихся в почве.

Построенная по результатам исследования автора диаграмма (рис. 1) наглядно демонстрирует изменение соотношения концентраций азота аммонийного в воде реки Сусуи до и после города. И, как видно, ниже Южно-Сахалинска содержание аммонийного азота резко возрастает во все месяцы исследования.

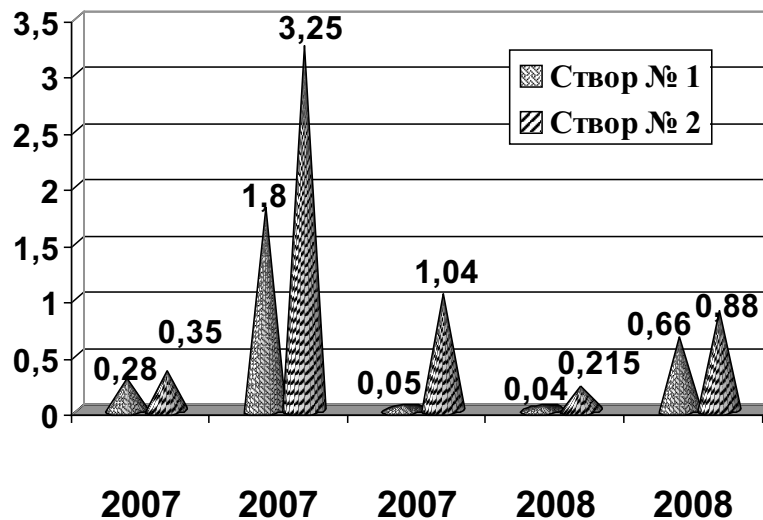

Рис. 1. Диаграмма изменения содержания азота аммонийного в водах р. Сусуи по сезонам года в 2007 и 2008 гг. (в мг/л)

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОДЫ р. СУСУИ ФОСФАТАМИ В 2007–2008 гг.

Следующим загрязняющим веществом, рассматриваемым в исследовании, является такой же характерный для сельскохозяйственных стоков загрязнитель – фосфор. Содержание фосфатов в водах р. Сусуи оценивается согласно двум нормативам: для водоемов рыбохозяйственного значения [16] (1 ПДК = 0,2 мг/л) и для чистых вод (1 ПДК = 0,009 – 0,01 мг/л) [11]. В (*) отмечены содержания, выраженные в ПДК для чистых вод.

По данным полевых исследований автора, фоновые концентрации фосфатов в водах реки Сусуи за период с весны 2007 по осень 2008 гг. (рис. 2) менялись следующим образом: весной 2007 г. содержание было незначительным на обоих створах –

0,016 мг/л (0,08 (1,6*) ПДК) – в створе № 1 и 0,045 мг/л (0,225 (4,5*) ПДК) – в створе № 2. Летом 2007 г. содержание в обоих створах совпадало, составляя 0,026 мг/л (0,13 (2,6*) ПДК). Осенью концентрации фосфатов значительно возросли, достигнув 0,04 мг/л (0,2 (4*) ПДК) в верхнем и 0,32 мг/л (1,6 (32*) ПДК) в нижнем створах. Фоновые концентрации, фиксировавшиеся в мае 2008 года, также демонстрировали рост по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Содержание фосфатов в створе № 1 возросло до 0,057, а в створе № 2 – до 0,078 мг/л (0,285 (5,7*) и 0,39 (7,8*) ПДК соответственно). Летние показатели загрязнения речной воды Сусуи фосфатами оказались на порядок больше, чем год назад. В створе № 1 отмечалась концентрация фосфатов, равная 0,13 мг/л (0,65 (13*) ПДК), а в

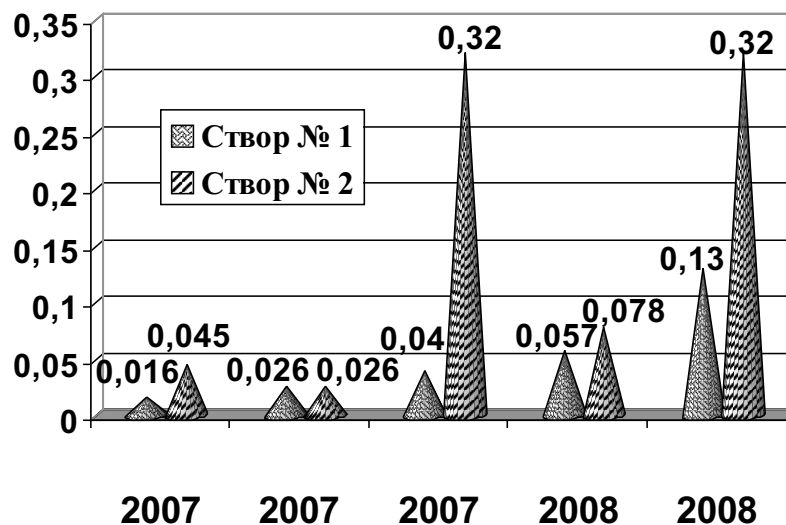

Рис. 2. Диаграмма изменения содержания фосфатов в водах р. Сусуи по сезонам года в 2007 и 2008 гг. (в мг/л)

створе № 2 – 0,32 мг/л (1,6 (32*) ПДК) (значение прошлой осени).

Следует обратить внимание на тот факт, что значение концентраций совпадает только в одной точке (лето 2007 г.). В остальных точках значения концентраций в пробах воды, отобранных в створе № 2, значительно превышают значения из створа № 1 – это указывает на то, что загрязнение воды Сусуи фосфатами происходит именно на том ее участке, где река проходит через город.

Для водоемов рыбохозяйственного значения загрязнение воды фосфатами среднее в наибольшем числе случаев. По этому нормативному показателю содержание фосфатов невелико. Оценка по нормативам, предъявляемым к чистым водам, дает возможность утверждать обратное, то есть согласно им загрязнение Сусуи фосфатами крайне велико, содержание загрязнителя превышено во все сезоны и на всех створах в разы и десятки раз.

Выше города по течению реки концентрации составляют не более сотых, в отдельных случаях – десятых (крайне редко) долей мг/л, в то время как ниже городской территории на створе № 2 значения выражены практически всегда в десятых.

ВЫВОДЫ

Концентрации аммонийного азота в водах реки Сусуи находятся на крайне высоком уровне, превышая ПДК более чем в 8 раз (максимум).

При концентрациях аммонийного азота, превышающих 2,5 мг/л, поверхностные воды следует относить к четвертому классу качества, к загрязненным, с разрядом качества 46 – к сильно загрязненным водам [21]. Содержание азота аммонийного в водах реки Сусуи в отдельных случаях превышает это значение почти в два раза [22, 23].

Относительно фосфатов в целом, как уже указывалось выше, для реки рыбохозяйственного значения концентрации их в водах Сусуи находятся на относительно невысоком уровне, в отдельные периоды превышая ПДК до 1,5 раза. Если рассматривать содержание данного загрязнителя с точки зрения чистоты речной воды в общем, а не для конкретных хозяйственных нужд, что было бы правильнее, поскольку река существует не для человека с его производством, а просто существует, то загрязнение фосфатами представляется катастрофическим. Так, при пересчете фоновых концентраций фосфатов в ПДК для чистых вод [11] становится видно, что предельно допустимые значения по этой классификации превышены в десятки раз (до 32 ПДК). Исходя из такого норматива, ситуацию с загрязнением речной воды фосфатами следует также отнести к катастрофической, как и в случае с азотом.

Все это указывает на высокое загрязнение воды р. Сусуи органическими веществами. С целью улучшения ситуации на Сусуе необходимо выполнение следующих рекомендаций:

1. Продолжать исследования фоновых концентраций органических загрязнителей для лучшей оценки ситуации. Продолжение мониторинговых исследований позволит получать своевременные данные об имеющемся загрязнении, изменении его уровня и возникновении новых источников поступления загрязняющих веществ в реку.

2. Соблюдать водоохранную зону реки, поскольку Сусуя имеет 40–60 % снегового и дождевого питания, а следовательно, вещества, поступающие на водосбор, будут неминуемо смываться в реку.

3. Провести очистку берегов от имеющегося бытового мусора и иных загрязнений.

Выполнение данных рекомендаций позволит на первом этапе немного снизить негативное воздействие, оказываемое на Сусую хозяйственной деятельностью, осуществляемой в водосборе реки с нарушением водоохранной зоны, и создаст предпосылки для разработки дальнейших решений в сфере защиты вод от загрязнения.

Литература

1. Гидрогеология СССР / Под ред. А. В. Сидоренко. – Т. XXIV: Остров Сахалин. – М.: Недра, 1972. – 344 с.
2. Ивлев, А. М. Почвы Сахалина / А. М. Ивлев / Отв. ред. Р. В. Ковалев. – М.: Наука, 1965. – 114 с.
3. Земцова, А. И. Климат Сахалина / А. И. Земцова. – Л.: Гидрометеиздат, 1968. – 197 с.
4. Зимина, Т. А. Агроклиматические ресурсы летне-осеннего периода юга Сахалина и их использование / Т. А. Зимина, И. С. Федоров, Б. Г. Бутовский, А. А. Одегова. – Южно-Сахалинск, 1971. – 69 с.
5. Властова, Н. В. Торфяные болота Сахалина / Н. В. Властова / Отв. ред. М. И. Нейштадт. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 166 с.
6. Геология СССР. – Т. 33: Остров Сахалин / Под ред. В. Н. Верещагина. – М.: Недра, 1970. – 344 с.
7. Whipple W. and Hunter J. Yu. S. Unrecorded pollution from urban runoff // J. Water Pollut. Contr. Fed. – 1974. – Vol. 46. – № 5.
8. Голубев, Г. Н. Геоэкология / Г. Н. Голубев. – М.: ГЕОС, 1999. – 338 с.
9. Кочуров, Б. И. Геоэкология. Экодиагностика и эколого-хозяйственный баланс территорий / Б. И. Кочуров. – М.: СГУ, 1999. – 153 с.
10. Михайлов, С. А. Диффузное загрязнение водных экосистем. Методы оценки и математические модели. Аналитический обзор / С. А. Михайлов. – Барнаул: День, 2000. – 130 с.
11. Егоренков, Л. И. Геоэкология / Л. И. Егоренков, Б. И. Кочуров. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 318 с.
12. Горшков, С. П. Концептуальные основы геоэкологии / С. П. Горшков. – Смоленск: изд-во СГУ, 1998. – 290 с.
13. Johnson M. and Owens G. Nutrients and nutrient budgets in the bay of Qrinte, Lake Ontario // J. Water Pollut. contr. Fed. – 1971. – Vol. 43. – № 5.
14. Стефферсон, Д. Гидрология и дренаж ливневых вод / Д. Стефферсон. – Л.: Гидрометеиздат, 1986. – 262 с.

15. Экология озера Большое Миассово / Под ред. А. Г. Рогозина, В. А. Ткачева. – Миасс: ИГЗ УрО РАН, 2000. – 318 с.

16. Перечень рыбохозяйственных нормативов: предельно допустимых концентраций (ПДК) и ориентировочно безопасных уровней воздействия (ОБУВ) вредных веществ для воды водных объектов, имеющих рыбохозяйственное значение. – М.: ВНИРО, 1999. – 304 с.

17. ГОСТ 17.1.3.12-86. Охрана природы. Гидросфера. Общие правила охраны вод от загрязнения при бурении и добыче нефти и газа на суше (1987 г.).

18. Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. Санитарные правила и нормы. СанПиН 2.1.4.559-96.

19. Атлас Сахалинской области. – М.: ГУГиК

при СМ СССР, 1967. – 136 с.

20. Беккер, А. А. Охрана и контроль загрязнения природной среды / А. А. Беккер, Т. Б. Агаев. – Л.: Гидрометеиздат, 1989. – 287 с.

21. Жукинский, В. Н. Принципы и опыт построения экологической классификации качества поверхностных вод суши / В. Н. Жукинский, О. П. Оксий, Г. Н. Олейник и др. // Гидробиол. журн. – 1981. – Вып. 2. – С. 38–49.

22. Чайко, А. А. Годовые изменения содержания азота аммонийного в водах реки Сусуи / А. А. Чайко // Фундаментальные исследования. – № 3/2008 г. – С 107–108.

23. Чайко, А. А. Изменение содержания некоторых органических загрязнителей в водах р. Сусуи в весенне-летний период (юг Сахалина) / А. А. Чайко // Успехи современного естествознания. – № 1/2008 г. – С. 68–69.

АНТРОПОГЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОРМОВОЙ БАЗЫ АБОРИГЕННЫХ ОХРАНЯЕМЫХ И ОХОТНИЧЬИХ ВИДОВ МЛЕКОПИТАЮЩИХ САХАЛИНА

Смирнов Андрей Алексеевич – кандидат биологических наук, ст. научный сотрудник лаборатории прикладной экологии, доцент кафедры ботаники и экологии ЕНФ СахГУ. Автор 3 монографий и более 30 научных работ по флоре сосудистых растений и антропогенным изменениям растительности Сахалина.

Распределение животных по территории, уровень численности и плотность заселения ими различных типов угодий определяется всем комплексом биотических и абиотических компонентов окружающей среды. Особую значимость имеют два ведущих фактора – кормовые и защитные свойства угодий. Анализируя изменение этих качеств, можно оценить самые существенные черты угодий как среды обитания животных. При этом необходимо учитывать, что в настоящее время прямое или косвенное антропогенное воздействие на состояние угодий и популяций животных является главным и основным фактором, определяющим распространение и численность большинства млекопитающих.

Охотничьи животные, обладая большой подвижностью, активно осваивают обитаемое ими пространство. Они чутко реагируют на изменения внешних условий и, руководствуясь инстинктом, перемещаются в те типы угодий, которые имеют достаточный запас кормов и обеспечивают лучшую защиту от врагов и непогоды. В соответствии с этим они либо широко расселяются по всей территории, при благоприятном стечении условий существования, либо концентрируются на небольших участках, дающих им пищу или укрытие.

Отдельные популяции животных на разных фазах жизненного цикла могут различаться возрастной структурой, сроками размножения, стациальным размещением (сосредоточенностью в немногих местах или широким расселением по основным и второстепенным стациям), степенью оседлости, особенностями питания, сроками наступления линьки, морфометрическими показателями. В результате ежегодно изменяются показатели численности, интенсивности размножения, смертности и выживаемости, при этом происходит изменение общей численности популяции. Перечисленные популяционные процессы объективны по своему характеру, сложились исторически, как приспособление вида к изменчивым факторам среды.

Значительные антропогенные изменения среды обитания животных на Сахалине (сокращение лесных массивов, освоение территорий, развитие

промышленной инфраструктуры и т. п.) повлекли за собой изменения ареалов и численности большинства охраняемых и охотничьих видов млекопитающих. Так, только за последнее столетие под воздействием человека в южной части острова исчезли северный олень, глухарь, дикуша. Считается, что не без участия человека за период новейшей истории из состава фауны острова исчезли следующие виды животных: кабан, волк, лось, благородный олень, снежный баран (Воронов, 2003).

Такой важный фактор поддержания общей численности популяций некоторых животных в материковых районах, как дальние миграции, ввиду физико-географических особенностей и островной изоляции Сахалина исключается или не играет существенной роли. В разные годы отмечались только редкие массовые миграции белок с материка на Сахалин (Стариков, 1966) и обратно (Вшивцев и др., 1967). Также известны немногочисленные случаи перекочевки в зимнее время небольших групп северных оленей, лисиц, зайцев и единичные заходы волка на остров с материка через Татарский пролив (Вшивцев, 1972).

Таким образом, поддержание численности популяции охраняемых и охотничьих видов млекопитающих Сахалина зависит всецело (если только не рассматривать фактор преследования со стороны человека) от состояния основных угодий и запасов кормов. С учетом этих позиций и в зависимости от форм антропогенного воздействия на природные комплексы ниже рассматривается общее состояние популяций и оцениваются перспективы дальнейшего существования для следующих охраняемых (кабарга сахалинская, северный олень) и охотничьих (белка обыкновенная, бурундук азиатский, бурый медведь, выдра, заяц-беляк, лисица обыкновенная, соболь) млекопитающих Сахалина.

ТИПЫ КОРМОВ И СТРУКТУРА КОРМОВОЙ БАЗЫ

Корма животных делятся на растительные и животные. К растительным кормам относятся: семена и плоды древесных и кустарниковых по-

род, ягоды, грибы, древесно-веточный корм (кора, молодые побеги, хвоя, листья, почки, сережки), травянистый корм, мхи, лишайники, водоросли. К основным животным кормам относятся: мышевидные грызуны и другие мелкие млекопитающие, птицы, амфибии, рептилии, насекомые (их личинки и куколки), моллюски, дождевые черви. Корма по их значению в питании животных делятся на основные, второстепенные и редкие, а по сезонам потребления – на зимние, весенние, летние и летне-осенние. Более высокая кормовая производительность различных типов угодий определяется не только большим видовым разнообразием кормов, но и более сложной биологической структурой сообществ растений и животных.

Растительные корма. Основу питания травоядных охотничьих животных составляют высшие сосудистые растения (папоротниковидные, голосеменные, покрытосеменные), к которым относятся более 90 % всех поедаемых видов растений. Для различных отрядов животных покрытосеменные растения играют первостепенную роль в питании. У грызунов доля участия таких видов в питании составляет в среднем 95 % (заяц – 95 %, белка – 46 %, бурундук – 91 %). У парнокопытных – 90 %. Среди покрытосеменных ведущее значение принадлежит двудольным – более 70 %, из которых розоцветные (Rosaceae) составляют более 10 %, сложноцветные (Asteraceae) – 6 %, ивовые (Salicaceae) – 4 %. В целом же из огромного видового разнообразия цветковых растений наиболее ценными в кормовом отношении являются только 2–3 % от общего их числа.

В питании охотничье-промысловых зверей лесной зоны большое значение имеют деревья и кустарники, дающие древесно-веточные осенне-зимние корма. К ним в первую очередь относятся представители следующих родов: ива (*Salix*), береза (*Betula*), рябина (*Sorbus*), клен (*Acer*), ольха (*Alnus*), черника (*Vaccinium*), малина (*Rubus*), шиповник (*Rosa*), смородина (*Ribes*). Эти виды образуют лиственные леса, кустарниковые заросли и подлесок на значительных территориях Сахалина от уровня моря до горных вершин. Цветковые растения, особенно дающие ягоды и орехи, служат постоянным кормом некоторых хищных зверей (медведь, лисица), которые поедают плоды деревьев и кустарников, относящихся к почти 30 родам.

Обильные урожаи ягод, так же, как и семян древесных пород, бывают не каждый год. На урожайность ягодников в значительной мере влияют погодные и климатические факторы (заморозки, осадки, средние температуры отдельных периодов). Ягодные ресурсы основных растительных сообществ сильно различаются. В условиях коренных или близких к ним по структуре темнохвойных, лиственничных или пойменных лесов общие урожаи ягод незначительны. Во вторичных лесах на гарях и вырубках урожайность всех видов ягодных растений гораздо выше и меньше подвержена погодичной изменчивости. Различные виды деревьев и кустарников плодоносят одновременно, поэтому практически во все сезоны в угодьях

имеется некоторый запас ягод или семян. Обычно после урожайных лет наблюдается подъем численности видов, питающихся семенами (грызуны, птицы). При колебаниях общей урожайности наиболее неблагоприятными периодами для животных являются годы слабых урожаев.

Голосеменные растения включают класс хвойных, к которому относятся основные лесообразующие породы светло- и темнохвойной тайги Сахалина. Это роды: ель (*Picea*), лиственница (*Larix*), пихта (*Abies*), сосна (*Pinus*). Хвойные породы служат многим животным источником разнообразной пищи, доступной в зимний период, наиболее сложный в кормовом отношении. Они дают высококалорийный корм в виде семян, витаминный зеленый корм в виде хвои и почек, а также разнообразный по химическому составу древесно-веточный корм. Семенные годы основных лесообразующих хвойных пород на Сахалине отмечаются через два года на третий. Вовсе неурожайных лет у них не отмечается.

Плауновидные, хвощевидные и папоротниковидные значительной роли в качестве кормовых растений охотничьих млекопитающих не играют. Исключением являются только представители нескольких родов: хвощ (*Equisetum*), щитовник (*Dryopteris*), орляк (*Pteridium*) и некоторые другие.

Из низших растений только лишайники и шляпочные грибы играют заметную роль в качестве растительных кормов. Эпифитные лишайники родов *Usnea* и *Alectoria* чаще других охотно поедаются белкой и кабаргой во все сезоны, а представители родов *Cladonia*, *Cetraria*, *Parmelia* составляют основной зимний корм северного оленя. Грибы как кормовые объекты имеют значение для животных в основном в летне-осенний период. В питании белки они могут составлять до 38 %, северного оленя – 8 %, зайца-беляка – 0.5 %. Наибольшей грибной производительностью отличаются молодняки и редколесья как лиственных, так и хвойных пород; хорошие урожаи бывают и в средневозрастных насаждениях. Леса с мощно развитым травяным и моховым покровом беднее грибами. Примесь березы в хвойных лесах обогащает видовой состав грибов в них. Запасы грибов в урожайные и малоурожайные годы колеблются в значительных пределах. Обильные урожаи бывают в среднем один раз в 3–4 года. Полных неурожаев грибов практически не отмечается.

Животные корма. К животным кормам, которые составляют основу питания хищных зверей, относятся следующие основные группы: мышевидные грызуны, дождевые черви, членистоногие.

Мелкие млекопитающие, условно объединяемые в группу мышевидных грызунов, составляют наиболее важную часть животных кормов. Общая численность мышевидных резко колеблется по годам. Основными причинами колебания численности грызунов являются метеорологические условия и урожайность семян древесных пород. Видовой состав и численность мышевидных грызунов в различных местообитаниях не одинакова.

Отдельные виды могут преобладать в животных сообществах старовозрастных или молодых лесов, в смешанных лесах, в молодняках, на гарях или вырубках. Кормовая ценность тех или иных угодий определяется плотностью заселения их мышевидными грызунами. Источником пищи для хищных зверей помимо мышевидных грызунов являются также мелкие млекопитающие других систематических групп: птицы, амфибии, рептилии, моллюски и др.

Дождевые черви и членистоногие не играют заметной роли в питании охотничьих животных Сахалина, но их остатки достаточно часто отмечаются в помете этих животных.

В целом необходимо подчеркнуть, что наличие кормов является одним из главных природных факторов, который определяет распределение зверей в угодьях в строгом соответствии с кормовыми условиями. Звери постоянно перемещаются в те места, где корма в данный период года больше и где корма качественно лучше. Состоянием кормовых ресурсов определяются как численность, так и миграции всех охотничьих животных.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОСНОВНЫХ КОРМОВЫХ УГОДИЙ ОХРАНЯЕМЫХ И ОХОТНИЧЬИХ ВИДОВ МЛЕКОПИТАЮЩИХ САХАЛИНА

Белка обыкновенная (*Sciurus vulgaris* L.) на Сахалине встречается во всех ландшафтных зонах начиная от мыса Крильон до п-ова Шмидта включительно. Основные станции вида — долинные и горные хвойные и смешанные леса. При этом в северных районах внутриостровного ареала белки доминируют лиственничники, а южнее — елово-пихтовые и пихтово-еловые сообщества средней и южной подзон темнохвойной тайги (Толмачев, 1955).

Оптимальными биотопами белки являются спелые елово-пихтовые и пихтово-еловые леса. Данные многолетних учетов свидетельствуют, что плотность обитания зверьков в них в различные сезоны и при различном состоянии их популяции всегда выше, чем в других типах угодий. В годы депрессий плотность белки в них оказывается в 5–10 раз выше, чем в лиственничных и смешанных древостоях. К второстепенным станциям этого вида на острове относятся камнеберезняки, заросли кедрового стланика в верхнем поясе гор, а также приречно-пойменные тополево-ивово-ольховые леса. Эти угодья посещаются зверьками преимущественно только в периоды созревания семян, древесных грибов и ягод.

Характеризуя современные жизненные условия белки на Сахалине, следует отметить, что площадь ее основных угодий ежегодно сокращается. Вследствие лесозаготовок и лесных пожаров уже в конце 1960-х годов относительно пригодные для нее станции располагались примерно на площади только 40 тыс. км². Однако удовлетворительное их состояние сохранялось только на 24–26 тыс. км² (Вшивцев и др., 1967). При продолжающихся промышленных заготовках леса и неудовлетворительной организа-

ции борьбы с лесными пожарами сокращение хвойных лесов на острове происходит с интенсивностью 0,1–52 тыс. га в год (Доклад ..., 2004).

В настоящее время, по данным Г. А. Воронова (1996), площадь оптимальных для белки угодий на Сахалине составляет не более 16 тыс. км², в том числе 7–8 тыс. км² занимают елово-пихтовые и пихтово-еловые сообщества, около 5 тыс. км² — лиственничники и 2–3 тыс. км² — смешанные древостои. Эти леса размещаются главным образом в центральных районах острова, где в настоящее время и сосредоточены основные запасы белки.

Динамика численности белки на Сахалине имеет значительную и неустойчивую амплитуду, проявляющую временное совпадение с соответствующим состоянием кормовой базы. Тенденция роста численности этого грызуна наиболее часто проявляется вслед за годами хорошего и среднего урожая семян хвойных (Вшивцев и др., 1967). Чередование пиков и депрессий численности различной величины наблюдается у белки на острове через 2–5–9 лет со средней частотой повторяемости их один раз в 5 и 4 года. Средняя плотность обитания белки составляет 0,1–1,2 экз./км² лесной территории. Есть сведения, что при глубокой депрессии (например, 1959–1963 гг.) средние показатели плотности обитания зверьков снижались до 0,05 экз./км² угодий (Реймерс и др., 1968).

Основную кормовую значимость для белки на Сахалине представляют семена хвойных (ели аянской, пихты сахалинской, лиственницы и кедрового стланика). Семена нового урожая перечисленных видов начинают поедаться белками на стадии молочной спелости (июль–август). В сентябре–октябре они запасаются зверьками и на зиму (шишки складываются в дуплах, укрепляются в развилки ветвей, зарываются под корни деревьев, под пни и в лесную подстилку).

Семена других растений в качестве пищевого объекта имеют второстепенное значение. К ним относятся семена локально распространенных или интродуцированных видов (ель Глена, сосна обыкновенная, ель европейская, сосна кедровая корейская), а также семена березы, ольхи и рябины.

На основании имеющихся сведений о семенности хвойных пород Сахалина (Соловьев, 1948; Романов, 1954; Смирнов, 1989 и др.) можно полагать, что обеспеченность белок кормами семенной группы, в количественном выражении на единицу площади в целом удовлетворительна. Обусловлено это следующими обстоятельствами. Вследствие природных особенностей Сахалина, основные кормовые для белки виды растений (ель, пихта, лиственница, кедровый стланик) произрастают в различных биоценотических сочетаниях на всей территории острова. Урожайные годы хвойных отмечаются обычно через два года на третий. Вовсе неурожайных лет у них не отмечается. В этой связи вероятность для белок вообще оказаться без семенной группы кормов (в годы неурожая одного или нескольких видов хвойных) очень низка. Немаловажным обстоятельством для повышения

кормовой обеспеченности белок является также и проводимое лесовосстановление. Значительные площади посадок сосны кедровой корейской (кедра корейского), сосны обыкновенной и ели европейской обеспечивают белок дополнительными кормами.

Второе место в рационе сахалинской белки по частоте и количеству потребления занимают грибы. Наиболее часто употребляются маслята, белые, сыроежки, подберезовики, а также древесные виды – зимний гриб, чешуйчатка, рядовка. В поисках последних зверьки начинают посещать ивово-ольховые приречные леса в зимне-весенний период. Запасание грибов на зиму не имеет широкого распространения, что, возможно, связано, с одной стороны, с постоянной высокой влажностью воздуха, которая не способствует длительному сохранению засушенных грибов, а с другой – с высокой встречаемостью на острове древесных грибов, доступных зверькам во все сезоны. Безгрибных лет на всей территории острова не бывает. Плохой урожай грибов в отдельных районах или урочищах обычно компенсируется удовлетворительным их плодоношением в это же время в других местах, нередко расположенных в 10–50-ти км от первых.

Третьей группой кормов, имеющих существенное значение в питании сахалинской белки, являются генеративные и вегетативные почки хвойных пород. Независимо от урожайности основного корма – семян, они употребляются грызунами во все сезоны, являясь физиологически необходимым пищевым компонентом. Вполне удовлетворительной можно признать обеспеченность местных белок и кормами группы «плоды, ягоды».

При слабом урожае семян хвойных белки на Сахалине переходят на преимущественное питание грибами, почками и второстепенными объектами. Следует также отметить, что кора, хвоя, ягоды, плоды, мхи и лишайники для местной белки в целом малосущественный корм. Он употребляется в очень незначительном количестве и нерегулярно. Определенное значение в питании этого грызуна имеют животные корма. Это подтверждается, в частности, поеданием белкой рыбы (погибшей после нереста горбуши и кеты) (Вшивцев и др., 1967) и животных приманок (птицы, внутренности животных), выкладываемых охотниками в капканах.

В целом на фактическом материале установлено (Воронов, 1996), что белка на Сахалине употребляет в пищу 21 вид сосудистых растений, 20 видов грибов, 3 вида мхов и лишайников, 5 разновидностей животных кормов.

Характеризуя современные жизненные условия белки на Сахалине, следует отметить, что площади ее кормовых угодий за последние десятилетия значительно сократились и продолжают ежегодно сокращаться. Основными причинами этого являются продолжающиеся лесозаготовки и лесные пожары. Вместе с тем имеющиеся данные свидетельствуют в целом об удовлетворительном состоянии кормовой базы белки на Сахалине. В течение более полувека (1933–1994 гг.) у белки на острове ни разу не было зарегистрировано катастрофической

бескормицы, каковые неоднократно случались за этот же период у белок Сибири и европейской части страны (Воронов, 1996). Одним из главных условий поддержания высокой численности белки на Сахалине является охрана и восстановление темнохвойных лесов. Широкое использование при искусственном лесовосстановлении сосны кедровой корейской может в перспективе значительно расширить кормовую базу белки.

Азиатский бурундук (*Eutamias sibiricus* Laxm.) на Сахалине встречается во всех ландшафтных зонах, начиная от мыса Крильон до п-ова Шмидта включительно. Населяет хвойные и смешанные леса, не избегает и чисто лиственных. Предпочитает участки с подлеском или с буреломом и старые гари. Живет и в молодых лесных насаждениях, в колках, по долинам рек и в полях, если среди них есть хотя бы одиночно растущие кусты или деревья. В горах распространен до верхней границы леса, иногда селится в каменных россыпях вместе с пищухой. Избегает заболоченных участков.

Наблюдаются сезонные перемещения зверьков из одной станции в другую в связи с изменением кормовых условий. Известны нерегулярные массовые миграции, видимо, вызываемые неурожаем основных кормов, и прежде всего, семян кедрового стланика.

Пища бурундука преимущественно растительная. Состав кормов существенно изменяется по годам. В рационе преобладают семена хвойных деревьев (кедрового стланика, лиственницы, ели, пихты). Отмечаются ягоды и плоды лиственных древесных и кустарниковых пород (черемуха, брусника, черника, голубика, шиповник и др.), а также почки, цветы, ягоды, семена и зеленые части диких трав. В отдельные сезоны в пищу используются грибы и лишайники. Охотно поедает семена полевых и огородных культур. Весной питается преимущественно вегетативными частями растений. Регулярно поедает животные корма (личинки и куколки насекомых, взрослые особи бабочек, муравьев и пауков), реже поедает моллюсков, лягушек, ящериц, птиц и их яйца, мышевидных грызунов.

У бурундука высоко развит инстинкт запасаения корма. В течение лета и осени зверек делает запасы массой до 8 кг; он складывает их в нору, а иногда, кроме того, зарывает неглубоко в землю в окрестностях своего жилища. Запасы корма чаще используются в ненастные дни поздней осенью и ранней весной.

Бурундук в годы неурожая семян хвойных является конкурентом белки из-за пищи. В очагах клещевого энцефалита имеет эпидемиологическое значение, являясь одним из основных прокормителей нимф иксодовых клещей; таким образом, он участвует в циркуляции возбудителя упомянутого заболевания. Кроме того, бурундук – природный носитель возбудителей туляремии и одной из форм клещевых сыпнотифозных лихорадок.

Объектом промысловой охоты, несмотря на большую и относительно постоянную численность, бурундук в настоящее время не является,

хотя в тридцатые годы XX века его в России заготавливали по несколько миллионов шкурок, а в шестидесятые – до ста тысяч шкурок ежегодно (Колосов и др., 1979).

Учитывая общее хорошее состояние кормовой базы и отсутствие явной конкуренции со стороны других видов млекопитающих, можно оценить состояние популяции бурндука на Сахалине как стабильное. Антропогенные преобразования основных ландшафтов в целом положительно сказываются на состоянии популяции бурндука. Общая численность его может незначительно колебаться в зависимости в основном от погодных условий и урожайности основных кормов.

Бурый медведь (*Ursus arctos* L.) на Сахалине встречается во всех ландшафтных зонах, начиная от мыса Крильон до п-ова Шмидта включительно. Места обитания медведя очень разнообразны. Он живет в крупных, обычно хвойных лесных массивах с наличием спелых и приспевающих насаждений, захламленных или с подлеском, обладающих в достаточном количестве растительными и животными кормами, с участками, редко посещаемыми человеком. В лиственных лесах бывает реже. На Сахалине часто встречается в зарослях кедрового стланика и в речных поймах со смешанным лесом, повсеместно посещает литораль морского побережья.

Для медведя характерны смена биотопов в течение года, а в некоторых районах сезонные миграции. В горных районах Сахалина предпринимает регулярные перекочевки в вертикальном направлении или совершает переходы с западных склонов на восточные. Перемены местообитания обычно связаны с изменением кормовых условий, с массовым появлением кровососущих насекомых, с более ранним выпадением или сходом снега на склонах определенных экспозиций и т. д. Перемещения могут быть вызваны лесными пожарами.

Бурый медведь – типичный эврифаг. Для него характерна сезонная смена кормов. В питании большое значение имеют растительные корма, что в некоторой мере определяет строение кишечника – длина его превышает длину тела более чем в 10 раз. В кормовой рацион входят лесные ягоды, орехи, корневища и стебли высокотравья. По данным Г. А. Воронова (2006), медведь на Сахалине имеет широкий набор кормовых объектов. При этом основными (более 50 %) для него повсеместно являются (по частоте встречаемости в образцах и величине кормового коэффициента) растительные корма. В состав этой группы кормов входит более 20 видов растений (представители семейств зонтичных, ароидных, астровых, злаковых) и более 10 разновидностей плодов и семян (брусника, голубика, рябина, шиповник, кедровый стланик и др.).

Из беспозвоночных медведь поедает муравьев и их куколок, жуков, моллюсков, личинок шмелей и ос. При случае ест амфибий, рептилий, птиц и их яйца и мелких грызунов. Изредка охотится на копытных зверей. Поедает падаль (даже сильно разложившуюся). На Сахалине большое значение

в его питании имеют лососевые рыбы, зашедшие в реки для нереста, а также снулая отнерестившаяся рыба и выбросы моря. В один прием может съесть большое количество пищи. Излишки корма иногда прячет про запас, при этом убитых крупных животных не разделяет на куски. При недостатке пищи учащаются случаи появления хищника у человеческого жилья и нападения на домашних животных (обычно оставленных без присмотра). Однако вред невелик, причем его можно сократить проведением некоторых предупредительных мер (охрана домашних животных, регулирование режима выпаса и т. д.). Зверь может болеть трихинеллезом, и мясо его в этом случае является потенциальным источником заражения человека.

Для медведя характерен зимний сон в берлоге, поэтому важным периодом в его жизни является конец лета и осень, когда происходит накопление жира, необходимого для благополучной зимовки. Зимний сон длится более четырех месяцев; его продолжительность определяется накопленными жировыми запасами, погодными факторами и условиями зимовки.

Медведь относится к видам, картина распространения которых в последние десятилетия меняется очень быстро. За последние столетия общая площадь его ареала в России сильно сократилась; южная его граница на европейской территории страны и за Уралом отодвинулась к северу на сотни километров. Внутри ареала образовалось много обширных «пустующих» пятен. В последние годы хищник этот как постоянный обитатель перестал встречаться в Татарии, в Московской, Тульской, Владимирской и Калужской областях, в правобережных районах Ярославской и Ивановской областей (Лавров, 1973). Сильно сократился ареал вида и за рубежом. Современный ареал в западной части Северной Америки, в Европе и Азии представлен отдельными, зачастую очень мелкими участками. Медведь истреблен в некоторых европейских государствах и в Африке.

На Сахалине в настоящее время распространение медведя также крайне неравномерное. Относительно многочислен он в настоящее время только в нескольких отдельных районах острова (Анивский, Смирныховский, Тымовский, Ногликский, Охинский). В большинстве же других районов численность медведя значительно ниже в связи с сокращением основных площадей, пригодных для его обитания. Это связано с хозяйственным освоением новых территорий, развитием транспортных путей и промышленной инфраструктуры (масштабные проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2» и др.), ростом рекреационных нагрузок во все сезоны года (туризм, охота, рыбалка).

Как уже отмечалось выше, медведь всеяден и на Сахалине может встречаться практически повсеместно, но при этом главная особенность его биологии и поведения заключается в том, что частота и количество используемых медведем кормов имеет довольно строгий сезонный характер. Это и определяет концентрацию зверя в отдельные сезо-

ны только в определенных кормовых угодьях, что делает его очень уязвимым со стороны человека и значительно облегчают его законный и особенно браконьерский отстрел.

В весеннее время концентрации медведя наблюдаются на освободившихся от снега нижних участках южных склонов приморских гор и морских побережьях, где он питается молодыми побегами растений и выбросами моря. В это время он хорошо заметен на безлесных приморских склонах и снежниках, а практически все морское побережье острова (за очень редким исключением) доступно для современного транспорта. При этом необходимо учитывать, что в настоящее время морские побережья Сахалина повсеместно являются ареной активной хозяйственной деятельности, и при этом более 20 % побережий уже подверглось значительной антропогенной трансформации (порты, населенные пункты, дороги и т. д.) (Атлас..., 2002).

В летний период медведи концентрируются на нижних и средних участках долин нерестовых рек, где питаются в основном лососевыми рыбами, а также на нижних склонах близлежащих сопков (поедание растений, плодов и ягод). В этот период медведь испытывает огромное давление со стороны рыбодобывающей отрасли. На Сахалине не осталось практически ни одной даже средней лососевой реки, в устье которой не располагался бы круглогодичный рыболовный стан или на которой не находился бы рыболовный завод. В летний период все морские побережья разделены на небольшие участки между рыбопромысловыми станами, а в недалекой перспективе и все реки станут практически частными.

Осенью медведи перемещаются в верховья рек (питание рыбой) и на горные склоны (питание растениями, ягодами и «орешками» кедрового стланика). В этот период медведь подвергается беспокойству со стороны тех же рыбопромышленников, которые на основании псевдонаучных заключений и рекомендаций перекрывают устья рек и не пропускают лососевых на их естественные нерестилища, тем самым лишая медведя его основного наживочного корма. Медведи в это время продолжают концентрироваться в долинах рек, где в последнее время регулярно происходят различной степени конфликты между ним и человеком, вызванные фактически полуголодным существованием зверя. На других территориях медведь также испытывает постоянное беспокойство со стороны человека (это сборщики дикоросов (ягоды, грибы), охотники, туристы).

Из всего вышесказанного можно сделать вполне логичное заключение, что постоянное присутствие человека во всех местах, необходимых для жизнедеятельности медведя, является существенным фактором, определяющим его поведенческие реакции в настоящее время. Постоянное беспокойство и недостаток белковых кормов в виде рыбы с каждым годом все больше провоцирует медведей (особенно молодых, больных или раненых) на посещение свалок около населенных пун-

ктов, территорий садово-огородных товариществ, на нападение на домашних животных и агрессию по отношению к человеку. Медведь – единственное животное, которое может вступать в открытый конфликт по отношению к человеку. Поэтому вполне очевидно, что ограниченность пригодных для его обитания территорий и значительный антропогенный пресс приводят к увеличению числа конфликтов по отношению к человеку и домашним животным и как итог – к увеличению вынужденного отстрела бурого медведя (табл. 1).

Таблица 1

**Добыча бурых медведей (шт. особей)
и случаи нападения на людей
в Сахалинской области в 2004–2008 гг.**

Сезон	Лимит добычи	Выдано лицензий	Добыча по лицензиям	Нападение на людей	Вынужденный отстрел
2004–2005	400	194	107	2	12
2005–2006	330	123	62	3	16
2006–2007	330	240	113	1	9
2007–2008	270	133	53	2	10
2008– ...	310	169	16	4	38

Особенности биологии сахалинского медведя, хозяйственное освоение территории острова, рост рекреационных нагрузок и варварская эксплуатация лососевых будут и дальше провоцировать агрессивное поведение медведя. А это очень скоро может перевести это животное из разряда «обычных и фоновых» в список «редких и охраняемых».

Выдра речная (*Lutra lutra* L.) на Сахалине встречается во всех ландшафтных зонах. Населяет богатые рыбой реки, пресные водоемы разного типа и некоторые участки морского побережья Сахалина, начиная от мыса Крильон до п-ова Шмидта включительно. Отсутствует лишь на реках, загрязненных сточными водами угольных комбинатов, нефтяных промыслов и т. п., где из-за загрязнения воды мало рыбы и ее трудно добывать, а также на безводных пространствах и в высокогорье основных горных хребтов, где истоки рек непригодны для обитания рыбы – основного корма выдры.

Экологические условия для жизни выдр на отдельных реках меняются по сезонам года. Гидрологическая особенность сахалинских рек – быстрое и резкое изменение уровня воды в них, которое иногда наблюдается до трех раз в год: при весеннем таянии снегов в долинах, затем в горах и после летних ливневых дождей. В таких случаях вода поднимается на 4–6 м выше обычного уровня. После ледостава питание рек атмосферными осадками сильно ограничивается, последнее вызывает постоянный спад уровня воды с образованием пустот подо льдом вдоль берегов рек. На многочисленных бурных перекатах, в местах прибрежных подледных пустот и в теплых ручьях вода зимой

часто не замерзает. В зависимости от периодичности этих явлений изменяются и защитно-гнездовые условия обитания выдры. Но на плотность популяции выдр этот процесс так же, как и характер берегов, состав и состояние прибрежной растительности, не особенно влияет.

Основной фактор, от которого зависит изменение общей численности выдры по отдельным угодьям, – изменение обилия кормовых ресурсов, связанное с нерестом тихоокеанских лососей. Массовый нерестовый ход лососевых – симы, горбуши, кеты, протекающий летом, осенью и в начале зимы, привлекает множество мелких непромысловых рыб (поедающих икру и мальков этих видов лососевых), которые и играют основную роль в рационе выдры. Перекрытие устьев рек и так называемый «контролируемый» пропуск лососевых рыб на естественные нерестилища приводит к снижению численности мелких непромысловых видов рыб и как следствие – к значительному сокращению кормовой базы выдры.

Резких отрицательных изменений в условия существования выдры на всех водоемах одновременно не бывает. Время массового ската рыбы в одной реке (или участке реки) часто совпадает с обилием ее в другой реке, озере, прибрежном участке моря и наоборот. Поэтому и плотность населения выдры непостоянна. Зверьки перекочевывают в угодья, где корма обильны и доступны. Кроме того, они избегают участков мутной воды, где им трудно добывать корм, и участков с илистым дном, где напуганные выдрами рыбы способны взмучивать воду.

При оптимальных экологических условиях на одну выдру приходится 1–3 км русла или береговой линии, при ухудшении условий – до 10 км. На основании данных учета, выполненных В. П. Вшивцевым (1972), установлено, что в среднем по Сахалину на одну выдру в осеннее время приходится около 4 км русла реки. Экстраполируя этот показатель на общую протяженность рек, пригодных для ее обитания (22 000 км), он оценивал общую численность выдр на Сахалине в тот период времени в 5500 особей. На большинстве рек выдры держатся постоянно, так как благоприятные для обитания условия здесь бывают круглый год, но степень пригодности отдельных участков для существования выдры меняется по сезонам года.

Основная пища выдры — холоднокровные животные, а из них в первую очередь рыба, преимущественно мелкая, размером до 20 см, относящаяся к массовым видам ихтиофауны Сахалина. Взрослый зверь съедает в сутки около 1 кг рыбы, а в течение года – до 400 кг. По расчетам В. П. Вшивцева (1972), все поголовье выдр Сахалина поедает в течение года значительное число (около 100 млн. экз.) мелких непромысловых рыб, основу питания которых составляют икра и мальки ценных видов лососевых. Тем самым выдры сохраняют в природе массу икры и мальков лососевых и дают значительный экономический эффект, возможно, сопоставимый даже с деятельностью всех рыболовных заводов острова. Таким образом, популяция вы-

дры является важнейшим, если не единственным, постоянным внешним фактором, издавна воздействующим на численность рыб – икродов и малькочедов, серьезно способствующим поддержанию численности ценных пород лососей.

Представители млекопитающих и птиц играют заметную роль в существовании выдры. Мелкие грызуны и некоторые птицы иногда становятся объектами питания выдры. Из амфибий в незначительной степени, главным образом зимой, поедаются лягушки. Рептилии не имеют непосредственной связи с существованием выдры. Иногда выдра делает запасы корма. К питанию растительной пищей не приспособлена.

Прямой связи растительного покрова с образом жизни выдры нет, но прибрежная растительность влияет на гидрологический режим водоемов, в которых выдра устраивает убежища, уборные, кормовые площадки. Пагубно влияют на выдр, как и на многих других животных, лесные пожары. А характерные для Сахалина различные заломы и наносы из отвалов упавших в реку прибрежных деревьев улучшают защитно-гнездовые условия выдры. Серьезных врагов и конкурентов у выдры нет. Болезни и паразиты почти не изучены. Выдры до некоторой степени благоприятно влияют на существование таких пушных зверей, как соболь, лисица, горностай, неспособных достать из-под воды «снулых» лососей и пользующихся остатками «стола» выдр. Подобные явления отмечались на реках Набиль, Поронай, Лангры (Вшивцев, 1968). Основными причинами сокращения численности выдры являются (не считая промысла) оскудение ихтиофауны водоемов в результате чрезмерного вылова лососевых, загрязнение водных объектов, антропогенная трансформация биотопов. Учитывая большое положительное влияние выдры на воспроизводство ценных пород лососевых рыб, в настоящее время выгодно не только сохранить популяцию этого вида, но всемерно увеличивать численность его поголовья.

Заяц-беляк (*Lepus timidus* L.) на Сахалине встречается во всех ландшафтных зонах начиная от мыса Крильон до п-ова Шмидта включительно. Места обитания зайца крайне разнообразны, он встречается от морских побережий до высокогорий. В большей части своего ареала беляк – типично лесное животное. Лишь в тундровых сообществах обитает на безлесных пространствах, выбирая здесь заросли кустарников или изрезанные берега рек и озер, каменистые возвышенности. Однако наибольшая концентрация отмечается в ивняках по долинам рек и на опушках смешанных лесов близ водоемов. Вместе с тем беляк избегает сплошных массивов леса, предпочитая леса, изрезанные рубками, гарями и лугами. Особенно непривлекательны для него обширные участки хвойного леса с большой плотной древесного яруса и, следовательно, почти лишенного листового подлеска и травянистого покрова. С другой стороны, чисто листовые насаждения в лесной полосе заселены беляком также редко. В условиях листовен-

ничных редколесий зайцы очень часто держатся в зарослях кустарниковой березки, в ивняках и в молодых возобновлениях лиственницы, на гарях, часто предпочитая их участкам высокоствольной тайги. Местами могут наблюдаться нерегулярные сезонные переселения.

Заяц-беляк легко приспосабливается к различным кормам. Состав его пищи определяется преобладанием тех или иных видов кормов, при этом недостатка в кормах практически не испытывает. Питание зайца-беляка различно по сезонам года. Летом он кормится разнообразной травянистой растительностью, остро нуждается в сочных кормах и по этой причине держится преимущественно близ болот, рек и ручьев. Испытывает голодание, охотно грызет кости погибших зверей и сброшенные рога оленей. В тайге ест многие виды сосудистых растений: мышиный горошек, подмаренник, режа – полыни, часто использует для питания золотую розгу, кошачью лапку, ряд видов осок, хвощ, иван-чай и др. На полях охотнее всего ест заносные и кормовые виды – клевер, подорожник, одуванчик.

Осенью беляк постепенно переходит на питание веточными кормами, которые зимой становятся практически единственной пищей. Излюбленные корма – это ветки и молодые побеги мягких лиственных древесных пород – ивы, осины, березы и широколиственных пород – дуба, клена. В северных условиях основной кормовой породой для этого грызуна служит ива и лиственница. В малоснежье зайцы едят также и сухую траву.

Учитывая общее хорошее состояние кормовой базы и отсутствие явной конкуренции со стороны других видов млекопитающих, можно оценить состояние популяции зайца-беляка на Сахалине как стабильное. Антропогенные преобразования основных ландшафтов в целом положительно сказываются на состоянии популяции зайца. Общая численность во всем внутриостровном ареале варьирует в сравнительно небольших пределах, но местами может значительно колебаться в зависимости от распространения эпизоотий и погодных условий. Недостатка в кормах этот вид на Сахалине не испытывает.

Кабарга сахалинская (*Moschus moschiferus sachalinensis* Flerov) на Сахалине населяет горные старовозрастные елово-пихтовые леса, захламленные буреломом и валежником, с присутствием скал, древесных лишайников и кормовых трав. Летом спускается в нижний пояс гор. Не избегает лиственничных и смешанных лесов. В поисках корма часто посещает свежие лесосеки, где на срубленных деревьях кормится эпифитными лишайниками. При совместном обитании с пищухой поедает ее кормовые запасы, а на больших «стожках» устраивает лежки. Ведет оседлый образ жизни. Площадь индивидуального участка 40–300 га.

Уничтожение основных мест обитания кабарги в результате промышленных лесозаготовок и лесных пожаров, а также браконьерство привели к фрагментации некогда сплошного ареала распро-

странения на Сахалине. В настоящее время сохранилось несколько локальных участков ее распространения. Общая площадь территории, реально занятой кабаргой, составляет около 5–6 тыс. км². Плотность обитания на острове в среднем составляет около 0,15 особей/1000 га угодий (Красная книга..., 2001).

В целом на основании изучения основных типов лесных ландшафтов Дальнего Востока установлено (Бромлей, Кучеренко, 1983; Железнов, 1990; Зайцев, 1991), что в типичных местах своего обитания кабарга не может испытывать недостаток кормов. Даже при максимально известной плотности населения кабарги (20 особей/1000 га) расчетное количество потребляемой ею растительности во много раз меньше имеющихся запасов даже во вневегетационный период. Совершенно отсутствует связь между плотностью населения кабарги и видовым разнообразием кормовых растений всех имеющихся классов избирательности.

Следовательно, если применить эти данные к сахалинской кабарге, необходимо подчеркнуть, что масса растительных кормов этого вида в горных лесных формациях Сахалина такова, что она при современной плотности не может испытывать недостатка в пище. Учитывая, что расчетное потребление при этом составляет менее 10 % от имеющихся запасов, можно утверждать, что кабарга не является и причиной деградации кормовой растительности. Между сахалинской кабаргой и растительностью можно выделить основной тип взаимоотношений – сравнительно оседлый образ жизни в сочетании с широким кормовым спектром во флористически обедненных горных темных лесах. Антропогенные преобразования основных ландшафтов, пригодных для обитания кабарги, крайне отрицательно сказываются на состоянии ее популяции. Общая численность кабарги на Сахалине продолжает сокращаться.

Лисица обыкновенная (*Vulpes vulpes* L.) на Сахалине распространена широко, встречается во всех ландшафтных зонах начиная от мыса Крильон до п-ова Шмидта включительно. Места обитания лисицы крайне разнообразны, она встречается от морских побережий до участков горных тундр. Лисица предпочитает долины рек, места с относительно хорошо выраженным рельефом и окрестности селений. При этом избегает больших равнинных лесных массивов с их обычно заболоченной почвой. Излюбленные места обитания лисицы во все сезоны – морские побережья и устья рек. Это преимущественно открытые, лишенные леса участки с травянистой и кустарниковой растительностью.

Для лисиц характерны сезонные перемещения по угодьям, которые имеют главным образом вертикальный характер и обусловлены в основном режимом снегового покрова и сезонным распределением кормов. Летом лисицы чаще встречаются в верховьях рек, по склонам хребтов, где больше грызунов; к зиме большинство лисиц переселяется в кустарниковые заросли по долинам рек.

Численность лисиц по годам резко меняется. Причины этих изменений различны, однако наиболее важными и широко распространенными из них являются изменения кормовых условий, связанные главным образом с резкими колебаниями численности различных видов мелких грызунов, и заболевания, иногда принимающие характер эпизоотий. Ухудшение условий питания лисиц снижает их плодовитость и повышает смертность молодняка.

Питание лисицы весьма разнообразно и вместе с тем изменчиво по сезонам в соответствии с условиями каждого конкретного года. Состав пищи может существенно меняться в разные годы, что связано с изменением численности и доступности различных видов корма. В целом лисица способна приравниваться к разнообразным и постоянно меняющимся кормовым условиям. В состав ее кормовых объектов входят не менее 90 видов животных и растений. Трофическое благополучие лисиц зависит в основном от состояния местных популяций мышевидных грызунов, птиц (чайковых, чистиковых, воробьиных), проходных лососевых рыб (горбуши, кеты, симы) и урожайности шести-семи видов плодово-ягодных дикорастущих растений (в основном – брусники, голубики, шикши, шиповника, рябины бузинолистной) (Воронов, 2006). По суммарной величине кормового коэффициента эти корма составляют до 70–80 % объема всей съедаемой лисицами пищи. Большую роль в питании части популяции играют выбросы моря. Другие объекты (насекомоядные, зайцеобразные, амфибии, рептилии, моллюски, ракообразные), хотя и играют в питании лисиц довольно существенную роль, в целом для этого вида – второстепенный корм.

Питание лисицы на Сахалине довольно разнообразно по составу основных и второстепенных кормовых объектов. Антропогенные преобразования основных ландшафтов (вырубка темнохвойных лесов, наличие редины и горельников) в целом положительно сказываются на состоянии популяции лисицы, но наиболее напряженная обстановка для нее складывается на морских побережьях, из-за значительной нарушенности этих территорий (Смирнов, 2005), и в районах лососевых рек, из-за «особенностей» прибрежного рыболовства последних лет. Общая численность лисицы может колебаться в зависимости от состояния и урожайности основных кормов, а также от погодных условий. В связи с этим обстоятельством, а также принимая во внимание отсутствие на Сахалине вообще голодных для лисиц лет в течение последнего полувека, можно довольно оптимистично оценивать современную кормовую базу для этого вида в регионе в целом.

Северный олень (*Rangifer tarandus* L.) на Сахалине встречается главным образом в северных и центральных районах, периодически проникая во время кочевок южнее перешейка Поясок. Населяет тундроподобные мари, горно-лесные и пойменные угодья. Не избегает лиственничных и

смешанных лесов. В поисках корма часто посещает морские побережья. Ведет кочевой образ жизни. Хотя олени бегают (и плавают) быстрее всех преследующих их хищников, открытые пространства (тундра, болота, приморские равнины) являются важным условием выживания оленей.

Образ жизни оленей различен в разных ландшафтных условиях. В равнинных районах они могут вести в общем оседлую жизнь. Летом держатся на больших открытых пространствах и болотах у берегов рек и озер, где много зеленого корма, а ветер несколько помогает спастись от гнуса. Зимуют олени обычно в лесах, имеющих ягельные пастбища. В горных районах сезонные перемещения более заметны. В зимнее время часто концентрируются в местах, где снег частично сдувается ветром, а летом спускаются к долинам рек и берегам озер. Таким образом, характер снежного покрова является основным фактором, который обуславливает кочевки и определяет распространение оленей зимой. На Сахалине пресс природных хищников (росомаха, медведь, крупные хищные птицы) на популяцию оленя незначителен, а местами и полностью отсутствует.

Питание резко меняется по сезонам года. Летом олени поедают более 100 видов растений. В подавляющем большинстве это зеленые растения; по массе они занимают 70–80 % всей пищи; лишайники же – только 10–15 %, остальные составляют мхи и прочие примеси. Весной особенно жадно олени едят злаки и осоки, позже часто используются листья различных видов низкорослых ив и берез. Охотно едят летом и разнотравье. Осенью в питании оленей заметно возрастает значение лишайников. В содержимом желудков зеленые растения по массе занимают 30–50 % всей пищи. Зимой лишайники являются в ряде районов основным кормом, и в желудках они по массе занимают до 70 % всей пищи, остальную часть составляют остатки зеленых растений, сохранившихся под снегом, мхи и другие примеси.

Олени часто испытывают белково-минеральное голодание, в связи с чем они во все сезоны при наличии возможности стараются есть и корма животного происхождения (например, мелких грызунов, яйца птиц).

Как известно, одним из главных факторов, определяющих численность северных оленей, является площадь доступных зимних пастбищ. В горах зимние пастбища располагаются на открытых участках склонов или в долинах рек. Открытые болотистые равнины также важны в качестве зимних пастбищ. Вдоль побережий морей снега бывает меньше, здесь оленям свойствен особый тип питания с преобладанием подснежной зелени (Сыроечковский, 1986; Железнов, 1990). Общую специфику размещения оленей в течение года определяют кормовая емкость и доступность летних и зимних пастбищ. Относительно короткий вегетационный период на севере Сахалина требует, чтобы летний корм был максимально полноценным, что достигается оленями за счет миграции туда, где больше

молодой зеленой растительности.

Главными показателями кормовых ресурсов оленых пастбищ, по оценке специалистов (Бороздин и др., 1979), являются следующие: запасы кормовой массы; ботанический состав и кормовая ценность; распределение ресурсов по территории; степень доступности ресурсов для использования в конкретных условиях; запас кормов по сезонам года; оптимальный и доступный сезоны их использования. К основным кормовым видам растений в первую очередь относятся кустистые лишайники, известные под общим названием «ягель», кустарники осоки, злаки, хвощи и разнотравье.

На Сахалине основные потенциальные оленые пастбища по ботаническому составу и структуре кормов относятся к летним пастбищам. Это мохово-лишайниковые и кочкарниковые мари, болота, луга, лиственничные редколесья, пойменные леса. Летние пастбища имеют средний и богатый запас зеленых кормов. Кормовыми растениями летних пастбищ являются около 50 видов высших сосудистых растений: кустарниковые березы (Миддендорфа, тощая) и ивы (коротконожковая, буряющая), злаки (вейник Лангсдорфа и в. незамечаемый), осоки (Лингби, крупноголовая и др.), пушицы (рыжеватая, влагилищная), разнотравье, хвощи.

Все потенциальные олени пастбища сильно страдают от лесных пожаров. При этом отмечено, что при сильных пожарах полностью уничтожаются как зеленые, так и ягельные корма, а угожья на значительный период времени полностью теряют свои пастбищные свойства. На полное восстановление даже слабо выгоревших ягельников требуется не менее чем 25–30 лет (Тихомиров, 1956; Бороздин и др., 1979).

В пределах внутриостровного ареала северный олень на Сахалине распространен весьма неравномерно. Особенно заметна спорадичность распространения в таежной полосе. На острове, по литературным данным (Баскин, 2007), в настоящее время отмечается наличие двух популяций, изолированных вследствие уничтожения оленей на окружающих территориях. Это Шмидтовская – численность несколько сотен особей. Занимает смешанную горно-таежную зону площадью 1,8 тыс. км². И Ногликская – численность 3500 особей. Занимает холмистую и равнинную тайгу площадью 29,5 тыс. км². Фактически же необходимо согласиться с мнением Г. А. Воронова (2001), который в рамках указываемой Ногликской популяции отмечает наличие достаточно изолированной популяции Восточно-Сахалинских гор, для сохранения которой уже в настоящее время требуются особые меры охраны (Красная Книга..., 2001).

Имеющиеся данные о современной численности и распространении северного оленя на Сахалине явно недостаточны для проведения качественного анализа оценки состояния его отдельных популяций. Это связано в первую очередь с особенностями проведения учетов, которые, во-первых, чаще всего проводятся в зимний период, а во-вторых, не охватывают всех необходимых

территорий. Определенные сложности представляют учеты в закрытых биотопах (таежные участки, пересеченная горная местность), которые составляют большую часть биотопов северных оленей на Сахалине (Еремич, 2004).

В XIX веке северный олень был широко и массово распространен на всей территории Сахалина (Поездки..., 2003). Прямое преследование человеком, уничтожение основных мест обитания в результате промышленных лесозаготовок и лесных пожаров, а также браконьерство привели к фрагментации некогда сплошного ареала распространения. В настоящее время сохранилось несколько основных локальных участков его распространения, а общая численность составляет около 3500 особей (Доклад..., 2004). Территории существующих ООПТ различного ранга не всегда отведены с учетом охраны отдельных пастбищ северных оленей как ключевых участков для сохранения популяций. Возможный ущерб от строительства различных трубопроводов при переходе оленей на другие пастбища чаще всего не принимается во внимание. Небольшим по численности популяциям не уделяется должного внимания.

Оценка состояния потенциальных кормовых угодий северного оленя показывает, что при современной плотности он не может испытывать недостатка в пище и не является причиной деградации кормовой растительности. Общая численность и современная картина распространения оленя на Сахалине обусловлена только преследованием его со стороны человека.

Соболь (*Martes zibellina* L.) на Сахалине распространен широко, встречается во всех ландшафтных зонах начиная от мыса Крильон до п-ова Шмидта включительно. Соболь – типичный представитель равнинной и горной тайги. Места обитания соболя крайне разнообразны, он встречается от морских побережий до высокогорий. Предпочитает участки высокоствольного леса и старые гари, изрезанные речками и ручьями и сильно захламленные валежником. Встречается в лиственно-еловом редколесье, лиственничных насаждениях, в старовозрастных березовых лесах с подлеском из рябины, кедрового и ольхового стланика, а также в пойменных лесах. В горах обитает в зарослях кедрового стланика и на каменистых россыпях.

Ежегодно в конце лета начинается расселение молодых, а иногда и взрослых особей. В горных районах зверьки совершают регулярные сезонные миграции в вертикальном направлении. Известны периодические перекочевки с гор в долины и обратно, связанные с динамикой формирования снежного покрова. В долинах зимой снег более рыхлый и корм более доступный, а весной первыми оттаивают каменистые склоны, и соболь перекочевывает вверх к хребтам. Голод, лесные пожары, рубка леса на больших площадях также вызывают кочевки. В таких случаях соболя можно встретить в не свойственных для него угодьях.

Соболь – типичный полифаг, пищу добывает на земле, редко на деревьях. В отличие от большин-

ства видов семейства куньих он может существовать в значительной мере за счет растительных кормов и прежде всего орехов кедрового стланика. Эта особенность определяет более выраженную оседлость в сравнении с некоторыми видами хищников и меньшее влияние кормовых условий на периодические изменения его численности.

Отмечаются стациальные и сезонные изменения в составе кормов в соответствии с условиями каждого конкретного года. Состав пищи может существенно изменяться в отдельные годы в зависимости от урожая кормов и степени их доступности, особенно в снежный период. В целом соболь способен приравливаться к разнообразным и постоянно меняющимся кормовым условиям. Однако повсеместно и всегда предпочитаемой и основной пищей соболя являются мелкие грызуны. На Сахалине часто он использует рыбные (в виде снулых лососей) и растительные корма (Воронов, 2006).

Численность соболя по годам не испытывает значительных колебаний и не подвержена хорошо выраженным и быстро протекающим изменениям. Это в значительной мере связано с его всеядностью. В противоположность многим хищным зверям при недостатке одних кормов соболь легко переключается на другие и, таким образом, не испытывает длительного голодания. Все же в особо неблагоприятные по климатическим и пищевым условиям годы поголовье соболя уменьшается в результате снижения плодovitости: сокращается число детенышей в помете, значительно возрастает количество неоплодотворенных самок. На сравнительно небольших территориях сокращение

численности соболя может быть вызвано лесными пожарами и изменением природного ландшафта в результате деятельности человека.

Соболь населяет всю лесопокрытую территорию острова, является одним из фоновых представителей ее охотничьей фауны, имеет важное экономическое значение. Питание соболя на Сахалине довольно разнообразно по составу основных и второстепенных кормовых объектов. Он способен хорошо приравливаться к разнообразным и постоянно меняющимся кормовым условиям. Антропогенные преобразования основных ландшафтов (вырубка темных хвойных лесов, наличие редин и горельников) в целом положительно сказываются на состоянии популяции соболя. Отмечаемые снижение поголовья соболя или медленное восстановление его в некоторых промысловых районах свидетельствуют о необходимости постоянного и строгого планирования промысла с учетом условий обитания и прежде всего состояния кормовой базы. Общая численность соболя может колебаться в зависимости от погодных условий и от состояния основных кормов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изучения имеющихся литературных материалов и собственных полевых наблюдений, характеризующих современное состояние основных угодий и потенциальных запасов кормов охраняемых и охотничьих млекопитающих Сахалина, можно сделать следующие основные обобщения (табл. 2), выводы и заключения:

Таблица 2

Оценка ближайшей перспективы численности популяций охраняемых и промысловых млекопитающих на Сахалине

Вид	Обеспеченность основными кормами	Условия современного существования	Ближайшая перспектива состояния численности популяции (без учета браконьерства)
Белка обыкновенная	удовлетворительная	хорошие	стабильное
Бурундук	хорошая	хорошие	стабильное
Бурый медведь	тенденция снижения	ухудшение	снижение
Выдра	тенденция снижения	ухудшение	снижение
Заяц-беляк	хорошая	хорошие	стабильное
Кабарга	хорошая	ухудшение	снижение
Лисица	хорошая	хорошие	стабильное
Северный олень	хорошая	ухудшение	снижение
Соболь	хорошая	хорошие	стабильное

1. В настоящее время на Сахалине произошли значительные антропогенные изменения среды обитания большинства видов животных (сокращение лесных массивов, осушение территорий, прокладка дорог и т. д.). Для некоторых млекопитающих (бурундук, заяц-беляк, лисица, соболь) сведение темнохвойных лесов в целом позитивно сказалось на состоянии кормовой базы и современной численности. Лучшими местообитаниями для них являются средневозрастные и смешанные леса и поэтому в ближайшей перспективе состояние их популяции ожидается стабильным и опасений не вызывает.

2. Белка, кабарга и северный олень даже в условиях сокращения лесной растительности имеют высокую обеспеченность основными кормами, намного превышающими их биологические потребности при современной численности. И если для белки характерна относительно стабильная численность (в зависимости от урожайности кормов), то для кабарги и северного оленя общие условия современного существования имеют явную тенденцию ухудшения из-за уменьшения площади основных угодий вследствие хозяйственного освоения новых территорий. У кабарги и оленя в ближайшей перспективе продолжится снижение численности.

3. У бурого медведя и выдры обеспеченность основными кормами, необходимыми для поддержания стабильного состояния популяций, в настоящее время уже явно недостаточна (в основном это связано с перепромыслом лососевых). К этой проблеме добавляется явная тенденция ухудшения общих условий существования. Особенно это касается бурого медведя, у которого все основные кормовые угодья (морские побережья, нерестовые реки и даже ягодники) находятся не только под постоянным влиянием активной хозяйственной деятельности (промысел лососевых), но и испытывают все возрастающие рекреационные нагрузки со стороны населения. В самой ближайшей перспективе следует ожидать дальнейшее снижение численности бурого медведя и выдры и как возможное следствие – включение их в список «краснокнижных» видов, наряду с кабаргой и северным оленем.

4. Территории существующих ООПТ различного ранга не всегда отведены с учетом действенной охраны отдельных небольших по численности популяций некоторых животных (кабарга, северный олень) и, следовательно, слабо способствуют решению природоохранных задач. Возможный ущерб от строительства различных промышленных объектов часто просто не принимается во внимание. Каких-либо комплексных резерватов для сохранения диких животных на Сахалине просто не существует.

5. В качестве одной из рекомендаций по улучшению кормовой базы для некоторых млекопитающих можно порекомендовать расширение работ по лесовосстановлению с использованием сосны кедровой корейской (*Pinus koraiensis*). Использо-

вание этой ценной во всех отношениях древесной породы расширит в перспективе спектр важных растительных кормов, особенно в южной части Сахалина.

Литература

1. Атлас береговой зоны Сахалина. – Владивосток, 2002. – 51 с.
2. Баскин, Л. М. Популяции диких и одичавших северных оленей Сибири и Дальнего Востока / Л. М. Баскин // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. – Отд. биол., 2007. – Т. 112. – Вып. 4. – С. 3–9.
3. Бороздин, Э. К. Северное оленеводство / Э. К. Бороздин, В. А. Забродин, П. Н. Востряков, Н. О. Дьяченко, В. В. Крючков, В. Н. Андреев. – М.: Колос, 1979. – 286 с.
4. Бромлей, Г. Ф. Копытные юга Дальнего Востока / Г. Ф. Бромлей, С. П. Кучеренко. – М.: Наука, 1983. – 304 с.
5. Воронов, Г. А. Некоторые особенности питания охотничьих млекопитающих на Сахалине и Курильских островах / Г. А. Воронов // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. – № 13. – Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2006. – С. 247–264.
6. Воронов, Г. А. Обыкновенная белка острова Сахалин (препринт) / Г. А. Воронов. – Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВО РАН, 1996. – 54 с.
7. Воронов, Г. А. Охотничье-промысловая териофауна острова Сахалин / Г. А. Воронов // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. – № 10. – Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2003. – С. 284–296.
8. Воронов, Г. А. Северный олень (дикая популяция) / Г. А. Воронов // Красная книга Сахалинской области (животные). – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2001. – С. 23–24.
9. Вшивцев, В. П. Выдра на Сахалине (биология и хозяйственное использование) / В. П. Вшивцев. – Новосибирск, Сиб. отд.: Наука, 1972. – 107 с.
10. Вшивцев, В. П. К биологии и хозяйственному использованию речной выдры / В. П. Вшивцев // Сб. НТИ ВНИИЖП. – Вып. 22. – Киров, 1968. – С. 13–15.
11. Вшивцев, В. П. К биологии и хозяйственному использованию белки на Сахалине / В. П. Вшивцев, Н. П. Есаулов, А. В. Дубень, В. И. Зарубин // Материалы Всесоюзного научно-производственного совещания по белке. – Киров, 1967. – С. 28–32.
12. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Сахалинской области в 2003 году. – Южно-Сахалинск, 2004. – 223 с.
13. Еремин, Ю. П. Современное состояние охотничьих ресурсов и их эксплуатация в Сахалинской области / Ю. П. Еремин // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. – № 11. – Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2004. – С. 355–365.

14. Железнов, Н. К. Дикие копытные Северо-Востока СССР / Н. К. Железнов. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – 480 с.
15. Зайцев, В. А. Кабарга Сихоте-Алиня / В. А. Зайцев. – М.: Наука, 1991. – 216 с.
16. Колосов, А. М. Биология промыслово-охотничьих зверей СССР / А. М. Колосов, Н. П. Лавров, С. П. Наумов. – М.: Высш. школа, 1979. – 416 с.
17. Красная книга Сахалинской области (животные). – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2001. – 191 с.
18. Лавров, Н. П. Акклиматизация и реакклиматизация промысловых зверей СССР / Н. П. Лавров. – М.: Заготиздат, 1973. – 237 с.
19. Поездки мои по острову Сахалину я сделал осенью и зимою... Отчеты лейтенанта Н. В. Рудановского. 1853–1854 гг. // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. – № 10. – Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2003. – С. 137–166.
20. Реймерс, Н. Ф. Насекомоядные и грызуны Сахалина и Курильских островов / Н. Ф. Реймерс, Г. А. Воронов, Е. Е. Загородских, А. В. Алина // Сборник по экологии и териологии. – Пермь, 1968. – Т. 61. – Вып. 3. – С. 35–99.
21. Романов, В. Н. К вопросу о плодonoшении основных хвойных пород Сахалина / В. Н. Романов // Сообщ. Сахалинского филиала АН СССР. – Южно-Сахалинск, 1954. – Вып. 1. – С. 49–64.
22. Смирнов, А. А. Негативные антропогенные изменения в растительном покрове побережий острова Сахалин / А. А. Смирнов // Ритмы и катастрофы в растительном покрове Дальнего Востока. Материалы международной научной конференции «Ритмы и катастрофы в растительном покрове Дальнего Востока». (Владивосток, 12–16 октября 2004 г.) / Под ред. О. В. Храпко. – Владивосток: БСИ ДВО РАН, 2005. – С. 201–2007.
23. Смирнов, А. А. Биологические особенности семеношения пихт Сахалина: автореф. дис. ... канд. биол. наук / А. А. Смирнов. – М., 1989. – 24 с.
24. Соловьев, К. П. Плодonoшение ели аянской и пихты сахалинской / К. П. Соловьев // Сб. работ ДальНИИЛХ. – Хабаровск, 1948. – Вып. 1. – С. 183–181.
25. Стариков, Г. Ф. Белкам пролив Невельского не преграда / Г. Ф. Стариков // Природа. – 1966. – № 6. – С. 127.
26. Сыроечковский, Е. Ю. Северный олень / Е. Ю. Сыроечковский. – М., 1986. – 196 с.
27. Тихомиров, Н. Е. К характеристике растительности и оленьих пастбищ Виахтинского оленеводческого района / Н. Е. Тихомиров // Географический сборник VIII. Растительный покров Сахалина. – М.-Л.: изд-во АН СССР. – 1956. – С. 88–109.
28. Толмачев, А. И. Геоботаническое районирование острова Сахалина / А. И. Толмачев. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1955. – 78 с.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

**Археология
История
Педагогика
Психология
Социология
Филология
Экономика
Юриспруденция**

**ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА
«ГЕОЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС САХАЛИНА»**

(результаты исследования по гранту № 06-06-96028)

Василевский Александр Александрович – доктор исторических наук, заведующий Сахалинской лабораторией археологии и этнографии ИАЭТСОРАН и СахГУ.

Ткаченко Сергей Вадимович – системный администратор, научный сотрудник Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТСОРАН и СахГУ.

Федорчук Владимир Дмитриевич – старший научный сотрудник Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТСОРАН и СахГУ.

1.1. Номер проекта: 06-06-96028

1.2. Руководитель проекта: (фамилия, имя, отчество) Василевский Александр Александрович

1.3. Название проекта: Геоэтноархеологический атлас острова Сахалин

1.4. Вид конкурса: р_восток_a - Региональный конкурс «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК»

1.5. Год представления отчета: 2007

1.6. Вид отчета (указать цифрой: 1 – итоговый).

1.7. Аннотация (не более 1 стр.; описать содержание фактически проделанной за отчетный период работы и полученные результаты)

Проведенная работа. В 2006 г. уточнены координаты до 1500 археологических и исторических объектов о. Сахалин. В Государственном архиве Сахалинской области собрана информация о населенных пунктах XIX и XX вв. На основе собранных данных, а также опубликованных карт создан электронный геоэтноархеологический атлас о. Сахалин. В проведенном многоступенчатом исследовании использованы археологические, исторические, этнографические и экспериментальные данные, полученные на основе современных ГИС-технологий.

Полученные результаты и выводы. 1. На карте о. Сахалин нанесено 1350 археологических объектов эпохи камня, раннего железа и средневековья, населенных пунктов коренных народов, опорных военных пунктов (постов) русских и японцев на острове в середине XIX века, населенных пунктов Японии и СССР XX века. Разноразрядный анализ полученных данных – вопрос отдельного комплексного исследования. 2. Созданная в проекте археологическая карта показывает неизученные участки острова. Абсолютное большинство разновременных объектов приурочено к прибрежной полосе шириной до полутора километров. Однако наличие отдельных групп разновременных объектов в глубине острова указывает на перспективы исследования проблем географической демографии. Крупные поселения площадью до нескольких десятков гектаров приурочены к лагунам, на стыке прибрежных и таежных ландшафтов. Это объясняется максимально высоким промысловым потенциалом прибрежных районов. На севере до XX века социумы за-

селяли речные долины, речные долины юга пу-
стеют в период от развитого неолита (7000–6000
лет) до Новейшего времени, когда активность че-
ловека смещается на морской берег. Это резуль-
тат отсоединения острова от континента 7 800
лет назад и истощения ресурсов тайги на фоне
глубокооснежья и изоляции. Вопрос требует ком-
плексного изучения с участием палеозоологов.
3. Во второй половине XIX века отмечается черес-
полосное проживание нескольких коренных и
пришлых народов, что, с одной стороны, объясня-
ется русско-японским соперничеством, а с дру-
гой – прекращением межплеменных войн в связи
с появлением на острове новой силы – русских и
японских военных гарнизонов. В первой полови-
не – середине XX века происходит резкое увели-
чение количества населенных пунктов и смешан-
ное проживание этносов по всему острову как ре-
зультат политики России–СССР и Японии. 4. Соз-
данный атлас применяется в управлении и отделах
культуры администрации Сахалинской области и
районов в качестве ГИС-основы для принятия ре-
шений о согласовании земельных отводов на тер-
ритории области. Электронный атлас используется
в качестве электронного пособия для изучения
археологии и истории края в музее археологии и в
систематических курсах археологии Сахалинского
государственного университета. Его развитие пой-
дет по пути специализации (история, археология)
и расширения (включение ранее неизвестных дан-
ных и новых районов в ГИС), а также углубления
и интеграции разделов ГИС как базы данных об
объектах культурного наследия области. Вторая
часть такой ГИС должна быть создана по Куриль-
ским островам как неотъемлемой части Сахалин-
ской области.

**1.8. Полное название организации, где вы-
полняется проект:**

«Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Саха-
линский государственный университет»

**1.9. «Исполнители проекта согласны с опу-
бликованием (в печатной и электронной фор-
мах) научных отчетов и перечня публикаций по
проекту»**

Форма 502. КРАТКИЙ НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ

(– заполняется на английском языке;
– представляется в печатном виде)

2.1. Project Number: 06-06-96028

2.2. Team leader (project leader) Vasilevski Alexander Alexandrovich

2.3. Project name Geoethnoarchaeological atlas of Sakhalin island

2.4. The year of reporting (2007)

2.5. Type of report (1 – final)

2.6. Annotation

The scope of work. In 2006 the coordinates of 1500 archaeological and historical objects of Sakhalin were specified. The information of the settlements of the XIX–XX-th cc were discovered in the State Archive of the Sakhalin region. On the basis of the collected data and existing maps in this multistage study the archaeological, historical, ethnographic and the experimental data were received. They become the basis of the created electronic geoethnoarchaeological atlas of Sakhalin as a part of a new GIS.

The received results and conclusions. 1. The 1350 archaeological objects, settlements of indigenous people, military camps of Russian and Japanese of the middle of XIX century, the settlements of Japan and the USSR of the XX-th centuries were pointed out. 2. The archaeological map created in the project shows the blank areas of the island. The majority of the different times' objects were situated within the coastal of one and a half kilometer. However the presence of separate groups of the settlements inside the island, specifies the perspectives of the research of the problems of geographical demography. Large settlements up to several tens of hectares are situated in the area of lagoons, on a joint of coastal and taiga landscapes. The societies of the North till XX-th century occupied the river valleys. The valleys of the South become empty during from the Neolithic (7000–6000 years) till the Modern times when activity of the people shifted onto the sea coast. It is the result of the detachment of the island from the continent 7 800 years ago and the exhaustions of resources of the isolated island. The question demands complex study of the palaeozoologists. 3. In the second half of the XIX-th century the alternative residing of several local and new coming people is revealed. It was the result of the Russian-Japanese rivalry, and also of the termination of the wars of local peoples in connection with occurrence of the new force – Russian and Japanese military garrisons. In the first half and the medium of XX-th century there is a big increase of the quantity of settlements and the mixed residing of ethnic groups as a result of policy of Russia-USSR and Japan. 4. The created atlas is applied in the of the Sakhalin regional and the districts' departments of culture of administration as GIS-bases to decision-making on the coordination of the land permits. The Electronic atlas is used for the study of archeology and history in the Sakhalin State University. The further development of the atlas will go through specialization (history, archaeology) and expansions (inclusion of the unknown before areas into the GIS). The second part of such GIS

should include the Kuril islands, as integral part of the Sakhalin region.

2.7. The official name of the Enterprise. The State Educational Enterprise of the Higher Professional Education the Sakhalin State University

Форма 503. РАЗВЕРНУТЫЙ НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ

3.1. Номер проекта: 06-06-96028

3.2. Название проекта: Геоэтноархеологический атлас острова Сахалин

3.3. Коды классификатора, соответствующие содержанию фактически проделанной работы:

06-130 Фундаментальные исследования историко-культурных процессов становления и развития человеческих сообществ на основе археологических источников. Новые методы исследований (подводная археология, использование ГИС-технологий, инструментария точных и естественных наук). История древней техники и технологий.

06-110 Системный анализ, синергетические и информационные подходы в исторических исследованиях. Математическое и компьютерное моделирование исторических процессов, создание баз данных.

3.4. Объявленные ранее (в исходной заявке) цели проекта:

Целью проекта является систематизация опубликованных и архивных данных о геоэтноисторических и археологических объектах острова Сахалин. Выбор региона обусловлен тем, что Сахалин в силу своего островного положения является своеобразным замкнутым полигоном – своего рода идеальной моделью исследования, территорией, вмещающей различные типы ландшафтов и этнокультурных объектов. Тема проекта обусловлена необходимостью систематизации массива данных, отражающих топографические, этнокультурно-хронологические особенности антропогенных объектов острова, с применением методов, соответствующих современному научному уровню. Для достижения поставленной цели необходимо решение ряда частных задач: 1) сбор картографического и фактографического материала, уточнение координат объектов; 2) оцифровка топооснов и создание электронных карт; 3) классификация объектов для представления в ГИС; 4) разработка и создание геоэтноархеологического атласа острова Сахалин.

3.5. Степень выполнения поставленных в проекте задач:

1) сбор картографического и фактографического материала, уточнение координат объектов – в целом выполнены по археологии и истории, в том числе на основе применения космической аэрофотосъемки в системе Google Earth. Не уточнены координаты ряда японских, нивхских, уильтинских, айнских и эвенских населенных пунктов, для которых требуются отдельные экспедиции, что не входило в задачи проекта;

2) оцифровка топооснов и создание электронных карт – выполнены полностью благодаря при-

менению имеющихся в открытой продаже отечественных лицензионных программ-карт, в том числе компании «ИНГИТ»;

3) классификация объектов для представления в ГИС – выполнены полностью;

4) разработка и создание геоэтноархеологического атласа острова Сахалин – выполнен макет атласа в масштабе.

3.6. Полученные за отчетный год важнейшие результаты

1. Впервые создан атлас памятников археологии Сахалина, насчитывающий 875 геопривязанных точек археологических объектов.

2. Впервые совмещены в рамках одного картографического свода памятники археологии, этнографические объекты XIX века, а также российские и японские населенные пункты XIX–XX вв.

3. Впервые в археологии региона успешно начато создание геоинформационной системы.

3.7. Степень новизны полученных результатов. Разработки, примененные в создании атласа, для археологии региона являются абсолютной инновацией, так как создают принципиально новый способ обработки, хранения, поиска и применения информации по археологии Сахалинской области в рамках геоинформационной системы. В рамках этой системы происходит систематизация и постоянное пополнение имеющейся информации об археологических объектах края, включающей тексты, фотографии, спутниковые снимки, координаты и пр.

3.8. Сопоставление полученных результатов с мировым уровнем. Соответствует стандартам, применяемым в США и Японии для систематизации информации об объектах культурного наследия.

3.9. Методы и подходы, использованные в ходе выполнения проекта (описать, уделив особое внимание степени оригинальности и новизны).

Материалы, методы, проведенная работа. В течение полевого сезона 2006 г. с применением персональных навигаторов типа «Garmin» собраны или уточнены с детализацией положения объекта до ± 30 м координаты наиболее значимых из известных и открытых впервые археологических объектов острова Сахалин. При съемке координат избиралась центральная точка объекта. Всего проверено до 1200 археологических объектов, как существующих, так и ныне утраченных. Кроме того, в ГАСО (Государственном архиве Сахалинской области), Сахалинском областном краеведческом музее и архиве и библиотеке Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТКОРАН и СахГУ собрана достоверная информация о населенных пунктах XIX и XX вв. и археологических объектах на Сахалине, как ныне существующих, так и утраченных на 1.01.2006. На основе имеющихся электронных образцов карт с использованием современного программного обеспечения, включая отечественные и зарубежные ГИС-программы MAP SOURCE, ИНГИТ, OZZI EXPLORER, а также векторной графической программы Corel Draw 12 и опубликованных топографических карт

на твердых носителях создана электронная карта острова Сахалин как основа проектируемой ГИС «Геоэтноархеологический атлас острова Сахалин». В ходе введения данных в систему для сверки с реальным расположением этноархеологических объектов на местности использовалась свободно распространяемая во Всемирной сети Интернет ГИС-программа аэрокосмической съемки Google Earth. Данная система сыграла особую роль, так как по ряду не существующих ныне либо труднодоступных ввиду удаленности от коммуникаций объектов координаты их получены методом наложения и сверки разных источников информации со спутниковыми геопривязанными снимками. Таким образом, проводимое исследование представляет собой многоступенчатую работу с использованием археологических, исторических, этнографических, географических и экспериментальных источников, полученных в ходе полевых и камеральных исследований на основе современных ГИС-технологий.

3.10.1. Количество научных работ по теме, опубликованных в ходе выполнения проекта (цифрами; для итоговых отчетов – за весь отчетный период) – НЕТ

3.10.2. Количество научных работ, подготовленных в ходе выполнения проекта и принятых к печати в 2006 г. (цифрами) – 1.

Подготовлена 1 статья для публикации в ежегодном сборнике «Ученые записки СахГУ».

3.11. Участие в научных мероприятиях по тематике проекта, которые проводились при финансовой поддержке Фонда (указать только количество мероприятий – цифрами) – НЕТ.

3.12. Использовалось ли оборудование центров коллективного пользования.

1 – да.

3.13. Участие в экспедициях по тематике проекта, проводимых при финансовой поддержке Фонда (указать только количество экспедиций – цифрами).

3.14.1. Вычислительная техника и научное оборудование, приобретенные на средства Фонда.

Куплено 3 системных блока Pentium. Блоки установлены в Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТКОРАН и СахГУ, где и выполнялись исследования по гранту.

3.15.1. Адреса (полностью) ресурсов в Интернете, подготовленных авторами по данному проекту.

3.16. Библиографический список всех публикаций по проекту за весь период выполнения проекта, предшествующий данному отчету (за 2006 г.).

Подготовлены к печати:

3.16.1. Василевский, А. А. Геоинформационная система «Геоэтноархеологический атлас Сахалина» (результаты исследования по гранту № 06-06-96028) / А. А. Василевский, С. В. Ткаченко // Ученые записки СахГУ, 2009. – В печати.

3.16.2. Василевский, А. А. «Геоэтноархеологический атлас о-ва Сахалин» – список памятников археологии Сахалинской области для служебного поль-

зования – для апробации в 15 районных и одной областной администрации в Сахалинской области / А. А. Василевский, С. В. Ткаченко, В. Д. Федорчук.

Форма 509. ПУБЛИКАЦИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОЕКТОВ РФФИ

9.1. Номер проекта: 06-06-96028.

9.2.1. Первый автор: Василевский А. А.; 1; Россия; Сахалинский государственный университет.

9.2.2. Первый автор: Василевский А. А.

9.3.1. Другие авторы: Ткаченко С. В.; 1; Россия; Сахалинский государственный университет.

9.3.2. Другие авторы: Ткаченко С. В.

9.4. Название публикации: @ Геоинформационная система «Геоэтноархеологический атлас Сахалина» (результаты исследования по гранту № 06-06-96028) // Ученые записки СахГУ. – 2007. – В печати.

9.5. Язык публикации: Русский.

9.6.1. Полное название издания (сборника и т. д.) на языке оригинала: Ученые записки Сахалинского государственного университета.

9.6.2. ISSN издания.

9.7. Вид публикации: 2 – статья в сборнике.

9.8. Завершенность публикации: 2 – принято в печать.

9.9. Год публикации (арабскими цифрами): 2007.

9.10.1. Том издания (арабскими цифрами).

9.10.2. Номер издания/Выпуск 7.

9.11. Страницы.

9.12.1. Полное название издательства: издательство Сахалинского государственного университета.

9.12.2. Город, где расположено издательство: Южно-Сахалинск.

9.13. Краткий реферат публикации.

Информация, задачи, материалы, методы исследования. В 2006 г. авторами статьи получен грант 06-06-96028. Руководитель проекта – д. и. н., профессор СахГУ Василевский А. А. Грантодатель – Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и администрация Сахалинской области. Цель гранта – создание модели геоэтноархеологического атласа о. Сахалин. Проект направлен на создание ГИС-атласа разновременных геоархеологических и этнографических объектов от эпохи палеолита до Новейшего времени. Атлас позволяет ставить вопрос о закономерностях освоения человеком различных ресурсов и распределения его активности в границах различных сред и ландшафтов на острове Сахалин в различные периоды островной истории (палеолит, неолит, раннее железо и средневековье, Новое время, Новейшее время – XX век), а также у различных этносов (палеоазиаты, мохэ, айны, нивхи, русские, японцы, современное полиэтническое общество). Работа основана на палеоэтноэкологическом подходе, в задачи которого входит изучение закономерностей исторического движения в системе «социум (этнос) – время – окружающая среда». В качестве основных избраны методы пространствен-

но-временного моделирования, компьютерной обработки данных, классификации и визуализации. В процессе исследования систематизированы и представлены средствами ГИС-технологий опубликованные ранее, а также новые данные об археологических, историко-этнографических, в том числе о современных объектах различных типов (долговременных поселениях, сезонных стоянках, местах производственной деятельности, убежищах, охотничьих засадах, пещерных комплексах, военных постах (XIX век), поселениях разного типа). На основе проведенных исследований создана основа геоинформационной системы, подготовлен к публикации геоэтноархеологический атлас острова Сахалин. В результате в лаборатории археологии и этнографии СахГУ и ИАЭТСОРАН сформирована основа для проведения дальнейших палеогеографических реконструкций, а также моделирования этноисторических процессов и пространственно-временного анализа воздействия человека на островную среду.

Практические результаты исследования таковы. Уточнены координаты до 1350 археологических и исторических объектов о. Сахалин. В Государственном архиве Сахалинской области собрана информация о населенных пунктах XIX и XX вв. На основе собранных данных, а также опубликованных карт создан электронный геоэтноархеологический атлас о. Сахалин. В проведенном многоступенчатом исследовании использованы археологические, исторические, этнографические и экспериментальные данные, полученные на основе современных ГИС-технологий.

9.14. Список литературы (библиография), использованной при подготовке данной публикации

@1Александрова А. Н. @2Плейстоцен Сахалина@3М@4Наука@51982@6 192 с@7<>@1Алексеева Э. В. @2 Ископаемые остатки барана на Сахалине-@3Вестник ДВО РАН, 1995@4 6@5 91–93. <>@1 Алексеева Э. В., Горбунов С. В., Михеев Н. Б., Зуенко В. В. @2 Палеонтологические и археологические находки в пещере Зигзаг на горе Орел @3Вестник Сахалинского музея. – № 3. – Южно-Сахалинск: СОКМ, 1996. – С. 350–353.<>@2 Археология Амуро-Сахалинского региона@3Владивосток: изд-во ДВНЦ АН СССР, 1979. – 192 с.<>@1Берсенев Ю. И.@2Карст острова Сахалин (типы, формы, условие формирования, перспективы спелеологии) @3Владивосток, 1982. В статье Алексеева Э. В., Горбунова С. В., Михеева Н. Б., Зуенко В. В. Палеонтологические и археологические находки в пещере Зигзаг на горе Орел@4Вестник Сахалинского музея. – № 3. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 350–353.<>@1Василевский А. А., Жушиховская И. С., Плотников Н. В. @2 Комплексные исследования поселения Стародубское-3 // Древние культуры Дальнего Востока СССР (археологический поиск). – Владивосток, 1989. – С. 34–41.<>@1Василевский А. А. @2 Абсолютные даты поселений Кузнецово-3 и Южная-2 и их интерпретация // Проблемы краеведения: (Арсеньевские чтения): Науч-

но-практическая конф. 17–30.03.1989. – Тез. докл. – Ч. 1: Историческое краеведение. – Уссурийск: изд-во Уссур. ГПИ, 1989. – С. 12–15. <>@1Василевский А. А. @2 Голоценовые колебания уровней Охотского и Японского морей и топография археологических памятников на побережьях Южного Сахалина // Стратиграфия и корреляция четвертичных отложений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: тез. докл. Международного симпозиума ИНКВА. – Находка: изд-во ДВНЦ АН СССР, 1988А. – Т. 2. – С. 18–19. <>@1Василевский А. А. @2 Источники изучения позднеплейстоценовых – раннеголоценовых культур Сахалина в свете новых задач современной археологии Дальнего Востока России // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Материалы Международной конференции 24–25 марта 1994 г. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1996 А. – С. 26–30. <>@1Василевский А. А. @2 К понятию «неолит» и его периодизации на о. Сахалин // Вперед... в прошлое. К 70-летию Ж. В. Андреевой. – Владивосток: Дальнаука, 2000А. – С. 150–160. <>@1Василевский А. А. @2 Коррекция радиоуглеродных датировок и абсолютная хронология археологических культур о. Сахалин // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1995 А. – № 2. – С. 93–110. <>@1Василевский А. А. @2 Наброски к периодизации и синхронизации этапов каменного века Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 2001 А. – № 2. – С. 3–20. <>@1Василевский А. А. @2 Неолитические памятники юго-восточного Сахалина (к проблеме выделения анивской культуры) // Проблемы сахалинского краеведения. – Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1988 Б. – С. 16–18. <>@1Василевский А. А. @2 Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суше // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1993 А. – № 4. – С. 56–69. <>@1Василевский А. А. @2 Отчет о полевых исследованиях отряда № 1 археологической лаборатории Сахалинского государственного университета в 2000 году. – Научный отчет. – ИА РАН. – Р-1. – 2001 Б. – 177 с. <>@1Василевский А. А. @2 Отчет о работах Лютожского палеолитического отряда в 1996 г. – Архив ИА РАН. – Р-1. – 1997 А. – 101 с. <>@1Василевский А. А. @2 Отчет о работах Лютожского палеолитического отряда в 1994 г. – Научный отчет. – Архив ИА РАН. – Р-1. – 1995 Б. – 105 с. <>@1Василевский А. А. @2 Отчет о работах Лютожского палеолитического отряда в 1995 г. о. Сахалин. Поселение Огоньки 5. – Научный отчет. – Архив ИА РАН. – Р-1. – 1996 В. – 117 с. <>@1Василевский А. А. @2 Отчет о работах отряда 1 НИС ЮСГПИ в полевой сезон 1989 г. – Архив ИА РАН. – Р-1. – 1990 А. – 46 с. <>@1Василевский А. А. @2 Отчет о раскопках поселения Седых-1 в 1992 году. – Научный отчет. – Архив ИА РАН. – Р-1. – 1993 Б. <>@1Василевский А. А. @2 Отчет об археологических разведках на Сахалине в 1993 г. – Научный отчет. – Архив ИА РАН. – Р-1. – 1994 А. – 103 с. <>@1Василевский А. А. @2 Охотская пробле-

ма в свете современных исследований. (Сахалин, Хоккайдо, Курильские острова, 1980–90-е гг.) // Ученые записки СахГУ. – Выпуск 1. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2000 Б. – С. 6–12. <>@1Василевский А. А. @2 Памятники археологии Лютожской долины и их значение для палеолитоведения Дальнего Востока // Проблемы археологии каменного века. – Ред. А. М. Кузнецов. – Уссурийск: изд-во Уссур. ГПИ, 1997 Б. – С. 107–125. <>@1Василевский А. А. @2 Познавательные и демонстрационные возможности графических моделей доисторических ископаемых объектов (на примере графической реконструкции поселения эпохи верхнего палеолита Огоньки 5) // Учен. зап. Сахалин. ун-та. – 2001В. – Вып. 2. – С. 45–54. <>@1Василевский А. А. @2 Районирование человеческой деятельности на Сахалине в голоцене // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1999. – 1. – С. 84–90. <>@1Василевский А. А., Плотников Н. В. @2 Периодизация айнской культуры на Сахалине // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина / Мат. Межд. научн. конф. 31.10–2.11.1991. – Южно-Сахалинск, 1992. – Т. 2. – С. 119–124. <>@1Василевский А. А., Плотников Н. В., Самарин И. А. @2 Итоги полевого сезона Южно-Сахалинского государственного педагогического института в 1991 г. // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1992. – № 2. – С. 119–124. <>@1Василевский А. А., Шубина О. А. @2 Неолит Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. – № IX. – Южно-Сахалинск, 2002. – С. 196–131. <>@1Васильевский Р. С. @2 Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибир.: Наука, 1973 А. – 267 с. <>@1Васильевский Р. С. @2 Исследования стоянки Имчин на Северном Сахалине // АО 1972 года. – М.: Наука, 1973 В. – С. 202–203. <>@1Васильевский Р. С., Голубев В. А. @2 Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с. <>@1Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу @2 Культуры каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 207 с. <>@2 Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты. – Владивосток: ДГИ ДВО РАН, 2000. – 169 с. <>@1Вязовская В. В. @2 Неолитическая стоянка на р. Лютога и микролитические пластинки Имчина // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. – Владивосток: изд-во ДВНЦ АН СССР, 1967. – С. 138–142. <>@1Герус Т. А., Шубин В. О., Шубина О. А. @2 Новейшие археологические открытия на Северном Сахалине // Археология Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: изд-во ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 56–62. <>@1Голубев В. А. @2 Археологические исследования на юго-западе о. Сахалин. Научный отчет за 1985 г. – Рукопись // Архив ИА РАН. – Р. 1. – № 10800. – 1986 А. – 105 с. <>@1Голубев В. А., Лавров Е. Л. @2 Сахалин в эпоху камня. – Новосибирск: Наука, 1988. – 240 с. <>@1Горбунов С. В., Горобец В. Я. @2 Новая группа до-неолитических памятников на юге Сахалина // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск,

1991. – № 2. – С. 84–90. <>@1Горбунов С. В., Горобец В. Я.@2Новые памятники палеолита Сусунайской долины на Сахалине // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. – 1986. – С. 202–205. <>@1Горбунов С. В. @2Археологические памятники Тымовского района // Вестник Сахалинского музея. – № 7. – Южно-Сахалинск: СОКМ, 2000. – С. 264–285. <>@1Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.@2Палеолитоведение. Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 269 с. <>@1Козырева Р. В.@2Древний Сахалин. – Л.: Наука, 1967. – 186 с. <> Коно Цунэкичи@2Часи-айские крепости (Эдзо) // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1999. – № 2. – С. 139–143. <>@1Кузьмин Я. В.@2Палеография древних культур Приморья в эпоху камня. – Владивосток: изд-во Дальнаука, 1994. – 156 с. <>@1Лавров Е. Л. Первая стратифицированная стоянка палеолита Сокол 2 на юге Сахалина // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1984. – Вып. 2, № 9. – С 67–69. <>@1Лопатин И. А.@2Некоторые сведения о 49 урочищах в Амурском крае // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1994. – № 1. – С. 140–142. <>@2Материалы исследований Б. А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946–1948 гг.). – Подг. к изд. Прокофьевым М. М. – Препринт. – Южно-Сахалинск, 1988. – 142 с. <>@1Поляков И. С.@2Сахалин. Последнее приобретение России на самом Дальнем Востоке. На Сахалине // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, экономическом и бытовом значении. – СПб., 1895. – Т. XII. – Ч. 2. – Очерк IV. – С. 229–272. <>@1Самарин И. А.@2Археологические разведки в Корсаковском районе в 1990 году // Краеведческий бюллетень. – № 2. – Южно-Сахалинск, 1991. – С. 102–110. @1Самарин И. А.@2История острова Монерон. – Южно-Сахалинск: СОКМ, 1996. – 142 с. <>@1Стефан Дж.@2Сахалин: история // Стефан Дж. Сахалин. История. Перевод В. В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1992. – № 1. – С. 46–88; № 2. – С. 25–67; № 3. – С. 65–126; № 4. – С. 63–116. <>@1Шубин В. О.@2Древнейшее прошлое Сахалинской области: Путеводитель по передвижной выставке. – Южно-Сахалинск: СОКМ, 1984. – 4 с. <>@1Шубин В. О.@2Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1977. – 21 с. <>@1Шубин В. О.@2Новые неолитические памятники на Северном Сахалине // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: ИИФФ АН СССР, 1975. – С. 186–189. <>@1Шубин В. О., Шубина О. А.@2Новые радиоуглеродные датировки по археологическим памятникам Сахалинской области. – Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1984. – (Препринт). – 46 с. <>@1Шубин В. О., Шубина О. А., Горбунов С. В.@2Неолитическая культура на Южном Сахалине. – Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1982. – (Препринт). – 41 с. <>@1Шубина О. А. @2Каменный век Северного Сахалина (Им-

чинская неолитическая культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР. Л., 1990А. – 18 с. <>@1Шубина О. А. @2Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин 12 на Северном Сахалине. – Препринт. – Южно-Сахалинск: СОКМ, 1986. – 44 с. <>@1Шубина О. А., Жущиховская И. С.@2К вопросу о выделении локальных культур в неолите Северного Сахалина (по материалам керамических традиций) // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1986. – С. 16–17. <>@1Шубина О. А., Жущиховская И. С.@2Периодизация Имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. – Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1987. – С. 7–11.

9.15. Общее число ссылок в списке использованной литературы (цифрами): 62.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список памятников археологии островов Сахалин и Монерон, подготовленный в рамках проекта «Геоэтноархеологический атлас Сахалина» (грант РФФИ № 06-06-96028)

Современное административно-территориальное деление о. Сахалин

Наименование района	Обозначение на карте
Охинский	I
Ногликский	II
Александровск-Сахалинский	III
Тымовский	IV
Смирныховский	V
Поронайский	VI
Углегорский	VII
Макаровский	VIII
Томаринский	IX
Долинский	X
Холмский	XI
Южно-Сахалинский	XII
Корсаковский	XIII
Анивский	XIV
Невельский	XV

**Список памятников археологии о. Сахалин, вошедших в электронный атлас
на 1.01.2007**

№	Название	Район
1 ¹	Мыс Бакланий	I
2	Ныврово-1	I
3	Мыс Марии	I
4	Куэгда	I
5	Мончигар	I
6	Диановская	I
7	Туми	I
8	Пильво (дом лесника)	I
9	Помрь	I
10	Кеми	I
11	Антоновка	I
12	Некрасовка-5	I
13	Некрасовка-1	I
14	Некрасовка-2	I
15	Некрасовка-3	I
16	Некрасовка-6	I
17	Москальво	I
18	Остров Уж	I
19	Река Большая Нельма-1	I
20	Река Большая Нельма-2	I
21	Луговое-1	I
22	Казарка-1	I
23	Казарка-2	I
24	Лебязье-1	I
25	Одопту (нефтепромысел)	I
26	Зеркальное-1	I
27	Музьма	I
28	Гнилое-1	I
29	Лайда-1	I
30	Хальчково	I
31	Бивачное-1 п. 1	I
32	Луполово-1	I
33	Луполово-2	I
34	Мыс Лебединый-1 п. 2	I
35	Мыс Лебединый-1 п. 1	I
36	Головка-1	I
37	Сабо	I
38	Головка-2	I
39	Русса	I
40	Мыс Чиркпа	I
41	Малое Озеро-1	I
42	Малое Озеро-2	I
43	Лангры-8	I
44	Мыс Матный-1п.2	I
45	Мыс Матный-1	I

№	Название	Район
46	Мыс Озерный-7	I
47	Мыс Озерный-6	I
48	Мыс Песчаный-6	I
49	Мыс Озерный-5	I
50	Мыс Песчаный-5	I
51	Мыс Песчаный-7	I
52	Мыс Песчаный-4	I
53	Мыс Песчаный-3	I
54	Кадыланьи	I
55	Мыс Песчаный-1	I
56	Мыс Песчаный-2	I
57	Мыс Озерный-4	I
58	Мыс Озерный-3	I
59	Мыс Песчаный-8	I
60	Кадыланьи-11	I
61	Кадыланьи-12	I
62	Мыс Озерный-2	I
63	Кадыланьи-13	I
64	Кадыланьи (стрельбище)	I
65	Кашкалебагш-1	I
66	Кенига	I
67	Кадыланья-мост	I
68	Кадыланьи-2	I
69	Кашкалебагш-2 п. 4	I
70	Кашкалебагш-2 п. 3	I
71	Кашкалебагш-2 п. 2	I
72	Кашкалебагш-2 п. 5	I
73	Кашкалебагш-2 п. 1	I
74	Кадыланьи-1 (карьер)	I
75	Ручей Малый-1	I
76	Кашкалебагш-3	I
77	Мыс Озерный-1	I
78	Прибрежное	I
79	Озеро Светлое	I
80	Лангры-9	I
81	Лангры-7	I
82	Мыс Гротте	I
83	Лангры-5	I
84	Лангры-4	I
85	Лангры-3	I
86	Северо-Сахалинск (Лангры-6)	I
87	Комулан	I
88	Мыс Камамбагш-1 п. 1	I
89	Мыс Песчаный-9	I
90	Мыс Камамбагш-1 п. 2	I

¹ Номера памятников и порядок их представления в таблице соответствуют номерам и порядку их представления на цифровой географической карте, подготовленной в рамках проекта.

№	Название	Район
91	Ручей Зубатка	I
92	Мухто-2	I
93	Мухто-1	I
94	Чингай	I
95	Паромай-1	I
96	Пырки	I
97	Река Пильтун-1	I
98	Река Пильтун-2	I
99	Река Пильтун-3	I
100	Оссой	I
101	Нутово-1	I
102	Нутово-2	I
103	Нутово-3	I
104	Малый Гаромай-Устье-1	I
105	Малый Гаромай-1	I
106	Малый Гаромай-Устье-2	I
107	Малый Гаромай-2 п. 1	I
108	Малый Гаромай-2 п. 2	I
109	Малый Гаромай-4	I
110	Уанга-6	I
111	Хунмахта	I
112	Река Уанга-2	I
113	Река Уанга-1	I
114	Мыс Уанги	I
115	Оссой-1 (устье)	II
116	Ручей Грибной-1	II
117	Ручей Грибной-2	II
118	Чайво-Мивка	II
119	Малый Гаромай-3	II
120	Большой Гаромай-4 п. 1	II
121	Большой Гаромай-4 п. 2	II
122	Большой Гаромай-1	II
123	Большой Гаромай-2	II
124	Чайво-25 п. 2	II
125	Чайво-26	II
126	Чайво-26 п. 1	II
127	Чайво-24 п. 3	II
128	Большой Гаромай	II
129	Большой Гаромай-3	II
130	Чайво-24 п. 2	II
131	Чайво-24 п. 1	II
132	Чайво-24 п. 4	II
133	Чайво-23	II
134	Чайво-22 п. 4	II
135	Чайво-22 п. 3	II
136	Чайво-22 п. 1	II
137	Чайво-1 Нгаян п. 1	II
138	Чайво-1 Нгаян п. 2	II
139	Чайво-30	II
140	Чайво-31 п. 1	II
141	Чайво-11	II
142	Чайво-31	II

№	Название	Район
143	Чайво-31 п. 2	II
144	Чайво-29 п. 2	II
145	Чайво-29 п. 1	II
146	Чайво-12	II
147	Чайво-2	II
148	Чайво-3	II
149	Чайво-4	II
150	Чайво-6	II
151	Чайво-27	II
152	Чайво-6 п. 2	II
153	Чайво-32	II
154	Чайво-8 п. 1	II
155	Чайво-7	II
156	Чайво-5	II
157	Чайво-9	II
158	Чайво-10	II
159	Чайво-21	II
160	Чайво-13	II
161	Чайво-20	II
162	Чайво-17	II
163	Чайво-19	II
164	Река Вал-1	II
165	Река Вал-3	II
166	Река Вал-2	II
167	Река Вал-5	II
168	Река Вал-4	II
169	Уния-Тана	II
170	Река Вал-6	II
171	Хандуза	II
172	Вал-5 (станция)	II
173	Вал-3	II
174	Чайво-1	II
175	Вал-2	II
176	Вал-1	II
177	Вал-4	II
178	Аскасай-4	II
179	Аскасай-2	II
180	Аскасай-3	II
181	Аскасай-1	II
182	Аскасай-5	II
183	Аскасай-6	II
184	Аскасай-Устье-1	II
185	Аскасай-Устье-2	II
186	Ручей Плёсовый-2 п. 1	II
187	Ручей Плёсовый-2 п. 2	II
188	Ручей Плёсовый-2 п. 3	II
189	Эвай-1	II
190	Тапауна	II
191	Даги-6	II
192	Даги-7	II
193	Даги	II
194	Томи-1	II

№	Название	Район
195	Горячие Ключи (озеро)	II
196	Венское-5	II
197	Венское-3	II
198	Малое Вени-1	II
199	Венское-1 (карьер)	II
200	Венское-4	II
201	Венское-6	II
202	Ныйво-1	II
203	Ныйво-4	II
204	Ныйво-2	II
205	Ноглики-2	II
206	Джимдан-5	II
207	Джимдан-1	II
208	Джимдан-7 п. 1	II
209	Джимдан-7 п. 2	II
210	Джимдан-8	II
211	Углеутка	II
212	Имчин-1	II
213	Ноглики-1	II
214	Имчин-2	II
215	Река Чачма-1 п. 1.2	II
216	Река Чачма-1 п. 1.1	II
217	Имчин-12	II
218	Кайган-1	II
219	Парката-2	II
220	Ныш (плск.сопка)	II
221	Старый Набиль	II
222	Вази-2	II
223	Вази-1	II
224	Набиль-1 п. 2	II
225	Набиль-1 п. 1	II
226	Луньское-1	II
227	Луньское-2	II
228	Луньское-3	II
229	Мияхво (р. Кири)	II
230	Правый Набиль-1	II
231	Кривун-1	II
232	Кривун-2	II
233	Комрво-1	II
234	Комрво-2	II
235	Чамгу	II
236	Нампи	II
237	Александровское городище	III
238	Русский военный пост Александровский	III
239	Русский военный пост Дуэ	III
240	Чхарня	IV
241	Иркир	IV
242	Хума	IV
243	Горки	IV
244	Восьи-1	IV
245	Адо-Тымово-16	IV

№	Название	Район
246	Адо-Тымово-15	IV
247	Адо-Тымово-14	IV
248	Адо-Тымово-13	IV
249	Адо-Тымово-3 (грот Пузи)	IV
250	Адо-Тымово-2	IV
251	Адо-Тымово-11	IV
252	Адо-Тымово-10	IV
253	Адо-Тымово-6	IV
254	Адо-Тымово-12	IV
255	Адо-Тымово-8	IV
256	Адо-Тымово-7	IV
257	Адо-Тымово-9	IV
258	Адо-Тымово-20	IV
259	Адо-Тымово-1	IV
260	Адо-Тымово-5	IV
261	Адо-Тымово-4	IV
262	Адо-Тымово-21	IV
263	Александровка	IV
264	Восьи-6	IV
265	Восьи-2	IV
266	Восьи-5	IV
267	Восьи-4	IV
268	Адам	IV
269	Слава	IV
270	Ручей Матный	IV
271	Белое-Тынь-1	IV
272	Белое-Тынь-2	IV
273	Кирпичный-10	IV
274	Белое-Тынь-3	IV
275	Кирпичный-1	IV
276	Кирпичный-2	IV
277	Кирпичный-15	IV
278	Кирпичный-4	IV
279	Кирпичный-7	IV
280	Кирпичный-8	IV
281	Ясное-7-8	IV
282	Ясное-4-6	IV
283	Ясное-1-3	IV
284	Пограничное-2 (аэродром)	V
285	Пограничное	V
286	Селиваниха-1	V
287	Селиваниха-2	V
288	Пограничная	V
289	Буерак (урочище)	V
290	Окружная-1	V
291	Окружная-2	V
292	Пиленга-1	V
293	Пиленга-2	V
294	Пиленга-6	V
295	Пиленга-5	V
296	Пиленга-4	V
297	Пиленга-3	V

№	Название	Район
298	Пиленга-7	V
299	Мыс Круглый-1	V
300	Река Богатая-1 (мог.)	V
301	Останцевая	V
302	Тронная	V
303	Бердянские-2	VI
304	Бердянские-1	VI
305	Кенга-2	VI
306	Кенга-1 ??	VI
307	Западное-1	VI
308	Западное-2	VI
309	Западное-5	VI
310	Западное-6	VI
311	Западное-7	VI
312	Западное-8	VI
313	Западное-9	VI
314	Западное-10	VI
315	Западное-12	VI
316	Донское-5	VI
317	Донское-4	VI
318	Донское-6	VI
319	Донское-3	VI
320	Подсобное	VI
321	Донское-1	VI
322	Кожедуба	VI
323	Промысловое-5	VI
324	Промысловое-4	VI
325	Промысловое-7	VI
326	Промысловое-6	VI
327	Промысловое-1	VI
328	Промысловое-2	VI
329	Промысловое-3	VI
330	Островное-2	VI
331	Островное-1	VI
332	Островное-4	VI
333	Островное-3	VI
334	Невское-1	VI
335	Невское-2	VI
336	Невское-3	VI
337	Невское-4	VI
338	Невское-6	VI
339	Восточное-1	VI
340	Восточное-2	VI
341	Тарайка-2	VI
342	Тарайка-1	VI
343	Таран-9	VI
344	Таран-8	VI
345	Таран-7	VI
346	Таран-6	VI
347	Симушка-1	VI
348	Таран-2	VI
349	Таран-1	VI

№	Название	Район
350	Таран-3	VI
351	Поронайск-1 (Воропай)	VI
352	Сиска-2 (коровий остров)	VI
353	Сиска-1 (коровий остров)	VI
354	Сиска-3	VI
355	Русский военный пост Тихменевский	VI
356	Бошняково	VII
357	Русский военный пост Сортунайский	VII
358	Тельновск	VII
359	Надеждино	VII
360	Шахтерск-2	VII
361	Шахтерск-1	VII
362	Ударный-1	VII
363	Углегорск-2	VII
364	Углегорск-1	VII
365	Одинокая Гора	VII
366	Прудное (гора)	VII
367	Орокес-1	VII
368	Мыс Изыльметьева	VII
369	Поречье-5	VII
370	Поречье-3	VII
371	Поречье-1	VII
372	Поречье-4	VII
373	Поречье-2	VII
374	Орлово-1	VII
375	Крутоярка	VII
376	Котанкес-4	VIII
377	Котанкес-1	VIII
378	Котанкес-2	VIII
379	Котанкес-5	VIII
380	Мыс Соймонова-1	VIII
381	Нитуй-3	VIII
382	Нитуй-1	VIII
383	Поречье-2	VIII
384	Заозерное-5	VIII
385	Заозерное-3	VIII
386	Тагуй-1	VIII
387	Восточный-2	VIII
388	Восточный-1	VIII
389	Чайка-3 (острожок)	VIII
390	Чайка-1	VIII
391	Чайка-2	VIII
392	Пугачево-18	VIII
393	Пугачево-16	VIII
394	Пугачево-42	VIII
395	Пугачево-20	VIII
396	Пугачево-43	VIII
397	Пугачево-11	VIII
398	Пугачево-38	VIII
399	Пугачево-1	VIII

№	Название	Район
400	Пугачево-37	VIII
401	Пугачево-41	VIII
402	Пугачево-40	VIII
403	Пугачево-7	VIII
404	Пугачево-2	VIII
405	Пугачево-9	VIII
406	Юяньки-2	VIII
407	Юяньки-1	VIII
408	Пугачево-3	VIII
409	Пугачево-23	VIII
410	Пугачево-13	VIII
411	Пугачево-12	VIII
412	Пугачево-8	VIII
413	Пугачево-22	VIII
414	Пугачево-39	VIII
415	Пугачево-14	VIII
416	Травяная-1	VIII
417	Пугачево-10	VIII
418	Пугачево-21	VIII
419	Пугачево-36	VIII
420	Пугачево-15	VIII
421	Пугачево-4	VIII
422	Пугачево-17	VIII
423	Пугачево-35	VIII
424	Пугачево-33	VIII
425	Пугачево-5	VIII
426	Пугачево-34	VIII
427	Пугачево-30	VIII
428	Пугачево-32	VIII
429	Пугачево-31	VIII
430	Пугачево-29	VIII
431	Пугачево-27	VIII
432	Пугачево-28	VIII
433	Пугачево-19	VIII
434	Пугачево-25	VIII
435	Усть-Пугачево (Пугачево 32)	VIII
436	Пугачево-6	VIII
437	Пугачево-44	VIII
438	Пугачево-26	VIII
439	Тихая-9 (отд.нах.)	VIII
440	Тихая-1	VIII
441	Тихая-2	VIII
442	Дуэт-3	VIII
443	Усть-Айнское-1	IX
444	Усть-Айнское-2 (кладбище)	IX
445	Красногорск-1	IX
446	Парусная-1 (мог.)	IX
447	Белинское-5 (острожок)	IX
448	Белинское-2	IX
449	Белинское-4	IX
450	Белинское-1	IX
451	Белинское-3	IX

№	Название	Район
452	Новоенисейская-1	IX
453	Русский военный пост Кусунайский (Ильинский)	IX
454	Ильинск-1	IX
455	Ильинск-2	IX
456	Ильинск-5	IX
457	Ильинск-6	IX
458	Ильинск-4	IX
459	Ильинск-3	IX
460	Ильинск-7	IX
461	Пензенское-3 п. 1	IX
462	Пензенское-3 п. 2	IX
463	Пензенское-1	IX
464	Пензенское-2	IX
465	Черепок	IX
466	Томари-Тории	IX
467	Томари-1	IX
468	Урожайное-2	IX
469	Урожайное-1	IX
470	Урожайное-3	IX
471	Урожайное-5	IX
472	Урожайное-4	IX
473	Новоселово-1	IX
474	Русский военный пост Отехкоровский	IX
475	Айда	X
476	Русский военный пост Мануэ (Барановский)	X
477	Взморье-1	X
478	Взморье-2	X
479	Взморье-3	X
480	Взморье-4	X
481	Взморье-5	X
482	Баклановка-1	X
483	Дудино-3	X
484	Дудино-1	X
485	Дудино-2	X
486	Славная-5	X
487	Славная-4	X
488	Славная-1	X
489	Славная-2 (3)	X
490	Славная-3 (2)	X
491	Черная-2 п. 4	X
492	Черная-2 п. 3	X
493	Черная-2 п. 2	X
494	Черная-2 п. 1	X
495	Черная-3	X
496	Черная-1	X
497	Приморская-3	X
498	Приморская-2	X
499	Приморская-1	X
500	Фирсово-3	X
501	Фирсово-2	X

№	Название	Район
502	Фирсово-4	X
503	Фирсово-5	X
504	Фирсово-1 п. 1	X
505	Фирсово-1 п. 2	X
506	Фирсово-1 п. 3	X
507	Фирсово-1 п. 4	X
508	Крутоярка	X
509	Лиственница-1	X
510	Кирпичная-1	X
511	Янтарная-1	X
512	Ай-1	X
513	Советское-1	X
514	Ай-2	X
515	Советское-4 (Ай-4)	X
516	Косая-1	X
517	Лебединое-1	X
518	Найбучи-1	X
519	Русский военный пост Найбучи	X
520	Сенная-1 (Советское-7)	X
521	Сенная-2	X
522	Стародубское-1	X
523	Стародубское-2	X
524	Стародубское-3 п. 1	X
525	Стародубское-3 п. 5	X
526	Стародубское-3 п. 2	X
527	Стародубское-3 п. 3	X
528	Поярка-2	X
529	Поярка-1	X
530	Стародубское-3 п. 4	X
531	Рорей	X
532	Ручьи-1	X
533	Романовское-6 (острожок)	X
534	Романовское-2	X
535	Романовское-1 (острожок)	X
536	Углезаводск	X
537	Покровка-2 (мост)	X
538	Покровка-3 (карьер)	X
539	Покровка-1	X
540	Садовая-2 (острожок)	X
541	Садовая-1	X
542	Такое-2	X
543	Такое-1	X
544	Загорское	X
545	Камская-1	X
546	Сокол-1	X
547	Полтавское	X
548	Аракое-1	XI
549	Аракое-2	XI
550	Новосибирское	XI
551	Чехов-6	XI
552	Чехов-3	XI
553	Чехов-2	XI

№	Название	Район
554	Стойбище	XI
555	Чехов-1	XI
556	Чехов-5 (поселение)	XI
557	Чехов-4	XI
558	Красноярское-1	XI
559	Красноярское-2	XI
560	Слюдянка	XI
561	Костромское-1	XI
562	Пионеры-1	XI
563	Садовники-3	XI
564	Садовники-2	XI
565	Яблочное-1	XI
566	Антоново-1	XI
567	Антоново-4	XI
568	Русский военный пост Малковский	XI
569	Каменское-2	XI
570	Одиночка-3	XI
571	Русский военный пост Маука	XI
572	Холмск-1	XI
573	Холмск-2	XI
574	Шуя-2	XI
575	Шуя-1	XI
576	Чусовка	XI
577	Правда-3	XI
578	Правда-2	XI
579	Люблино-2	XI
580	Люблино-1	XI
581	Зырянское-6	XI
582	Окуловка	XI
583	Зырянское-10	XI
584	Зырянское-11 (острожок)	XI
585	Зырянское-9	XI
586	Зырянское-13	XI
587	Зырянское-12	XI
588	Калинино-6	XI
589	Калинино-5	XI
590	Калинино-4	XI
591	Калинино-1	XI
592	Старорусское-11	XII
593	Старорусское-14	XII
594	Старорусское-5	XII
595	Старорусское-13	XII
596	Старорусское-8	XII
597	Старорусское-9	XII
598	Вичуга	XII
599	Старорусское-1	XII
600	Старорусское-3	XII
601	Старорусское-4	XII
602	Старорусское-10	XII
603	Старорусское-12	XII
604	Березняки-5	XII

№	Название	Район
605	Березняки-4	XII
606	Березняки-3	XII
607	Березняки-1	XII
608	Березняки-2	XII
609	Новоалександровск-1	XII
610	Лесное-1	XIII
611	Русский военный пост Очехпокский	XIII
612	Изменчивое-5	XIII
613	Изменчивое-6	XIII
614	Изменчивое	XIII
615	Изменчивое-4	XIII
616	Перешеек-1	XIII
617	Изменчивое-3	XIII
618	Щукинское-1	XIII
619	Охотское-2	XIII
620	Изменчивое-2	XIII
621	Изменчивое-1	XIII
622	Перешеек-2	XIII
623	Седых-3	XIII
624	Седых-2	XIII
625	Охотское-1	XIII
626	Седых-4	XIII
627	Седых-5	XIII
628	Седых-6	XIII
629	Седых-7	XIII
630	Седых-1	XIII
631	Пузина-1 п. 1	XIII
632	Мыс Дуркина	XIII
633	Седых-8	XIII
634	Седых-9	XIII
635	Пузина-1п.2	XIII
636	Пузина-2	XIII
637	Охотское-3	XIII
638	Пузина-3	XIII
639	Пузина-4	XIII
640	Тонин-2	XIII
641	Мыс Страдный-1	XIII
642	Тонин-1	XIII
643	Крестоножка	XIII
644	Свободный-3	XIII
645	Свободный-1	XIII
646	Свободный-2	XIII
647	Айруп-1	XIII
648	Остров Птичий	XIII
649	Хазарское-1	XIII
650	Мыс Меньшикова	XIII
651	Мыс Ефрейторский	XIII
652	Озеро Русское-1	XIII
653	Озеро Гусь	XIII
654	Озеро Русское-2	XIII
655	Озеро Русское-3	XIII

№	Название	Район
656	Мицулевка-2	XIII
657	Овсяная	XIII
658	Мальки-2	XIII
659	Сусуйская стоянка	XIII
660	Соловьевка-13 нов.	XIII
661	Соловьевка-6	XIII
662	Соловьевка-2	XIII
663	Соловьевка-5	XIII
664	Соловьевка-12	XIII
665	Соловьевка-11 (Ito)	XIII
666	Соловьевка-10 (огороды)	XIII
667	Соловьевка-4	XIII
668	Соловьевка-1	XIII
669	Соловьевка-3	XIII
670	Соловьевка-7	XIII
671	Соловьевка-8 (Давыдовка-3)	XIII
672	Соловьевка-9	XIII
673	Третьепадинская	XIII
674	Русский военный пост Корса- ковский (быв. Муравьевский)	XIII
675	Пригородное-3 (отд.жил.)	XIII
676	Пригородное-2	XIII
677	Великан-2	XIII
678	Великан-1	XIII
679	Белокаменная часы	XIII
680	Русский военный пост Чеписань	XIII
681	Озерск-3	XIII
682	Озерск-2	XIII
683	Озерск-1	XIII
684	Береговое-1	XIII
685	Береговое-2	XIII
686	Мыс Грозный-1	XIII
687	Русский военный пост Муравьевский	XIII
688	Шишкевича-1 п. 1	XIII
689	Шишкевича-1 п. 2	XIII
690	Шишкевича-1 п. 3	XIII
691	Выселки	XIII
692	Муравьево-6 (маяк)	XIII
693	Муравьево-1	XIII
694	Муравьево-2	XIII
695	Анфельцево-2	XIII
696	Муравьево-3 п. 1	XIII
697	Муравьево-3 п. 2	XIII
698	Муравьево-4	XIII
699	Муравьево-5	XIII
700	Мыс Веселый-1	XIII
701	Игровая-1	XIII
702	Островка	XIII
703	Птичьё-2	XIII
704	Птичьё-1	XIII
705	Лебяжье-1	XIII

№	Название	Район
706	Лебяжье-2	XIII
707	Менапутцы-1	XIII
708	Баргузинское-1	XIII
709	Баргузинское-2	XIII
710	Баргузинское-3	XIII
711	Новиково-3	XIII
712	Новиково-1	XIII
713	Новиково-2	XIII
714	Евстафьева-4	XIII
715	Евстафьева-2	XIII
716	Евстафьева-1	XIII
717	Евстафьева-3	XIII
718	Евстафьева-5	XIII
719	Мраморная-2	XIII
720	Мраморная-3	XIII
721	Мраморная-1	XIII
722	Мраморная-4	XIII
723	Северное урочище-1	XIII
724	Северное урочище-2	XIII
725	Южная-8	XIII
726	Южная-1	XIII
727	Южная-7	XIII
728	Южная-2	XIII
729	Кедринка	XIII
730	Южная-5	XIII
731	Горбуша-1-2-3	XIII
732	Южная-6	XIII
733	Южная-3	XIII
734	Южная-4	XIII
735	Скала Баклан	XIII
736	Водопад	XIII
737	Гункан	XIII
738	Крузенштерн-1	XIII
739	Чайка-2	XIII
740	Чайка-1	XIII
741	Павловича-1	XIII
742	Слюда-1	XIII
743	АМС Сахалинка	XIII
744	Троицкое-1	XIV
745	Олимпия-5	XIV
746	Олимпия-4	XIV
747	Олимпия-1	XIV
748	Олимпия-2	XIV
749	Петропавловское-2	XIV
750	Мицулевка-1	XIV
751	Петропавловское-1	XIV
752	Огоньки-4	XIV
753	Огоньки-8	XIV
754	Петропавловское-4	XIV
755	Петропавловское-5	XIV
756	Огоньки-1	XIV
757	Огоньки-7	XIV

№	Название	Район
758	Огоньки-6	XIV
759	Огоньки-5	XIV
760	Огоньки-2	XIV
761	Огоньки-3	XIV
762	Озерское	XIV
763	Анива	XIV
764	Лютотога-1	XIV
765	Лютотога-3	XIV
766	Лютотога-2	XIV
767	Лютотога-4	XIV
768	Таранай-2	XIV
769	Таранай-1	XIV
770	Кириллово-2	XIV
771	Максимкино	XIV
772	Ульяновка-1	XIV
773	Ульяновка-2	XIV
774	Кура	XIV
775	Сватовка	XIV
776	Найча-3	XIV
777	Найча-1	XIV
778	Найча-2	XIV
779	Могочи-1	XIV
780	Атласово-2	XIV
781	Атласово-1	XIV
782	Атласовка	XIV
783	Крильон-5 (Корнелит)	XIV
784	Крильон-1	XIV
785	Асанай-5	XV
786	Асанай-2	XV
787	Асанай-3	XV
788	Асанай-1	XV
789	Асанай-4	XV
790	Ясноморск-2	XV
791	Ясноморск-1	XV
792	Ясноморск-3	XV
793	Ловетское-5	XV
794	Ловетское-4	XV
795	Ловетское-3	XV
796	Ловетское-1 п. 2	XV
797	Ловетское-6	XV
798	Казакевичи-2	XV
799	Невельск-2	XV
800	Казакевичи-1 (ипподром)	XV
801	Лопатино	XV
802	Заречье	XV
803	Горнозаводск-1	XV
804	Горнозаводск-4	XV
805	Горнозаводск-3	XV
806	Горнозаводск-2	XV
807	Чайкино	XV
808	Шебунино-2	XV
809	Шебунино-1	XV

№	Название	Район
810	Ивановка	XV
811	Чкалово	XV
812	Луговка	XV
813	Перепутье	XV
814	Вольная-1	XV
815	Горбуша-2	XV
816	Горбуша-1	XV
817	Рифлянка	XV
818	Виндис	XV
819	Дубинка	XV
820	Виндис-1	XV
821	Кузнецово-10	XV
822	Кузнецово-11	XV
823	Кузнецово-1	XV
824	Кузнецово-2	XV
825	Кузнецово-8	XV
826	Кузнецово-3	XV
827	Кузнецово-12 (крест)	XV
828	Кузнецово-4	XV
829	Кузнецово-9	XV
830	Кузнецово-6 п. 2	XV
831	Кузнецово-5 п. 1	XV
832	Кузнецово-7	XV
833	Кузнецово-5 п. 2	XV
834	Кузнецово-6 п. 1	XV
835	Камой	XV
836	Замирайлова Голова	XV
837	Нея	XV

№	Название	Район
838	Туйка	XV
839	Замирайловка	XV
840	Фастовка-1	XV
841	Фастовка-2	XV
842	Тетеревка-1	XV
843	Тетеревка-2	XV
844	Хорей	XV
845	Крильон-4 (пос.)	XV
846	Крильон-3 (пекС РК)	XV
847	Крильон-2 (городище)	XV

**Список памятников археологии
о. Монерон**

№	Название	Район
848	Монерон-6	XV
849	Монерон-7	XV
850	Монерон-5 (телегр. ст.)	XV
851	Монерон-4	XV
852	Монерон-12	XV
853	Монерон-9	XV
854	Монерон-2	XV
855	Монерон-1	XV
856	Монерон-3	XV
857	Монерон-10	XV
858	Монерон-11	XV
859	Монерон-8	XV

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ И В КЕНИГСБЕРГСКОЙ/КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1945–1947 гг.

Ким Инна Пенхваевна – соискатель кафедры российской истории ИИСиУ СахГУ. Область научных интересов: Сахалин и Калининград в первые послевоенные годы.

Несмотря на географическую отдаленность Сахалина от Калининграда, в судьбах этих территорий есть схожие черты. Южный Сахалин с Курильскими островами и часть Восточной Пруссии, позже ставшая Калининградской областью, отошли Советскому Союзу после Второй мировой войны. Обе территории стали своего рода форпостами на границах СССР, а также дали Советскому Союзу возможность иметь беспрепятственный выход к Балтийскому, Охотскому морям и к Тихому океану. На обеих территориях пришлось столкнуться с трудностями, одной из которых было наличие большого числа местного, а для Советского Союза – иностранного населения при малом количестве советского. На Южном Сахалине и Курилах это было японское население, а в Восточной Пруссии – немецкое. Первоначально из граждан СССР были в основном военные, занявшие эти территории.

Советское государство организовало процесс переселения на присоединенные территории, но полная замена японского и немецкого населения советским требовала времени. В связи с этим необходимо было устанавливать если не дружеские, то рабочие отношения с местным населением.

Одной из важных сторон сосуществования стало наличие большого разнообразия религиозных воззрений как у японского, так и у немецкого населения. При этом религия в жизни местного населения играла большую роль, в том числе и национально-идентификационную.

Основными органами, заведующими религиозной стороной жизни в Советском Союзе, являлись Совет по делам Русской православной церкви (СРПЦ) и Совет по делам религиозных культов (СРК) при Совете Министров СССР.

Все вопросы, касающиеся религиозной политики, решались в основном в Москве. Исходя из особых условий жизни на присоединенных территориях, руководители области не решались самостоятельно заниматься вопросами религиозных культов¹. На местах этими вопросами занимались по большей части облизполкомы. Позже для заведования религиозной стороной жизни были назначены уполномоченные СРК. Что характерно,

уполномоченного СРК в Калининградской области назначили только в 1947 г. (А. И. Глазких). В распоряжении СРК не было подходящего человека, обладающего и политической подготовкой, и тактом в ведении дел и при этом владеющего немецким языком. Этот вопрос поднимался и перед начальником Гражданского управления Калининградской области В. А. Борисовым с просьбой по возможности подобрать подходящего работника. Необходимость присутствия уполномоченного на присоединенной территории, да к тому же еще и пограничной, обосновывалась тем, что нельзя пускать религиозные дела на самотек².

В Калининградской области большая часть местного населения являлась верующей. Больше всего было лютеран, второй по численности религиозной группой являлись католики. В Калининграде не наблюдалось особой активности местных властей по поддержке православных верующих, в том числе и в вопросах регистрации религиозных групп и выделения им молитвенных зданий.

По советским законам, чтобы религиозное общество могло действовать, оно должно было быть зарегистрировано уполномоченным СРК по Калининградской области с выдачей справок о регистрации. Деятельность незарегистрированных обществ была запрещена. В Калининградской области регистрация немецких религиозных групп была закончена к августу 1947 г.³ Для регистрации общества необходимо было подать заявку, которую подписывало не менее 20 совершеннолетних граждан из числа местных жителей, не лишенных по суду избирательных прав⁴. Из-за опасений со стороны немецкого населения, что участие в регистрации может помешать выезду в Германию, регистрация шла не очень активно. Группы верующих просили, чтобы подписи, поставленные при регистрации обществ, не служили препятствием для выезда на родину⁵. Только при условии регистрации в органах советской власти священнослужители, обслуживающий персонал кирх и их семьи могли рассчитывать на получение продовольственных карточек, что нередко было условием жизни или смерти в условиях голода. Служители

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 3 с. Д. 630. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 3 с. Д. 698. Л. 1, 7.

³ ГАКО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.

⁴ ГАКО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 3 с. Д. 698. Л. 32.

культов снабжались по нормам служащих госучреждений⁶. В I квартале 1948 г. все немецкое духовенство и практически все немецкое население, кроме 1500–2000 специалистов, которые тоже переселялись в том же году, но чуть позже, покинули пределы Калининградской области. С их отъездом активизировались православные группы верующих. При этом остальные группы активности не проявляли⁷.

Одним из факторов лояльного отношения к немецким верующим было то, что заворггруппой СРК Г. Я. Врачев уже в марте 1947 г. предлагал «прибратать лютеранское и католическое духовенство к рукам» и наладить с ним деловые отношения, чтобы через них распространить свое влияние в глубь Германии⁸. Но при этом власти старались ограничить влияние религиозных кругов в области, особенно в вопросах распространения религии, как среди взрослого населения области, так и среди школьников⁹.

Иная ситуация в Калининградской области складывалась с православными верующими. В связи с тем, что в Восточной Пруссии не было православных церквей, просьбы православных групп верующих об организации храма и назначении к нему священника, в том числе и от имени патриарха Алексия, были отклонены. Неоднократно поступали заявления от православных верующих с просьбой об открытии православной церкви на базе ликвидированных, в связи с репатриацией местного населения, немецких религиозных культов¹⁰. В итоге же решение о регистрации первого православного общества было принято Калининградским облисполкомом только в 1985 г. Было также решено просить Совет по делам религий при Совмине СССР принять соответствующее постановление¹¹.

На Южном Сахалине, как и в Кенигсберге, существовало несколько религиозных групп, среди которых к середине 1946 г. преобладала буддистская группа. На втором месте по численности верующих находилась синтоистская группа. Буддистские и синтоистские храмы и их служители существовали и функционировали на средства самих верующих и никакой государственной помощи не получали. Кроме того, в области находились так называемые императорские храмы, служители которых обеспечивались за счет средств Южно-Сахалинского управления по гражданским делам.

Советские власти на Южном Сахалине по мере возможности старались оградить храмы от разо-

рения, чтобы не вызывать массовых недовольств японского населения, а лиц, причастных к расхищениям, привлекать к ответственности. Хотя мародерство и грабежи происходили в том числе и при попустительстве военного командования и гражданских властей¹².

Большим отличием от Калининграда стало наличие на Южном Сахалине 7 православных церквей¹³. Например, решением Южно-Сахалинского горисполкома от 18 мая 1948 г. городскому жилищному управлению было разрешено передать для организации храма РПЦ помещение по ул. Краснофлотской, 55¹⁴.

В связи с постепенной репатриацией японского и немецкого населения соответственно на Хоккайдо и советскую зону оккупации в Германии количество религиозных общин постепенно снижалось пропорционально количеству выезжающего населения. Священники, так же, как и остальное население, стремились выехать на родину. Это было связано в том числе и с уменьшением количества верующих, посещавших храмы. Областным властям было выдано распоряжение не мешать выезду священнослужителей. При выезде они могли забрать с собой личные вещи. Судьба зданий и храмового имущества должна была решаться в каждом случае отдельно¹⁵. Все изделия из драгоценных металлов, камней и парчи должны были зачисляться в государственный фонд и передаваться в местные финансовые органы или в Министерство народного просвещения, если состояли на их учете. Этому же министерству должны были передаваться все предметы, имеющие историческую, художественную или музейную ценность. Остальные предметы, имеющие специфическое культовое значение, могли передаваться другой религиозной общине¹⁶.

Поддержка японских и немецких религиозных общин в период освоения присоединенных территорий очень логична по своей сути. Это было одним из важных факторов сохранения достаточно лояльного отношения со стороны местного населения к новым властям, а также создания образа советского государства. На фоне послевоенной разрухи и смены власти у японского и немецкого населения был своего рода якорь, который помогал им сплотиться, а через руководителей общин местное население было проще держать под контролем и избегать недовольств.

⁶ Клемешева, М. А. Религиозная обстановка в Калининградской области в первые послевоенные годы / М. А. Клемешева // Калининградские архивы. – 1998. – № 1. – С. 174.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 3 с. Д. 698. Л. 66, 71.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ ГАКО. Ф. 246. Оп. 2. Д. 11. Л. 7–8.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 3 с. Д. 698. Л. 49, 62.

¹¹ Православная община Калининградской области. История создания (по документам ГАКО) // Калининградские архивы. – 2001. – № 3. – С. 268–269.

¹² ГАРФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 3 с. Д. 630. Л. 37.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-6991 сч. Оп. 3. Д. 34. Л. 103–104.

¹⁴ ГАСО. Ф. 262. Оп. 1. Д. 15. Л. 24.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991 с. Оп. 3 с. Д. 839. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 53.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ КОНТИНГЕНТА РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА КОНЦЕССИОННЫХ ПРОМЫСЛАХ (1925–1944 гг.)

Шалкус Галина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой российской истории ИИСиУ СахГУ. Область научных интересов: история нефтяной промышленности Сахалинской области, краеведение Сахалина. Автор имеет более 20 статей по данной теме.

Рабочий вопрос на нефтяных концессионных промыслах оставался сложным из-за необходимости привлечения квалифицированных рабочих, которых было трудно найти в конце 20-х – 30-е годы среди русского населения Сахалина. Поэтому на своих промыслах концессионеры использовали в основном национальные кадры мастеров, помощников мастеров, бурильщиков, ключников, слесарей, коперщиков и лодочников (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности рабочих
на концессионных нефтепромыслах**

Годы	Японские рабочие	Русские рабочие	Всего
1926	592	70	662
1927	206	344	550
1928	485	404	889
1929	591	501	1092
1931	1169	900	2069
1932	864	825	1689
1936	635	1192	2547
1937	696	2124	2820
1938	471	2263	2734

ПРИМЕЧАНИЕ: таблица составлена на основании: Архив ФСБ по Омской области. Ф. 89. Оп. 3. Д. 23. Л. 2–3; СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 99. Л. 19. Рабочий путь. г. Чита. 1926. № 51, 19 дек.; Кузин, А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы / А. Т. Кузин. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 151; Ремизовский, В. И. Кита Карофуто Секию Кабусики Кайша / В. И. Ремизовский. – Хабаровск, 2000. – С. 20.

Как следует из таблицы, за 13 лет численный состав русских рабочих вырос более чем в 32 раза, а японских – сократился более чем в 70 раз. Не случайно численность японских и русских рабочих сопоставима с общей численностью. Такие су-

ществленные изменения говорят об успехах местной администрации в деле проведения правительственной линии по отношению к японским концессиям. Основной контингент рабочих на концессии составляли советские и японские граждане, число которых с каждым годом увеличивалось. В 1926 г. корейцев и китайцев трудилось на промыслах 96, в 1928 г. – 108, в 1930 г. – 118, в 1931 г. – 134, в 1932 г. – 128¹.

Ежегодный завоз сезонных рабочих осложнял экономические показатели концессионеров, так как организация труда на предприятиях была плохой, а это влияло на производительность труда, которая, в свою очередь, влияла на себестоимость продукции. В то же время многие рабочие приезжали на промыслы только на летний период. В зимний сезон на концессиях насчитывалось приблизительно 680–900 работников, а в летний – в связи с увеличением сезонных работников – 1400–1800². Так, в летний сезон 1930 г. на концессии было занято 2521 человек, в том числе русских работников 692, японских – 1839³; а по официальным данным значилось: общее число работников 1312 человек, в том числе 796 японцев, 400 русских, 115 корейцев и 3 китайца⁴. Точное число работавших на концессии определить трудно, т. к. была велика текучесть кадров, численность и кадровый состав изменялись в зависимости от сезона.

Наем и завоз работников на концессию осуществляли вербовочные органы, которым концессионеры в установленном порядке подавали свои заявки. Нечеткость работы советских органов по найму рабочей силы проявлялась в нарушении графика завоза работников, приводя его к фактическому срыву. Стремясь оправдать свою нерасторопность, советские руководители заявляли, что им приходилось запрашивать Баку, Грозный, Майкоп и другие города СССР, чтобы выполнить заявки концессий на требуемых рабочих. Несвоевременная поставка русских работников на японские нефтяные промыслы приводила к их возвращению на родину. Так, в 1934 г. администрация концессии

¹ Архив ФСБ по Омской области. Ф. 89. Оп. 3. Д. 23. Л. 2–3.

² Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 5. Л. 11, 60.

³ ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 107. Л. 20.

⁴ Архив ФСБ по Омской области. Ф. 89. Оп. 3. Д. 23. Л. 2–3.

отправила 85 человек, опоздавших всего на пять дней, и, следовательно, заявка концессионеров не была удовлетворена⁵.

Следует отметить, что концессионеры пунктуально и заблаговременно подавали заявки на требуемое им число работников той или иной квалификации, а также просьбы о разрешении ввезти дополнительное количество иностранной рабочей силы, но заявки советской стороной не удовлетворялись. В 1935 г. председатель комиссии по регулированию рабочей силы Райхман жаловался, что японцы составляли такие заявки на рабочую силу, которые не могли бы быть удовлетворены советской стороной. Он перечислил специальности, по которым возникали трудности. Во-первых, это были «дефицитные» специальности: бурильщики по вращательному и канатному способам добыwania нефти. Во-вторых, редкие: трусконисты, коперщики, переводчики, которых невозможно было найти в СССР. Например, в 1934 г. японцы запросили 55 переводчиков, и когда просьба не была удовлетворена, то их привезли из Японии⁶.

По условиям концессионного договора Япония имела право привозить на нефтяные промыслы не только свой технический персонал, но и рабочих. Концессионер должен был строго соблюдать пропорциональное соотношение численности русских и иностранных рабочих. Эти пропорции были следующими: квалифицированные рабочие по норме должны были составлять 50 % советской и 50 % японской рабочей силы, неквалифицированные – соответственно 75 % и 25 %.

Данные за 1928–1940 гг. показывают следующую картину соблюдения условий концессионного договора по использованию рабочей силы (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика соотношения рабочей силы на японской нефтяной концессии

Годы	Группа высшей квалификации		Группа средней и высшей квалификации	
	советская	японская	советская	японская
1928	26	74	44	56
1931	36	64	60	40
1932	30	70	62	38
1933	25	75	63	37
1935	27	73	62	38
1940	47	53	61	39

Таблица составлена на основании: ГАХК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 64. Л. 2; СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 11. Л. 133; ГАСО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.

Из таблицы видно, что процентное соотношение советской и японской рабочей силы не выдерживалось, так как японская сторона не была заинтересована в русской рабочей силе, тем более – квалифицированной. Норма рабочих по группе высшей квалификации выполнялась на 20–25 %, а по группе средней и низшей квалификации – на 50–60 %. Этот факт и подобные ему другие давали повод советской стороне обвинять концессионеров в нарушении условий концессионного договора в части процентного соотношения рабочих. У советской стороны, в свою очередь, был расчет на то, что работа на японских промыслах позволит повысить процент высококвалифицированных рабочих, потому что технически концессии были оснащены лучше и технологии у них были более прогрессивными (например, бурение вращательным способом японцы стали применять еще в 1924 г., в то время как трест «Сахалиннефть» – в 1932 г.).

Дальневосточный рынок труда не в состоянии был выделять необходимые кадры для островной нефтяной промышленности. Сахалин с его окраинным, островным положением и формировавшейся промышленностью представлялся в сознании людей как советская Аляска. Такое положение вещей определяло качественный состав контингента рабочих, направлявшихся на остров. Как свидетельствуют документы, среди рабочих, прибывавших на нефтяные концессии, много было элементов деклассированных: уголовников, пьяниц и хулиганов, а также молодежи, не имевшей квалификации. В 1929 г. краевой прокурор направил в распоряжение концессии уголовников⁷. Это, по мнению руководителей вербовочных органов, так засоряло рабочую массу на предприятиях, что с большим трудом удавалось удерживать от разложения здоровый костяк рабочих⁸. Пьянство, кражи стали массовым явлением и держали в страхе нормальных рабочих. Из этого можно сделать вывод, что на Сахалин умышленно засылали уголовные элементы. Даже органы концессионного надзора с горечью констатировали: «Если это все то, чем мы могли хвалиться перед японскими, китайскими и корейскими рабочими, то не лучше ли было этого совсем не показывать»⁹.

Концессионерам приходилось сталкиваться с различного рода правонарушениями со стороны русских рабочих. Частыми были стычки, драки, носившие, как правило, персональный характер. Причиной этих столкновений являлось недоверие со стороны японской администрации к русским и установление наблюдения, переходившего в открытую слежку за русскими со стороны японцев. Факты слежки быстро выявлялись, и возникали эксцессы и обострение отношений между япон-

⁵ ГАХК. Ф. 353. Оп. 3. Д. 216. Л. 28–29.

⁶ Там же. Л. 15–16.

⁷ ГАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 70. Л. 13.

⁸ ГАХК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 62. Л. 325.

⁹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 670. Л. 12.

скими и русскими рабочими. К тому же имелась и другая причина антагонизма, заключавшаяся в грубом отношении приказчиков концессионной лавки к русским¹⁰.

Японскую администрацию очень беспокоило присутствие на нефтяных промыслах лиц, не имевших к ним отношения. На концессии было много праздношатающихся, прибывших из других районов, без всякого разрешения самовольно разместившихся в общежитиях и в квартирах рабочих и служащих. Они вносили дезорганизацию, и японская сторона требовала от советских органов принятия конкретных мер¹¹.

В 1932 г. районное отделение ОГПУ отмечало, что в рабочем поселке Дамир «...царит полнейший рассадник заразы, как-то: самогонование, браговарение, пьянство, спекуляция (последняя с введением пограничного режима наполовину сократилась) и проституция»¹². В 1933 г. органы концессионного надзора отмечали, что не прекращаются хищения имущества, пьянство, хулиганские действия со стороны советских рабочих. Воровали имущество с концессий: вагонетки, буровые насосы, инструменты, 80 % из этих преступлений так и оставались нераскрытыми. И даже в 1940 г. в отчете начальника Восточно-Сахалинского горного округа по-прежнему отмечалось, что пьянство и прогулы характерны только для русских рабочих. Сахалинский обком ВКП (б) вынужден был предупредить руководителей Охинского района и советского нефтетреста, что замеченные в воровстве будут «караться самыми жестокими мерами революционной законности»¹³.

По договору концессионер был обязан создавать для рабочих условия труда и быта. Однако этот вопрос был признан «не разрешенным в полной мере». В 1932 г. японцы жаловались, что их нефтяная концессия не в состоянии была работать из-за чинимых препятствий со стороны местной власти. Советские органы власти требовали от администрации японского концессионного предприятия соблюдения стандартов при строительстве жилых домов. Японцы жаловались, что «...эти требования по стандартизации местные власти предъявляют не только к вновь строящимся зданиям, но и в отношении уже построенных зданий, требуя в отношении последних перестройки согласно новым правилам»¹⁴. Сахалинская администрация слабо реагировала на протесты японцев: ей были

выгодны требования, исходившие от горного надзора и других контролирующих органов.

В архивных документах сохранилось немало сведений о скверных условиях жизни рабочих на концессиях, хотя по сравнению с трестом «Сахалиннефть» ситуация на японских промыслах с жильем была намного лучше. Японцы предоставляли помещения профкому, горному надзору, инспекции труда, тресту и пр.¹⁵. Эта помощь не преследовала альтруистических целей. Выгоды, которые преследовали японцы, осуществляя помощь русской стороне, заключались в надежде закупать русскую нефть, получать новые участки и заинтересованности треста в приобретении материалов и оборудования.

Основным типом жилья, предназначенного для концессионных рабочих, были бараки, казармы и палатки. В 1927 г. на балансе нефтяной концессии состояло 18 жилых помещений общей площадью 3944,26 м², в том числе 2416,64 м² – полезной, на которой проживало 529 человек. На одного человека приходилось 4,56 м²¹⁶, в 1928 г. – 4,04 м², в 1929 г. – 6,15 м²¹⁷. Проживание в бараках было тяжелым: в них теснились по 15–20 человек на нарах в два этажа, что не позволяло им быть местом для нормального отдыха. Жилплощадь для корейских рабочих почти отсутствовала. Они жили по 16–20 человек в одной комнате. Можно согласиться с мнением исследователя А. Т. Кузина, который считает, что если в отношении русских рабочих японские концессионеры кое-что делали, то корейцы полностью игнорировались¹⁸.

В худших условиях жили рабочие концессии на Катангли. Здесь жилые помещения были только у японских рабочих, размещавшихся во временных бараках. Двенадцать русских семей, приехавших из Баку, располагались в палатках. Горный округ неоднократно обращал внимание концессионеров на плохое качество жилья для рабочих. Инспекция труда, посетив в сентябре 1928 г. концессии, обнаружила, что рабочие были размещены в палатках, не приспособленных для сахалинской зимы. Администрации концессии предложили в месячный срок завершить работы по жилищному строительству и перевести их из палаток¹⁹. Условия жилья для рабочих на Нутовской концессии также были весьма приближены к жизни первобытных людей. Л. Алпатов вспоминает, что здесь работало 44 русских рабочих²⁰. Почти месяц они там проживали в

¹⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 670. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 78 об.

¹² Архив управления ФСБ России по Омской области. Ф. 89. Оп. 3. Д. 23. Л. 5.

¹³ СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 97. Л. 136.

¹⁴ Цит. по: Донгаров, А. Г. Иностранный капитал в России и СССР / А. Г. Донгаров. – М., 1990. – С. 132.

¹⁵ ГАСО. Ф. 217. Оп. 4. Д. 1. Л. 92.

¹⁶ СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 102. Л. 31.

¹⁷ Там же. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 1а. Л. 73.

¹⁸ Кузин, А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы / А. Кузин. – Южно-Сахалинск: Сах. отд. Дальневост. кн. изд-ва, лит.-изд. объедин. «Лик», 1993. – С. 152.

¹⁹ Архив управления ФСБ России по Омской области. Ф. 89. Оп. 3. Д. 3. Л. 11.

²⁰ Алпатов, Л. Сахалин. (Путевые записки этнографа) / Л. Алпатов. – М.: изд-во «Федерация», 1930. – С. 121.

дырявой палатке, спали без матрацев, находясь на положении пленных.

В 1936 г. на концессии Катангли 1300 советских рабочих расселялись в комнатах по 20 человек в каждой. Обследование концессии выявило, что большая часть рабочих жила в палатках. Управляющий концессией Хасикава не сделал ничего, чтобы перевести рабочих в зимнее благоустроенное жилище. Люди проживали в холодных палатках до декабря. Это привело к тому, что более 80 человек заболели, а один ребенок умер. Президиум райисполкома, изучив причины их заболеваний и смерти, принял решение привлечь управляющего Хасикаву и его помощника Канафуджи, ответственного за размещение людей, к уголовной ответственности за нарушение советского законодательства²¹.

Администрация концессии жила в лучших условиях, чем рабочие. Для них строили деревянные срубы, и каждый служащий имел отдельную комнату, неплохо приспособленную для проживания. Как правило, японские рабочие занимали более свободные помещения, чем рабочие других национальностей.

Условия концессионного договора обязывали японскую администрацию терпеть присутствие русских рабочих на промыслах. Запрашивая ежегодно определенное количество квалифицированных рабочих, концессионеры при этом использовали их нерационально. Прибывшие в 1928 г. из Грозного и Баку рабочие – ключники и тормозчики – по специальности не использовались. Все они были отправлены на другие работы, вплоть до чернорабочих²². В 1937 г. из 95 бурильщиков 45 работали масленщиками, 47 – чернорабочими. Только трое из общего числа прибывших использовались по назначению, да и то после проведения проверочного экзамена²³. Такое отношение к рабочим-нефтяникам объяснялось нежеланием японцев выполнять условия концессионного договора о процентном соотношении русских и японских рабочих на концессиях. Поэтому они создавали видимость исполнения договора, не обеспечивая русских рабочих работой по специальности. Нередки были случаи нарушения техники безопасности. К примеру, отсутствие ограждений на буровых создавало угрозу для жизни рабочих. В механической мастерской одной из буровых находилась скважина, которая не имела специальных ограждений. Плохая оснащенность мастерских, отсутствие спецодежды, кожаных сапог и многое другое вызывали недовольство рабочих. Их требования устранить имеющиеся недостатки оставались без внимания

японской администрации. В связи с этим рабочие увольнялись и возвращались на материк²⁴.

Согласно контрактам, концессионные рабочие подразделялись по следующим категориям. Более высокую заработную плату получали рабочие по бурению и эксплуатации (123 руб. 36 коп.); хуже оплачивался труд промысловых рабочих, кочегаров и слесарей (107 руб. 28 коп.); еще ниже была заработная плата рабочих разных специальностей (82 руб. 08 коп.); самую низкую зарплату получали ученики (38 руб. 16 коп.)²⁵. Следует отметить, что заработная плата на концессии выплачивалась своевременно, за исключением отдельных случаев, когда вовремя не выдавались деньги за сверхурочную работу.

Сильные различия в заработной плате были между служащими и рабочими. В 1929–1930 гг. концессионеры платили иностранным служащим 130–131 руб., русским – 102–103 руб.; иностранные рабочие получали в среднем 78 руб. 30 коп., русские – 86 руб. 18 коп.²⁶. Оплата труда японским рабочим производилась поденно и исчислялась в йенах. Старые японские рабочие и служащие, работавшие на предприятии давно, помимо основного оклада на месте в том же размере получали дополнительный на родине, выдаваемый их семьям²⁷. Однако часть заработной платы японских рабочих оставалась на предприятии в виде накопления. Расчетных книжек никто на промыслах никогда не видел, и никаких платежных ведомостей не велось.

К числу низкооплачиваемых категорий принадлежали китайские и корейские рабочие, получавшие в среднем на 15–20 % меньше, чем русские рабочие, на 50–60 % меньше, чем японские. Как правило, корейские рабочие использовались на сезонных работах, и оплата их труда производилась поденно.

Заработная плата рабочих-сезонников отличалась от зарплаты работников, находившихся на сдельной оплате труда. Сложившаяся дискриминация в оплате труда рабочих этих категорий неоднократно приводила к конфликтам, доходившим до забастовок. В 1927–1928 гг. забастовали рабочие-сезонники, требовавшие повышения заработной платы, перевода на IV–V разряды и введения сверхурочных работ после 10 часов рабочего дня. Только вмешательство промкома снизило накал требований рабочих и позволило найти компромиссное решение. 84 рабочим повысили заработную плату, перевели на V разряд 40 человек, а остальных оставили на сдельной работе²⁸.

На концессии практиковались поденная, тарифная и сдельная оплата труда. Наиболее рас-

²¹ ГАСО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

²² СЦДНИ. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 1а. Л. 72.

²³ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 23. Л. 69.

²⁴ Там же. Д. 227. Л. 138.

²⁵ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 14. Л. 76.

²⁶ СЦДНИ. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 1а. Л. 72 – 73.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 48. Л. 162.

²⁸ ГАХК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 64. Л. 20.

пространенной формой оплаты труда была поденная, и цены на труд многих рабочих определялись, исходя из стоимости одной поденщины (причем среднемесячное количество поденщин считалось обычно 24). Так, рабочему-бурильщику высшей квалификации платили 5 руб. 14 коп./день, черно-рабочему – 3 руб. 42 коп./день. Политика цен на рабочие руки отличалась дискриминацией в отношении труда учеников. Концессионеры платили ученикам 1 руб. 59 коп./день²⁹.

Рабочие неоднократно обращались к концессионеру с просьбой перевести их на сдельную работу. В такой работе особенно нуждались сезонные рабочие, стремившиеся за лето заработать и обеспечить себя на зиму. Концессионер под предлогом малой работоспособности русских всячески отказывал им в сдельной работе. Более того, надсмотрщики направляли рабочих, особенно коммунистов, на самые тяжелые работы, придирались к ним из-за малейших провинностей. Японская администрация широко практиковала систему выговоров. Они объявлялись за самые незначительные проступки и были весьма удобным орудием для того, чтобы избавиться от неугодных работников. Всякий рабочий, получивший 2–3 выговора, увольнялся без права получения выходного пособия. Японцы уверяли контролирующие их органы, что русских рабочих они не перегружают работой³⁰.

В структуре заработной платы важное место занимали различные виды натурального довольствия, в первую очередь пищевого и товарного. Эта форма зарплаты распространялась только на японских рабочих, которые предметы первой необходимости (одежду, обувь и пр.) и продукты питания получали в концессионной лавке. Все это записывалось в заборную книжку, а их стоимость впоследствии главная контора удерживала из заработной платы³¹. Пользуясь отсутствием полных и достоверных данных о количестве отработанных дней работника, администрация допускала ошибки в удержании расходов на питание, медицинскую помощь.

Одним из показателей экономического положения рабочих является продолжительность рабочего дня. На концессионных предприятиях продолжительность рабочего времени колебалась в зависимости от сезона, удлиняясь в летнее время до максимально возможных пределов. Рабочий день в зимний период продолжался 12 часов, в то время как в летний сезон концессионеры

доводили его до 14. Таким образом, значительная часть временного бюджета рабочего приходилась на тяжелый труд, что не давало возможности за оставшееся время хорошо отдохнуть и восстановить силы. Кроме того, существовал еще целый ряд методов, удлинявших продолжительность рабочего дня. Один из таких методов – сверхурочная и ночная работа. Работа в две смены – ночная, дневная – и сверхурочная (после 10 часов) широко практиковалась на концессиях. Рабочие, проработав на предприятии два года, приобретали право на шестимесячный отпуск с сохранением содержания в размере полумесячного оклада. Служащие конторы получали отпуск в 1–2 месяца с сохранением половины оклада³².

Японские рабочие на концессии находились как бы на положении военнотружеников. Преимущественно их набирали из бывших солдат японской армии. Казарменная дисциплина, субординация, бездушная формалистика пронизывали японское общество на концессиях. Даже выезжая на родину, они не были свободными. Во время отпуска рабочие проходили военную подготовку, а затем вновь возвращались на 2–3 года на Сахалин³³. Как правило, это были люди семейные. Оставив родных, семьи на родине в качестве заложников, они прибывали на концессию в поисках заработка, и выезд в Японию был бы им затруднен в случае нарушения казарменного правопорядка, который был установлен концессионной администрацией.

Тяжелый физический труд, отсутствие нормального, здорового отдыха, плохие жилищно-бытовые условия негативно сказывались на здоровье рабочих. Это требовало создания действенной системы санитарно-медицинской помощи. На концессии имелась больница, в штате которой находились врач и фельдшер; обеспечена она была лучше, чем советская. Однако нагрузка на врача была очень велика – более 700 рабочих. Так, согласно отчетам комиссии по наблюдению за концессиями, уровень заболеваемости составлял: в 1928 г. – 724³⁴ (в их числе – 704 рабочих, 20 – служащих); в 1929 г. – 516 (данные за два квартала)³⁵, т. е. имел явную тенденцию к повышению. Особенно страдали рабочие от травматизма (17 %), заболеваний органов пищеварения (17 %) и других (1,5 %)³⁶. Причинами заболеваний являлись, во-первых, нарушение техники безопасности; во-вторых, употребление однообразной и консервированной пищи; в-третьих, «отвратительная охинская сырая вода»³⁷.

²⁹ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 14. Л. 76.

³⁰ СЦДНИ. Ф. П-442. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

³¹ СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1д. Л. 93.

³² Там же. Д. 1д. Л. 93 об.

³³ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 227. Л. 138.

³⁴ СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 102. Л. 70.

³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 48. Л. 95.

³⁶ Расчет процентных данных сделан автором по: Ф. П-2. Оп. 1. Д. 102. Л. 70; Ф. П-2. Оп. 2. Д. 48. Л. 95.

³⁷ Документы по истории сахалинских концессий // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск. – 2000. – № 1. – С. 45.

Снабжение рабочих и служащих промышленными товарами и продуктами организовывалось концессионером. Администрация концессии составляла список, а комиссия из представителей Сахревкома, Горного округа, Союза горнорабочих и инспекции труда утверждала предлагаемый ассортимент товаров и цены на них³⁸. Товары в основном закупались на рынках Японии, Кореи и Китая, советский рынок был практически закрыт. Так, в 1935 г. концессионеры завезли на остров товаров и продуктов на сумму 2300 тыс. руб.³⁹. По этой причине возник конфликт в отношениях между советскими властями и администрацией концессии. При достигнутой ранее договоренности о поставке на Сахалин товаров на сумму 2100 тыс. руб. японцы завезли товаров на 200 тыс. руб. больше, и Горный округ предложил концессионеру их не реализовывать, а отнести к завозу 1936 г.⁴⁰. Представители японской концессии были вынуждены смириться с таким решением.

Обеспечение рабочих и служащих товарами и продуктами было поставлено значительно лучше, чем в нефтяном тресте. Реализация завезенных товаров широкого потребления и продуктов питания осуществлялась через лавки, которые были открыты на концессионных участках. Режим их работы был определен администрацией концессии: с половины девятого до половины двенадцатого и с четырех до шести часов вечера. Получение товаров производилось по талонам или заборным книжкам. Ассортимент предлагаемых продуктов был весьма разнообразным и широким. Он включал основные виды мясо-молочной продукции, рыбу, овощи, фрукты, муку, крупы, макароны, сахар, чай, кофе и т. п. Среди промышленных товаров можно было купить костюмы рабочие и шевитовые, сапоги кожаные и резиновые, шапки меховые, дождевики, полушубки, рукавицы, перчатки, белье, посуду, канцелярские товары и др. Цены на основные виды товаров были высокими. Даже скромный набор продуктов обходился рабочему более одного рубля в день, а в месяц – около 30 руб. Имея минимальную зарплату в 45 руб., учитывая оплату за жилье, рабочий мог покупать продуктов на эти деньги столько, сколько необходимо было, чтобы свести концы с концами. Например, картофель, привезенный 27 июня 1938 г. на пароходе «Оха-Мару», стоил 8 коп. за 1 кг⁴¹, а яблоки – 38 коп.⁴²; зимнее пальто, завезенное из Харбина, стоило 168–

213 руб., в то время как Дальгосторг продавал по цене 90–110 руб.⁴³. Норма устанавливалась на продукты питания месячная, а на вещи – годовая. Количество продуктов для члена семьи полагалось 75 % рабочей нормы, а на ребенка – 50 %.

Можно согласиться с мнением исследователя Н. В. Марьясовой, считающей, что широкое развитие концессионной торговли в условиях Северного Сахалина было скорее благом, чем недостатком, фактором, который настоятельно требовал улучшить организацию советской торговли, обеспечить завоз достаточного количества товаров и продуктов⁴⁴. В действительности услугами японской торговли пользовалось все население Северного Сахалина.

Местные власти к тому же нередко прибегали к помощи концессионеров, чтобы таким образом предотвратить голод и заболевание цингой, при этом они делали вид, что не замечают фактов перепродажи концессионных товаров населению. Часто это был единственный выход, чтобы избежать эпидемий и голода. Так, например, завоз товарной массы на Северный Сахалин по плану 1932/33 гг. был выполнен нашими государственными предприятиями на 82 %, а в 1933/34 гг. – на 72,7 %, причем план завоза овощей выполнялся на 19,3 %, сухофруктов – на 1–2 %, консервов – на 21 %. Совершенно не завозились свежие фрукты. Однако было завезено: «спичек на 5 лет, ламп без стекол – 2 вагона, хозяйственных товаров (низкого качества) – 110 %, вина – 128 %, готового платья (низкого качества) – 10,7 %, канцелярских принадлежностей – 188 %»⁴⁵. Налицо было стремление выполнить план по завозу товаров ради плана и отчета, а не ради действительного жизнеобеспечения людей.

По условиям концессионного договора японцы имели право вести торговлю товарами и продуктами, завозимыми из-за границы в большем объеме, чем было предусмотрено лицензией, выдаваемой советским торгпредством в Японии. Коллективный договор, заключенный между промкомом и администрацией концессии, предоставлял право завоза товаров в стоимостном выражении на большую сумму, чем фонд заработной платы рабочих. В отчетных документах советских органов о торговой деятельности концессионеров постоянно проводилась мысль о злоупотреблениях японцев. Их обвиняли в развитии спекуляции товарами, особенно предметами роскоши, из концессионной лавки как со сто-

³⁸ СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 48. Л. 95; ГАСО. Ф. 217. Оп. 4. Д. 4. Л. 76.

³⁹ РГАЭ. Ф. 7734. Оп. 3. Д. 42. Л. 46 – 48.

⁴⁰ Остаев, А. Е. Проблемы взаимоотношений советской власти и администрации японской концессии на Сахалине в 30-е годы XX века / А. Е. Остаев, Л. С. Тварковский // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск. – 1999. – № 3. – С. 143.

⁴¹ ГАСО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.

⁴² Там же. Л. 82.

⁴³ СЦДНИ. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 1а. Л. 161–162.

⁴⁴ Марьясова, Н. В. Иностранный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы (концессии и концессионная политика Советского государства) / Н. В. Марьясова. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 115.

⁴⁵ Марьясова, Н. В. Указ. соч. С. 112.

роны рабочих, так и со стороны агентов концессии⁴⁶. По мнению советской стороны, это обстоятельство освободило концессионера от покупки червонца для своих операций и наносило значительный ущерб советскому денежному обращению⁴⁷.

Перепродажа товаров в действительности помогла снять остроту проблемы снабжения населения, а также сокращала ввоз валюты. Оборота от торговли хватало для выплат в советских рублях заработной платы рабочим, уплаты страховых взносов и содержания московского представительства, японцам не было необходимости обменивать валюту по официальному курсу, что было невыгодно для советского банка. Наносился ущерб советскому денежному обращению, происходило удешевление стоимости рабочей силы, себестоимости нефти. В связи с этим советская сторона утверждала, что торговый оборот приносит концессионерам больше прибыли, а завозимые товары были плохого качества и непригодными к употреблению. В 1935 г. было забраковано товаров на сумму 81 209 рублей. Конечно, при транспор-

тировке и хранении неизбежно происходила порча части продуктов и товаров, но торговля концессионными товарами разрешалась лишь после проверки их качества советскими органами концессионного надзора. К тому же широкий ассортимент товаров и их сравнительно невысокая цена позволяли населению Северного Сахалина пользоваться услугами японских концессионных лавок.

Следовательно, придерживаясь строгой объективности, можно констатировать, что своевременная выплата заработной платы, широкий ассортимент продовольственных и промышленных товаров, хорошее обеспечение концессионной больницы медикаментами привлекали рабочих на японскую концессию. Проводимые с устойчивым размахом жилищное строительство, торговые операции концессионеров обеспечивали жильем, продовольственными и промышленными товарами не только рабочих концессии, но и оказывали ощутимую помощь органам власти Сахалина в жизнеобеспечении острова.

⁴⁶ ГАХК. Ф. 137. Оп. 9. Д. 9. Л. 42.

⁴⁷ ГАСКО. Ф. 217. Оп. 4. Д. 4. Л. 137

СОВЕТСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

(историографический обзор)

Щеглов Виктор Владиславович – кандидат исторических наук, проректор по учебно-воспитательной работе Южно-Сахалинского института экономики, права и информатики, доцент кафедры российской истории. Автор 33 научных статей и 5 учебных и учебно-методических пособий.

Как никогда прежде, проблемы демографического развития России, в совокупности проявляющиеся в т. н. депопуляции, представляются наиболее серьезным вызовом современности, главной угрозой поступательному развитию страны. На протяжении последних пятнадцати лет депопуляция в Сахалинской области имела темпы более высокие, чем в среднем по России. Озабоченность данной проблемой в последние годы стала объектом государственного и научного внимания¹.

В связи с этим требует серьезного анализа опыт формирования населения Сахалинской области, которую в определенном смысле можно считать полем демографических экспериментов со стороны государства. В особенности интересен советский период сахалинской истории в силу того, что в его рамках государственная демографическая политика привела к относительно успешным результатам. Данный опыт имеет весьма подробное, хотя и далеко не полное освещение в исторических, демографических и социально-экономических исследованиях. В этом смысле анализ исторического наследия позволяет еще раз остановиться на удачах демографической политики и осветить уже сделанные ошибки, с тем чтобы их избежать в процессе реализации демографических программ, разрабатываемых и внедряемых в политическую практику современной российской государственности.

Необходимо уточнить, что до последнего времени понятия «демографическая политика» фактически не было в научном обороте, хотя многие ее элементы становились предметом исследования не только экономистов, но и историков. Это вполне объяснимо, если принимать во внимание, что демография традиционно считалась частью экономической науки. Учитывая же остроту разного рода демографических проблем, силу их воздействия на экономические и политические процессы, полагаем, что было бы целесообразно считать демографическую политику достаточно самостоятельным видом государственной деятельности.

В рамках настоящей статьи необходимо уточнить содержание вышеуказанного термина. Мы включаем в содержание понятия «**демографическая политика**» такие аспекты государственной деятельности по формированию населения, как переселенческие мероприятия, регулирование миграционной активности населения, создание условий для улучшения таких демографических характеристик, как естественный и механический прирост, продолжительность жизни, оптимизация половозрастной структуры, формирование национальной структуры.

Следует подчеркнуть, что проблемы развития государственных методов воздействия на демографическое развитие Сахалина и Курильских островов в советский период на протяжении ряда лет находились в поле зрения исследователей. Однако вплоть до начала 90-х гг. прошедшего столетия историко-демографические исследования в чистом виде практически не встречаются. Вопросы демографического развития рассматривались в контексте исследований социально-экономической или внешней политики советского государства.

Историография вопроса содержит ряд работ, прямо или косвенно относящихся к данной теме. Созданные в различные периоды развития российской исторической науки XX века работы по данной тематике требуют определенной классификации.

Работы **первого периода (20–30-е гг.)** довольно малочисленны, но едва ли могут быть отнесены к историческим исследованиям. В большинстве своем это публицистические произведения, в которых авторы пытаются осознать цели, стоящие перед Советским государством в деле освоения отдаленной окраины России. Как правило, в них содержатся краткие очерки по истории освоения Сахалина. Методологической основой для написания подобных работ стало учение о советской колонизации, созданное в течение 1922–1925 гг. Процесс колонизации определялся как «...заселение и использование производительных сил недонасе-

¹ См. подробнее: *Власть и проблемы укрепления российской государственности в Дальневосточном регионе: материалы межрегиональной научно-практической конференции.* – Хабаровск: изд-во ГВАГС. – 2005; *Парламентские слушания «О социальной и экономической политике государства в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях».* – Южно-Сахалинск: изд-во «Лукоморье», 2004.

ленных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, мигрирующих из более густонаселенных областей»².

Проблема освоения и заселения Сахалина исследовалась в рамках колонизационной концепции. Перспективы и особенности колонизации Сахалина рассматривались в статьях непосредственных организаторов колонизации Дальнего Востока Я. Б. Гамарника, П. М. Писцова, А. М. Ярмоша и др.³ Демографическая проблема в данных работах не являлась главной, но авторы обращали внимание читателя на острейший кадровый дефицит, потенциально возможный на Сахалине в условиях начала колонизации. Наиболее подробно специфика освоения острова была отражена в статье А. М. Ярмоша «Сахалин как колонизационный объект». Анализируя опыт дореволюционного освоения Сахалина, автор полагал, что перспективы развития Северного Сахалина главным образом находятся в хозяйственном освоении нефтяных и угольных месторождений. А. М. Ярмош предупреждал также о том, что попытки увеличить население Сахалина путем механической переброски людей и широкого применения льгот сами по себе не будут успешными, если дело переселения на Сахалин не связывать с результатами хозяйственного развития острова⁴.

Перспектива использования природных богатств Северного Сахалина потребовала серьезного научного обоснования. В этой связи во второй половине 20-х гг. был опубликован ряд работ обзорно-экономического содержания, характеризующих колонизационную привлекательность острова. В статьях В. Я. Аболтина, П. Дербер, Б. А. Ивашкевича, В. Семенова, Т. Юркевича и других авторов был произведен анализ состояния экономики и демографической ситуации на острове в середине 20-х гг., обращалось внимание органов советской власти и общественности

на перспективы острова, далеко выходящие за рамки советского Дальнего Востока, намечались предпочтительные направления колонизации⁵. В подтверждение доводов о необходимости начала освоения Северного Сахалина В. Я. Аболтин писал: «Северный Сахалин со своими богатствами находится на фланге важнейшего мирового пути: Панамский канал – Токио – Шанхай и Панамский канал – Владивосток – Сибирская магистраль и имеет значение мировой стратегической базы»⁶.

Помимо вышеупомянутых академических статей, в указанный период были опубликованы работы о Сахалине научно-популярного и агитационно-пропагандистского характера, среди которых следует выделить книги Л. Алпатова, В. Е. Глуздовского, Б. И. Еллинского, В. Канторовича, П. Слетова, Д. В. Соколова и Н. Н. Тихоновича, Г. Ф. Старикова и других⁷. Авторство принадлежало людям, непосредственно побывавшим на Сахалине и искренне поверившим в его будущее.

В этих публикациях нет специальных разделов, касающихся анализа демографических характеристик населения, но присутствуют историко-экономические очерки критического содержания об освоении Сахалина в дореволюционное время, описательные характеристики состояния населения, его особенностей в 20–30-е гг., частично показана специфика процесса заселения Северного Сахалина, а именно путем организованного набора переселенцев из центральных и южных регионов СССР. Авторы обращают внимание и на негативные последствия сложившейся в начале 30-х гг. практики завоза работников по срочным договорам (на 2–3 года), создавшей основу для возникновения в будущем устойчивого представления о Сахалине как о месте, где можно зарабатывать, но не жить. Давая характеристику таким мигрантам, П. Слетов писал: «Они – представители кочевого племени, того, что все время стремится усколь-

² Щагин, Э. М. Первая публикация сборника документов переселенческой политики советского государства / Э. М. Щагин, Н. А. Билим // *Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: межвузовский сборник научных трудов.* – Хабаровск, 1984. – С. 57.

³ Гамарник, Я. Б. Советская колонизация Дальнего Востока / Я. Б. Гамарник // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* – 1925. – № 9; Писцов, П. М. Изучение путей колонизации Дальневосточного края / П. М. Писцов // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* – 1925. – № 9; Ярмош, А. М. Пути колонизации Дальневосточного края / А. М. Ярмош // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* – 1927. – № 1.

⁴ Ярмош, А. М. Сахалин как колонизационный объект / А. М. Ярмош // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* – 1926. – № 1–4. – С. 86.

⁵ Аболтин, В. Я. Ископаемые богатства Северного Сахалина / В. Я. Аболтин // *Вестник Маньчжурии.* – 1927. – № 7; Дербер, П. Демография и колонизация Дальнего Востока / П. Дербер // *Новый Восток.* – 1925. – № 1(7); Ивашкевич, Б. А. Леса Северного Сахалина / Б. А. Ивашкевич // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* – 1926. – № 4; Семенов, В. Японо-советское соглашение / В. Семенов // *Новый Восток.* – 1925. – № 1(7); Юркевич, Т. Советский Сахалин / Т. Юркевич // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* – 1926. – № 1.

⁶ Аболтин, А. Остров сокровищ, Северный Сахалин / А. Аболтин. – Владивосток – Хабаровск, 1928. – С. 151.

⁷ Алпатов, Л. Сахалин (путевые заметки этнографа) / Л. Алпатов. – М., 1930; Глуздовский, В. Е. Советский Сахалин / В. Е. Глуздовский. – Владивосток, 1926; Еллинский, Б. И. Сахалин – черная жемчужина Дальнего Востока / Б. И. Еллинский. – М., 1928; Канторович, В. Сахалинские очерки. Путевые заметки / В. Канторович. – М., 1932; Лебедев, Е. В. Советский Сахалин / Е. В. Лебедев. – М., 1933; Поляновский, М. Сахалин после Чехова и Дорошевича / М. Поляновский. – М.–Л., 1929; Соколов, Д. В. Сахалин: природа, население, богатства / Д. В. Соколов, Н. Н. Тихонович. – М., 1925; Слетов, П. На Сахалине: очерки / П. Слетов. – М., 1933; Советский Сахалин / Под ред. Н. Литвиненко. – Александровск, 1939; Стариков, Г. Ф. Советский Сахалин / Г. Ф. Стариков. – Хабаровск, 1940 и др.

знуть если не от документальной характеристики своей деятельности, то от людей»⁸.

В большинстве своем данные работы лишены критического осмысления реалий демографической политики Советского государства, что вполне объяснимо. Время было суровое, и критика могла дорого обойтись авторам. Вместе с тем сами авторы были охвачены всеобщим энтузиазмом, характерным для времен первых пятилеток, что не могло не отразиться на содержании их произведений. Поэтому социально-бытовые проблемы переселенцев рассматриваются как незначительные трудности, не мешающие социалистическому строительству. Пафосное описание успехов в строительстве социализма вытесняло сколько-нибудь объективное осмысление существовавших проблем формирования населения.

Сплошное засекречивание необходимых источников в конце 30-х гг. и прекращение публикации статистических данных о демографическом состоянии населения не позволяли в последующие 20 лет осуществлять научный обзор существовавших тенденций государственной политики в сфере демографии, фактически заставив свернуть исследовательскую деятельность. Таким образом, необходимо признать, что исследования демографической политики советского государства на Сахалине, да и в целом по Дальнему Востоку страны в 20–50-е гг. XX столетия, не сложились в какую-либо целостную историческую концепцию. Более того, в рамках первого периода собственно исторических исследований не проводилось.

Второй период (конец 50–80-е гг.) начинается вследствие оживления исследовательской работы в сфере гуманитарных наук, наступившего с «потеплением» в общественной атмосфере после XX съезда КПСС. На рубеже 50–60-х гг. получили новое развитие такие разделы социологической науки, как демографическая статистика, историческая демография, миграциология, ставшие источниковой основой для исторических исследований. После проведения Всесоюзной переписи населения

1959 г. вновь возобновляются публикации статистических сборников.

В отличие от работ первого периода, имеющих проблемно-постановочный и описательный характер, исследования 60–80-х гг. приобрели комплексный характер в том смысле, что историческая наука, невзирая на прокрустово ложе марксистско-ленинской концепции исторического процесса, демонстрировала попытки системного подхода к изучению истории. В рамках этого периода были созданы фундаментальные труды по истории Сибири и Дальнего Востока СССР, в том числе и Сахалинской области, внешнеполитической истории, содержавшие раскрытие концептуальных подходов советского государства к освоению отдаленных регионов, их месту в системе международных отношений на Дальнем Востоке⁹.

Характерной чертой научного поиска во втором периоде оказалось усиление интереса к истории организованных миграций населения на Дальний Восток и в Сахалинскую область. Вопросы переселенческой политики советского государства, проблемы формирования рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, особенности социального развития Дальнего Востока стали предметом исследования сибирских и дальневосточных ученых Н. А. Билима, А. В. Большух, И. И. Глущенко, Э. В. Ермаковой, А. И. Крушанова, Н. И. Платунова, П. Х. Чаусова и др.¹⁰. Результаты исследования этих процессов были опубликованы в основном в виде научных статей и материалов научно-практических конференций. Опубликованные работы содержат анализ мероприятий советского государства по переселению на Дальний Восток, основывающийся на использовании значительного объема статистического материала, многочисленных документальных источников. История формирования населения Сахалинской области в этих публикациях представлялась как один из фрагментов, иллюстрирующих целостность советского государственного подхода к освоению Дальнего

⁸ Слетов, П. На Сахалине: очерки / П. Слетов. – М., 1933. – С. 67.

⁹ История дипломатии. – Т. 3–5. – М., 1965–1975; История и культура народов Дальнего Востока. – Южно-Сахалинск, 1973; История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. 4–5. – Л., 1968–1969; Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. – Т. 2. – М., 1963 и др.

¹⁰ Билим, Н. А. К вопросу о новых методах и формах сельскохозяйственного переселения на советский Дальний Восток в годы предвоенных пятилеток / Н. А. Билим // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. – Хабаровск, 1963; Он же. Из истории сельскохозяйственного переселения на советский Дальний Восток // Материалы и исследования по истории СССР. – М., 1965; Он же. Переселение рыбаков на советский Дальний Восток (1928–1941 гг.) // Из истории борьбы за советскую власть и социалистическое строительство на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 1965; Он же. Из истории переселения промышленных рабочих и кустарей на Дальний Восток // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. – Т. 21. – Хабаровск, 1969; Большух, А. В. Источники и формы пополнения рабочего класса Дальнего Востока / А. В. Большух // Вопросы истории советского Дальнего Востока. – Вып. 3. – Владивосток, 1965; Глущенко, И. И. Рабочий класс Дальнего Востока в исторической литературе / И. И. Глущенко, Э. М. Ермакова // История СССР. – 1974. – № 5; Глущенко, И. И. Влияние состава населения на пополнение рабочего класса / И. И. Глущенко // Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. – Владивосток, 1980; Крушанов, А. И. Промышленное развитие советского Дальнего Востока / А. И. Крушанов // История СССР. – 1967. – № 5; 1973; Обетковский, Н. А. Плановое переселение на Дальний Восток в годы Советской власти (1925–1940 гг.) / Н. А. Обетковский // Вопросы истории и социологии Дальнего Востока. – Благовещенск, 1972; Платунов, Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск, 1976; и др.

Востока. Большинство исследователей не выделяли каких-либо значительных особенностей в освоении территории Сахалинской области, полагая, что этот процесс находился в соответствии с общим ходом социалистического строительства на Дальнем Востоке. В этой связи обращают на себя внимание работы Г. А. Унпелева, в которых автор обратил внимание на взаимосвязь ускоренного заселения Северного Сахалина в течение 20–30-х гг. с иностранным присутствием на острове в виде японских концессий¹¹, выделив тем самым собственно сахалинскую особенность советской колонизации.

Значительный вклад в раскрытие основ демографической политики советского государства внес экономист Л. Л. Рыбаковский. Его труды хотя и не были историческими исследованиями в чистом виде, относясь к сфере исторической демографии, однако содержат значительный по объему анализ эволюции демографической политики на Дальнем Востоке, в том числе и в Сахалинской области. Опираясь на обработанный статистический материал за 150 лет истории российского освоения этого региона, автор проанализировал влияние последствий войн, эволюции льгот, уровня социального развития региона на динамику миграционных процессов, документально доказал успешность протекания процесса закрепления переселенцев на сахалинской земле в 70–80-е гг. XX века¹².

Среди работ зарубежных авторов, созданных во втором периоде историографии, заслуживают внимания книги американского историка Дж. Стефана «Сахалин. История», «Курильские острова: русско-японский рубеж». Интересно положение автора о том, что концептуальной основой исследования истории Сахалина и Курил следует считать длительное российско-японское соперничество за влияние в данном регионе. Книги Дж. Стефана

представляют определенную ценность и для нашего вопроса, так как дают возможность сравнить методы государственного регулирования заселения Сахалина, используемые правительствами СССР и Японии в 20–30-е гг. по разные стороны от 50-й параллели¹³. Несмотря на то что историки Сахалина знали о существовании его исследований, вплоть до начала 90-х гг. они оставались практически недоступными. В лучшем случае в их распоряжении находились плохие копии англоязычных изданий.

Более подробное освещение истории государственного регулирования демографических процессов в Сахалинской области содержалось в трудах сахалинских историков, в монографиях и статьях руководителей области, а также в научно-популярных изданиях 60–80-х гг.¹⁴. Эти работы охватывали широкий круг исторических проблем: освоение и развитие Северного Сахалина в 1925–1945 гг.; формирование рабочего класса, крестьянства и интеллигенции; вопросы партийно-государственного руководства в организации социалистического строительства; процесс создания условий для постоянного проживания в Сахалинской области в 60–80-е гг.

Наиболее значительным трудом по истории Сахалинской области во втором периоде стала монография П. А. Леонова «Очерк истории Сахалинской организации КПСС», опубликованная в 1975 г. Общее содержание монографии направлено на доказательство исключительно позитивной роли КПСС в истории Сахалинской области, что неизбежно привело к одностороннему освещению советского периода в истории Сахалинской области. Тем не менее наличие в работе широкого спектра обработанного фактического материала, архивных источников позволяет считать ее весьма полезной для исследователей.

Безусловным успехом исторической науки второго периода в данном направлении следует также

¹¹ Унпелев, Г. А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока / Г. А. Унпелев. – Владивосток, 1972; Он же. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока (1933–1937 гг.). – Владивосток, 1975.

¹² Рыбаковский, Л. Л. Население Дальнего Востока за 100 лет / Л. Л. Рыбаковский. – М., 1985; Он же. Население Дальнего Востока за 150 лет. – М., 1990.

¹³ Stephan John. Sakhalin. A History. Oxford, 1971; Он же. Курильские острова: русско-японский рубеж // Краеведческий бюллетень. – 1990. – № 1–4.

¹⁴ Бабкин, Е. Н. На самых дальних рубежах / Е. Н. Бабкин, В. Ю. Шашков. – Южно-Сахалинск, 1980; Колесников, Н. И. Деятельность Сахалинской партийной организации по формированию и идейно-политическому воспитанию интеллигенции / Н. И. Колесников // Научная конференция, посвященная 30-летию победы над милитаристской Японией. – Южно-Сахалинск, 1975; Кравцов, В. С. Очерки истории крестьянства Сахалинской области в период социалистического строительства в СССР (1925–1938 гг.): дис. ... канд. ист. наук / В. С. Кравцов. – Владивосток, 1974; Он же. Крестьянство Северного Сахалина в период восстановления народного хозяйства (1925–1928 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: межвузовский сборник научных трудов. – Хабаровск, 1984; Леонов, П. А. Сахалинская область и перспективы развития ее производительных сил в свете решений XXIV съезда КПСС / П. А. Леонов. – Южно-Сахалинск, 1972; Он же. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. – Южно-Сахалинск, 1975; Леонов, П. А. Область на островах / П. А. Леонов, И. В. Панькин, И. Е. Белоусов. – М., 1979; Рыжков, А. Н. Сахалин и Курильские острова в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Рыжков. – М., 1965; Сахалин, Курилы – родные острова. – Южно-Сахалинск, 1967; Сахалинская область: сб. статей. – Южно-Сахалинск, 1960; Тварковский, Л. С. Деятельность Советов народных депутатов Дальнего Востока по повышению уровня жизни советских людей в годы девятой и десятой пятилеток (на материалах Приморского края и Сахалинской области): дис. ... канд. ист. наук / Л. С. Тварковский. – Владивосток, 1987; Третьяков, П. И. Преображенный берег России / П. И. Третьяков // Дальний Восток. – 1981. – № 5.

считать тщательную проработку истории становления и развития социальной компоненты демографической политики государства на Сахалине и Курилах. Успехи во многом обуславливались политизированностью исторической науки этого периода, призванной доказывать преимущества социализма. В данном конкретном случае реальные успехи социальной политики в 50–80-е гг. становились для историков тем благодатным материалом, который позволял одновременно и удовлетворить научный интерес, и не вступать в конфликт с интересами правящей партии.

В литературе второго периода, создаваемой на основе марксистско-ленинской методологии, утверждался примат экономических факторов над социальным и политическим, доказывалась безусловно положительная, созидательная роль коммунистической партии в организации переселения и социальном строительстве, выражалась в основном позитивная оценка результатов демографической политики, проявлялась убежденность в прогрессивности сложившегося способа освоения отдаленных окраин и уверенность только в добровольном переселении на советский Дальний Восток и Сахалин. Опора на данные принципы позволила создать относительно объективную картину **добровольного экономического переселения** (выделено нами. – *Авт.*) на восточную окраину России и связанных с ним государственных социально-демографических мероприятий.

Однако, невзирая на кажущееся изобилие опубликованного материала, многие вопросы оставались вне сферы внимания исторической науки. В частности, к середине 80-х гг. продолжали оставаться неисследованными вопросы происхождения сахалинских переселенцев, эволюции национального и социально-демографического состава населения. К этому следует добавить, что тема государственного регулирования внешних и внутренних миграций населения оказалась слабоисследованной отчасти в силу того, что большинство материалов были недоступны для научного анализа.

Перестройка общественного сознания, начавшаяся в конце 80-х гг., заставила пересмотреть сложившиеся в исторической науке стереотипы, что явилось основанием для начала **третьего периода** историографии.

Характерными признаками этого периода явля-

ется, **во-первых**, изменение целевых установок исторических исследований и, как следствие, отказ от лакировки истории демографических процессов, **во-вторых**, расширение предмета исследования, **в-третьих**, увеличение числа методов научного исследования, наблюдаемых в опубликованных материалах.

Вовлечение в научный оборот значительного числа ранее секретных архивных материалов позволило переосмыслить сложившиеся представления о роли государства в формировании населения. В первую очередь был подвергнут переоценке и критике тезис о приоритете экономики в перемещениях людей. Исследователи репрессивной миграционной политики на Дальнем Востоке установили, что использование пенитенциарного труда было не единственным и не первым мотивом в этой политике: когда стоял выбор между политическими мотивами и экономической целесообразностью, предпочтение отдавалось первым¹⁵. Для Сахалинской области данный тезис нашел подтверждение в исследованиях М. С. Высокова, касающихся деятельности Акционерного Сахалинского общества (АСО). В частности, М. С. Высоковым приводится пример, когда в качестве способа решения кадровой проблемы 27 декабря 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «Об использовании в АСО труда осужденных и отбывающих наказание в местах заключения НКВД и ОГПУ». Вскоре, однако, соображения о сохранении спокойствия в пограничном с Японией крае взяли верх, и уже 5 февраля 1930 г. это постановление было отменено¹⁶.

А. Т. Кузин в своей монографии «Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы» анализирует причины депортации корейцев, имевшей место в 1937 г. и создавшей значительные кадровые трудности в рыбной и нефтяной промышленности, но тем не менее проведенной¹⁷. Внешнеполитические мотивы советско-японского противостояния на Северном Сахалине оказались порой более значимыми, чем экономическая целесообразность при проведении этой акции. Автор в ряде статей также неоднократно обращал внимание на влияние внешнеполитического мотива на масштабы переселенческой и социальной политики¹⁸.

Шагом вперед на пути расширения предмета исследований в истории формирования населения Сахалинской области стала научно-практическая

¹⁵ Чернолуцкая, Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период / Е. Н. Чернолуцкая // Вестник ДВО РАН. – 1995. – № 6. – С. 78.

¹⁶ Высоков, М. С. Советская колонизация Сахалина на рубеже 20–30-х гг.: выбор пути / М. С. Высоков // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. – Южно-Сахалинск, 1994. – С. 101.

¹⁷ Кузин, А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы / А. Т. Кузин. – Южно-Сахалинск, 1994.

¹⁸ Шеглов, В. В. Население Курильских островов в 1945–1996 гг. / В. В. Шеглов // Курильские острова: история, современность, перспективы: тезисы научных докладов научно-практической конференции, посвященной 300-летию освоения Курильских островов русскими людьми. – Южно-Сахалинск: Администрация Сахалинской области, 1997; Он же. Развитие миграционно-демографической ситуации в Сахалинской области в 90-е гг. // Краеведческий бюллетень. – 1999. – № 3; Он же. Переселение советских граждан на Южный Сахалин и Курильские острова в середине 40-х – начале 50-х гг. XX века // Краеведческий бюллетень. – 2000. – № 4; Он же. Переселенческий аспект в становлении и развитии хозяйства Сахалинской области (1945–1980-е гг.) // Сахалинской области 55 лет. – Южно-Сахалинск, 2002.

конференция «Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры», состоявшаяся в Южно-Сахалинске в октябре 1993 г. Представленные на конференции доклады сахалинских историков и краеведов М. С. Высокова, Н. И. Колесникова, Е. Н. Лисицыной, Л. С. Тварковского, М. И. Шубиной связали проблемы формирования и закрепления славянского населения Сахалинской области в 20–80-е гг. XX столетия с тем, насколько эффективно государственные органы учитывали такие сахалинские особенности, как каторжное прошлое острова, островное положение, пограничный статус, и другие¹⁹. Конференция, по сути, поставила задачу расширения тематики вопросов, связанных с исследованием демографической политики советского государства, что было исполнено более успешно в последующие годы.

Исторические судьбы корейской диаспоры на Сахалине, влияние государственных репрессивных акций на ее численность были рассмотрены в работах Бок Зи Коу, Пак Хен Чжу и А. Т. Кузина²⁰. И хотя монография А. Т. Кузина «Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы» подверглась критике за то, что автор «...излагает материалы в русле, соответствующем официальному курсу КПСС»²¹, тем не менее эта работа заслуживает

внимания с точки зрения добротности анализа демографического развития корейской диаспоры. Значение политических репрессий для формирования состава и численности населения Северного Сахалина в 30-е гг. исследовалось в монографиях и статьях М. М. Войниловича, Г. И. Дударца, Л. М. Медведевой, А. М. Пашкова, В. Л. Подпечникова, А. А. Страхова, Е. Н. Чернолуцкой и других авторов²². Последствия проведенной на Дальнем Востоке и на Сахалине в 1933–1934 гг. паспортизации населения как меры демографического учета и одновременно как репрессивно-ограничительной акции государства нашли свое отражение в статье Е. Н. Чернолуцкой «Паспортизация дальневосточного населения России (1933–1934)»²³.

В середине 90-х гг. появились публикации, посвященные послевоенной переселенческой политике советского государства в Сахалинской области. В статьях В. Л. Подпечникова и Е. И. Савельевой получили освещение история проведения репатриации японского населения Южного Сахалина и Курильских островов после окончания Второй мировой войны, особенности переселения советских граждан, меры по созданию социально-бытовых условий для массового переселения и др.²⁴.

¹⁹ Высоков, М. С. Советская колонизация Сахалина на рубеже 20–30-х гг.: выбор пути / М. С. Высоков // *Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры*. – Южно-Сахалинск, 1994; Колесников, Н. И. История освоения и развития Сахалинской области в 1947–1991 гг.: опыт и проблемы / Н. И. Колесников. – Там же; Лисицына, Е. Н. Переселенческая политика на Сахалине в 20-е годы. – Там же; Тварковский, Л. С. Переселенческая политика на Северном Сахалине в 30-е гг. XX века / Л. С. Тварковский. – Там же; Шубин, М. И. Из истории формирования славянского населения Южного Сахалина в 1945–1960 гг. – Там же.

²⁰ Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине / Бок Зи Коу. – Южно-Сахалинск, 1993; Пак Те Чжу. Репортаж с Сахалина. Историческое эссе / Пак Те Чжу. 2004; Кузин, А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы / А. Т. Кузин. – Южно-Сахалинск, 1994.

²¹ Ханья, С. Интеграция корейцев в советское общество в середине 50-х годов XX столетия / С. Ханья // *Краеведческий бюллетень*. – 2005. – № 3. – С. 196.

²² Войнилович, М. М. Дело № СУ-3246 (жизнь и смерть комбрига Дрекова) / М. М. Войнилович. – Южно-Сахалинск, 1991; Дударец, Г. И. Из истории раскулачивания на Северном Сахалине / Г. И. Дударец, А. А. Страхов // *Краеведческий бюллетень*. – 1990. – № 1; Медведева, Л. М. Из истории сахалинских лагерей / Л. М. Медведева // *Краеведческий бюллетень*. – 1992. – № 2; Пашков, А. М. Правда и домыслы о секретной стройке № 506 на о. Сахалин / А. М. Пашков, Г. И. Дударец // *Читая «Остров Сахалин»...: доклады и сообщения участников историко-краеведческой конференции, посвященной 100-летию путешествия А. П. Чехова на остров Сахалин, 18–19 мая 1990 года*. – Южно-Сахалинск, 1990; Пашков, А. М. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области / А. М. Пашков, В. Л. Подпечников / Книга Памяти. – Т. 3. – Южно-Сахалинск, 1996; Чернолуцкая Е. Н. Указ. соч.

²³ Чернолуцкая, Е. Н. Паспортизация дальневосточного населения России (1933–1934) / Е. Н. Чернолуцкая // *Revue des Etudes Slaves. Tire a Part. Paris, Institut D'Etudes Slaves*. 1999. p. 17–33.

²⁴ Подпечников, В. Л. Репатриация / В. Л. Подпечников // *Краеведческий бюллетень*. – 1993. – № 1; Савельева, Е. И. История Гражданского управления на Южном Сахалине и Курильских островах в документах Государственного архива Сахалинской области / Е. И. Савельева // *Исторические чтения: труды Государственного архива Сахалинской области*. – Южно-Сахалинск, 1996–1997; Она же. Социальные изменения на Южном Сахалине в 1945–1947 гг. // *Сахалинская молодежь и наука: материалы 1-й межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых Сахалинской области. 11–12 марта 1997 года*. – Выпуск 1. – Южно-Сахалинск, 1997; Она же. Население на Южном Сахалине и Курильских островах в послевоенный период (1945–1950 гг.) // *Материалы XXXII научной конференции преподавателей и аспирантов ЮСПИ (апрель, 1997)*. – Южно-Сахалинск, 1997; Она же. Новая жизнь // *Краеведческий бюллетень*. – Южно-Сахалинск, 2002. – № 3; Она же. От войны к миру (Гражданское управление на Южном Сахалине. 1945–1947 гг.) // *Сахалин и Курилы на рубеже веков: сб. статей*. – Южно-Сахалинск: управление по делам архивов Сахалинской области, 2002; Она же. Общественно-политическая жизнь на Южном Сахалине в послевоенный период (1945–1950 гг.) // *Сахалин и Курилы в войнах XX века: материалы научной конференции (7–10 июня 2005 г.)*. Администрация Сахалинской области, управление по делам архивов Сахалинской области, Государственный архив Сахалинской области. – Южно-Сахалинск: изд-во «Лукоморье», 2005; Она же. Политика идеологических контактов на Южном Сахалине в 1945–1948 гг. // *Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.)*. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – С. 456–462.

Нами была проделана работа по исследованию политики предоставления льгот, применяемых государством в качестве инструмента демографической политики. По мнению автора, льготы, в основном денежные, смогли сыграть положительную роль в процессе формирования постоянного населения только в сочетании с развитием социальной инфраструктуры²⁵. Однако очевидно, что общее улучшение экономического положения населения области не способствовало росту рождаемости. Напротив, тенденция к уменьшению числа детей в семьях сахалинцев прочно утвердилась именно в годы роста их благосостояния.

В указанный период становится предметом изучения политика государства в отношении т. н. «спецпереселенцев»²⁶. Следует при этом сказать, что значительная работа по сбору и опубликованию фактических данных о немцах и калмыках-спецпереселенцах была проделана д. и. н., профессором А. М. Пашковым. К настоящему моменту тема едва ли может считаться изученной полно. По сути, намечены лишь очертания темы. Но, по крайней мере, ее можно считать вышедшей из разряда «белых пятен».

Нестандартный (по сравнению с исследованиями второго периода) выбор методики прослеживается в работах сахалинского историка Н. И. Колесникова. Будучи ярко выраженным сторонником традиционно-советской исторической школы, тем не менее, исследуя в 90-е гг. политические биографии первых лиц партийно-государственного аппарата, автор использовал не освоенный еще к тому времени метод персоналий. Н. И. Колесников в своих монографиях использовал широкий спектр материалов по переселенческой политике советского государства, социально-культурному строительству, миграциям населения²⁷. В 2000 г. портретная галерея первых лиц была продолжена выходом сборника статей «Губернаторы Сахалина», созданного силами работников архивного отдела администрации Сахалинской области и Государственного архива Сахалинской области. Вместе с тем требует продолжения работа по созданию исторических

портретов – не только первых лиц областной власти и иерархии, но и других руководителей.

Оригинальна по замыслу и методике работа М. С. Высокова «Сахалин и Курильские острова. Хроника XX столетия», опубликованная в газете «Южно-Сахалинск» в 1999–2000 гг.²⁸. Автор не ставил перед собой задачи глубокого анализа демографических процессов, характерных для Сахалина и Курил: хроники этого и не требуют. Однако год за годом, характеризуя разверстку местной истории, демографический аспект и демографическую политику государства автор рассматривает как один из важнейших компонентов. Последовательность изложения материалов, касающихся демографии, позволяет проследить закономерности демографического развития.

В вопросе о роли факторов влияния на демографическую политику государства нельзя не отметить небольшую по объему, но весьма значимую статью к. э. н. А. Н. Бурыкина «Теоретические аспекты проблемы формирования постоянного населения Сахалинской области». Наряду с достаточно глубоко исследованными факторами влияния на демографическое развитие, автор обращает внимание на роль органов власти по созданию «благоприятной экологической и культурно-исторической среды обитания населения». Само понятие культурно-исторической среды понимается автором как совокупность элементов, создающих эффект многомерности среды обитания человека не только в пространстве, но и во времени, реального ощущения прошлого в дне сегодняшнем²⁹. Полагаем, что этим тезисом автор предлагает новое направление исследований для региональной исторической науки.

Заслуживает внимания методика исследования переселенческих процессов сахалинского краеведа К. Е. Гапоненко. В своей книге «Вслед за ушедшим днем. Очерки о сахалинских переселенцах», вышедшей из печати в 1998 г., автор попытался воссоздать эмоционально-психологическую атмосферу организованных миграций послевоенного времени. Результат оказался весьма далек от господ-

²⁵ Льготы переселенцам на Сахалин // Научный поиск-2004: новые направления и результаты исследований: материалы IX городской научно-практической конференции преподавателей и студентов, 18–19 марта 2004 г. – Южно-Сахалинск: изд-во ЮСИЭПиИ, 2004.

²⁶ Шеглов, В. В. Спецпереселенцы в Сахалинской области / В. В. Шеглов // Материалы XXXIII научно-методической конференции преподавателей ЮСГПИ. – Ч. II. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 1999; Пашков, А. М. Книга Памяти о калмыках-спецпереселенцах на остров Сахалин / А. М. Пашков / Администрация Сахалинской области, администрация Калмыкии, лаборатория социально-исторических наук. – Элиста: Калмыцкое книжн. изд-во, 2003; Он же. Советские немцы-спецпереселенцы на Сахалине: политические и демографические аспекты // Архивы в панораме XXI века: материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию Государственного архива Сахалинской области. 12 ноября 2003 года. – Южно-Сахалинск: изд-во «Лукоморье», 2004. – С. 72–77.

²⁷ Колесников, Н. И. Они правили областью / Н. И. Колесников. – Южно-Сахалинск, 1995; Он же. Время и власть (руководители Сахалинской области советского периода). – Южно-Сахалинск, 2001.

²⁸ Высоков, М. С. Сахалин и Курильские острова. Хроника XX столетия / М. С. Высоков // Южно-Сахалинск, 1999–2000 гг.

²⁹ Бурыкин, А. Н. Теоретические аспекты проблемы формирования постоянного населения Сахалинской области / А. Н. Бурыкин // Архивы в панораме XXI века: материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию Государственного архива Сахалинской области. 12 ноября 2003 года. – Южно-Сахалинск: изд-во «Лукоморье», 2004. – С. 78–83.

ствовавшего в предыдущие периоды мнения, что на Сахалин и Курилы ехали люди, ведомые исключительно желанием выполнить предназначения партии. Основываясь на анализе переселенческой статистики, автор обращает внимание на значительное количество случайного элемента среди переселенцев, дает описание мотивов к переселению за несколько тысяч километров от родного очага, среди которых выделяется стремление выехать из регионов, тяжело переживавших послевоенный период³⁰.

Объем публикаций по теме в третьем периоде историографии оказался достаточно весомым для появления обобщающих работ. В учебном пособии «Экономика Сахалина», выдержавшем два издания (1998 г. и 2003 г.), содержится анализ динамики численности населения, ряда других демографических показателей в их зависимости от развития островного народного хозяйства. В 2002 г. автору удалось подготовить и опубликовать монографию «Население Сахалинской области в XX веке», в которой, в числе прочих вопросов истории формирования населения, предпринята попытка исследования степени эффективности государственной демографической политики³¹. В монографии сделаны выводы о том, что демографическая политика советского государства далеко не всегда соответствовала потребностям развития экономики, что эффективность демографического регулирования со стороны советского государства прямо зависела от того, насколько полно принимались во внимание факторы влияния на демографические процессы, насколько эффективно сочеталась демографическая и социальная политика.

Подводя итоги сказанному, остановимся на некоторых проблемах демографической политики в Сахалинской области, которые не получили, на наш взгляд, по разным причинам всестороннего освещения:

- актуальной является задача дальнейшей персонификации местной демографической истории путем продолжения работы по созданию исторических портретов не только партийно-государственных деятелей, но и «капитанов экономики» советского периода, непосредственно участвовавших в переселенческих мероприятиях советского государства в 30–40-е гг. XX столетия;

- не получили достаточного освещения проблемы межкультурной коммуникации советского и японского населения в период инкорпорации японской экономики на юге Сахалина и Курилах в советскую экономическую систему во 2-й половине 40-х гг.;

- исследование проблем репатриации японского населения нуждается в широком использовании японских и американских источников. Может быть, следует начать работу по изданию сборника иностранных архивных документов, затрагивающих данную проблему;

- требует внимания и проблема формирования и состояния культурно-исторической среды обитания в Сахалинской области.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что исторический опыт демографической политики советского государства, при всех его издержках, нуждается в постоянном изучении, в связи с тем, что, по крайней мере, его отдельные аспекты не утратили прикладного значения в современных условиях.

³⁰ Гапоненко, К. *Вслед за ушедшим днем. Очерки о сахалинских переселенцах* / К. Гапоненко. – Южно-Сахалинск: областное книжное издательство, 1998.

³¹ Щеглов, В. В. *Население Сахалинской области в XX веке* / В. В. Щеглов. – Южно-Сахалинск: изд-во ЮСИЭПиИ, 2002.

АРХИВЫ И АРХИВНОЕ ДЕЛО В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920–1922 гг.)

Костанов Александр Иванович – канд. ист. наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ. Работает на кафедре российской истории СахГУ. Сфера научных интересов: источниковедение, архивоведение, история Сибири и русского Дальнего Востока XVII–XX вв. Автор более 70 научных публикаций по данной проблематике, в том числе 10 монографий и книг.

В предлагаемой статье рассматривается короткий, но очень важный период в истории создания государственной архивной службы на востоке России, связанный событиями завершающего этапа Гражданской войны.

На Восточном фронте в предгорьях Урала еще шли боевые действия между красными войсками и армией Колчака, а Сибирский революционный комитет (Сибревком), образованный 27 августа 1919 г. для организации гражданского управления¹, приступил к созданию советских архивных органов на подконтрольной ему территории. Возглавлял Сибревком И. Н. Смирнов, единственный за Уралом член ЦК большевистской партии, он же – секретарь Сибирского бюро ЦК РКП (б), в руках которого сосредоточились все нити военно-политического руководства². В литературе даются разные даты принятия Сибревкомом решения о создании в Омске областного управления архивным делом (Сибархива). По одним данным, это было в январе, когда образовалось Омское губернское управление архивным делом (Омгубархив)³, по другим – 3 февраля⁴ или 7 февраля 1920 г.⁵.

Первым начальником Сибархива был Л. Н. Старк, бывший политический комиссар разведотдела РВС фронта при штабе 5-й армии, а с ноября 1919-го по апрель 1920 г. – комиссар военно-учебных заведений Сибири⁶.

Правовой основой создания Сибархива стал декрет СНК РСФСР от 31 марта 1919 г. «О губернских архивных фондах». Им устанавливалось, что «все архивы и делопроизводства» губернских и уездных городов, «подлежащие в силу декрета 1 июня 1918 г. ведению ГУАД, составляют в каж-

дой губернии единый губернский архивный фонд»⁷.

Расширению состава ГАФ РСФСР и губернских архивных фондов способствовало также принятие 22 апреля 1919 г. декрета «О хранении и уничтожении архивных дел» (в части пополнения документами профсоюзных и кооперативных организаций) и декрета от 29 июля 1919 г. «Об отмене частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых», хранившиеся в библиотеках и музеях. Но реализация этих нормативных актов на практике в отдаленных регионах страны приобретала специфические формы. В губернских городах Сибирской области, не говоря об уездах, о советских декретах по архивному делу знали понаслышке и зачастую трактовали по-своему. Пример тому – Положение «Об управлении архивным делом в Сибири», в котором говорилось: «...Руководствуясь в своих действиях и распоряжениях декретами Совнаркома и постановлениями коллегии Главархива, Сибархив в делах, соприкасающихся с вопросами управления, подчинен Сибревкому»⁸. Такая позиция, по замечанию современных авторов, означала отказ от «чрезмерной централизации архивного дела» во имя «идеи автономизации областей»⁹.

Действительно, становление советских архивных учреждений Сибири в течение 1920 г. происходило в какой-то мере автономно от РСФСР, и дело здесь не только в традициях «областничества». Значительная часть Сибирской области была на военном положении, а на востоке от Байкала происходило формирование нового государственного образования – Дальневосточной республики (ДВР). Анализ документов показывает, что на территории Сибири наметилось

¹ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: сб. документов и материалов. – Новосибирск, 1959. – С. 28–29.

² Сибирское бюро ЦК РКП (б). 1918–1920 гг.: сб. документов. – Ч. 1. – Новосибирск, 1978. – С. 185–209.

³ Путеводитель по государственному архиву Омской области / Сост. Н. В. Горбань / Предисловие. – Омск, 1950. – С. 3.

⁴ Бедулина, И. П. Становление и развитие государственной архивной службы Иркутской области в 1920–1938 годах (исторический очерк) / И. П. Бедулина. – Иркутск, 2005. – С. 16.

⁵ Крайская, З. В. Организация архивного дела на местах в первые годы Советской власти (по РСФСР) / З. В. Крайская // Труды МГИАИ. – Т. 15. – М., 1962. – С. 246.

⁶ Боброва, В. С. О кадровой политике в архивном деле в 1920-е годы / В. С. Боброва // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. – Новосибирск, 2006. – С. 361.

⁷ Декрет СНК РСФСР от 31 марта 1919 г. // Советские архивы. – 1987. – № 6. – С. 14.

⁸ Положение об управлении архивным делом в Сибири // Советская Сибирь (Омск). – 1920. – № 28 (99). 7 февраля; ОГУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 402. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁹ Хорхордина, Т. И. История Отечества и архивы / Т. И. Хорхордина. – С. 78–79.

три центра, в каждом из которых по-разному видели пути и формы архивного строительства и по-разному подходили к решению первоочередных задач. Этими центрами были города Омск, Иркутск и Владивосток. Спустя год к ним добавилась Чита, после того как этот город был объявлен столицей ДВР.

Наиболее активно и, пожалуй, более профессионально выстраивалась организация архивного дела в Иркутске. Здесь эту инициативу взяли на себя представители ГАУК во главе с профессором В. И. Огородниковым, и произошло это до установления в городе советской власти. Авангардные части 5-й армии, заняв в конце февраля станцию Иннокентьевскую, вошли в Иркутск лишь 7 марта 1920 г.¹⁰. До этого властные функции в Иркутске осуществлял эсеро-меньшевистский политцентр. Его лидеры надеялись создать в Прибайкалье и на Дальнем Востоке буферное государство буржуазно-демократического типа, чтобы в дальнейшем объединиться с РСФСР после ее демократического «перерождения»¹¹. Этим объясняется, вероятно, тот факт, что именно в Иркутске получила развитие идея создания Центрального архива, одного из четырех, проектировавшихся правительством А. В. Колчака.

С 1 февраля 1920 г. упраздненное Центральное управление Министерства народного просвещения (колчаковский орган власти) в Иркутске сменил губернский комиссариат просвещения, при котором был создан отдел охраны государственных ценностей. К его ведению относились библиотеки, архивы, музеи, памятники истории и культуры. 14 и 25 февраля В. И. Огородников представил в отдел две докладные записки, содержавшие обоснование необходимости создания Центрального архива Восточной Сибири (ЦАВС) для пяти губерний – Иркутской, Енисейской, Забайкальской, Якутской и Урянхайского края. Обоснование включало штаты, смету содержания ЦАВС и перечень неотложных мероприятий¹². Южную часть Дальнего Востока в сферу деятельности ЦАВС В. И. Огородников не включал, имея в виду, что во Владивостоке будет создан такой же центральный архив, где будут сосредоточены исторические документы, созданные до 1880 г.

Идею централизации архивного дела в Восточной Сибири поддержал губернский отдел народно-

го образования (губОНО)¹³. Заметную роль в этом сыграл М. А. Кравков, активно занимавшийся проблемами сибирского краеведения и возглавлявший тогда отдел (затем – подотдел) охраны государственных ценностей губОНО¹⁴. 15 марта 1920 г. были утверждены смета и штаты ЦАВС; его управляющим назначен В. И. Огородников, он же – руководитель архивной секции подотдела охраны культурных ценностей¹⁵.

Как следует из документов, отношения создававшегося в Иркутске ЦАВС с Сибархивом складывались неоднозначно. К этому времени Сибархив возглавил Вениамин Давидович Вегман – один из старейших членов РСДРП, видный партийный публицист, опубликовавший свои первые статьи в 1901 г. в газете «Искра». В 1914 г. его сослали в Нарымский край. С тех пор почти вся его революционная, литературная и научная деятельность были связаны с Сибирью¹⁶. «Главная задача, которую Сибархив на первых порах поставил себе, – писал В. Д. Вегман, – заключалась в том, чтобы спасти архивы от расхищения и собрать все безнадзорные архивы, в каком бы состоянии они ни находились. Эта задача выполнена почти сполна»¹⁷.

В неимоверно трудных условиях в течение 1920 г. сотрудники Сибархива в основном наладили первичный учет и приступили к «концентрации» архивов в Алтайской, Иркутской, Енисейской, Томской, Семипалатинской и Омской губерниях. Тогда же к выявлению архивов, имеющих политическое значение, в Сибири приступили представители некоторых центральных ведомств РСФСР. Например, в феврале 1921 г. НКВД шифровкой дал указание своему представителю в Иркутске о сборе всех материалов относительно союзнической интервенции, масса которых имела в Омске, Иркутске и других местах Сибири. Эти документы в оригиналах или копиях («с указанием, где находятся оригиналы») подлежали срочной отправке в Москву, а для оперативного исполнения этой задачи рекомендовалось связаться с бывшим председателем Иркутской губчека Чудновским, который, видимо, уже занимался этими вопросами. При этом особо подчеркивалась необходимость воспрепятствовать «публикации материалов на месте, а также широкой огласке дела»¹⁸. К этой

¹⁰ Панов, В. Н. *Очерки истории Иркутской области* / В. Н. Панов, В. Г. Тюкавкин. – Иркутск, 1970. – С. 154.

¹¹ Кокоулин, В. Г. *Создание Дальневосточной республики* / В. Г. Кокоулин // *Россия и АТР*. – 2003. – № 2. – С. 41.

¹² ГАИО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 1. Л. 91–95.

¹³ Из документов этого периода видно, что организационная форма управления архивным делом в Восточной Сибири претерпела ряд изменений – архивный подотдел отдела охраны государственных ценностей, архивная секция подотдела охраны государственных ценностей губОНО и т. п. Это вполне объяснимо, т. к. в первой половине 1920 г. Иркутск не имел надежной связи с Омском и Москвой.

¹⁴ Звягин, С. П. *Сибирский краевед М. А. Кравков – жертва своего политического выбора* / С. П. Звягин // *Научные сообщества историков и архивистов: интеллектуальные диалоги со временем и миром*. – Омск, 2006. – С. 248–252.

¹⁵ Бедулина, И. П. *Указ. соч.* С. 11–12.

¹⁶ *Сибирская советская энциклопедия*. – Т. 1. – Сиб. краевое изд-во, 1929. – Ст. 452; Вибе, П. П. *Омский историко-краеведческий словарь* / П. П. Вибе и др. – М., 1994. – С. 44–45.

¹⁷ Познанский, В. В. Д. Вегман – исследователь и революционер / В. Познанский // *Отечество. Краеведческий альманах*. – Вып. 1. – М., 1990. – С. 86.

¹⁸ *Дальневосточная политика советской России (1920–1922 гг.): сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета*. – Новосибирск, 1996. – С. 206.

работе привлекались и местные архивисты, о чем позднее Вегман с огорчением писал: «Организовали Сибархив, так сказать в военном порядке и с исключительной целью, чтобы иметь орган, которому можно было бы поручить такое важное и ответственное дело, как спасение от гибели и расхищения колчаковских архивов, которыми в тот период гражданской войны менее всего интересовались историки, но в которых особенно заинтересованы были некоторые учреждения». Лишь к концу 1920 г. Сибархиву «удалось освободиться от своих сторонних опекунов»¹⁹.

Эта зависимость Сибархива от сторонних ведомств – ВЧК и ряда наркоматов РСФСР (юстиции, финансов и др.), безусловно, отразилась на его статусе и взаимоотношениях с создававшимися архивными органами Сибири. Например, согласно постановлению Сибревкома от 5 мая 1920 г. архивные органы, как и все гражданские учреждения Тобольской и Тюменской губерний, отошли в подчинение Ревсовета 1-й трудовой армии, и фактически их связи с Сибархивом прервались более чем на полгода, пока в это не вмешался после доклада Вегмана Главархив²⁰.

Географически сфера деятельности Сибархива не была четко определена. Есть основания полагать, что Вегман, опираясь на свои связи в партийных кругах, пытался выстроить централизованную систему архивных учреждений в пределах всей Сибири. Будучи делегатом III Всероссийского съезда Советов, он сообщал 29 декабря 1920 г. своим коллегам из столицы: «В Главархиве побываю еще не раз и подробно переговорю обо всем. Несколько встреч имел с Покровским и Луначарским, но все мимоходом – на съезде, после съезда переговорю с ними подробнее. В субботу буду у Ленина, который просил меня зайти». Активные начинания Вегмана находили поддержку у видных деятелей партии Е. М. Ярославского и П. Н. Лепешинского, что поддерживало его авторитет среди руководителей Главархива – М. Н. Покровского, В. В. Максакова, В. В. Адоратского и др.²¹.

По инициативе Вегмана было предложено провести в Омске в начале 1921 г. съезд по архивному делу с целью «осветить и вырешить, помимо чисто районных нужд, вопросы всесибирского значения и масштаба». Основной темой, волновавшей Вегмана, была «особая краевая централизация» и организация работы по единому плану «на территории от Урала до Тихого океана, не исключая Камчатки, Сахалина, Урянхайского края и т. д.».

Еще один из важных вопросов, которые предлагалось обсудить, касался судьбы архивов Семипалатинской, Акмолинской и «других губерний Сибири при переходе их целиком или частями в состав вновь образуемых автономных республик (Киргизия, Дальневосточная, Туркестан)»²².

Не касаясь темы архивов создаваемых автономных республик в Средней Азии, заметим, что замысел В. Д. Вегмана включить в сферу влияния Сибархива часть Дальнего Востока имел основания. Дело в том, что постановлением Сибревкома от 19 марта 1921 г. Охотский и Камчатский уезды Приморской области ДВР были включены в состав Якутской губернии²³. Здесь 22 декабря 1920 г. на базе хранилища документов бывшего областного управления был образован Якутский губархив²⁴.

Но «всеазиатский масштаб» претензий Сибархива, судя по интонациям его переписки с Москвой, не встретил поддержки руководства Главархива, и вопрос об общесибирском съезде архивистов завис в воздухе. Между тем на проходившем в марте 1921 г. в Томске съезде исследователей Сибири заседала архивная секция. В ее работе участвовали командированные Сибархивом профессор Н. Н. Бакай и А. А. Ляпустин, возглавлявшие соответственно Томский и Алтайский губархивы. По докладу представителя подотдела исследования Сибири М. А. Кравкова было решено созвать Сибирский съезд «для упорядочения архивного дела» 15 мая в Томске. Реакция Вегмана на это решение была отрицательная и обиженная, о чем свидетельствует его письмо в Сибревком, с копиями в Главархив и СибОНО, к ведению которого относился подотдел изучения Сибири. Вегман усмотрел в информации о съезде архивистов в Томске попытку путем «слияния» подчинить СибОНО, возглавляемый им Сибархив, организация которого была «санкционирована центральной властью». «Такая информация губительна еще и потому, – писал он, – что вводит суматоху в налаженную работу, а назначение съезда по архивному делу, помимо Сибархива, подрывает авторитет Сибархива»²⁵.

Не исключено, что возникший конфликт был отражением малообъяснимых перемен в высших эшелонах управления архивной системой, когда в течение года Главархив передавался то в состав Академического центра Наркомата просвещения (постановление СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г.), то в прямое подчинение ВЦИК (постановление Президиума ВЦИК от 26 ноября 1921 г.)²⁶.

¹⁹ Вторая конференция архивных работников РСФСР (Краткий отчет). Выступление В. Д. Вегмана на заседании конференции 12 января 1927 г. // Архивное дело. – 1927. – Вып. XI–XII. – С. 13–14.

²⁰ ОГУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 402. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 69, 86.

²¹ Познанский В. Указ. соч. С. 86–87.

²² ГАИО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

²³ Якутия. Хроника. Факты. События. 1917–1953. – Ч. 2. – Якутск, 2004. – С. 31.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ ГАИО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

²⁶ Хорхордина, Т. И. История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг. / Т. И. Хорхордина. – С. 99.

Но из-за амбиций Вегмана трещина в его отношениях с Главархивом стала еще шире, когда ему не удалось принять участие в 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, проходившей с большим размахом 29 сентября – 3 октября 1921 г. в Москве. Обсуждение на конференции многих актуальных проблем архивоведения, по замечанию Т. И. Хорхординой, наглядно выявило «отсутствие взаимопонимания между архивными работниками на местах» с новым руководством Главархива, возглавляемого М. Н. Покровским²⁷. Возможно, что В. Д. Вегман, с его связями в высших партийных сферах, был не очень желательным участником тех дискуссий. Во всяком случае извещение о конференции шло по почте около месяца и было получено в Омске только 27-го числа. В телеграмме на имя В. В. Адоратского отмечалось, что «Сибирь лишена возможности... принять участие [в] обсуждении животрепещущих текущих важных вопросов архивоведения и вынуждена ограничиться фиксацией этого горького [и] печального факта, подчеркивающего неумение считаться [с] особыми условиями работы Сибири»²⁸. Копия этой телеграммы «для сведения» была направлена в губернские архивы Сибирской области.

Централизацию архивного дела В. Д. Вегман понимал как наделение возглавляемого им Сибархива управленческими функциями, нечто вроде общесибирского Главархива. Понятно, что это не могло встретить поддержки М. Н. Покровского и не нашло понимания у руководителей губернских архивных органов Сибири. Характерно, что с конца 1921 – начала 1922 гг. деятельность Сибархива постепенно замирает и «он начинает существовать только юридически». Произошло это по разным причинам. Во-первых, вследствие неурядиц при переезде краевых организаций из Омска в Новосибирск. Во-вторых, с переводом Сибархива на местный бюджет ему просто перестали отпускать средства. Напрасными были все просьбы, обращенные в Сибревком и ВЦИК, многочисленные сметы и телеграммы. Безрезультатным оставалось и неоднократное вмешательство Центrarхива РСФСР, на три года Сибархив фактически прекратил свою деятельность²⁹.

Тем не менее, оценивая объективно деятельность Сибархива в 1920–1921 гг., следует отметить: она имела важные последствия для обеспечения сохранности документов по истории Дальнего Востока, отложившихся в архивных фондах Иркутска, Якутска, Томска и других сибирских го-

родов. Однако напрямую влиять на состояние архивного дела на огромной территории к востоку от Байкала ни Сибархив, ни тем более Центrarхив РСФСР не могли. Это было связано с особенностями военно-политической ситуации в Забайкалье, Приамурье и Приморье в 1920–1922 гг. Во-первых, после падения режима Колчака сюда отступили остатки белой армии (каппелевцы) и продолжали действовать вооруженные отряды атаманов Семёнова и Калмыкова. Во-вторых, после прекращения объединенных действий союзных держав (США, Англии, Франции, Японии, Китая и др.) интервенцию осуществляла одна Япония, наращивавшая свое военное присутствие на русском Дальнем Востоке. В начале 1920 г. положение на южных и западных границах РСФСР было не менее сложным. В этой обстановке возглавляемое В. И. Лениным советское правительство смогло, перехватив инициативу иркутского политцентра, взять в свои руки создание за Байкалом Дальневосточной республики (ДВР) – «буферного» демократического государства, включавшего Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую области и полосу отчуждения КВЖД. Легитимность образования ДВР с центром в Верхнеудинске (с 1934 г. – Улан-Удэ) сомнительна³⁰. Истории «красного буфера», просуществовавшего с апреля 1920-го по ноябрь 1922 г., посвящена обширная литература³¹, поэтому нет необходимости останавливаться на этой проблеме. Отметим лишь, что с образованием ДВР появились предпосылки к принятию неотложных мер по спасению архивов и началу архивного строительства на Дальнем Востоке.

Внутреннее и международное положение ДВР было чрезвычайно сложным, и правительство республики не имело возможностей осуществлять единую политику в сфере культуры на всей ее территории. Поэтому местные власти ДВР и общественные организации вынуждены были зачастую самостоятельно решать в губерниях проблемы охраны культурных ценностей, в том числе и архивов. Первоочередное внимание уделялось документам новейшего времени, запечатлевшим события революции и Гражданской войны. Как известно, обобщение опыта мировой войны 1914–1918 гг., а затем строительства Вооруженных сил РСФСР сопровождалось созданием многочисленных народных музеев и комиссий как в Москве и Петрограде, так и в провинции, где распространенной формой собирания документальных материалов стали

²⁷ Хорхордина, Т. И. *История Отечества и архивы. 1917–1980-е гг.* / Т. И. Хорхордина. – С. 99.

²⁸ ГАИО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

²⁹ Вторая конференция архивных работников РСФСР (Краткий отчет). Выступление В. Д. Вегмана на заседании конференции 12 января 1927 г. // *Архивное дело.* – 1927. – Вып. XI–XII. – С. 15–16.

³⁰ На съезде трудящихся Западного Забайкалья, провозгласившем 6 апреля 1920 г. образование ДВР, не присутствовало ни одного представителя с полномочиями от областей Дальнего Востока. – См.: Новиков, П. А. *Гражданская война в Восточной Сибири* / П. А. Новиков. – М., 2005. – С. 212–213.

³¹ Шурыгин, А. П. *Историография истории Дальневосточной республики (1920–1922 гг.)* / А. П. Шурыгин // *Вопросы истории Советского Дальнего Востока.* – Вып. 3: *Советский Дальний Восток в период строительства социализма в СССР (1917–1958 гг.)*. – Владивосток, 1965. – С. 15–17.

«архивы-музеи», создававшиеся при губернских военных комиссариатах. В мае 1920 г. возникла идея создания такого «музея-архива» в Верхнеудинске с целью запечатлеть боевой путь Народно-революционной армии (НРА) ДВР. Газета «Дальневосточная республика», призывая «день за днем следить за жизнью нашей армии», писала: «...С современной точки зрения нужен не только тот историк, который записывает историю войны на страницы книги, но и историк, который наглядно иллюстрирует все написанное в дневниках, мемуарах, военных предметах и т. д. Таким наглядным историком может быть только МУЗЕЙ-АРХИВ Народно-революционной армии... Упущено уже много материала яркого и характерного...». При Музее-архиве предлагалось немедленно «создать Бюро» из представителей естественных наук, политотдела НРА ДВР и Министерства народного просвещения, которые «выработают основные положения о музее, составят анкету для воинских частей, создадут институт инструкторов, пригласят музееведа и т. п.»³².

Трудно сказать, в какой мере удалось реализовать этот замысел. Из имеющихся документов усматривается, что судьба исторических архивов (дореволюционных) мало занимала представителей новых властей, им нужны были архивные документы для использования в политической пропаганде. Например, тогда же было начато составление «летописи белогвардейских зверств» и власти ДВР обратились ко всем, кто может дать «письменные подробные сведения о зверствах семеновцев, чехо-словаков и вообще причастных к контрреволюции»³³. Документы из захваченных архивов белых часто публиковались в печати. В одном из номеров той же газеты «Дальневосточная республика» читаем: «В редакцию доставлен журнал секретных телеграмм атамана Семенова, найденный среди документов захваченного во время боев в Забайкалье семёновского штаба... Мы не делаем никаких комментариев к этим жутким и кровавым документам (за январь–ноябрь 1919 г. – А. К.); они говорят сами за себя. <...>Тут мы видим самые обыкновенные грабежи среди дороги, выражавшиеся в заботах о «шелковистых кружевах», о «ценностях» в «золоте», ни за что ни про что расстреливаемых людей... И самое кошмарное – это расстрелы сотнями заключенных в тюрьмах, без всякого суда и следствия, производимые прямо из пулеметов»³⁴.

Архивные документы о «красном терроре» 1918–1920 гг. страшны не менее, а возможно, и более, но их не публиковали. Кстати, есть основания считать, что уже тогда дореволюционными и белогвардейскими архивами основательно занимались органы Государственной политической охраны (ГПО) ДВР – аналог ВЧК. Специальным приказом ГПО ДВР предписывалось сосредоточить усилия на двух направлениях: 1) контрреволюция «историческая» и 2) контрреволюция настоящая («текущего момента»). Далее разъяснялось, как поступать с той или другой категорией. Представителей «исторической» контрреволюции предлагалось взять на учет, т. к. «...ее арестом мы нарушим основные принципы народно-революционной власти». Так закладывалась информационная база будущих политических чисток и репрессий, для создания которой использовались архивные материалы³⁵.

Серьезным препятствием организации архивного дела в ДВР было отсутствие надежной связи с Москвой и культурными центрами Сибири, хотя, как известно, проблемами государственного строительства «красного буфера» напрямую занимались в начале 1920 г. Сибревком и Дальневосточное бюро РКП (б), секретариат которого находился в Иркутске. В его распоряжение направлялись партийные работники, литература и вся документация³⁶.

Сибархив, как отмечалось, в силу ограниченности средств и кадров специалистов не мог оказать архивам ДВР практической помощи. Известно лишь, что в конце октября 1920 г. Иркутский госуниверситет командировал в ДВР профессора В. И. Огородникова. Позднее в своем отчете он писал: «Воспользовавшись этим (т. е. командировкой. – А. К.), я познакомился (по данным В. М. Гринченко³⁷, члена О-ва Изучения Прибайкалья) с общим состоянием верхнеудинских и окрестных архивов и сообщил местным любителям-архивистам все нужные сведения по части архивного дела в Российской Республике»³⁸.

Столкнувшись с проблемой реорганизации действующих учреждений, ряд ведомств ДВР сами разрабатывали инструкции по передаче архивов. Например, в связи с реорганизацией судебной системы в начале 1921 г. Министерство юстиции ДВР разработало порядок «закрытия ныне существующих судебных установлений». Все дела, находившиеся в их производстве, а также архивы передавались в создаваемые народные суды с ком-

³² К организации музея-архива Народно-революционной армии // Дальневосточная республика. – 1920. – 26 мая (№ 6). – С. 1.

³³ Местная жизнь: К составлению летописи белогвардейских зверств // Дальневосточная республика. – 1920. – 30 мая (№ 19). – С. 2.

³⁴ Семеновщина в документах // Дальневосточная республика. – 1921. – 4 января (№ 2). – С. 2.

³⁵ Показаньев, А. Д. Спецслужбы в Гражданской войне на Амуре / А. Д. Показаньев // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию окончания Гражданской войны и иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2002. – С. 183.

³⁶ Сибирское бюро ЦК РКП (б). 1918–1920 гг.: сб. документов. – Ч. 1. – Новосибирск, 1978. – С. 305.

³⁷ Так в документе, правильно – В. П. Гирченко.

³⁸ ГАИО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.

петенцией бывших станичных, волостных судов и мировых судей. Все законченные производством дела мировых судей сдавались «в соединенный при окружном суде архив», куда поступали и «все законченные производством дела окружного суда»³⁹.

В январе 1921 г. Минпрос ДВР провел совещание по охране архивов правительственных и общественных учреждений. Было решено «войти в правительство с ходатайством об издании постановления об охране всех дел, бумаг и других документов, хранящихся в архивах всех ведомств, и воспрепятствии под угрозой ответственности их уничтожения без разрешения особого учреждения, каковым, по мнению совещания, должен быть Центральный Архивный Комитет при Министерстве просвещения». Круг обязанностей должен был включать: 1) меры к охране архивных материалов и установление порядка их хранения в архивах всех ведомств; 2) контроль над архивами; 3) централизацию материалов, имеющих важное научное и государственное значение, и издание этих материалов; 4) составление описаний и научную разработку архивных материалов; 5) подготовку архивных работников; 6) просветительскую деятельность в учебных заведениях ДВР «о значении архивных документов, как источников для изучения истории, нрава и быта», организацию «лекций по историческим дисциплинам, имеющим отношение к научным архивным работам: дипломатике, метрологии, хронологии, исторической географии и др.»⁴⁰.

Но реализовать эту программу в масштабах всей республики было проблематично. Возможно, поэтому идея создания Центрального архивного комитета не получила развития при разработке нормативных актов, регламентировавших вопросы сохранности и использования культурного наследия. Например, 27 декабря 1920 г. правительство ДВР приняло два постановления: одно касалось национализации библиотек, а другое – музеев республики. Они передавались в ведение Министерства народного просвещения⁴¹. Эти постановления имели значение и для сохранности архивных материалов, т. к. в музейных и библиотечных собраниях представлено немало ценных документов (рукописей, фотографий и т. п.), комплектов газет и редких изданий по истории Дальнего Востока XIX – начала XX вв.

12 июня 1921 г. правительство ДВР приняло Закон о национализации всех архивов и передаче их в ведение Министерства народного просвещения с целью сохранить «от расхищения, порчи и

уничтожения все архивы с делопроизводством, старинными рукописями и рукописными книгами военных, гражданских и духовных учреждений в пределах Дальневосточной республики» (ст. 1).

Закон носил временный характер⁴² и не регламентировал вопросы создания государственных архивов, порядка и сроков ведомственного хранения документов и т. п. В ст. 2 говорилось: «...До издания соответствующего постановления об организации архивного дела на территории республики на все учреждения, при коих имеются архивы с делопроизводством, возлагается ответственность за совершенную целость и сохранность архивных дел и бумаг, старинных рукописей и рукописных книг, а также за исправность архивных помещений». Архивы, оказавшиеся вне действующих учреждений, временно поручались охране органов власти ДВР в областях, уездах и волостях, «обязанных доносить Министерству народного просвещения обо всех изменениях, происшедших с местными архивами» (ст. 3). Какие-либо перемещения архивных дел и рукописей разрешались «с ведома и предварительного согласия» этого ведомства (ст. 5). Контроль за состоянием архивов Министерство просвещения осуществляло через своих уполномоченных (ст. 6), которые имели право на обследование «архивных помещений и заключающихся в них дел и рукописей, а также на изъятие из архивов тех и других, в случае если это было бы вызвано соображениями необходимости и целесообразности»⁴³.

К сожалению, не установлено, кто был инициатором принятия указанного закона. Это безусловное свидетельство заботы правительства ДВР об архивах, хотя его реализация была крайне затруднена. Министерство просвещения ДВР не отпускало средств на организацию архивного дела, а его уполномоченные занимались «обследованием» архивов в свободное от основной работы время в качестве общественной нагрузки.

В областях «буферной» республики постановка архивного дела определялась не позицией Министерства просвещения ДВР, а усилиями местных властей и небольших групп энтузиастов, спасавших архивы на свой страх и риск. Например, 11 января народный ревком Бурят-Монгольской автономной области ДВР издал циркуляр, в котором отмечалось, что на местах «остались склады старых дел, а иногда и целые архивы бывших волостных правлений, инородных управ и даже Степных дум...». Аймачным и хошунным властям предписывалось «не допу-

³⁹ Официальный отдел: Инструкция Министерства юстиции // Дальневосточная республика. – 1921. – 29 января. – № 21 (209). – С. 4.

⁴⁰ Культурная летопись: к охране архивов // Дальневосточная республика. – 1921. – 2 февраля. – № 24 (212). – С. 4.

⁴¹ Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.): документы и материалы. – Владивосток, 1982. – С. 48–49.

⁴² На основании ст. 43 Конституции ДВР в промежутке между сессиями Народного собрания правительству предоставлялось «право издания временных законов, не терпящих отлагательства, до созыва следующей сессии...». – Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. – С. 568.

⁴³ Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.): документы и материалы. – С. 51–52.

скасть уничтожения указанных складов и архивов и принять все меры для их сохранения»⁴⁴.

Наиболее активно развернулась работа на «архивном фронте» в Приамурье и Приморье, где становление архивного дела имело свои особенности, что объяснялось сложившейся там политической обстановкой.

Агония армии Колчака активизировала действия амурских партизан. В декабре 1919 г. их отряды вышли из тайги к линии Транссиба и двинулись к Благовещенску. Атаман Амурского казачьего войска полковник Кузнецов 4 февраля 1920 г. своим приказом отстранил от должности управляющего областью при колчаковском правительстве И. Д. Прищепенко и сложил с себя обязанности уполномоченного по охране порядка в Амурской области «в виду прекращения связи с центральной государственной властью и чрезвычайных обстоятельств переживаемого момента». Тем же приказом он объявил амнистию политическим заключенным и распустил по домам мобилизованных в армию; милиция передавалась в ведение городского самоуправления и областного земства; упразднялось благовещенское отделение контрразведки, окружная следственная комиссия и прифронтовой военно-полевой суд⁴⁵. В условиях военного времени ни о какой передаче архивов колчаковских властей не было и речи. Фактически атаман Кузнецов принял требования областного исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов («Таежного исполкома»), к которому в конце февраля перешла вся полнота власти на территории области⁴⁶. Японское командование в этой ситуации вынуждено было заявить о своем нейтралитете, а затем вывести войска за пределы Амурской области.

С образованием ДВР руководство Амурской области оказалось в сложном положении, т. к. на лидерство в «буферном государстве» претендовали большевики Владивостока и Забайкалья. 23 июня 1920 г. IX (чрезвычайный) съезд трудящихся Амурской области, заявив о признании правительства ДВР в Верхнеудинске, принял решение о реорганизации органов власти. Вместо Советов началось создание народно-революционных комитетов (НРК) – областного, уездных и волостных⁴⁷.

Сведения о состоянии архивов Амурской области в 1920–1922 гг. крайне фрагментарны. В основном они касаются волостных и сельских управлений, которым административный отдел областного НРК направил 2 декабря 1921 г. циркуляр «О сбережении архивов». Видимо, эта попытка обследования местных архивов Амурской

области, в которых могли сохраниться документы как дореволюционных лет, так и периода Гражданской войны, была связана с принятием закона об архивах ДВР от 21 июня 1921 г.

Сводки, поступавшие в Благовещенск с декабря 1921-го по март 1922 г., рисуют удручающую картину массового уничтожения архивов. Например, Валуевский волостной НРК сообщал, что «во всех сельских нарревкоммах старых архивов вовсе не имеется, за исключением прошлого [1] 920 и текущего [1] 921 годов, благодаря того, что в [1] 918–19 годах везде по таежных местах волости все время оперировали партизанские отряды и банды белых с японцами, а потому все которые были где-либо сохранены архивы, как теми так и другими уничтожены». В самом Валуевском НРК дела за 1920–1921 гг. находились «в целости и в должном виде, а за прошлые годы, начиная с [1]919, остались только клочки, коих в порядок привести невозможно, так как во время стоянки в [1]918–19 годах японцев в здании волнарревкома последними все реквизировалось и теперь нет возможности ничего добиться»⁴⁸. В акте Игнашинского волостного НРК от 5 августа 1921 г. отмечалось, что «все дела и книги разбиты по листкам, разорваны и разбросаны по помещению, валяются на полу, корки от книг оторваны, белая исписанная бумага вырвана. ... Все архивные дела приведены в полную негодность и представляют лишь кучу бумаг. Извлечь какие-либо сведения и справки не представляется возможным»⁴⁹. Приамурский волостной исполком докладывал, что имеются документы только с 1918 г., что же касается архива Екатеринбургского станичного правления, то «таковой был получен в виде кучи хлама» и расходуется на конверты⁵⁰.

Аналогичные сообщения об уничтожении дореволюционных архивов и документов периода Гражданской войны поступили от Борисоглебского, Средне-Бельского, Аркадие-Семеновского, Комиссаровского волостных НРК. Все эти сведения докладывались в Читу уполномоченному по охране архивов при Министерстве народного просвещения ДВР.

В самом Благовещенске работа по хранению и описанию архивов была возложена на архивариуса, подчинявшегося областному подотделу внешнего образования. 22 августа 1922 г. коллегия Амурского облОНО рассмотрела вопрос «Об организации архивного дела в областном масштабе». Заслушав доклад кандидата на должность архивариуса Зварковского, коллегия поручила ему «разработать руководящую инструкцию о приведении в порядок архивных документов и дел в области,

⁴⁴ Лыскова, В. Ц. Охрана архивов в Бурят-Монгольской автономной области ДВР (1920–1922 гг.) / В. Ц. Лыскова // *Отечественные архивы*. – 2008. – № 5. – С. 27.

⁴⁵ *Благовещенску сто лет (1858–1958): сб. документов и материалов*. – С. 264–265.

⁴⁶ *Октябрь на Амуре: сб. документов. 1917–1922*. – Благовещенск, 1961. – С. 393.

⁴⁷ *Съезды Советов Амурской области. 1918–1936: сб. документов и материалов*. – Благовещенск, 1987. – С. 78–82, 85.

⁴⁸ ГААО. Ф. 66. Оп. 5. Д. 1. Л. 9.

⁴⁹ Там же. С. 3.

⁵⁰ Там же. С. 4.

хранении их и составлении описей, причем один экземпляр описи каждого архива должен быть представлен областному архивариусу...». Для выяснения состояния архивного дела в городе Благовещенске коллегия решила «создать комиссию из представителей тех учреждений, в которых находятся архивы»⁵¹.

Документы ряда упраздненных учреждений, связанных с изучением края, принял городской музей Благовещенска. 7 октября 1922 г. дирекция музея сообщала, что у них находится на хранении архив бывшего Амурского отдела Общества изучения Сибири, насчитывающий 35 томов документов за 1858–1922 гг.⁵².

По сравнению с Забайкалем и Приамурьем более удачные попытки спасения архивов и постановки архивного дела были предприняты во Владивостоке. Следует отметить, что кроме «собственных» архивов к 1920 г. этот главный на Тихом океане город-порт оказался наполнен различными архивами, которые увозили с собой войска и учреждения антибольшевистских правительств, отступавших на восток под ударами Красной армии. Об этом свидетельствуют многочисленные факты обнаружения во Владивостоке в тот период архивных материалов из других городов Дальнего Востока, Сибири и даже центральных губерний России.

Из крупных документальных комплексов дальневосточного происхождения, оказавшихся расчлененными, следует выделить архив Приамурского генерал-губернатора. Часть этого архива, как известно, находилась в Хабаровске, но около 5 тыс. дел попали во Владивосток. Среди них – дипломатическая переписка (263 дела за 1869–1906 гг.) и документы пограничного комиссара (около 250 дел за 1889–1922 гг.)⁵³. Порой ценнейшие документы валялись просто на улице, в прямом смысле слова под ногами. Например, под водосточной трубой в подвале одного из учебных заведений обнаружили дело с заголовком «Особо секретное. В пути», находившееся, вероятно, в поезде адмирала Колчака накануне его ареста и неведомо как попавшее во Владивосток. В нем оказались подлинные документы (письма, телеграммы, протоколы переговоров) последних, безнадежно отчаянных дней пребывания у власти верховного правителя России, в том числе его переписка с Каппелем, Семеновым, японским генералом Оой и т. д.⁵⁴.

В начале 1920-х гг. сотрудники Приморского гу-

бернского архивного бюро обнаружили дела с приказами «Сарапульской Красной Армии» за 1918 г.⁵⁵. Тогда же во Владивостоке была найдена часть архива Уральского горного института, документы контрразведки штаба чехословацких войск Волжского фронта, переписка Всероссийского хранилища дел и документов в Яссах за 1918 г. и т. д. Установить объемы архивных материалов, вывезенных в 1919–1920 гг. из Центральной России и Сибири на Дальний Восток, невозможно, поскольку большая их часть пропала бесследно, оставшись без надзора. Кроме того, некоторые архивы, содержавшие секретную или иную важную информацию (документы контрразведки, жандармерии, частных компаний, банков и т. п.), специально уничтожались белогвардейцами при отступлении или вывозились за границу⁵⁶.

Немало архивных документов было уничтожено или похищено интервентами. Как известно, в ночь с 4-го на 5-е апреля 1920 г. японские войска внезапно вновь начали боевые действия против партизан во Владивостоке, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Спасске, Шкотово и ряде других мест Приморья. При обстреле из орудий Владивостока было серьезно повреждено здание, занимаемое Временным правительством – Приморской земской управой, а его «архивы и имущество в значительной степени уничтожены»⁵⁷. В здании Центрального бюро профсоюзов Приморья японские солдаты учинили форменный погром, похитив все книги и документы⁵⁸.

Если уничтожение старых архивов можно квалифицировать как обычный вандализм военного времени, то изъятие японцами наиболее важных документов из действующих русских учреждений имело политическую направленность, т. к. именно в эти дни решался вопрос о создании ДВР. Один из очевидцев захвата во Владивостоке 4–5 апреля здания областной земской управы рассказывал: «...В опрокинутых столах копались несколько солдат и офицеров японских, по-видимому, умевших читать по-русски, потому что дела с обложками земской управы отбрасывались в сторону, а бумаги и постановления с заголовком «Временного правительства» складывали и уносили, а потом какой-то солдат по приказанию другого офицера, не того, который меня водил, схватил с полу и из ящиков секретаря всю группу бумаг и дел и унес в бывшую Центральную гостиницу»⁵⁹. Одновременно из здания Временного правительства Приморья японцы

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 1001. Оп. 4. Д. 4. Л. 84.

⁵² ГААО. Ф. 66. Оп. 5. Д. 1. Л. 15.

⁵³ Георгиевский, А. П. Архив русской революции (по материалам Приморского губернского архивного бюро) / А. П. Георгиевский // Известия Приморского губернского архивного бюро. – Т. 1. – Вып. 3. – Владивосток, 1923. – С. 21.

⁵⁴ Там же. С. 27–28.

⁵⁵ Позднее, из сообщения архивного бюро Вятской губернии, куда были возвращены эти документы, выяснилось, что это единственные сохранившиеся материалы об установлении Советской власти в городе Сарапуле в 1918 г.

⁵⁶ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 21. Л. 130.

⁵⁷ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. – С. 435.

⁵⁸ Там же. С. 460–461.

⁵⁹ Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922). Документы и материалы. – Ч. 1. Февраль–ноябрь 1920 г. – Владивосток, 1993. – С. 92.

изъяли ряд материалов текущего архива за 1916–1920 гг. Среди них были дела с приказами общей канцелярии и с постановлениями правительства по вопросам путей сообщения, государственного контроля, торговли, промышленности, народного образования, юстиции, управления внутренними и иностранными делами. Исчезли также материалы по информационной части, Следственной комиссии, финансово-экономического совета, текущая переписка и ряд других важных документов. По словам очевидцев, все эти документы японские солдаты также уносили в гостиницу «Центральная»⁶⁰.

Были попытки вернуть похищенные документы. Например, протестуя против действий интервентов, Центральное бюро профсоюзов Владивостока потребовало немедленно возвратить «все бумаги и переписку, взятую из рабочих и иных организаций»⁶¹. Но все было безрезультатно.

Специальная комиссия Приморского временного правительства, расследуя события 4–5 апреля, установила факты изъятия документов особой важности. Наибольший интерес японские военные проявили к помещениям Следственной комиссии, военного контроля и разведывательного отделения штаба округа. Эти учреждения тщательно обыскивались, а дела с документами изымались. В разведывательном отделении их караул оставался до 15 апреля, и японские офицеры хозяйничали здесь особенно основательно, похитив почти все наиболее важные материалы: карты, планы, регистрационную документацию, книги учета секретных агентов, списки чинов отделения и распределения их обязанностей и т. д. Такому же разгрому и разграблению подверглись помещения управления милиции и ряда других государственных учреждений Владивостока⁶².

Судьба документов, захваченных японскими военнослужащими во Владивостоке в апреле 1920 г., неизвестна. Но проявленная при этом избирательность наводит на мысль о плановом характере этой акции с целью получить информацию о деятельности властей и общественных организаций Приморья. Захватить важные архивы японцы пытались неоднократно и в дальнейшем. Известно, например, о попытке оккупационного командования тайно изъять и вывезти в Японию в 1922 г. архивные документы Владивостокского охранного отделения, которая, впрочем, не увенчалась успехом⁶³.

Не меньше, а, пожалуй, даже больше пострада-

ли архивы Приморья за пределами Владивостока. Ожесточенная партизанская война, захлестнувшая Уссурийский край, привела к массовому уничтожению архивов на местах – в селах и поселках, на железнодорожных станциях и на рудниках. В ходе карательных экспедиций и боев с партизанами подверглись разгрому архивы многих волостных исполкомов Приморья – Анучинского, Беневского, Жариковского, Ивановского, Марьяновского, Михайловского, Полтавского, Тетюхинского, Фроловского, Чугуевского, Ханкайского, Павло-Федоровского таможенного поста. Семь из них были уничтожены полностью⁶⁴. По-существу, оказались утраченными целые комплексы документов дореволюционных учреждений низового звена – полицейских станций, крестьянских начальников, волостных правлений и т. п. Перечень архивов Приморья, пропавших в годы Гражданской войны, включает дела Спасского городского самоуправления и Спасской земской управы, кооператива служащих Добровольного флота и др. Тогда же погиб и архив единственного в Приморье Свято-Троицкого Николаевского Шмаковского монастыря⁶⁵.

Даже из тех регионов Приморской области, где не было масштабных военных действий, приходили сообщения о гибели архивов. В открытом письме комиссара Камчатки П. С. Маловечкина, опубликованном в «Известиях Хабаровского географического общества» 20 июня 1920 г., сообщалось, что местные архивы, в особенности города Петропавловска, расхищаются англичанами и другими иностранцами. При этом отмечалось: уничтожаемые архивы «заключают в себе очень ценные данные по экономической и политической истории России, касающиеся времен Екатерины II и Александра I, кроме того, много актов судебного характера, относящихся к более древнему периоду...»⁶⁶. Впрочем, иногда архивы уничтожались и просто по недомыслию при смене властей. Так произошло на Чукотке, где в декабре 1919 г. были свергнуты представители колчаковской администрации и власть в Ново-Мариинске (ныне – город Анадырь) захватил ревком во главе с М. С. Мандриковым. Первым делом ревкомовцами «были прочитаны все секретные бумаги, которые хранились в [уездном] управлении». Разобравшись затем с судебным архивом, Анадырский ревком решил сжечь все дела «ввиду того, что они только сплетни...»⁶⁷.

⁶⁰ Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922). Документы и материалы. – Ч. 1. Февраль–ноябрь 1920 г. – Владивосток, 1993. – С. 95–98.

⁶¹ Там же. С. 114.

⁶² 4–5 апреля 1920 года: сб. документов. – Хабаровск, 1937. – С. 39.

⁶³ Буюков, А. М. Указ. соч. – С. 218.

⁶⁴ Карев, Д. В. К истории становления архивной службы на Дальнем Востоке (1922–1925 гг.) / Д. В. Карев // Советские архивы. – 1986. – № 3. – С. 65.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1813. Л. 470.

⁶⁶ Георгиевский, А. П. Приморская областная архивная комиссия (доклад, прочитанный на 1-м естественно-историческом съезде Уссурийского края) / А. П. Георгиевский // Известия Приморского губернского архивного бюро. – Т. 1. – Вып. 2. – Владивосток, 1923. – С. 9.

⁶⁷ Первый ревком Чукотки (1919–1920 гг.): сб. документов и материалов. – Магадан, 1957. – С. 29.

Этот несколько затянувшийся обзор мы сделали с целью показать общую обстановку, в которой заботу об архивах Дальнего Востока попыталась взять на себя научная общественность Владивостока. Первой организацией, поставившей задачи сбережения и собирания архивов, явилось инициативное бюро, созданное в середине 1920 г. группой профессоров и преподавателей Государственного Дальневосточного университета (ГДУ). Возглавил группу энтузиастов декан историко-филологического факультета А. П. Георгиевский. В нее также входили профессор А. В. Гребенщиков, доцент В. И. Попов, профессор-стипендиат З. Н. Матвеев, П. П. Станков, С. Н. Грифцов, другие преподаватели и студенты. На общем собрании члены инициативного бюро обратились в совет ГДУ с запиской о необходимости учреждения архивной комиссии при университете как «государственного установления с включением в его административный орган представителей власти». Затем в июле 1920 г. была подана докладная записка в Совет народного просвещения с указанием насущной потребности создания архивной комиссии Приморской области. Заметим, что в отличие от Иркутска ни о каком создании центрального архива во Владивостоке в тот момент не было и речи, а предложенная организационная форма была традиционной – архивная комиссия. Но даже в этом скромном ходатайстве Совет народного просвещения сотрудникам ГДУ отказал, после чего, не рассчитывая на поддержку правящих сфер, они создали частное учреждение под названием «Инициативное бюро по учреждению областной архивной комиссии»⁶⁸.

В литературе создание Приморской областной архивной комиссии (ОАК) оценивается как начальный этап советского архивного строительства на Дальнем Востоке⁶⁹. Но это верно лишь отчасти, только относительно периода конца 1922-го – начала 1923 г. Почти два с половиной года архивисты Владивостока действовали автономно, без реальной поддержки правительства ДВР и архивных органов РСФСР. По организационной форме и юридическому положению Приморская ОАК может рассматриваться как логическое завершение определенного этапа развития российского архивного дела, начало которому положили ГУАК 80-х годов XIX в.

Не имея официального статуса, инициативное бюро ГДУ не могло контролировать сохранность ведомственных архивов. Тем не менее в течение

года шла работа по обследованию архивных дел упраздненных дореволюционных учреждений: штаба Владивостокской крепости, окружного суда, канцелярии генерал-губернатора и др. Одновременно бюро стремилось добиться статуса государственного учреждения. С этой целью оно обратилось в Читу в Министерство народного просвещения ДВР с просьбой учредить областную архивную комиссию и утвердить положение о ней, на что был получен положительный ответ. В телеграмме на имя А. П. Георгиевского сообщалось, что устав комиссии и программа ее работ представлены на утверждение правительства ДВР. Кроме того, из частной переписки членов бюро с Читой следовало, что комиссия «в самом непродолжительном времени должна получить «санки» правительства и необходимые кредиты»⁷⁰.

Судя по всему, предложения ученых касались создания комиссии как органа управления архивным делом на территории всего Приамурского края. Но этому мешала политическая ситуация. После «николаевских событий» японские войска, заняв Николаевск, Софийск, Мариинск, Богородское, другие пункты Нижнего Амура, а также Северный Сахалин, установили здесь оккупационный режим. Осложнилась обстановка и во Владивостоке, где 26–27 мая 1921 г. при поддержке японских войск произошел переворот. Приморское областное управление ДВР было свергнуто, и к власти пришло Временное Приамурское правительство во главе с С. Д. Меркуловым. Правительство ДВР обратилось к населению Приморья с призывом поддержать его в борьбе с контрреволюцией и интервентами⁷¹. Гражданская война в Приморье взошла на новый виток, и властям ДВР было не до проблем архивной комиссии во Владивостоке, где их влияние резко упало.

Тем временем работа инициативной архивной группы при ГДУ продолжалась. Усилия университетских ученых и их единомышленников были направлены на изучение положения архивов, находившихся в самом Владивостоке. Не прерывались и хлопоты по узаконению деятельности архивной комиссии, которая на исходе 1921 г. наконец-то вступила «в период своего юридического бытия». Позднее, имея в виду эти события, А. П. Георгиевский писал: «...Намеченная организация архивной комиссии в краевом масштабе не могла быть приведена в исполнение вследствие политических

⁶⁸ Георгиевский, А. П. Приморская областная архивная комиссия (доклад, прочитанный на 1-м естественно-историческом съезде Уссурийского края) / А. П. Георгиевский // Известия Приморского губернского архивного бюро. – Т. 1. – Вып. 2. – Владивосток, 1923. – С. 9.

⁶⁹ Карев, Д. В. Указ соч. – С. 65–67; Ермакова, Э. В. Зарождение архивного дела в Приморье / Э. В. Ермакова // Известия РГИА ДВ. – Т. I. – Владивосток, 1996. – С. 6–19; Она же. Зарождение архивного дела в Приморье // Известия РГИА ДВ. – Т. II. – Владивосток, 1997. – С. 12–16; Бендик, Н. Н. Становление государственной архивной службы на Дальнем Востоке России в 1920-е годы / Н. Н. Бендик. – Хабаровск, 2002. – С. 53–91.

⁷⁰ Георгиевский, А. П. Приморская областная архивная комиссия (доклад, прочитанный на 1-м естественно-историческом съезде Уссурийского края) / А. П. Георгиевский // Известия Приморского губернского архивного бюро. – Т. 1. – Вып. 2. – Владивосток, 1923. – С. 10.

⁷¹ Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922): документы и материалы. – Ч. 2. Ноябрь 1920 – ноябрь 1922 г. – Владивосток, 1922. – С. 76–81, 110–113.

осложнений. После же, когда Приморская область стала представлять собой *самостоятельную государственную организацию, были предприняты меры к учреждению по крайней мере областной архивной комиссии* (курсив мой. – А. К.)⁷². Таким образом, Приморская ОАК, давшая начало возрождению и научной организации архивного дела на Дальнем Востоке, возникла при «белом режиме» Меркуловых. Позднее, в 1923–1924 гг., это сыграло свою роль в судьбе ее создателей, когда в Приморье началось формирование советских архивных учреждений.

В «Положении» о комиссии отмечалось, что она является «самостоятельным государственным органом, объединяющим, контролирующим и управляющим архивным делом в Приморской области». В то же время ОАК сохраняла функции научного учреждения, занимавшегося розыском, систематизацией и изданием исторических документов, имеющихся в местных архивах. По своему статусу комиссия не была «самостоятельным» органом управления архивным делом в Приморье, т. к. действовала временно при университете, оставив за собой «право отделиться со временем в самостоятельный отдел при областном Управлении»⁷³. По структуре комиссия также походила скорее на общественную организацию, по типу ГУАК, действовавших в России до революции.

Полный списочный состав Приморской ОАК неизвестен, но, судя по «Положению», он был довольно представительным. Члены комиссии делились на три категории. К первой относились почетные, действительные члены и члены-соревнователи, т. е. лица, известные своими трудами по истории и этнографии края, а также те, кто оказывал помощь комиссии своим непосредственным участием в спасении архивов или денежными пожертвованиями; ко второй – сотрудники ОАК и ее корреспонденты; к третьей – представители областного управления народного образования, местных учреждений и высших учебных заведений. Делами ОАК ведало общее собрание ее членов, правление и ревизионная комиссия⁷⁴.

Деятельность комиссии строилась по трем направлениям. На организационное отделение возлагался учет государственных и частных архивов, рукописных и старопечатных изданий, контроль по их хранению, проведение съездов, подготовка

экспедиций, просветительская работа по охране документальных памятников и т. п. Техническое отделение ведало вопросами экспертизы ценности документов, их научно-технической обработкой и описанием. Научно-издательское отделение занималось изучением и публикацией исторических документов, разработкой программ и анкет для собирания документов. Объектами изучения по «Положению» являлись не только архивы государственных и общественных организаций, но и частные собрания, включающие рукописи исторического, юридического, литературного и церковного содержания, а также грамоты, письма, мемуары и дневники, карты, планы и т. п. Наряду с публикацией текстов письменных источников, предусматривалось издание научно-исторических исследований, описей архивов и архивоведческих трудов в виде особого периодического журнала «Известия Приморской областной архивной комиссии»⁷⁵. Первый и единственный выпуск этого издания увидел свет в 1922 г. Его издание финансировал ГДУ, но в дальнейшем публикация «Известий» прекратилась из-за отсутствия средств.

Учредители Приморской ОАК и ее сотрудники трудились фактически на одном энтузиазме. Кстати, в ее «Положении» так и было записано, что члены ОАК «работают безвозмездно, но могут получать и денежное вознаграждение из сметных сумм»⁷⁶. Однако денег на архивное дело у властей, как правило, не находилось. Все попытки ученых получить какие-либо финансовые средства от правительств, сменявших друг друга во Владивостоке в 1920–1921 гг., не увенчались успехом, если не считать небольшой суммы, отпущенной университетом в 1922 г.⁷⁷

Душой и «двигателем» организации архивного дела в Приморье был Александр Петрович Георгиевский. Благодаря его авторитету и энергии было создано архивное бюро при ГДУ, а затем – Приморская ОАК. Он был в числе профессоров, добивавшихся открытия во Владивостоке на базе Восточного института филологического факультета, где с 1920 г. был деканом и заведовал кафедрой русского языка⁷⁸. Из его автобиографии («curriculum vitae»), написанной в 1923 г. для Централархива РСФСР, следует, что помимо прекрасного образования, полученного в Петербургской духовной академии и

⁷² Георгиевский, А. П. Приморская областная архивная комиссия (доклад, прочитанный на 1-м естественно-историческом съезде Уссурийского края) / А. П. Георгиевский // Известия Приморского губернского архивного бюро. – Т. 1. – Вып. 2. – Владивосток, 1923. – С. 10.

⁷³ Положение о Приморской областной архивной комиссии // Известия Приморской областной архивной комиссии. – Т. 1. – Вып. 1. – Владивосток, 1922. – С. 5.

⁷⁴ Там же. С. 6–8.

⁷⁵ Там же. С. 9–10.

⁷⁶ Там же. С. 8.

⁷⁷ Архивное дело в Приморье // Известия Приморского губернского архивного бюро. – Т. 1. – Вып. 2. – Владивосток, 1923. – С. 40–41.

⁷⁸ Обшарина, Е. С. А. И. Георгиевский – исследователь фольклора Дальнего Востока / Е. С. Обшарина // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). – Владивосток, 1973. – С. 281. (В заглавии статьи допущена опечатка в инициалах: правильно – А. П. Георгиевский).

университете, А. П. Георгиевский имел специальную архивную подготовку. В 1913 г. он окончил Археологический институт, где «проходил, наряду с палеографией и археографией, архивоведение в теоретической части и на практике». В 1914–1918 гг., работая в Казани преподавателем реального училища, он пытался серьезно заниматься наукой. Подготавливаясь к профессорскому званию, А. П. Георгиевский писал диссертацию о жизни и деятельности известного писателя И. С. Аксакова и с этой целью знакомился с фондами важнейших архивов, включая МАМЮ, архив Троице-Сергиевой лавры, Цензурного комитета, рукописные отделы Публичной библиотеки, Исторического и Румянцевского музеев. В Казани А. П. Георгиевский был членом Общества истории, археологии и этнографии при университете и церковно-археологической комиссии при духовной академии, где неоднократно выступал с докладами по исторической проблематике⁷⁹.

Завершить диссертационное исследование А. П. Георгиевский не смог по понятной причине – после 1917 г. изучение творчества И. С. Аксакова, с его монархическими и великодержавно-славянофильскими взглядами, едва ли могло приветствоваться в новой России. В 1918 г. он некоторое время преподавал в Никольск-Уссурийской женской гимназии, а затем до 1930 г., пока власти не закрыли университет, его научно-педагогическая деятельность была связана с ГДУ. Круг его научных интересов включал проблемы диалектологии, фольклористики, истории и культуры Дальнего Востока. Неполный библиографический список Сибирской советской энциклопедии включает свыше 50 его публикаций за 1913–1928 гг.⁸⁰. Заслуги А. П. Георгиевского в становлении архивного дела на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х годов несомненны. Но, как часто бывает, они не нашли признания современников, точнее – тех, кто оказался у руля власти во Владивостоке после 1922 г. С ним обошлись бесцеремонно и после двух с половиной лет руководства губернским архивным бюро сняли с должности, заменив не очень образованным, зато «проверенным» партийцем. Судя по некоторым документам, причины для этого были чисто политические.

В организации архивного дела в Приморье в 1920–1921 гг. не менее значительной была роль профессора А. В. Гребенщикова – крупного востоковеда, имевшего большой опыт работы с архивами Маньчжурии⁸¹.

Активным членом ОАК был З. Н. Матвеев – старший сын Н. П. Матвеева-Амурского, общественного деятеля, журналиста и издателя⁸². Архив Матвеевых, находящийся в Хабаровском краевом краеведческом музее, – крупнейшее семейное собрание архивных документов на Дальнем Востоке⁸³. В автобиографии, написанной в 1923 г., З. Н. Матвеев отмечал, что изучением архивов увлекся на историческом отделении ГДУ. Особенно его интересовали вопросы историографии и палеографии⁸⁴.

Поскольку в 1921–1922 гг. во Владивостоке не существовало государственного архива и Приморская ОАК работала на общественных началах, главным направлением ее деятельности стало выявление и первичное описание крупных документальных комплексов, имеющих значение для истории и культуры Дальнего Востока. С этой целью А. П. Георгиевский разработал «Общую инструкцию комиссиям для разбора архивов». В ней отмечалось, что основным критерием ценности архивных дел является их практическое значение, поэтому предлагалось отбирать для хранения все дела, имеющие первостепенное значение для учреждения-фондообразователя, независимо от срока их начала и окончания. Важным требованием при экспертизе ценности документов, согласно «Общей инструкции...», являлся полистный просмотр дел. Все документы, созданные ранее 25 июня 1811 г., вообще не подлежали уничтожению. Не меньшее внимание уделялось остальным документам, датируемым первой половиной XIX в.

Для наглядности в инструкции давался примерный перечень архивных материалов, подлежащих обязательному хранению. Это дела, содержащие сведения о международных отношениях; законы, официальные и частные проекты, материалы по их разработке; данные о создании, деятельности и упразднении правительственных учреждений, органов самоуправления и общественных организаций; всякого рода описания, сводные таблицы и статистические данные; сведения о состоянии финансов, экономики, военных и морских сил государства; данные о состоянии и развитии путей сообщения, государственного призрения и частной благотворительности, народного здоровья и иных сфер общественного благосостояния и безопасности; данные о земледельческом, промышленном, торговом и общем экономическом положении страны и отдельных классов населения; данные о

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 30. Л. 17.

⁸⁰ Сибирская советская энциклопедия: в 4-х т. – Т. 1. – Сиб. кн. изд-во, 1929. – Ст. 651.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 30. Л. 19–19 об.

⁸² Дьяченко, Б. Первый летописец // Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. – Владивосток, 1990. – С. 5–11.

⁸³ Собираение этого архива стало делом всей жизни литератора Н. Н. Матвеева-Бодрого. С 1902 г. вел дневники, собирал автографы. В составе фонда 200 тетрадей дневниковых записей, книги (800 ед. хр., из них 600 – с автографами), рукописи, переписка, фотографии, изобразительные материалы (открытки, рисунки, плакаты, афиши), личные документы и т. п. См.: Зилова, К. Н. Николай Николаевич Матвеев-Бодрый, литератор, кооператор, собиратель семейного архива. (На материалах семейного архива Матвеевых) / К. Н. Зилова // Гродековские чтения. – Ч. III. – Хабаровск, 1996. – С. 44–46.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 30–30 об.

религиозных, политических и социальных движениях и настроениях населения, а также нравов и обычаев; сведения о конкретных исторических событиях, жизни и деятельности выдающихся лиц и т. п. Особое внимание в инструкции обращалось на выявление материалов о политических переворотах, реформах, народных бедствиях и других крупных событиях в жизни народа и страны⁸⁵.

Хотя главными задачами Приморской ОАК являлись поиск, хранение и публикация письменных источников, на практике сфера ее деятельности включала более широкий круг проблем. Так, профессор А. В. Гребенщиков опубликовал «Программные вопросы по сбору археологического материала в крае», содержавшие практические рекомендации по выявлению, систематизации и изучению памятников древнейшего прошлого Приморья⁸⁶. З. Н. Матвеев в своих публикациях поднял вопрос о выработке научных подходов при составлении библиографии Дальнего Востока⁸⁷.

Скромные результаты, достигнутые Приморской ОАК в 1920–1922 гг., не умаляют значения ее деятельности, которая велась невзирая на самые неблагоприятные обстоятельства. Итоги усилий инициативного бюро, а затем областной архивной комиссии, возглавляемых А. П. Георгиевским, выглядели более значительно по сравнению с тем, как была поставлена работа по сохранению архивов в других регионах ДВР, например, в Амурской области и Забайкалье, очищенных в 1920 г. от войск белогвардейцев и интервентов. В сотрясаемом политическими катаклизмами Владивостоке небольшая группа интеллигенции, почти при полном отсутствии средств, оборудования и помещений для архивохранилищ, смогла спасти и сохранить огромное количество исторических документов. Членам инициативного архивного бюро при ГДУ, а затем ОАК удалось дать толчок не только развитию на практике архивного дела в Приморье, но и заложить основы научного архивоведения на Дальнем Востоке России.

25 октября 1922 г. пал Владивосток – последняя пристань погибающей «белой» России. В этот день в город вошли войска НРА ДВР, и сразу же возник вопрос об упразднении «красного буфера». Демонтаж его государственных структур описывается

советской историографией мельком и, как правило, только в мажорных тонах, никак не затрагивая темы архивов, сформировавшихся за два с половиной года существования республики. Между тем инициированная Москвой ликвидация ДВР явилась обычным переворотом «в силу требования масс». Преемник «буферных» органов власти – Дальневосточный ревком (Дальревком) состоял, как и правительство ДВР, из 7 членов. Его возглавил Н. А. Кубяк, который 9 ноября телеграфировал И. В. Сталину: «Начало упразднения буфера во всех областях прошло с большим подъемом. Без осложнений были распущены областные, городские органы, власть передана губревкомитетам, назначенным Дальбюро. Инсценировка требований масс об упразднении буфера удалась. Самый лучший буржуазный дипломат не расшифрует сути<...>»⁸⁸. Перед этим политические оппоненты из числа меньшевиков и эсеров, входивших в Народное собрание или работавших в правительстве ДВР, были арестованы и высланы в РСФСР, а все социалистические газеты в Приамурье, Прибайкалье и отчасти в Забайкальской области – закрыты⁸⁹.

Не случайно впоследствии многие архивные фонды ДВР были надолго засекречены⁹⁰, а разработка ряда аспектов истории «красного буфера» в Советском Союзе находилась под жестким пресом партийной цензуры.

Официальная же схема тех событий предельно проста. 14 ноября правительство ДВР в Чите, сложив свои полномочия, передала власть Народному собранию. В тот же день Народное собрание приняло постановление о самороспуске, установлении Советской власти на территории республики и поручило Дальревкому «провести в жизнь объединение Дальнего Востока с Советской Россией»⁹¹. Формально это решение утвердил 16 ноября ВЦИК, объявивший территорию ДВР нераздельной частью РСФСР⁹².

Характерно, что уже через день Центрархив РСФСР попытался установить связь с Дальним Востоком. 18 ноября 1922 г. заместитель заведующего Центрархивом РСФСР В. В. Адоратский направил П. А. Кобозеву телеграмму: «Сведениями Комиссии истории партии ценные исторические архивы находятся [у] Иннокентия Ангарского.

⁸⁵ Положение о Приморской областной архивной комиссии // Известия Приморской областной архивной комиссии. – Т. 1. – Вып. 1. – Владивосток, 1922. – С. 11–13.

⁸⁶ Там же. С. 16–22.

⁸⁷ Матвеев, З. Н. К составлению библиографии Дальнего Востока / З. Н. Матвеев // Там же. С. 23–24.

⁸⁸ Азаренков, А. А. Ликвидация Дальневосточной республики: финал псевдodemократической государственности / А. А. Азаренков // Вопросы истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России: сб. научных трудов. – Владивосток, 1994. – С. 109.

⁸⁹ Там же. С. 105–108.

⁹⁰ Дударова, О. А. ЦГАСА открывает фонды / О. А. Дударова, А. П. Окунева // Советские архивы. – 1991. – № 1. – С. 125–127; Бенди, Н. Н. Рассекреченные документы Госархива Хабаровского края / Н. Н. Бенди // Отечественные архивы. – 1995. – № 1. – С. 97.

⁹¹ Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922 г.): документы и материалы: в 2-х ч. – Ч. II. – Владивосток, 1993. – С. 296–299.

⁹² Дальревком. Первый этап мирного строительства на Дальнем Востоке. 1922–1926 гг.: сб. документов. – Хабаровск, 1957. – С. 43.

Просьба принять меры [по] взятию их [на] учет Центрального архива, просить Ангарского установить связь [с] Центральным архивом»⁹³. Смысл телеграммы не вполне ясен, т. к. пока не удалось установить, кто такой Иннокентий Ангарский. Возможно, в тексте ошибка и речь идет об Н. С. Ангарском (Клестове) – публицисте и литераторе, участнике революционного движения⁹⁴. После сталинских чисток его имя надолго исчезло, но в 1920-е гг. он был известен своими связями в эмигрантских кругах как собиратель ленинских рукописей и партийных архивов. В частых заграничных командировках, помимо служебных дел, он выполнял поручения Л. Б. Каменева, занимавшего тогда высшие партийные и государственные посты и первого директора Института Ленина. В опубликованных биографиях Н. С. Ангарского немало пробелов – его называют первым заграничным корреспондентом, а затем и официальным представителем Института Ленина⁹⁵. Но выявить сведения о пребывании его на Дальнем Востоке в конце 1922 г. не удалось, и высказанное предположение нуждается в документальном подтверждении.

К сожалению, сохранились не все сообщения из Читы на запрос В. В. Адоратского. Но в одной из ответных телеграмм Дальревкома, адресованной Секретарю ВЦИК⁹⁶, говорилось: «Дополнение телеграммы номер 63 передаю телеграмму [из] Харбина: «...По словам Ангарского архивы находились [во] Владивостоке, часть была найдена меркуловцами судьба их неизвестная. Ангарским сообщено Бельскому⁹⁷ [о] принятии мер охраны архивов, подробности письмом. [Подпись] Озорнин». Вообще согласовать с преддальревкома Кобозевым. Подпись Абрамсон». На бланке теле-

граммы имеется резолюция⁹⁸: «В. А.⁹⁹ Заготовить бумагу от имени М. Н. Покровского в Ревком о необходимости принятия экстренных мер к организации архивных учреждений Д. В. области»¹⁰⁰.

20 ноября 1922 г. М. Н. Покровский направил от имени Секретаря ВЦИК А. С. Енукидзе телеграмму Дальревкому: «Просьба принять энергичные меры [по] охране дел прежних правительств, назначить уполномоченного по охране архивов [и] организации связи [с] Центральным архивом [и] сообщить фамилию»¹⁰¹. В ответной телеграмме управляющего делами Дальревкома Степанова от 24 ноября сообщалось: «[По] охране архивов меры приняты, подробности сообщим дополнительно»¹⁰².

В течение 1923 г. на территории бывшей ДВР происходило создание новых советских учреждений Дальневосточной области (ДВО), включавшей Забайкальскую, Прибайкальскую, Амурскую, Приамурскую, Приморскую, Камчатскую губернии, полосу отчуждения КВЖД и Северный Сахалин, находившийся под японской оккупацией. Законодательно образование ДВО было оформлено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июля 1923 г. о Дальревкоме, который являлся «высшим органом центральной власти РСФСР на территории Дальнего Востока»¹⁰³.

С включением ДВР в состав РСФСР развитие архивного дела на Дальнем Востоке обрело более прочную правовую основу и поддержку Центрархива. Хотя, как показали дальнейшие события, процесс формирования архивных органов ДВО затянулся почти на три года и имел свои особенности в каждой губернии, что, несомненно, отразилось на степени сохранности дальневосточных архивов как дореволюционного, так и советского периодов.

⁹³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 412. Л. 1а.

⁹⁴ Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. – Т. 5. – Вып. 1. – М., 1931. – С. 90–93; Вибе, В. П. и др. Омский историко-краеведческий словарь / В. П. Вибе. – М., 1994. – С. 9.

⁹⁵ Корреспондент Института Ленина (Из переписки Н. С. Ангарского с Л. Б. Каменевым о поиске за границей в 20-е годы ленинских рукописей, историко-партийных документов и библиотек). Публ. И. А. Кондаковой и Н. А. Сидорова // Советские архивы. – 1990. – № 5. – С. 52–62; «Перед смертью не лгут» (Письмо приговоренного к расстрелу Ангарского-Клестова Сталину). Публ. Ю. Б. Живцова // Отечественные архивы. – 1995. – № 5. – С. 81–85.

⁹⁶ Секретарем ВЦИК в этот период был А. С. Енукидзе, впоследствии – с 1-го съезда Советов СССР (1923 г.) – он был членом Президиума и секретарем ЦИК СССР.

⁹⁷ Бельский Лев Николаевич (он же Левин Абрам Михайлович) – полномочный представитель ВЧК-ГПУ на Дальнем Востоке с октября 1921-го по октябрь 1923 г.

⁹⁸ Подпись резолюции неразборчива.

⁹⁹ Очевидно, резолюция адресована В. Адоратскому – заместителю М. Н. Покровского в Центрархиве.

¹⁰⁰ ГАРФ. 5325. Оп. 9. Д. 412. Л. 4.

¹⁰¹ Там же. Л. 2.

¹⁰² Там же. Л. 3.

¹⁰³ Дальревком: сб. документов. С. 44–45.

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА НА САХАЛИНЕ

Пасюков Петр Николаевич, 1955 года рождения. Родился в Александровске-Сахалинском. Окончил педагогический факультет Хабаровского института физической культуры, факультет истории Хабаровского педагогического института, аспирантуру Ленинградского НИИ физической культуры, докторантуру Уральского государственного университета физической культуры (г. Челябинск).

В настоящее время – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой физической культуры и спорта, зав. Лабораторией региональных образовательных систем и педагогических технологий Сахалинского государственного университета.

Автор 230 научных работ, опубликованных в России, Японии, США, Германии, Республике Корея, по общей педагогике, теории и истории образования, физической активности населения северо-востока Евразии.

Под руководством П. Н. Пасюкова подготовлено 6 кандидатских диссертаций. Осуществляется подготовка 7 аспирантов, 1 докторанта.

Автор книг «На берегу моря», «Курильская сага», «На земле Олонхо», «В стране утренней свежести», «Места заповедные».

Справедливо утверждение, что не может быть изменений в какой бы то ни было сфере человеческой деятельности вне истории и без преемственности. Теория и практика региональной науки в сфере физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации не может быть познана и заложена без истории науки вообще, а для этого необходима большая исследовательская работа.

Главная цель нашей научной деятельности в этом направлении – включить в научный оборот достижения сахалинской научной школы, привлечь внимание руководителей и специалистов различных отраслей экономики и социальной сферы (прежде всего в области образования, физической культуры и спорта, здравоохранения), студентов, преподавателей, аспирантов и докторантов педагогических институтов (университетов) к региональным научным исследованиям в сфере физической культуры и спорта, определить новые стратегические направления развития сахалинской спортивной науки в современных условиях, а тем самым способствовать открытости российского образования, его вхождению в мировое образовательное пространство, международное научное сообщество.

Точкой отсчета развития региональных научных исследований в сфере физической культуры и спорта стало создание 12 мая 1992 года на базе Александровск-Сахалинского педагогического училища отделения физического воспитания ЮСПИ и проведение первой на Сахалине научной практической конференции «Физическое воспитание школьников в условиях Сахалинской области» (г. Александровск-Сахалинский. 22–24 марта 1993 г.).

Цель конференции состояла в том, чтобы дать ответы на актуальные вопросы физического вос-

питания школьников, обобщить опыт работы учителей, определить подходы к разработке региональных программ по физическому воспитанию школьников.

В конференции приняли участие учителя физической культуры, руководители методических объединений практически из всех районов Сахалина, а также с материка. На пленарном заседании, а затем в ходе состоявшегося «круглого стола» выступили ученые и специалисты Южно-Сахалинского и Хабаровского педагогических институтов, Хабаровского института физической культуры. Участники конференции могли также познакомиться со стендовыми докладами, присланными учеными г. Санкт-Петербурга, Москвы, Томска, Екатеринбурга, Ульяновска.

На конференции была обоснована необходимость формирования многоуровневой подготовки специалистов по физической культуре и спорту, создания факультета физической культуры и спорта непосредственно в Южно-Сахалинске (первый набор состоялся в 1994 году), подготовки собственных научно-педагогических кадров.

Важным этапом в научном осмыслении роли региональной науки в развитии физической культуры и спорта на Дальнем Востоке России стала региональная научно-практическая конференция «Физическая культура и здоровье населения Востока России» (Южно-Сахалинск, 18–20 октября 1995 года), которая была организована по инициативе отделения физического воспитания Южно-Сахалинского государственного педагогического института. В работе конференции приняло участие более 200 представителей региональных комитетов по физической культуре и спорту, общеобразовательных и спортивных школ, учреждений здравоохранения, ссузов

и вузов Сахалина и материка. Было представлено 76 докладов из 17 городов России, а также Японии.

Полное одобрение участников конференции получила представленная нами «Концепция развития непрерывного физкультурно-педагогического образования (региональная модель)», реализация которой в условиях Сахалинской области определила направленность подготовки специалистов, проблематику научных исследований.

Примером расширяющегося сотрудничества в сфере физической культуры и спорта Сахалинской области и префектуры Хоккайдо (Япония) стало участие ученых Сахалинского государственного университета и Хоккайдского университета (Саппоро, Япония) в совместных международных исследованиях по теме «Образ жизни и физическая активность населения снежных регионов», которые проводились на островах Сахалин и Хоккайдо в 1996–1998 гг.

Исследования были направлены на изучение региональной физической культуры, на поиск эффективных средств повышения работоспособности и социальной активности людей разного возраста (студентов, женщин среднего возраста, пожилых людей), проживающих в условиях холодных регионов. Финансовое обеспечение проекта осуществляло Министерство образования, науки, спорта и культуры Японии. Результаты исследований были опубликованы в научных изданиях Японии, США, Германии; они эффективно используются в работе региональных научных, образовательных и спортивных организаций.

В аспирантуре ДВАФК (Хабаровск) при нашем участии была подготовлена, а в 1998 году состоялась защита ст. преподавателя ЮСГПИ Н. А. Куршовой «Региональная направленность специальной подготовки физкультурных кадров в системе высшего профессионального образования (на примере Сахалинской области)».

В этот период нами была проведена работа по экспериментальному обоснованию региональной системы профессиональной ориентации и допрофессиональной подготовки школьников по специальности «Физическая культура и спорт». Спортивно-педагогические классы были открыты и в течение ряда лет успешно действовали в г. Александровске-Сахалинском, Южно-Сахалинске, Долинске, Холмске.

6–7 мая 1998 г. в Южно-Сахалинске на базе Сахалинского областного института усовершенствования учителей состоялась научно-практическая конференция «Валеологическое образование как основа здорового образа жизни населения Сахалинской области». На конференции обсуждались актуальные проблемы валеологии (от лат. *valio* – здравствовать) – учения о здоровье, путях, средствах и методах сохранения индивидуального здоровья, использования потенциала валеологии как нового направления профилактической медицины и образовательной деятельности в решении кризисных явлений в системе здравоохранения и здорового образа жизни населения Сахалинской области.

Результаты исследовательской работы нашли отражение в 2000 году в диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук П. Н. Пасюкова (тема диссертации – «Региональная образовательная система как фактор устойчивого развития непрерывного физкультурно-педагогического образования»), кандидатских диссертациях Л. А. Ким «Восточные оздоровительные системы в профессиональной подготовке специалистов по физической культуре и спорту» и Л. Е. Власовой «Комплексная дифференциация как фактор обеспечения качества учебно-воспитательного процесса по физической культуре в общеобразовательной школе».

С 2000 года на базе СахГУ действует Лаборатория региональных образовательных систем и педагогических технологий (руководитель – д. п. н., профессор П. Н. Пасюков).

В целях определения основных направлений развития физической культуры и спорта в специфических условиях Дальневосточного региона на базе СахГУ нами была организована региональная научно-практическая конференция «Физическая культура, спорт и здоровье населения Дальнего Востока России» (г. Южно-Сахалинск, 16–17 мая 2002 г.). В работе конференции приняли участие руководители отделов и департаментов администрации области, руководители региональных вузов, педагоги и специалисты образовательных и лечебных учреждений, представители государственных и общественных физкультурно-спортивных организаций и объединений. Всего на научно-практической конференции было представлено 70 докладов.

По мнению участников конференции, реализация современной государственной политики в сфере физической культуры и спорта здорового образа жизни имеет важное значение в решении социальных и экономических проблем регионального сообщества, достижении высокого качества жизни сахалинцев и курильчан.

Ярким событием стало участие в международной научной конференции «Физическая культура, спорт и здоровье населения северо-востока Евразии» (Саппоро, 22–23 августа 2002 года), на которой вновь прозвучала мысль об эффективности совместной работы. В организации и работе конференции приняли участие представители учебных заведений, научно-исследовательских институтов, лечебных учреждений и спортивных ассоциаций Японии, России, Китая, Кореи. Россия была представлена двумя вузами Дальневосточного федерального округа – Сахалинским государственным университетом (Южно-Сахалинск) и Дальневосточной государственной академией физической культуры (Хабаровск).

Вновь было подчеркнуто социальное и экономическое значение исследований традиционных и нетрадиционных форм физической активности населения, достижения здоровья и социального благополучия через физическую культуру и спорт в таком уникальном по своему географическо-

му положению, сосредоточению материальных и людских ресурсов, наличию природных оздоровительных комплексов, исторических и культурных традиций, каким является северо-восток Евразии, необходимости модернизации региональных научных школ и информационных ресурсов.

Примечательной в развитии научно-прикладных исследований в области физической культуры и спорта стала организация нами Всероссийского семинара-совещания «Обучение студентов здоровьесберегающим технологиям» (г. Южно-Сахалинск, 24–27 мая 2004 г.). В развитии международного сотрудничества большое значение имели организованные нами семинары «Нетрадиционные средства физической активности населения холодных регионов» (Южно-Сахалинск, 7-8 июня 2005 г.) и «Самобытные игры и национальные виды спорта жителей холодных регионов» (Южно-Сахалинск, октябрь 2006 г.) с участием представителей Японии и Китая, а также Республики Саха (Якутия).

С 1998 года в Сахалинском государственном университете осуществляется научная подготовка преподавателей физического воспитания по специальности 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования». В 2003 году была открыта аспирантура по специальности 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры» (руководитель – д. п. н., профессор П. Н. Пасюков).

Сахалинская научная школа вносит существенный вклад в развитие научных исследований и научной деятельности на Дальнем Востоке России.

В 2002 году кандидатами педагогических наук по специальности 13.00.01 стали выпускники аспирантуры О. Р. Кокорина (тема диссертации – «Педагогическое содействие адаптации студентов педагогического колледжа к условиям профессионального образования»), С. А. Пронкина (тема – «Профессиональное самоопределение старшеклассников в условиях учебно-педагогического комплекса «школа – вуз»). В 2005 году Т. М. Пономаренко защитила диссертацию на тему «Подготовка студентов педагогического вуза к валеолого-педагогической деятельности в системе дошкольного образования». В 2006 году кандидатом педагогических наук по специальности 13.00.04 стал А. П. Лопатин (тема – «Программно-целевой принцип управления развитием персонала в муниципальной системе физической культуры и спорта»), в 2007 году – Н. М. Савостин (тема – «Нетрадиционные средства физической активности в структуре свободного времени учителя сельской школы»), а в 2009 г. – Е. А. Ханьковский (тема – «Экологическая информация в проектировании и реализации муниципальных программ развития физической культуры и спорта»).

Научная подготовка включает проведение конференций и обучающих семинаров, подготовку монографий, учебных пособий, методических рекомендаций.

Существенным результатом деятельности Лаборатории РОС и ПТ стали разработка и реализация

«Концепции развития физической культуры и спорта в муниципальном образовании «г. Южно-Сахалинск» на 2004–2007 гг.» и «Программы профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров в сфере физической культуры и спорта в МО «г. Южно-Сахалинск» на 2005–2007 гг.».

Расширилось представительство ученых, преподавателей и аспирантов в конференциях регионального, всероссийского и международного уровня, проводимых вузами материка. Павлов А. В. стал участником Первой Всероссийской Олимпиады аспирантов по педагогическим наукам (Санкт-Петербург, 26–28 марта 2007 г.), а в составе жюри конкурса принял участие д. п. н., профессор П. Н. Пасюков.

В 2009 году планируется защита кандидатских диссертаций А. В. Павлова («Физическая рекреация дорожных строителей в условиях Крайнего Севера и приравненных к ним территорий»), С. А. Яшиной («Организационно-управленческие основы развития фитнеса в муниципальной системе физической культуры и спорта»), Ю. В. Никитенко («Педагогические условия использования нетрадиционных средств оздоровительной физической культуры в физическом воспитании детей с ослабленным здоровьем»), докторской диссертации О. Р. Кокориной («Теория и практика содействия здоровьесбережению личности в условиях непрерывного педагогического образования»).

Хорошие текущие результаты демонстрируют аспиранты В. Ю. Мисайлов, О. В. Ольхова, Н. Ч. Ли, соискатель Т. В. Им. В резерв на обучение в аспирантуре включены ведущие педагоги Сахалинской области.

В настоящее время защита диссертаций осуществляется в диссертационном совете Уральского государственного университета физической культуры г. Челябинска (ректор – д. п. н., профессор Л. М. Куликов) на основе договора о сотрудничестве. Экспертами и оппонентами по выполненным сахалинцами работ выступают ведущие ученые УралГУФК: д. п. н., профессор А. Я. Найн – председатель диссертационного совета; д. п. н., профессор А. В. Еганов; д. п. н., профессор В. С. Быков; д. п. н., профессор Г. Н. Сериков; д. п. н., профессор В. Г. Каммалетдинов; д. п. н., профессор Л. Я. Куликова и др.

Налажено плодотворное сотрудничество с редакцией журналов «Теория и практика физической культуры» и «Физическая культура: образование, воспитание, тренировка», входящих в реестр ВАК РФ (главный редактор – д. п. н., профессор Л. И. Лубышева), и др. издательствами.

В связи с расширением научной подготовки, в т. ч. в рамках научной деятельности кафедры физической культуры и спорта СахГУ, предполагается развитие связей с диссертационными советами Сибирского государственного университета физической культуры (г. Омск), Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск), Дальневосточной государственной академии физической культуры (г. Хабаровск).

Одним из решений данной проблемы в будущем может стать создание диссертационного совета на базе Сахалинского государственного университета.

Следует отметить участие преподавателей и аспирантов в грантовых проектах «Экологическая информация в проектировании и реализации региональных (муниципальных) программ развития рекреации и туризма» (грант компании «Сахэнерджи»; руководитель – д. п. н., профессор П. Н. Пасюков (2007 г.), «Исследование технологий педагогического содействия здоровьесбережению личности в системе высшего профессионального образования» (грант Министерства образования и науки Российской Федерации; руководитель – к. п. н., доцент О. Р. Кокорина (2007 г.) и др.

В течение 2007–2008 гг. осуществлялись инициативные исследования по организации экологического туризма на особо охраняемых природных территориях: ФГУ «Государственный природный заповедник «Поронайский», «Природный биологический заказник «Малые Курилы», «Природный парк «Остров «Монерон» (руководитель – д. п. н., профессор П. Н. Пасюков).

Результаты исследования аспирантов легли в основу организации и проведения семинара для руководителей и специалистов органов муниципального управления «Экологическая информация в проектировании и реализации региональных (муниципальных) программ развития физической рекреации и туризма» (Южно-Сахалинск, 24 мая 2007 г.).

Результатом сотрудничества Лаборатории РОС и ПТ и кафедры географии СахГУ стало проведение студенческой научно-практической конференции «Региональный туризм: состояние и перспективы развития» (Южно-Сахалинск, СахГУ, 11 апреля 2007 г.), участие в специализированной выставке «Сахалин – Курилы. Туризм. Путешествия» (г. Южно-Сахалинск, 17–19 апреля 2007 г.).

С 2002 года проводится студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы физического воспитания, спортивной тренировки и оздоровительной физической культуры», организуется работа секции «Физическая культура и охрана здоровья» в рамках ежегодной областной конференции «Сахалинская наука и молодежь».

Тематика выпускных квалификационных работ студентов отделения физкультуры и спорта СахГУ отражает актуальные проблемы развития физической культуры и формирования здорового образа жизни населения островного края.

Региональная направленность исследовательской работы, в т. ч. в рамках курса «Основы научно-методической деятельности в сфере физической культуры и спорта», улучшает восприятие студентами требований высшего профессионального образования, определяет связь будущей профессиональной деятельности с историей, культурой, экологией, традициями общественной жизни региона, подготавливает к участию в деятельности региональных (муниципальных) сообществ.

С 2007 года на базе Лаборатории и РОС и ПТ ежегодно проводится региональная научно-прак-

тическая конференция «Педагогическая наука и образование», посвященная Дню российской науки, где проблемы физической культуры и спорта рассматриваются с позиций всестороннего гармоничного развития личности в контексте модернизации современного общего, профессионального и дополнительного образования.

Формирование тематики и состава участников конференции осуществляется во взаимодействии с институтами педагогики, экономики и востоковедения, технологическим институтом, факультетом естественных наук СахГУ.

Большое внимание уделяется формированию на базе Лаборатории РОС и ПТ музея восточных оздоровительных систем, а также самобытных игр и национальных видов спорта народов Сибири и Дальнего Востока, использованию имеющихся материалов в учебном и научном процессах.

В последние 15–20 лет популярные виды борьбы стран Восточно-Азиатского культурного региона – дзюдо, каратэ-до, тхэквондо, айкидо, кендо, ушу, системы психологического тренинга, спортивные игры, восточные оздоровительные системы получили широкое распространение в Сахалинской области. В настоящее время восточные единоборства являются той сферой человеческой деятельности, в которой Сахалинская область может стать конкурентоспособной на мировой спортивной арене, и в частности на северо-востоке Евразии.

Результаты исследований создают предпосылки для разработки регионально-национальных вузовских и школьных программ по физической культуре, программ по национальным видам спорта в детско-юношеских спортивных школах, в т. ч. в специализированных детско-юношеских спортивных школах олимпийского резерва, по целевой подготовке педагогических кадров для работы в данном направлении.

Важным этапом в изучении национальных традиций физического воспитания населения стран Восточно-Азиатского культурного региона явились подготовка и участие в конференции Еннского университета «Проблемы здоровья и физической активности населения в Азиатском регионе» (г. Сувон, Республика Корея, 1–7 ноября 2007 г.), конференциях Хоккайдской ассоциации мини-волейбола (г. Тайки, Япония, 26 января 2007 г.; 8–15 октября 2008 г.), в 5-м международном форуме NGO (non-governmental organization) по проблемам зарубежных корейцев (1 августа 2008 г., г. Южно-Сахалинск) и др.

В условиях интеграции стран и территорий Азиатско-Тихоокеанского региона специалисты в сфере физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной физической культуры, выпускаемые региональными учебными заведениями, должны быть готовы к работе в поликультурной многонациональной среде. Содержание современного физкультурно-педагогического образования должно обеспечить будущих специалистов по физической культуре и спорту соответствующими знаниями, позволяющими определить действен-

ность любой, в том числе новой, системы или вида двигательной активности, их соответствие целям и задачам национальной системы физического воспитания.

В этой связи одной из важных задач спортивной науки является философское, историко-культурологическое осмысление неизбежного процесса дальнейшего распространения восточных оздоровительных систем, игр, единоборств в нашей стране, разработка основных направлений освоения в современных условиях рациональных достижений оздоровительных систем и их использования в гармоничном развитии личности.

Определенным показателем достижений лаборатории в этой области являются благодарственные письма общественной организации «Сахалинская федерация каратэ-до Сетокан» за большой вклад в развитие каратэ-до Сетокан на Сахалине (1999), Южно-Сахалинского клуба айкидо «Рюшинкан» – за развитие айкидо на Сахалине (2006); Всеяпонской ассоциации мини-волейбола – за развитие международных связей между Россией и Японией, развитие мини-волейбола на Дальнем Востоке России (2007); общественной организации «Сахалинская федерация кендо» – за содействие в развитии кендо (2007); отделения тхэквондо специализированной детско-юношеской спортивной школы олимпийского резерва по греко-римской борьбе – за поддержку (2007).

Направленностью на поиск совместных решений актуальных проблем физического воспитания, оздоровительной и адаптивной физической культуры отличалась международная конференция «Физическая активность в поддержании здоровья и развитии дружеских связей жителей северных районов» (Саппоро, Хоккайдский университет, 17–18 января 2007 г.). В ходе дискуссии определились общие подходы к развитию научных связей. Проблема изучения особенностей физического выживания человека в экстремальных условиях среды и жизнедеятельности имеет глубокие корни в истории освоения региона.

Международные научные исследования о закономерностях формирования физического статуса человека в различных природно-климатических и социально-экономических условиях необходимы для будущего региона. Это соответствует «идее о северном поясе», активно пропагандируемой на Хоккайдо, которая состоит в стремлении к совместному развитию территорий северного пояса с похожими климатическими и природными условиями (северные районы США, Канада, Северная Европа, Российский Дальний Восток, районы Сибири, северные районы Китая и др.). Проблема состоит в разработке и обосновании объективных способов сравнительной оценки уровня здоровья и физической активности разных этнических популяций.

Развитие научной школы невозможно без развития современной научно-исследовательской базы. В настоящее время Лаборатория РОС и ПТ располагает фондом авторефератов и диссертаций, библиотекой специальной литературы (около 1 000 эк-

земпляров, в т. ч. на японском и английском языках), который постоянно пополняется, в т. ч. собственными научно-методическими материалами. Это монографии Пасюкова П. Н. «Школа будущего – сахалинская модель» (1997), «Восток – Запад: диалог культур: анализ региональных спортивных связей на Дальнем Востоке России» (2000), «Образование, физическая культура и спорт в Японии» (2000), «Направления развития региональной науки в сфере физической культуры и спорта в современных условиях» (2003), Пасюкова П. Н., Кокориной О. Р. «Теория и практика педагогического содействия адаптации личности к условиям профессионального образования» (2004), Пасюкова П. Н., Лопатина А. П. «Программно-целевой принцип муниципального управления кадрами в сфере физической культуры и спорта в современных условиях» (2005), Пасюкова П. Н., Кокориной О. Р., Пономаренко Т. М. «Здоровьесбережение как стратегия модернизации педагогического образования» (2006), Пасюкова П. Н., Савостина Н. М., Павлова А. В. «Физическая рекреация в режиме труда и отдыха населения регионов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий» (2007), Пасюкова П. Н., Им Т. В., Ханьковского Е. В. «Экологическая информация в проектировании и реализации региональных (муниципальных) программ развития физической рекреации и туризма» (2007), Пасюкова П. Н., Яшиной С. А. «Маркетинговые исследования в программах развития оздоровительной физической культуры на муниципальном уровне» (2008), О. Р. Кокориной «Педагогическое образование: здоровьесберегающие аспекты» (2008) и др.

Постоянно возрастает число публикаций, выпущенных в зарубежных изданиях, в т. ч. в Германии, Японии, США, Южной Корее.

Среди учебно-методических пособий, используемых в учебном и научном процессах, отметим публикации П. Н. Пасюкова «Спортивно-педагогические классы: планирование и организация работы» (1997), Н. А. Курышевой «Зимние игры и забавы в физическом воспитании» (1997), Пасюкова П. Н., Волкова В. С. «Региональный туризм: состояние и направления развития» (1999), Пасюкова П. Н. «Профессиональная ориентация личности в системе непрерывного физкультурно-педагогического образования: региональная практика» (2003), Лопатина А. П. «Основы муниципального управления развитием персонала в сфере физической культуры и спорта» (2006); Пасюкова П. Н., Евгеновой М. В. «Планирование программ развития туризма в субъектах Российской Федерации» (2006), Пасюкова П. Н., Мин Т. Ч. «Роль международных спортивных связей в развитии тхэквондо» (2007), Пасюкова П. Н., Павлова А. В., Им Т. В. «Методики оценки факторов окружающей среды при занятиях физической рекреацией» (2007), В. Ю. Мисайлова «Маленькая энциклопедия айкидо» (2008) и др.

Большой интерес у студентов вызывают художественно-публицистические книги Пасюкова П. Н. «Курильская сага» (2006), «В Стране утрен-

ней свежести» [о культуре и формах физической активности населения Республики Кореи] (2008), «На земле Олонхо» [о культуре народа Республики Саха (Якутия)] (2008), Душина А. А., Горбунова С. В., Микунова В. К., Пасюкова П. Н., Сафонова Я. В., Емельянова И. И. «Земля заповедная» [к 20-летию Поронайского государственного биологического заповедника] (2008) и др.

Компьютерами оборудовано пять рабочих мест для аспирантов. Имеется копировальная, аудио- и видеотехника. Интернет и электронная почта позволяют обеспечить активный обмен информацией с организациями и учреждениями, в т. ч. и за рубежом. В 2008 году оборудован кабинет здоровьесберегающих технологий, который располагает современной аппаратурой и методиками для функциональной диагностики подготовленности людей, занимающихся физической культурой и спортом.

Имеющийся туристический инвентарь и оборудование используются для проведения экспедиций, в т. ч. по экологической проблематике.

В 2008 году по результатам научной деятельности Лаборатория РОС и ПТ награждена дипломом ректората Сахалинского государственного университета «Лучшая научная школа – 2008 г.».

Сохранению научной школы в будущем будет способствовать обучение преподавателей университета в аспирантуре за счет внебюджетных средств вуза, гибкая система ценообразования программ послевузовского образования для представителей иных учреждений и организаций, система внутривузовских грантов на проведение научных исследований, всестороннее стимулирование труда аспирантов, соискателей, докторантов и их научных руководителей, определение юридического статуса научно-исследовательских лабораторий.

Предметом широких научных исследований должны стать вопросы эволюции форм научной деятельности и научного сотрудничества на Дальнем Востоке России, их зависимость от развития научных идей и методов исследовательской работы (информационных технологий и т. д.), место науки в развитии региональных (муниципальных) сообществ, проблемы формирования научной интеллигенции, концепция межрегиональных международных научных связей на северо-востоке Евразии.

Систематизация и объективизация научных достижений позволят создать надежные предпосылки соблюдения прав интеллектуальной собственности на результаты научных исследований, объединения усилий ученых и научных центров (лабораторий) на наиболее перспективных направлениях развития физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры.

Это важно также и потому, что каждое явление современной культуры (а физическая культура – это часть культуры народа, его культурного творчества) должно получить как можно более точное описание, точное определение в кругу аналогичных явлений, должно быть понято в культурной атмосфере своего времени, в историческом про-

цессе. Знания в этой области пока еще далеко не полны, а только намечают ту большую проблему, пласт общечеловеческой культуры, который может быть интересен современникам.

Библиография

1. Проблемы физического воспитания школьников Сахалинской области: Материалы науч.-практ. конф. ЮСПИ / Под ред. П. Н. Пасюкова – Александровск-Сахалинский, 1993. – 130 с.
2. Пасюков, П. Н. Формирование системы непрерывного физкультурного образования в Сахалинской области / П. Н. Пасюков // Проблемы физического воспитания школьников Сахалинской области: матер. науч.-практ. конф. ЮСПИ. – Александровск-Сахалинский, 1993. – С. 2–9.
3. Пасюков, П. Н. О подходах к разработке концепции непрерывного педагогического образования в Сахалинской области / П. Н. Пасюков // Международный педагогический университет: структура, управление, содержание и технология образования: матер. межд. науч. конф. – Магадан, МГПУ, 1994. – С. 29–30.
4. Пасюков, П. Н. Концепция непрерывного педагогического образования по специальности «Физическая культура и спорт»: региональная модель // Физическая культура и здоровье населения Востока России: матер. регион. науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: ЮСПИ, 1995. – С. 145–153.
5. Пасюков, П. Н. Направления и формы интеграции образования и науки в области физической культуры и спорта в Дальневосточном регионе / П. Н. Пасюков // Физическая культура и здоровье населения Востока России: матер. регион. науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: ЮСПИ, 1995. – С. 5–11.
6. Физическая культура и здоровье населения Востока России: материалы регион. науч.-практ. конф. / Под ред. П. Н. Пасюкова. – Южно-Сахалинск: изд-во ЮСПИ, 1995. – 171 с.
7. Пасюков, П. Н. О разработке регионального компонента физкультурного образования / П. Н. Пасюков // Физическая культура, спорт и здоровый образ жизни населения Алтайского края: матер. науч.-практ. конф. – Барнаул: 1996. – С. 12–13.
8. Пасюков, П. Н. Спортивно-педагогические классы: планирование и организация работы / П. Н. Пасюков. – Южно-Сахалинск: изд-во ЮСПИ, 1997. – 129 с.
9. Пасюков, П. Н. Школа будущего – сахалинская модель / П. Н. Пасюков. – Южно-Сахалинск: изд-во ЮСПИ, 1997. – 91 с.
10. Пасюков, П. Н. Научные исследования по физической культуре и спорту в университетах и колледжах Хоккайдо / П. Н. Пасюков // Физическая культура, спорт и здоровье населения Дальнего Востока: матер. регион. науч.-практ. конф. – Хабаровск: ХГИФК, 1997. – С. 80–82.
11. Курышева, Н. А. Региональная направленность специальной подготовки физкультурных кадров в системе высшего профессионального образования (на примере Сахалинской области:

дис. ... канд. пед. наук / Н. А. Курышева. – Хабаровск, ХГИФК, 1998. – 198 с.

12. Пасюков, П. Н. Направления и формы интеграции международных научных исследований по физической культуре и спорту в Азиатско-Тихоокеанском регионе / П. Н. Пасюков // Проблемы физической культуры на Дальнем Востоке: матер. регион. науч. конф. – Хабаровск: ХГИФК, 1998. – С. 88–93.

13. Валеологическое образование как основа здорового образа жизни населения Сахалинской области (сборник): материалы науч.-практ. конф. / Под ред. П. Н. Пасюкова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахИУУ, 1999. – 159 с.

14. Пасюков, П. Н. Региональный туризм: состояние и направления развития / П. Н. Пасюков, В. С. Волков. – Челябинск: изд-во УралГАФК, 1999. – 99 с.

15. Пасюков, П. Н. Дальний Восток России: на пути к открытой образовательной системе / П. Н. Пасюков // Теория и практика физической культуры. – 2000. – № 12. – С. 36–40.

16. Пасюков, П. Н. Региональная образовательная система как фактор устойчивого развития непрерывного физкультурно-педагогического образования: дис. ... докт. пед. наук / П. Н. Пасюков. – Челябинск: УралГАФК, 2000. – 366 с.

17. Пасюков, П. Н. Образование, физическая культура и спорт в Японии: монография / П. Н. Пасюков. – Челябинск: УралГАФК, 2000. – 171 с.

18. Пасюков, П. Н. Региональный подход к изучению истории физической культуры (на примере Сахалинской области) / П. Н. Пасюков // Физкультурное образование в Сибири. – 2000. – № 1. – С. 76–80.

19. Пасюков, П. Н. Восток – Запад: диалог культур (анализ региональных спортивных связей на Дальнем Востоке России): монография / П. Н. Пасюков. – Челябинск: УралГАФК, 2000. – 167 с.

20. Пасюков, П. Н. Региональная образовательная система как объект научно-педагогического исследования / П. Н. Пасюков // Педагогика спорта на пороге XXI века: сб. науч. трудов по матер. межд. науч. конф. «Запад – Восток: образование и наука на пороге XXI века». – Хабаровск; Аугсбург (Германия): изд-во ХГПУ, 2001. – С. 95–99.

21. Пасюков, П. Н. Современные технологии профессионального саморазвития личности в спортивно-педагогических классах / П. Н. Пасюков // Педагогика спорта на пороге XXI века: сб. науч. трудов по матер. межд. науч. конф. «Запад – Восток: образование и наука на пороге XXI века». – Хабаровск; Аугсбург (Германия): изд-во ХГПУ, 2001. – С. 99–105.

22. Пасюков, П. Н. Исследовательские методы обучения старшеклассников в условиях комплекса «школа – университет» / П. Н. Пасюков // Актуальные вопросы физической культуры и спорта: матер. регион. науч.-практ. конф. – Уссурийск: УГПИ, 2000. – С. 47–50.

23. Кокорина, О. Р. Педагогическое содействие адаптации студентов педагогического колледжа к условиям профессионального образования:

дис. ... канд. пед. наук / О. Р. Кокорина. – Хабаровск, ХГПУ, 2002. – 196 с.

24. Физическая культура, спорт и здоровье населения Дальнего Востока России: материалы регион. науч.-практ. конф. / Под ред. П. Н. Пасюкова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2003. – 196 с.

25. Пасюков, П. Н. Профессиональная ориентация личности в системе непрерывного физкультурно-педагогического образования: региональная практика / П. Н. Пасюков. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2003. – 138 с.

26. Пасюков, П. Н. Направления развития региональной науки в сфере физической культуры и спорта в современных условиях: монография / П. Н. Пасюков. – Хабаровск: изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2003. – 130 с.

27. Пасюков, П. Н. О направлениях научных исследований здоровья, физической активности и массового спорта населения северо-востока Евразии / П. Н. Пасюков, В. А. Нестеров // Физическая культура и спорт в современном обществе: матер. всерос. науч. конф. – Хабаровск: изд-во ДВГАФК, 2003. – С. 153–160.

28. Пасюков, П. Н. Непрерывное физкультурно-педагогическое образование: системная интерпретация / П. Н. Пасюков // Физическая культура, спорт и здоровье населения Дальнего Востока России: матер. регион. науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2003. – С. 27–32.

29. Пасюков, П. Н. Японский спорт на Сахалине: состояние и перспективы развития / П. Н. Пасюков // Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2003. – С. 105–106.

30. Пасюков, П. Н. Теория и практика педагогического содействия адаптации личности к условиям профессионального образования: монография / П. Н. Пасюков, О. Р. Кокорина. – Екатеринбург: центр «Учебная книга», 2004. – 104 с.

31. Программа профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров в сфере физической культуры и спорта в муниципальном образовании «город Южно-Сахалинск» на 2005–2007 годы. – Южно-Сахалинск сегодня. – № 102 (103) от 16 декабря 2004. – С. 2–4.

32. Обучение студентов здоровьесберегающим технологиям в школе: материалы Всерос. семинара-совещания / Под ред. П. Н. Пасюкова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2004. – 126 с.

33. Пасюков, П. Н. Развитие региональной науки в сфере физической культуры и спорта в контексте модернизации высшего профессионального образования / П. Н. Пасюков // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 7. – С. 11–16.

34. Пасюков, П. Н. Региональная наука в условиях модернизации высшего образования / П. Н. Пасюков // Матер. VII междунар. науч.-практ. конф. – Томск: ТПУ им. Д. И. Менделеева, 2004. – С. 105–111.

35. Концепция развития физической культуры и спорта в муниципальном образовании «город Южно-Сахалинск» на период 2004–2007 гг. – Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 2004. – 26 с.

36. Пономаренко, Т. М. Подготовка студентов педагогического вуза к валеолого-педагогической деятельности в системе дошкольного образования: дис. ... канд. пед. наук / Т. М. Пономаренко. – Хабаровск, ХГПУ, 2005. – 188 с.
37. Пасюков, П. Н. Здоровьесбережение как стратегия модернизации педагогического образования: монография / П. Н. Пасюков, О. Р. Кокорина, Т. М. Пономаренко. – М.: изд-во «Компания Спутник+», 2006. – 304 с.
38. Лопатин, А. П. Программно-целевой принцип управления развитием персонала в муниципальной системе физической культуры и спорта: дис. ... канд. пед. наук / А. П. Лопатин. – Челябинск, УралГУФК, 2006. – 212 с.
39. Лопатин, А. П. Основы муниципального управления развитием персонала в сфере физической культуры и спорта / А. П. Лопатин. – Челябинск: изд-во УралГУФК, 2006. – 64 с.
40. Пасюков, П. Н. Программно-целевой принцип в системе муниципального управления кадрами в сфере физической культуры и спорта / П. Н. Пасюков, А. П. Лопатин // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 9. – С. 24–28.
41. Пасюков, П. Н. Экологическая информация в проектировании и реализации региональных (муниципальных) программ развития физической рекреации и туризма: монография / П. Н. Пасюков, Т. В. Им, Е. В. Ханьковский. – Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 2007. – 250 с.
42. Пасюков, П. Н. Методики оценки факторов окружающей среды при занятиях физической рекреацией: методические рекомендации / П. Н. Пасюков, А. В. Павлов, Т. В. Им. – Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 2007. – 60 с.
43. Пасюков, П. Н. Планирование программ развития туризма в субъектах Российской Федерации / П. Н. Пасюков, М. В. Евгенова. – Челябинск: изд-во УралГУФК, 2006. – 58 с.
44. Пасюков, П. Н. Физическая рекреация в режиме труда и отдыха населения регионов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий: монография / П. Н. Пасюков, Н. М. Савостин, А. В. Павлов. – Челябинск: издательский центр УралГУФК, 2007. – 204 с.
45. Педагогическая наука и образование [ко Дню российской науки]: материалы I региональной научно-практической конференции / Под ред. П. Н. Пасюкова. – Южно-Сахалинск: изд-во УралГУФК, 2007. – 155 с.
46. Педагогическая наука и образование (ко Дню российской науки и 10-летию создания Сахалинского государственного университета): материалы II региональной научно-практической конференции / Под ред. П. Н. Пасюкова. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2008. – 160 с.
47. Савостин, Н. М. Нетрадиционные средства физической активности в структуре свободного времени учителя сельской школы: дис. ... канд. пед. наук / Н. М. Савостин. – Челябинск: УралГУФК, 2007. – 210 с.
48. Пасюков, П. Н. Роль международных спортивных связей в развитии тхэквондо / П. Н. Пасюков, Т. Ч. Мин. – Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 2007. – 52 с.
49. Пасюков, П. Н. Учет климатических факторов при занятиях физической рекреацией дорожных строителей в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территорий / П. Н. Пасюков, А. В. Павлов // Теория и практика физической культуры. – 2008. – № 6. – С. 24–27.
50. Пасюков, П. Н. Маркетинговые исследования в развитии оздоровительной физической культуры на муниципальном уровне / П. Н. Пасюков, С. А. Яшина. – Челябинск: издательский центр УралГУФК, 2008. – 160 с.
51. Пасюков, П. Н. В Стране утренней свежести [о культуре и физической активности населения Кореи] / П. Н. Пасюков. – Южно-Сахалинск: ООО «Эйкон», 2008. – 96 с.
52. Пасюков, П. Н. На земле Олонхо [физическая культура и образ жизни населения Республики Саха (Якутия)] / П. Н. Пасюков. – Челябинск: издательский центр УралГУФК, 2008. – 132 с.
53. Passjukow P. N., Der Ferne Osten Russland Aut dem Weg zum offenen Bildungssystem // Sportwissenschaftliche Themen in Deutschland und im Fernen Osten Russland/ – Hambyrg, Verlag dr. Kovac, 2002. – P. 157–162 (Germany)
54. Pasyukov P. N. Reform of the higher education and Scientific Research in the Development of Physical education and Sports in the Far East region of Russia (translated by Tokoro, S., Ulizimenekh, G) // Journal of Higher Education and Lifelong Education. – Vol. 6. – 1999 (in press). – P. 32–36. (in Japanis)
55. Pasyukov P. N., Interrelationship of Physical Culture between Sakhalin and Northern East Asia (translated by P. Shalimov) / In Ed. Suda. T. Living and Sport of the Inhabitants in Northern Areas.) Aiword Publishers, Sapporo, 1998. – P. 123–131. (in Japanese)
56. Suda, T., Asao, H., Ishikawa, T., Miyake, S., Nunogami K., Pasyukov P.N., Shidlovskava, T. N., and Shidlovsky G. Y. Lifestyles and physical Activities of the Inhabitants Living in Snowy Regions: physical activity levels of middle-aged and elderly women in Hokkaido and Sakhalin // Proceedings of the Fifth International Symposium on Cold Region Development (1997). – USA. – P. 253–256.
57. Suda, T., Asao, H., Ishikawa, T., Miyake, S., Nunogami K., Pasyukov P.N., Shidlovskava, T. N., and Shidlovsky G. Y. Physical Activity Levels of Middle-aged and Elderly Women in Hokkaido and Sakhalin // Studies of Growth and Development (1998). – No. 26. – P. 53–58. (in Japanese)
58. Suda, T., Asao, H., Ishikawa, T., Miyake, S., Nunogami K., Pasyukov P.N., Shidlovskava, T. N., and Shidlovsky G. Y. Lifestyles and physical Activities in Northern Area // Research Report of Grant-in-Aid for International Scientific Research (University-to-University Cooperative Research) Hokkaido University / Faculty of Education / – Sapporo, 1999. – 124 p. (in Japanese)
59. Suda, T., Asao, T., Shidlovskava, T. N., and Shidlovsky G. Y. Pasyukov P.N., Lifestyle and physical activities of elderly male cross-country skiers in Hokkaido

(Japan) and Sakhalin (Russia) // Abstracts 6 th Annual Congress of the European College of Sport Science – 15 th Congress of the German Society of Sports Science – Cologne, 2001. – 844 p. (in German)

60. Suda, T., Asao, T., Morita, I., Pasyukov P. N., Shidlovskaya, T. N. and Shidlovsky G.Y. Physical Activity and Productivity of the Elderly Hokkaido (Jap-

an) and Sakhalin (Russia) // Physical activity, health promotion, and regional development in Northeast Eurasia // Proceedings of the International Council on Health, Physical Education and Sports in Northeast Eurasia – Sapporo, Hokkaido University, 2003 – P. 90–94 (in Japanese)

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО (ЛИТЕРАТУРНОГО) ОБРАЗОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ СахГУ

Якименко Руслан Витальевич – докт. пед. наук, профессор СахГУ, заведующий кафедрой методики преподавания литературы ЮСПК СахГУ. Автор более 80 научных работ по актуальным вопросам методики преподавания литературы в школе и вузе.

Начало XXI века – качественно новый этап разработки научно-методических проблем в работах ученых СахГУ. У истоков методической школы литературного образования Сахалина стояли такие видные ученые, как Р. Р. Майман, Ю. Д. Проклов, Н. А. Демидова, О. Ю. Богданова. Их научно-педагогическая деятельность в тесном сотрудничестве с учеными-филологами В. В. Агеносовым, О. Ф. Силутиной, Т. Е. Шумиловой и др. позволила методике преподавания литературы выделиться в самостоятельную динамично развивающуюся научную школу Сахалина. За последние 10 лет учеными-методистами СахГУ защищены 8 диссертаций: 1 докторская (Р. В. Якименко) и 7 кандидатских (А. В. Лукашенко, Н. Ю. Донская, Л. В. Меос, О. Ю. Самогина, Л. В. Хахулина, Г. Г. Медведева, С. С. Шаров).

Сегодня усилия ученых сахалинской школы направлены на решение таких актуальных проблем современной теории и методики обучения и воспитания литературе, как:

- чтение, восприятие, интерпретация и анализ литературного произведения, способствующие формированию гуманистических убеждений школьников;
- учет уровней литературного развития учащихся, их эстетической и эмоциональной восприимчивости;
- включение в урок литературы вопросов постижения поэтики художественного текста в соответствии с идеями герменевтики;
- ориентация на воспитание творческой личности, способной к самостоятельной исследовательской деятельности;
- углубление связей между чтением, восприятием художественных произведений различных жанров и их интерпретацией, анализом, системой историко-литературных знаний; между образным, понятийным и действенным мышлением учащихся;
- осмысление литературы как феномена, занимающего особое место в жизни общества, помогающего развить художественный вкус, мышление, эмоции, свободное владение литературной речью;
- развитие мотивационных основ обучения, формирование личностной ориентации школьников;

– выбор программ, концепций и технологий урока для максимально эффективной реализации целей и задач современного школьного литературного образования и др.

Расширение интересов и запросов в современной теории и методике обучения и воспитания литературе нашло характерное отражение в разнообразии жанров методических работ ученых СахГУ (теоретические и историко-методические исследования, монографии, посвященные крупным методическим проблемам, методическая публицистика).

Совместные усилия исследователей, представляющих разноплановые точки зрения относительно целей, содержания и методов литературного образования, приводят в результате к созданию оригинальных концепций литературного образования, опирающихся на новейшие достижения отечественной научной мысли.

Охарактеризуем в самом сжатом изложении проблемы филологического образования, разрабатываемые учеными СахГУ.

Изучение художественных произведений в школе на разных этапах литературного образования (от начального до послевузовского) занимает центральное место в работах ученых СахГУ.

Положительную роль в разработке этой проблемы сыграла докторская диссертация доктора педагогических наук, профессора Р. В. Якименко «Методика отечественной поэзии XX века на заключительном этапе школьного литературного образования» (Москва, 2005 г.). Широкое монографическое освещение одного из труднейших вопросов преподавания, пристальное внимание к анализу поэзии XX века, методическим и литературоведческим принципам отбора поэтических текстов, социокультурному портрету современного старшеклассника, тщательная разработка системы классных и внеурочных занятий в их взаимосвязи – таковы положительные стороны этого издания, определившего внимание и положительный отклик у учителей-словесников. В этом исследовании методика изучения поэзии строится на целостном изучении поэзии XX века. При этом само

понятие «целостное изучение поэзии» осознается на двух уровнях: на дидактическом и собственно аналитико-художественном. Дидактический уровень предполагает тесную взаимосвязь сочетания классной и внеурочной работы по литературе на всех этапах изучения литературной темы, где основным сцепляющим звеном между уроком и внеклассным занятием является организация исследовательской деятельности старшеклассников. Аналитико-художественный уровень предполагает системный отбор поэтического материала на заключительном этапе школьного литературного образования, основанный на принципах репрезентативности, «сквозных тем», преемственности, вариативности, разноуровневости, «синтеза искусств», а также целостное изучение конкретного художественного произведения в культурологическом аспекте (историко-литературный контекст, «диалог культур», «синтез искусств») и создание на этой основе интерпретаций лирических произведений.

В работе намечаются и дальнейшие перспективы изучения поэзии только что завершившегося XX века и ее методической интерпретации в школе. Эти проблемы разрабатываются сахалинскими учеными-методистами (создание методической системы изучения поэзии XX века в динамике на втором этапе школьного литературного образования, определение обзорных и монографических тем по изучению лирики в 8–9 классах, разработка новых форм организации внеклассной работы в 5–9 классах, направленной на развитие интерпретационной деятельности школьников и активизации их познавательной деятельности).

Большое влияние на совершенствование методической мысли ученых СахГУ оказала серия дискуссий об изучении поэтики и интерпретации художественных произведений, развернувшихся на страницах методических журналов и газет.

Углубление связей между чтением, восприятием, интерпретацией и анализом литературного произведения становится одной из наиболее важных проблем теории и методики обучения и воспитания литературе начала XXI века.

Диссертационная работа кандидата педагогических наук, доцента А. В. Лукашенко «Изучение поэтики лирики Б. Л. Пастернака и ее интерпретация школьниками на уроках литературы в 11 классе средней школы» (Москва, 2004) убедительно показала, что разработка этих вопросов открывает новые пути углубления в художественную специфику литературы, новые эффективные возможности воздействия на творческую деятельность школьников.

В этом плане представляет ценность и исследование кандидата педагогических наук О. Ю. Савотиной «Интерпретация художественных произведений Н. С. Гумилева школьниками в системе литературного образования» (Москва, 2006). В своем труде исследователь намечает новые пути поэтапного освоения литературного наследия писателя: тщательное вчитывание в художественный текст, сопоставление родственных мотивов в ряде

произведений на уровне межтекстовых и внутритекстовых сопоставлений данного автора и других авторов, привлечение разнообразных ассоциаций, творческие задания, выразительное чтение, обращение к теоретико-литературным, культурологическим и теоретико-литературным сведениям – все это вызывает интерес к лирике и учит школьников глубоко понимать и чувствовать поэзию в целом.

Ученые сахалинской методической школы осознают важность раскрытия жанровой специфики художественных произведений в системе филологического образования. Незаурядным явлением в методической литературе является диссертационная работа кандидата педагогических наук Н. Ю. Донской «Изучение художественно-документальной прозы в 10–11 классах средней школы с учетом жанровой специфики» (Москва, 2005). Глубокое освещение структуры, этапов изучения произведений художественно-документальной прозы делает исследование значимым для современного преподавания литературы, а также важным в связи с профессиональной ориентацией учащихся, желающих в дальнейшем получить специальность журналиста, филолога и др.

В центре современной методики – проблема воспитания гармонически развитой личности. Несомненно, в связи со значительными изменениями условий функционирования языка важной становится проблема языка в его реализации – проблема культуры речи (одно из качеств образованного человека – владение культурой речи). Вопросам формирования речевой культуры младших школьников на материале художественных произведений посвящает свое исследование «Формирование речевой культуры младшего школьника в процессе обучения родному языку» (Москва, 2005) кандидат педагогических наук Л. В. Меос. Как доказано опытом исследователя, условиями, обеспечивающими развитие у младших школьников умения создавать тексты с учетом требований культуры речи, являются: речевые образцы-стимулы, обогащение словарного запаса учащихся на материале художественных произведений, совокупность методических приемов (антиципация, выделение смысловых опор, подробный пересказ текста, диалог с автором текста, сжатый пересказ произведений). Проведенная работа Л. В. Меос убедительно показала, что разработка таких вопросов открывает новые пути углубления в художественную специфику литературы, новые, эффективные возможности воздействия на складывающийся характер и мировоззрение школьника.

В связи с возрастающими требованиями к качеству знаний и умений школьников и формированием их исследовательской компетенции в сфере образования привлекаются новые технологии обучения. Вопросам более высокого уровня организации учебного исследования посвящен труд кандидата педагогических наук Л. В. Хахулиной «Организация исследовательской деятельности школьников в 5–11 классах в процессе изучения творчества Н. С. Лескова» (Москва, 2006). В ре-

шении этой проблемы взгляд исследователя звучит весьма весомо, так как ее решение позволяет формировать у учеников аналитическое и критическое мышление в процессе творческого поиска и выполнения учебных исследований, воспитывает целеустремленность и системность в учебной деятельности. Выбор имени писателя не случаен. В сегодняшней социальной ситуации с мощным потоком негативной информации о мире и человеке учащимся трудно устоять перед натиском цинизма и равнодушия. Как свидетельствует методический опыт молодого исследователя, художественный мир Н. С. Лескова помогает подросткам пристальнее взглянуть в человека и способствует ненавязчивому нравственно-эстетическому воспитанию.

Особо выделяются работы сахалинских ученых, посвященные изучению школьниками зарубежной литературы. Как показывает практика, совершенно недостаточным оказалось методическое обеспечение разделов школьного литературного образования, связанных с обращением на уроках литературы к драматическим произведениям, особенно к открытым для школьной программы впервые (произведения конца XIX – начала XX столетий). Указанную методическую проблему решает кандидат педагогических наук Г. Г. Медведева в исследовании *«Методика изучения драматических произведений зарубежных писателей в 8–9 классах средней школы»* (Сургут, 2006). Изучение произведений западноевропейских классиков способствует расширению и углублению гуманитарных знаний школьников, открывает перспективы более ясного представления о мировом литературном процессе и роли в нем отечественной литературы.

Кризис традиционной школы, отставание подготовки учителей кадров от социально-культурных и научно-содержательных потребностей общества оправдывают необходимость перестройки и усовершенствования системы профессионального становления учителей, ее адаптации к изменяющимся условиям жизни. От того, как подготовлен учитель и профессионально, и психологически, будет зависеть успех школьного литературного образования.

Так, исследование *«Методика формирования профессиональной компетентности учителя литературы в системе непрерывного образования (профильная школа – среднее профессиональное образование)»* (Сургут, 2006) молодого ученого С. С. Шарова направлено на создание целостной структуры непрерывного образования учителей-словесников с учетом современных требований к профессии педагога. В работе методиста целостная подготовка учителя литературы рассматривается в двух аспектах: базовом и функциональном. **Базовый** аспект предполагает наличие углубленной литературной подготовки, сформированного представления о профессии, ее роли в обществе, развитых профессионально-личностных качеств учителя литературы. **Функциональный** подразумевает углубленную методическую подготовку, которая, в свою очередь, складывается из обсто-

ятельных теоретико-практических познаний в области истории методики преподавания литературы, ориентации в кругу актуальных проблем современной методической науки и ее региональных особенностей. Этот методический труд имеет принципиальное значение для дальнейшего развития области методики. Его высокий научный уровень в значительной мере определяет характер и направление последующих методических изысканий в этой области: профильная школа – среднее профессиональное образование – высшее профессиональное образование – послевузовское профессиональное образование.

Одним из наиболее явных признаков методического подъема является формирование и развитие научных направлений в теории и методике обучения и воспитания литературе. Примером организованной и целеустремленной работы ученых СахГУ над кардинальными методическими проблемами могут служить труды, написанные ими в соавторстве.

Так, в 2005 г. вышло учебно-методическое пособие *«Организация внеклассной работы на заключительном этапе школьного литературного образования: из опыта работы ЮСПК СахГУ (для учителей школ, гимназий, лицеев и студентов филологических специальностей педагогических учебных заведений СПО и ВПО)»* (Южно-Сахалинск).

В пособии представлен обобщенный опыт организации внеклассной работы по литературе за последние пять лет на кафедрах методики преподавания литературы и методики преподавания русского языка в ЮСПК СахГУ.

В этом издании внеклассная работа представлена как часть глубоко продуманной и тщательно спланированной системы занятий по литературе, дополняющих основной курс литературы. Авторским коллективом определяются методологические основы организации сочетания классной и внеклассной работы, выделены такие важные принципы взаимопроникновения урочной и внеурочной работы, как единство целей и задач, наличие логических связей и преемственности, взаимосвязь и взаимовлияние приемов и форм, организация исследовательской и поисковой деятельности учащихся, и другие важнейшие факторы.

В пособии предлагаются различные формы внеклассных занятий, которые способствуют углублению знаний школьников и студентов по основным литературным темам.

Раскрывая содержательную сторону внеурочной деятельности учащихся с точки зрения ее корреляции с их работой на уроках литературы, авторский коллектив выделяет два основных пути:

- специальные, факультативные, элективные курсы, литературные кружки, объединения и др. виды внеурочной деятельности, которые углубляют знания школьников по программным темам, определенным в рабочих учебных планах, и являются средством повторения пройденного материала;
- вынесение во внеурочное время школьников тем, не вошедших по тем или иным причинам в ра-

бочий план и не освещающихся в полной мере в рамках урочной деятельности.

Организация внеклассной работы по литературе на заключительном этапе литературного образования, о которой рассказывается в пособии, представляет стройную систему внеурочного литературного образования, где внеклассная работа становится своеобразной лабораторией творчества словесника и учащегося, моделирующей нетрадиционные для учебного процесса формы общения с искусством, адекватные современной социокультурной ситуации.

Данное пособие по решению совета ДВ РУМЦ рекомендовано к использованию в качестве учебного пособия для студентов филологических специальностей педагогических учебных заведений и учителей различных типов школ.

Кроме пособия «Организация внеклассной работы по литературе на заключительном этапе литературного образования...» авторский коллектив выпустил в свет хрестоматию «Н. С. Лесков в школе» (Москва, 2008). Издание содержит тексты художественных произведений Н. С. Лескова, рекомендованные для изучения в 5–10 классах средней общеобразовательной школы, а также – вопросы и задания для анализа и интерпретации школьниками произведений писателя.

Совместными усилиями ученых-методистов кафедры методики преподавания литературы ЮСПК СахГУ созданы учебные программы (*Программы филологического профиля среднего (полного) общего образования (элективные учебные курсы)*, Южно-Сахалинск, 2004), методические рекомендации по вопросам аттестации учителей-словесников (*Аттестация учителей литературы в Южно-Сахалинском педагогическом колледже Сахалинского государственного университета*, Южно-Сахалинск, 2006), разработаны вопросы и задания к вариативным дисциплинам по теории и истории литературы, которые могут быть использованы в работе со школьниками старших классов и студентами (*Введение в литературоведение: философско-литературоведческий аспект*, Москва, 2006) и др.

На основе диссертационных исследований учеными были созданы учебные пособия по методике изучения русской литературы XX века в школе («Поэтический бум XX столетия (изучение отечественной поэзии XX в. в выпускном классе)», Москва, 2006. Это издание было отмечено в номинации «Монографии» как одна из лучших научных книг на Дальневосточной выставке «Печатный двор-2006» (*Изучение лирики Б. Л. Пастернака в 11 классе средней школы*, Южно-Сахалинск, 2008), по изучению зарубежной литературы (*Методика изучения драматических произведений зарубежных писателей в 8–9 классах средней школы*, Южно-Сахалинск, 2007; *Организация интегрированных внеклассных занятий по литературе и иностранному языку в школе (на примере изучения творчества У. Б. Йетса)*, Южно-Сахалинск, 2007), по изучению художественных произведений в их родожанровой специфике (*Изучение художествен-*

но-документальной прозы в 10–11 классах средней школы, Южно-Сахалинск, 2008), учебно-методическое пособие по формированию компетентности учителя литературы (*Методика формирования профессиональной компетентности учителя литературы в системе непрерывного образования (профильная школа – среднее профессиональное образование)*, Южно-Сахалинск, 2008) и многое другое. Остро ощущая потребности времени, исследователи создают большой практический материал, который в виде монографий помогает современному учителю ориентироваться в потоке новых учебников и проводить интересные уроки.

Пристальный интерес вызывает у сахалинских исследователей история методики преподавания литературы. Неоспоримый вклад внесли в методическую науку такие выдающиеся ученые XX века, как О. Ю. Богданова, Н. А. Демидова, Р. Р. Майман. Их многочисленные труды содействуют совершенствованию современной методической системы преподавания литературы, повышению уровня литературного образования в России. Авторским коллективом выпущены в свет «*Избранные труды О. Ю. Богдановой*» (Южно-Сахалинск, 2005), «*Избранные труды Р. Р. Маймана*» (Южно-Сахалинск, 2005), «*Избранные труды Н. А. Демидовой*» (Южно-Сахалинск, 2006). Известные труды корифеев теории и методики обучения и воспитания литературе являются для ученых сахалинской школы поистине познавательным и научным источником, дающим ответы на многие вопросы и побуждающим искать, совершенствоваться, расти.

Исторический опыт массовой школы и ее лучших представителей стал органической частью сахалинской методической науки.

Единые принципы подхода к избранной теме, сочетание теоретического изучения темы с практической разработкой частных методических вопросов, постоянный состав исследователей, преемственность между научно-методическими трудами – все это свидетельствует о том, что изучение актуальных проблем филологического образования поставлено сахалинскими учеными на твердую почву.

В работах исследователей представлен обширный спектр важных проблем теории и методики обучения литературе. Труды методистов призваны помочь учителям и студентам-словесникам в овладении методическими знаниями, в выработке умения самостоятельно и творчески подходить к решению вопросов преподавания литературы, которые повседневно ставит перед учителем педагогическая практика.

В настоящее время над кандидатскими диссертациями работают четверо исследователей, над докторскими – трое.

Ученые-методисты сахалинской школы литературного образования проводят исследования, создают не только практический материал в форме публикаций, но и реализуют свой интеллектуальный и творческий потенциал на занятиях с будущими учителями-словесниками в ЮСПК СахГУ.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Табаченко Татьяна Сергеевна – доктор педагогических наук по специальности 13.00.02. – «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)»; профессор кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета. Автор монографии «Профессиональная подготовка студентов-филологов по методике преподавания русского языка на основе процессуально-когнитивного подхода». В монографии описан опыт научно-исследовательской работы, которая проводилась автором в рамках реализации конкурсного темплана, финансируемого Министерством образования и науки РФ в 2006–2008 гг., «Исследование когнитивных структур лингвистических знаний как основы филологической компетенции».

В последние десятилетия в сфере познавательной деятельности активно разрабатывается новая научная дисциплина – когнитивная наука, занимающаяся человеческим разумом, мышлением и теми ментальными процессами и состояниями, которые с ними связаны. Особенно активно когнитивные процессы исследуются в психологии и дидактике как возможные пути оптимизации учебного процесса в современных условиях образования.

Разработка индивидуальных методов и стилей когнитивного обучения, переноса знаний, активизация процесса мышления, диагностика развития творческих способностей, высвобождение творческого потенциала как у взрослых, так и у детей – все это способствует более успешному решению проблемы когнитивного обучения в целом.

До настоящего времени проблема когнитивного обучения имела скорее общенаучное значение. Глобальные социальные перемены превратили эту проблему в остросоциальную, носящую прикладной характер. Теоретические подходы к решению проблем когнитивного обучения базируются на положениях когнитивной психологии.

Когнитивная психология как новое направление в психологии середины 60-х годов XX столетия «изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение» [Солсо, 234]. В переводе на русский язык термин «когнитивный» означает «познавательный». Познавание понимается в философии как «опыт обретения знаний, включающий в себя осознание природы вещей с последующим формированием суждений о них» [Микешина, 42].

Общеизвестно, что в структуре профессионального сознания современного специалиста важное место занимают не столько его специальные (предметные) умения и личностные качества, сколько *метаумения*, позволяющие управлять процессами мыслительной деятельности, кон-

струирования способов действий. Метапрофессиональные, профессионально-деятельностные способы работы становятся преобладающими по сравнению с узкоспециальными, поскольку именно они позволяют анализировать свою деятельность, относиться к ней сознательно, делать ее предметом целевых преобразований. Овладение метапрофессиональными способами деятельности формирует гуманистическую основу профессионализма будущего специалиста. И именно метаумения положены в основу компетентностного подхода к образованию.

Зачастую в системе профессионального образования подходят к построению учебного предмета с узкопрофессиональных позиций. Основной целью при этом является дать определенную сумму знаний, подлежащих усвоению, но лишенных деятельностной направленности, порождающей эти знания. По мнению психологов, принцип систематизации знаний при таком подходе не выражает познавательной логики развития в создании целостной теоретической картины учебного предмета. Такая систематизация дает лишь застывшие «срезы» объекта изучения, не раскрывая движения в познаваемом объекте, развития знания как *способа познания*. Следовательно, задачей современного процесса образования должна стать реализация таких способов и приемов презентации и репрезентации знаний об объекте, которые бы создали это *движение* в познаваемом объекте, сделали бы процесс познания деятельностным, активным. Для разработки такого подхода к обучению в настоящее время используются основные положения когнитивной психологии.

Когнитивная психология изучает психическую деятельность, связанную с обработкой информации об окружении и о самом человеке. Объектом исследования при таком подходе является человек, воспринимающий и усваивающий информацию, а также то, как передается и трансформируется информация. Для облегчения объяснения материала

нужно ввести воображаемую структуру, которая будет получать информацию из окружающей среды, обрабатывать ее определенным образом, после чего на основании полученных данных предпринимать какие-то действия или отправлять полученную информацию на хранение, чтобы впоследствии воспользоваться ею. Такую структуру называют *когнитивной системой*.

Каким же образом мы можем изучать способы получения и использования информации? Например, мы не можем наблюдать работу памяти, мы можем видеть только результат ее удачной или неудачной работы. Эксперимент, включающий контроль и умозаключение, по мнению Р. Солсо, является одним из наиболее успешных подходов, применяемых в когнитивной психологии. С помощью эксперимента мы проверяем гипотетическую модель, в нашем случае – модель формирования профессиональных метаумений в области лингвистических знаний, которые бы позволили управлять процессом познания учащихся. Эта модель включает несколько основных областей познания: восприятие, внимание, память, знание, язык. Все они вводятся в процесс познания пооперационно: сбор и ввод информации, хранение и организация информации, использование информации.

Использование гипотетической модели в процессе познания – альтернативный методологический подход, сущность которого заключается в следующем: обучающийся может не обладать полным объемом знаний об определенном объекте, и, пока не достигнуто полное знание предмета, можно пользоваться гипотетической моделью функционирования системы знаний [Солсо, 144]. Проверка таких моделей позволяет подтверждать, адаптировать, заменять определенные системы на уровне знания/незнания. Гипотетическая модель дает возможность организовать процесс познания как процесс формирования **метаумений**¹, позволяющих управлять процессами мыслительной деятельности.

Стремление к познанию и пониманию есть когнитивная потребность человека. Эта потребность связана со стремлением к истине, влечением к непознанному. Реализация когнитивной потребности не сводится только к приобретению новой информации. Человек стремится также к пониманию, к систематизации, к анализу фактов и выявлению взаимосвязей между ними, к построению некой упорядоченной системы. Взаимоотношения между указанными двумя стремлениями иерархичны, т. е. стремление к познанию всегда предшествует стремлению к пониманию.

Познание через понимание связано прежде всего с сознательным, избирательным вниманием человека, воспринимающего информацию.

Для того чтобы внимание учащегося стало сознательным, избирательным, что очень важно для построения когнитивно-деятельностной модели обучения, необходимо правильно организовать это внимание. Существует несколько теорий, в рамках которых построены модели для объяснения того, каким образом мы выявляем и определяем значимую информацию. В книге Р. Солсо «Когнитивная психология» рассматриваются различные модели и теории организации внимания с точки зрения когнитивных функций.

Модели избирательного, отдельного внимания помогают понять механизм восприятия, отбора нужной информации, механизмы действия рабочей памяти, а отсюда и механизмы действия активных процессов познания в учебной деятельности. Особый интерес, на наш взгляд, в модели избирательного внимания представляет так называемая теория фильтрации.

Р. Солсо, опираясь на теорию Бродбента², объясняет процесс фильтрации поступающей информации. Он указывает на то, что процесс внимания определяется фильтром, т. е. каналом с ограниченной пропускной способностью, и распознающим устройством. Им предшествует сенсорный регистр, т. е. часть памяти для недавно предъявлявшихся стимулов. Сенсорный регистр в этом случае является элементом с параллельной обработкой информации, который передает ее в канал последовательной обработки, где пропускается только по одной порции информации, поэтому часть информации теряется. Если информация доходит до распознающего устройства, определяется ее значение, и именно на этой стадии информация доходит до сознания воспринимающего эту информацию. Доказано, что анализ семантического содержания происходит уже на ранних стадиях обработки информации. В процессе фильтрации воспринимается вся поступающая информация, но ее менее значимая часть *приглушается*, или *ослабляется*³.

Рабочая память является активной областью хранения отобранной информации, кратковременная же память воспроизводит всю поступившую в наше сознание информацию: и значимую, и менее значимую. Преподавателю следует учесть этот факт на этапе проверки внимания обучающегося: когда мы после объяснения просим воспроизвести поступившую информацию, менее значимая, находящаяся в кратковременной памяти, ослабляется. Возможности рабочей памяти ограничены, и, следовательно, только часть информации сохраняется в ней. Отобранная информация подвергается дальнейшему анализу, благодаря которому создается более устойчивая репрезентация. Рабочая память «запрограммирована» на определение важности информации.

¹ *Meta* (с греч.) – «между», «после», «через» – часть сложных слов, означающих «промежуточность», «следование за чем-либо», «переход к чему-либо».

² Broadbent, D. E. (1958). *Perception and communication*. London & New York: Pergamon Press.

³ Treisman A. *Strategies and models of selective attention*. *Psychological Review*. – 1969.

Что же происходит при выполнении заданий? При оптимальных условиях, считают когнитивисты, можно выполнять несколько заданий одновременно, но если одно из этих заданий требует более высокой концентрации внимания, то другое задание не будет выполняться успешно, как, например, при прослушивании лекции и конспектировании ее содержания. Сложный материал требует большей концентрации, поэтому не может быть хорошо записан.

Из приведенных наблюдений можно сделать следующие выводы: первое – можно делать несколько дел одновременно, а это означает, что внимание может распределяться; второе – задания, которые часто выполняются, почти не требуют внимания. Это называется автоматической обработкой информации. Сложные задания поначалу трудно выполнять, но постоянная практика или выработка алгоритмизированных навыков создают основу для процессуально-когнитивного обучения. Здесь мы подходим к понятиям **процедурного** знания и **декларативного** знания. Процедурное знание – это знание, которым мы обладаем, не задумываясь над тем, что именно мы знаем. Это имплицитное, безусловное, знание, в отличие от декларативного знания, опирающегося исключительно на факты. Декларативное показывает, *что* мы делаем, проявляется на уровне вербального описания; а процедурное знание – *как* мы это делаем, проявляется на уровне реального действия.

Данное противопоставление оказывается особенно актуальным при рассмотрении вопросов, связанных с овладением и использованием языком. Вообще, отметим, что классификатор видов знаний весьма обширен. В частности, Красных В. В. [Красных, 124] приводит девять классификаций видов знаний, существующих в психологии и дидактике.

Если в центре внимания находится продуктивная деятельность человека, то разграничиваются знания *предметные* и *методологические*. Предметные знания – это знания о некоторой предметной области объективного мира. Методологические знания – знания о знаниях и о способах деятельности, о процедурах оперирования знаниями, иными словами, этот вид знаний используется для получения новых знаний и для получения новых способов решения практических задач. В такой области знаний, как методика преподавания русского языка, важным является разграничение знаний *языковых* и *метаязыковых*.

В понятие «метаязыковые» включаются знания: о коммуникативных ситуациях, в которых встречаются те или иные языковые формы; о языковых единицах и типичных ошибках; о языковых общностях и о принадлежности элементов языка и языка в целом к определенной общности носителей языка.

Для разработки моделей когнитивных структур важным является также разграничение знаний *выученных* и *освоенных*. Первое приобретается в результате целенаправленного обучения, внимание при этом сосредоточено на формальных признаках

изучаемого. Выученное знание состоит из метаязыковых правил, которые могут использоваться в качестве регуляторов при оперировании приобретенными знаниями. Такое знание соотносимо с метаязыковыми, декларативными знаниями. *Знание освоенное* приобретается как бы автоматически, через естественную коммуникацию; внимание при этом фокусируется на значении сообщения. Такое знание соотносимо с языковыми, процедурными знаниями. Бесспорно, это разные виды знаний. Вопрос в том, существуют ли они автономно или во взаимодействии.

Противопоставление выученного и освоенного, декларативного и процедурного знания, знаний и умений соотносимо с позицией «знание языка» и «владение языком». Знание языка связано с базирующейся на изучении/усвоении знаний *языковой компетенции*. Она понимается как ментальные репрезентации языковых правил, которые выступают в роли внутренней грамматики идеального говорящего-слушающего. Это потенциал лингвистических (языковедческих) знаний человека: знание слов, выражений, грамматических конструкций, словообразовательных моделей, ударений и интонации. Владеть языком лингвистически – значит уметь проанализировать тексты на единицы все более простых уровней и синтезировать из них слова, словоформы, предложения, тексты безотносительно к смыслу единиц.

«Лингвистические когнитивные структуры (ЛКС) лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи. Это неделимая и нечленимая когнитивная единица, хранящая «свернутое» знание и представление» [Красных, 137].

При усвоении родного языка когнитивная структура в своем развитии, по-видимому, опережает лингвистическую. Это естественно: прежде чем выражать знания о мире, их надо иметь. Когнитивная структура накладывает на развитие и использование лингвистической структуры определенные ограничения. Совокупность этих ограничений может быть названа коммуникативной: язык осваивается не ради себя самого, а как средство коммуникации. Это обстоятельство определяет языковую стратегию (формирование языковой картины мира) и языковую тактику, связанную с формированием связей между планом содержания и планом выражения.

В связи с этим возникает ряд проблем, решение которых относится к актуальным задачам когнитивистики:

- этапы освоения языковых средств и формирования языковой картины мира;
- взаимодействие когнитивной и конкретно-лингвистической структур.

Психолингвистика дает представление о взаимодействии когнитивных структур с разными видами компетенции: они формируют компетенцию

и лежат в ее основе. В лингвистической, психолингвистической, лингводидактической литературе выделяются в первую очередь языковая, речевая и предметная компетенции. Коммуникативная компетенция предстает как высшая форма владения языком, как итоговая цель обучения и формируется не только лингвистическими когнитивными структурами, но и как феномен, имеющий экстралингвистическую природу.

Исходя из положения о доминирующей функции коммуникативной компетенции как конечной цели любого предметного обучения, можно говорить о деятельности на основе обучения русскому языку, базирующейся на системно-коммуникативной основе. Такой подход соответствует процессуально-когнитивной (деятельностной) модели построения обучения, предопределяющей формирование метаязыковых знаний.

Когнитивная психология породила новое направление в педагогике – когнитивное обучение. Исследования в области когнитивного обучения направлены на изучение возможностей улучшения когнитивной деятельности индивида с помощью особых программ образования. Хотя эти исследования еще недостаточно продвинулись, на практике часто констатируют важность развития методов образования, целью которых является когнитивное развитие. Это направление в педагогике, ограниченное на протяжении многих лет в основном специальным образованием (например, для детей с интеллектуальными ограничениями), в настоящее время охватывает и школьное, и профессиональное образование. Когнитивное обучение рождено потребностью переосмысления роли и места человека познающего в философии познания, вооружения познающего *методом*, правильным способом описания и объяснения реальности [Микешина, 21].

Основная цель всех методов когнитивного обучения заключается в развитии интеллекта, а точнее всей совокупности умственных способностей и стратегий, делающих возможным процесс обучения и адаптации к новым ситуациям. Основа стратегии когнитивного обучения – «предпочтительнее учить тому, как учиться, а не обучать отдельным понятиям и навыкам». **Когнитивное обучение призвано исправлять недостатки познавательной интеллектуальной деятельности, развивая при этом внимание, память, восприятие, мыслительную способность, волю.** Такой подход к знанию в единстве с порождающей его деятельностью субъекта включает процесс познания в социокультурный контекст, и наиболее значимое – гносеологическое осмысление результатов, полученных такими новыми областями знания, как когнитивная психология, когнитология.

Таким образом, познавательная активность при когнитивном обучении понимается нами как личностно-ориентированное образование, интегрирующее в себе интеллектуальные, эмоциональные, волевые компоненты личности и выражающее стремление достичь результатов в интенсивной

познавательной деятельности. Высокий уровень познавательной активности свидетельствует о сформированности эмоционально-волевой сферы, устойчивости познавательного интереса.

По мнению Львова М. Р., следует различать понятия «активность в обучении русскому языку» и «познавательная активность в процессе обучения русскому языку» [Львов, 161]. Эти понятия связаны с концепцией когнитивного обучения.

Активность в обучении русскому языку понимается как «*дидактический принцип*, требующий такой постановки процесса обучения, при которой учащийся становится субъектом познавательной деятельности, которая воспитывает инициативность, самостоятельность в усвоении знаний, умений и навыков, в развитии мышления, речи, памяти, творческого воображения <...> Активность в обучении русскому языку понимается как «добывание» знаний, как исследования самого учащегося; при этом вводится понятие «степень познавательной активности и самостоятельности» [Львов, 15]. Познавательную активность Львов М. Р. определяет как «*проявление дидактического принципа активности в обучении*. Состоит в самостоятельной познавательной деятельности, направляемой учителем, в овладении учащимися умениями и навыками учебного труда» [Львов, 162].

Формирование познавательной активности в обучении русскому языку в процессе реализации когнитивного подхода к обучению носит поэтапный характер:

1) на первом этапе создается положительно-эмоциональное отношение к учебному предмету «Русский язык», к учебной деятельности. Это отношение создается разными путями: через содержание языкового материала, через особую его организацию, когнитивные методы и приемы обучения. Например: «*восхождение от абстрактного к конкретному*» – современный вариант дедуктивного метода в обучении. Согласно ему учащиеся усваивают наиболее общее понятие, закономерность – и от общего, по ступеням, «восходят» к частному, все глубже проникая в детали; «*преобразующее воспроизведение знаний по русскому языку*» – один из важнейших приемов обучения, развивающий когнитивные навыки работы с лингвистической информацией. Состоит в изменении структуры материала по теме, в использовании иных, по сравнению с учебником, форм обобщения, в вариативности формулировок. Примеры: а) тема воспроизводится по учебнику, но примеры и практическое применение новые; б) материал воспроизводится в сравнении с ранее изученными темами; в) материал вводится в рамки более широкой темы и т. п.;

2) на втором этапе организуется систематическая поисковая деятельность в области возникшего интереса к учебному предмету. Затем эта деятельность сама становится фактором развития творческой активности и познавательной самостоятельности. Пути совершенствования этого процесса мы видим в повышении информацион-

ной емкости во всем том, что учащийся познает. На этом этапе важно научить тем познавательным действиям и операциям, поисковым методам, с помощью которых учащиеся могут самостоятельно отбирать нужную информацию и работать с ней для достижения цели.

Когда у студентов будут появляться все новые и новые вопросы в области познания, тогда и возникает мотивация, способствующая поисковой деятельности для ответа на эти вопросы. Степень проникновения в глубину процесса познания определяет уровень его познавательной активности. Следует считать целью в этой работе стремление студента самостоятельно добывать знания, сформированность *готовности к самообразованию*, наличие прикладных и исследовательских умений.

Мы рассматриваем *готовность* как личностное интегрированное качество, компонентами которого являются: способность к актуализации субъективного опыта, развитие педагогического (методического) мышления, синтез общеобразовательных и профессиональных знаний, умений и навыков. Каждый из этих компонентов имеет свои уровни и показатели. Готовность будущего преподавателя к формированию познавательной активности учащихся развивается и тогда, когда осуществляется активизация учебно-познавательной деятельности студентов. Это достигается проблемностью в изложении нового материала, диалогичностью проведения учебного процесса, активным внедрением методов когнитивного обучения в НИРС и УИРС.

Существует множество методов когнитивного обучения. Более всего они разработаны в зарубежном профессиональном обучении (М. Сорей, К. Делланой, Пассанд и др.). В отечественной когнитивистике эти методы в большей мере разработаны для методики преподавания иностранных языков, в том числе и русского как иностранного (С. Ф. Шаталов, И. Н. Верещагина, Д. И. Изаренков и др.). Методы когнитивного обучения в настоящее время активно разрабатываются Институтом психологии РАН (Т. В. Галкина, Л. Г. Алексеева, В. Дружинин, М. А. Холодная и др.). Практически все авторы методов когнитивного обучения ссылаются на работы Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, Дж. Брунера. Разнообразные по содержанию методы когнитивного обучения имеют важные общие черты:

- усиление значимости когнитивных процессов по сравнению с декларативными знаниями;
- соотношение в процессе обучения когнитивных и эмоционально-волевых и мотивационных факторов;
- важность метапознания (процедур контроля и регулирования, которые субъект применяет в своей когнитивной деятельности, а также знания об этой деятельности, которыми он обладает) в процессе переноса знаний.

Цель развить интеллектуальные функции, научить учиться, научить думать – общая для всех областей педагогики. Методы когнитивного обучения оригинальны в той мере, в какой они предполагают достичь эту цель прямо, минуя процесс

приобретения знаний или ментальные процедуры, свойственные данному полю деятельности.

Процедурные знания способствуют развитию таких познавательных способностей, как стремление узнавать новое, самоорганизовываться, структурировать, необходимых для достижения результата учебного действия. Методы когнитивного обучения сосредоточены на когнитивной деятельности, поскольку их главная цель – ее облегчить. Например, «метод предвидения результатов» учебного действия помогает субъекту в осознании его умственной деятельности, на основе которой происходит перенос процедурных знаний из одной области в другую.

При прогнозировании успешности обучения многие исследователи приходили к выводу о существовании обучаемости как некоторой общей способности к обучению, независимой от интеллекта и креативности. Известно, что понятия «креативность» и «академическая успеваемость» далеко не идентичны. Личностные качества и когнитивные характеристики «идеального отличника» и «творческого человека» различны. Корреляции между уровнем общего интеллекта и академической успешностью имеют большой разброс и зависят от уровня когнитивных и креативных способностей.

Включая в структуру общих способностей студента интеллект, креативность и обучаемость, мы основываемся на трехкомпонентной модели когнитивного процесса. Любой когнитивный акт должен включать в себя приобретение, применение и преобразование когнитивного опыта. Способность, ответственную за приобретение опыта, можно отождествить с обучаемостью, продуктивность применения опыта определяется общим интеллектом, а преобразование опыта связано с креативностью.

Интеллект как способность мышления рассматривается в когнитивистике с трех точек зрения: «компонентной (наиболее развитой), опытной и контекстуальной. Согласно компонентной точке зрения, интеллект заключается в использовании элементарных операций и компонентов (кодировании, установлении связей между двумя информацией...), а также стратегий или метакомпонентов (выбор способа кодирования информации, отдельная последовательность операций...)».

Критериями интеллектуальной зрелости могут служить особенности познавательного отношения человека к происходящему, в том числе: широта умственного кругозора, гибкость и многовариантность оценок событий, готовность к принятию необычной информации (в противовес догматизму), умение осмысливать настоящее одновременно в терминах прошлого (причин) и в терминах будущего (последствий), способность выявлять существенные, объективно значимые аспекты происходящего, возможность мыслить в категориях вероятного.

Таким образом, когнитивное обучение следует понимать как активный процесс познания. Знания и возможности, полученные при таком подходе,

способствуют развитию высокого уровня интеллекта, формированию творческого потенциала, накоплению практического опыта, необходимого будущему специалисту, формированию необходимых в новых образовательных условиях профессиональных компетенций.

Имеющие опыт достигают больших результатов, чем те, кто обладает отвлеченными знаниями, но не имеет опыта.

Литература

1. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
2. Величковский, Б. М. Современная когнитивная психология / Б. М. Величковский. – М.: МГУ, 1982.
3. Линдсей, Норманн. Переработка информации у человека / Норманн Линдсей. – М., 1973.
4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 216 с.
5. Кубрякова, Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Е. С. Кубрякова // Язык и структура представления знаний. – М., 1992. – С. 4–38.
6. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В. В. Красных. – М., 2001. – 270 с.
7. Микешина, Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
8. Львов, М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: пособие для студентов педагогических вузов и колледжей / М. Р. Львов. – М.: ИЦ «Академия»; Высшая школа, 1999. – 272 с.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЮДЕЙ, НАХОДИВШИХСЯ В НАЦИСТСКИХ, КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Власенкова Елена Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии СахГУ.

Область научных интересов: психология – возрастная, социальная, семейная, индивидуальных различий, экзистенциальная.

Автор 17 научных работ по актуальным вопросам психологии, в том числе и психологии смысла.

Для нашего народа Великая Отечественная война – очень важное историческое событие, одно из тех общих дел, которые можно назвать «народообразующими», героическими, которые становятся на столетия, а то и тысячелетия источниками для эпических повествований и семейных преданий. Такие события помогают народам страны выстоять в трудные минуты кризисов и государственных катастроф. Именно вокруг Великой Победы объединились наши соотечественники в тяжелые для страны годы.

Нет практически ни одной семьи и дома, где бы не оплакивали родных, погибших в этой войне. Победа в ней потребовала от народа мобилизации всех сил, полной самоотдачи и самопожертвования. Война принесла много горя и оставила множество шрамов. Чтобы выжить дальше, нужно было увидеть смысл в пережитых страданиях и принесенных жертвах.

Тюремная психология, сложившаяся в начале прошлого века, основывалась на психопатологических наблюдениях в лагерях для военнопленных во время Первой мировой войны. Вторая мировая война и концентрационные лагеря для мирного населения оккупированных стран, ГУЛАГ, ставший испытанием для миллионов людей в СССР, вызвали необходимость теоретического осмысления переживаний огромных масс людей разных возрастов, национальностей, вероисповеданий. Поэтому бесценны свидетельства тех переживших, в том числе и психологов, психотерапевтов, философов, кто сам смог не только пережить ужасы концентрационного лагеря, но и убеждал других найти последний смысл своего существования.

Виктор Франкл в своей знаменитой работе «Психолог в концентрационном лагере» писал, что в концлагерях само бытие человека было деформировано. Эта деформация приняла такие масштабы, что не могут не возникать сомнения в том, что наблюдатель, если он сам находился в лагере, мог вообще сохранять достаточную объективность своих суждений. Ведь в психологическом отно-

шении его способность судить о себе или других должна была быть неминуемо нарушена. Ни один человек, не сталкивавшийся в какой-либо форме с концлагерями на своем личном опыте, не может иметь ни малейшего представления о лагерной жизни. И это действительно так, ведь и на современном этапе развития общества люди, осужденные к различным видам наказаний, проводя «за колючей проволокой» какое-то время, выходят на свободу совершенно другими – как правило, скованными, озлобленными без какой-либо мотивации, с чувством неполноценности, остающимся на всю жизнь [6, 132].

Точно так же, как Виктор Франкл, пережил ужас концлагеря и смог профессионально проанализировать жизнь людей за колючей проволокой и австрийский врач-психоаналитик Бруно Беттельхайм. Главное, что его потрясло, – это разрушительное воздействие лагерной жизни на личность заключенного. Через некоторое время, проведенное в концлагере, Беттельхайм начал понимать, что сходит с ума, и принял решение, которое помогло ему выжить и остаться человеком в нечеловеческих условиях. Он стал профессионально наблюдать и анализировать механизм разрушения личности в условиях концлагеря и исследовал основные направления решения проблемы, которую, казалось бы, решить невозможно. Оба автора в своих трудах выделяют схожие реакции заключенных при попадании в концентрационный лагерь и разбивают их на следующие фазы: 1. Шок поступления. 2. Типичные изменения характера при длительном пребывании в лагере. 3. Освобождение. Причем описание каждой фазы оба автора описывают достаточно похоже, несмотря на принадлежность к разным психотерапевтическим направлениям.

Так, Виктор Франкл пишет, что «в Освенциме заключенный, находящийся еще на стадии шока, вообще не боится смерти. В первые дни его пребывания газовая камера уже не вызывает ужаса: в его глазах она представляет собой всего лишь то, что

избавляет его от самоубийства. Вскоре, однако, паническое настроение уступает место безразличию.

После шока поступления незамедлительно наступает непонятная для большинства масс заключенных и наиболее опасная из всех фаз – фаза адаптации или изменения характера при длительном пребывании в лагере. Непонятной она кажется потому, что постепенно личность, находящуюся в лагере, охватывает ощущение безнадежности и безвыходности данной ситуации, «без надежды на выздоровление или беспросветное будущее».

Виктор Франкл писал следующее: «Мои товарищи сходятся во мнении, что это было, быть может, одним из наиболее тягостных психологических обстоятельств жизни в лагере! И множество слухов, циркулировавших ежедневно и ежечасно среди сконцентрированной на небольшом пространстве массы людей, слухов о том, что вот-вот всему этому наступит конец, приводило каждый раз к еще более глубокому, а то и окончательному разочарованию. Неопределенность срока освобождения порождала у заключенных ощущение, что срок их заключения практически неограничен, если вообще можно говорить о его границах. Со временем у заключенных возникало, таким образом, ощущение необычности мира по ту сторону колючей проволоки. Сквозь нее заключенный видит людей снаружи, так, как будто они принадлежат к другому миру или, скорее, как будто он сам уже не из этого мира, как будто он «выпал» из него. Мир незаклученных предстает перед его глазами примерно так, как его мог бы видеть покойник, вернувшийся с того света: нереальным, недоступным, недостижимым, призрачным» [6, 136].

Почему же люди, находящиеся в лагере, думали именно так, а не по-другому? Ответ на это вопрос дает в своей работе «Просвещенное Сердце» Б. Беттельхайм. Он повествует о том, что среди надзирателей-эсэсовцев во всей нацистской Германии существовала определенная концепция поведения с заключенными концентрационного лагеря. Данная концепция сводилась к тому, что кроме травматизации – частое нанесение побоев, увечий заключенному – гестапо использовало три метода уничтожения всякой личной автономии. Первый – насильственно привить каждому заключенному психологию и поведение ребенка. Второй – заставить заключенного подавить свою индивидуальность, чтобы все слились в единую аморфную массу. Третий – разрушить способность человека к самополаганию, предвидению и, следовательно, его готовность к будущему. В условиях крайней изоляции влияние окружающей обстановки на личность может стать тотальным. Выживание человека тогда зависит от способности сохранить за собой некоторую область свободного поведения, удерживать контроль над какими-то важными аспектами жизни, несмотря на условия, которые кажутся непреодолимыми. Чтобы остаться человеком, не стать тенью СС, необходимо было выявить достаточно важные жизненные ситуации, которыми можно управлять. Что же позво-

ляло выжить людям в опасной второй фазе? Это прежде всего работа, мысли о семье, запрет думать о негативном и, конечно же, надежда, ведь она, как говорят, умирает последней! [2, 72].

В. Франкл отмечает, что люди в предельных условиях выживания очень по-разному себя ведут, и их поведение зависит от того, есть ли у них смысл жизни или нет. О том, что человеческая жизнь всегда и при любых обстоятельствах имеет смысл и что этот смысл охватывает также страдания, нужду и смерть. «Я просил этих бедняг, внимательно слушавших меня в крошечной тьме барака, смотреть в лицо ужасающего положения и все же не отчаиваться, все-таки сознавать, что даже при всей безнадежности нашей борьбы она все равно имеет свой смысл, несет в себе свое достоинство! На каждого из нас, – говорил я, – в эти часы, которые, может быть, для многих уже становятся последними часами, кто-то смотрит сверху требовательным взглядом – друг или женщина, живой или мертвый. Или – Бог. И он ждет, что мы его не разочаруем, что мы не будем жалкими, что сумеем сохранить стойкость и в жизни, и в смерти ...Внушить людям этот последний смысл нашего существования здесь – в этом бараке и сейчас – в этой ситуации, такова была цель моих стараний. И, кажется, я ее достиг».

Стремление к смыслу помогает человеку выжить, и оно же приводит к решению уйти из жизни, оно помогает вынести нечеловеческие условия концлагеря, «упрямство духа» – вот формула Виктора Франкла. Дух упрям, вопреки страданиям, которые может испытывать тело, вопреки разладу, который может испытывать душа [5, 98].

Примитивность внутренней жизни в концентрационном лагере находит свое самое характерное выражение в мечтаниях узников. Чаще всего они мечтают о хлебе, сигаретах и хорошей теплой ванне. Беспреданно говорится о еде и сне. Если недостаток питания делал людей апатичными, то хроническое недосыпание делало их раздражительными. Е. Утиц охарактеризовал типичные изменения характера, которые, по его мнению, он наблюдал у узников лагеря как смещение от циклотимного к шизотимному типу характера. Он заметил, что у большинства узников лагеря проявлялась не только апатия и раздражительность, оба аффекта абсолютно соответствовали пропорции шизотимного темперамента по Э. Кыречмеру. Бессрочность существования в концентрационном лагере ведет к возникновению чувства бесперспективности. Что бы ни отняли у узника в первый час пребывания в лагере, до последнего вздоха никто не может отнять у него свободу относиться к своей судьбе так или иначе. А это «так или иначе» существует всегда. Вероятно, в каждом концентрационном лагере были отдельные люди, которые смогли преодолеть и подавить свою апатию и раздражительность, которые – жертвуя собой – ходили по баракам, то подбадривая добрым словом, то отдавая последние крохи хлеба.

Вся симптоматология концентрационного лагеря, которую мы попытались представить в ее ка-

жущемся неотвратимом развитии, обусловленном физиологическими и душевными причинами, представляется нам открытой влиянию духовного, и этот момент является в конечном итоге решающим. Изменения характера человека в концентрационном лагере являются следствиями изменений физиологического состояния (голод, недосыпание и т. д.) и выражением психологических данностей (чувство собственной неполноценности и т. д.). Однако самое существенное здесь – духовная позиция, ибо в каждом случае человек сохраняет свободу и возможность решать самому в пользу или против влияния окружения. И если даже он мало пользуется этой свободой и возможностью – все равно она у него все-таки есть. Следовательно, люди, которые попадали под влияние условий и окружения концентрационного лагеря, могли и не поддаться этому влиянию. Возможно, они позволили себе пасть именно потому, что потеряли свой духовный стержень, свою духовную опору [3, 190].

Однако без какого-то фиксированного ориентира на будущее человек не может существовать. Исходя из него, организуется обычно все его настоящее, устремляясь к нему, подобно тому, как железная стружка устремляется к магниту. И наоборот – внутреннее время, время переживаний, теряет всю свою структуру, когда человек теряет свое будущее.

Латинское слово «finis» означает как «конец», так и «цель». Когда человек перестает видеть конец какого-то временного отрезка своей жизни, он не может поставить себе никакой дальнейшей цели, никакой задачи; жизнь тогда теряет в его глазах всякое содержание и всякий смысл. И наоборот, стремление к какой-либо цели в будущем составляет ту духовную опору, которая так нужна узнику лагеря, так как только эта духовная опора в состоянии уберечь человека от падения под влиянием отрицательных сил социальной среды в том смысле, о котором шла речь выше, и, следовательно, уберечь его от полного отказа от самого себя [1, 101].

Душевный упадок из-за потери духовной опоры, полное погружение в тотальную апатию было среди лагерных ерников столь же известным, сколь и внушающим страх явлением, которое развивалось зачастую так быстро, что уже в течение немногих дней вело к катастрофе.

Ясно, что всякая попытка психотерапии в концентрационном лагере была возможна только тогда, когда она совпадала с решающим моментом духовной опоры, направленным на определенную цель в будущем. На практике было совсем трудно взбодрить того или иного узника тем, чтобы нацелить его на будущее. Итак, описание последней фазы – фазы освобождения.

Само освобождение, внезапное снятие душевного гнета опасно в психологическом отношении. Эта опасность с характерологической точки зрения представляет собой не что иное, как психологический эквивалент кессонной болезни. И освобожденный заключенный нуждается и еще долго будет

нуждаться в психологической помощи, поддержке: «вначале ему все представляется, как в прекрасном сне, он не смеет даже верить, что все это реально: ведь его уже разочаровал не один сон. Не мечтал ли он так часто о своем освобождении, о том, как он вернется домой, обнимет свою жену, позовет своих друзей, сядет за стол и начнет рассказывать, рассказывать о своих переживаниях, о том, как он тосковал по этому мгновению свидания и как часто видел во сне это мгновение, пока оно, наконец, не стало действительностью.

Но вот раздаются три резких гудка, которые рано утром означают побудку, назойливо и грубо проникают ему в уши и вырывают его из сна, который только подразнил и обманул свободой. Но однажды все это выстраданное и желанное станет действительностью. Однако освобожденный находится пока что в плену своего рода чувства деперсонализации; он не может по-настоящему радоваться жизни – ему это только еще предстоит, он разучился это делать. Если в первый день свободы действительность показалась ему прекрасным сном, то однажды таким же сном, но только кошмарным, покажется ему его прошлое. И он сам не сможет понять, как ему удалось выдержать этот ужас. Его охватывает сладостное чувство, что после всего того, что он пережил, ему ничего на свете не надо больше бояться – кроме своего Бога». В концентрационном лагере многие узники вновь обрели веру в Бога и выстояли благодаря ему [5, 99].

В психологическом плане исследования очень важным является то, как люди справляются с такими трудными жизненными событиями, за счет каких качеств и свойств они преодолевают стресс, почему кто-то выживает, а кто-то оказывается сломленным. В связи с этим развивается проблематика психологического совладания (копинг-поведение), раскрываются личностные характеристики, которые либо способствуют, либо препятствуют индивиду совладать с экстремальными жизненными ситуациями. Важную роль здесь играет целостное исследование личности. В современной отечественной психологии предпринимаются попытки целостного осмысления личностных характеристик, ответственных за успешную адаптацию и совладание с жизненными трудностями. Одно из таких осмыслений – это понятие о личностном потенциале, разрабатываемое Д. А. Леонтьевым на основе синтеза философских идей М. К. Мамардашвили, П. Тиллиха, Э. Фромма, В. Франкла. Рассматриваемое понятие уже в 1975 году А. Н. Леонтьевым определялось как базовая индивидуальная характеристика, стержень личности. Личностный потенциал, согласно Д. А. Леонтьеву, является интегральной характеристикой уровня личностной зрелости, а главным феноменом личностной зрелости и формой проявления личностного потенциала является как раз феномен самодетерминации личности. Личностный потенциал отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете преодоление личностью самое себя, а также меру прила-

гаемых ею усилий при работе над собой и над обстоятельствами своей жизни. Одна из специфических форм проявления личностного потенциала – преодоление личностью неблагоприятных условий ее развития. Эти неблагоприятные условия могут быть заданы генетическими особенностями, соматическими заболеваниями либо внешними неблагоприятными условиями. Существуют заведомо неблагоприятные условия для формирования личности, они могут действительно роковым образом влиять на развитие, но их влияние может быть преодолено, опосредовано за счет самодетерминации личностного потенциала. Феноменологию, отражающую различные аспекты личностного потенциала, наиболее полно отражает понятие жизнестойкость (С. Мадди) [4, 4].

Понятие жизнестойкость отражает психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, а также является показателем психического здоровья человека. Личностное качество жизнестойкость подчеркивает установки, заставляющие человека преобразовывать стрессогенные, жизненные события. По отношению человека к изменениям, как и по его возможностям пользоваться имеющимися внутренними ресурсами, помогающими эффективно управлять ими, определяется, насколько личность способна совладать с трудностями и изменениями, с которыми она сталкивается каждый день, и с теми, которые носят околэкстремальный и экстремальный характер.

Проблематику психологического совладания со стрессом раскрывает также в своих работах известный психолог Сьюзен Кобейса с сотрудниками. Ав-

торы выдвигают предположение, что высокие резервы сопротивления стрессу обусловлены личностной характеристикой «жизнестойкость». Обосновывается гипотеза о том, что интегральное качество «жизнестойкость» позволяет человеку успешно переносить стрессовые ситуации и сохранять при этом здоровье. Возможно, именно это качество «жизнестойкость» и помогло выжить многим узникам в концентрационных лагерях, в том числе и узникам, проживающим на Сахалине, ведь жизнестойкость – это установка на выживаемость, черта личности, позволяющая справляться с дистрессом эффективно и всегда в направлении личностного роста.

Литература

1. Виктор Франкл. Психотерапия на практике: пер. с нем. / Виктор Франкл. – СПб., 2001. – С. 94–104.
2. Беттельхайм, Б. Просвещенное сердце / Б. Беттельхайм // Человек. – 1992. – № 2–3. – С. 72.
3. Крутилин, К. И. В. Франкл и Б. Беттельхайм. Последняя черта, или Обретение свободы через призму переживаний концентрационного лагеря / К. И. Крутилин // Проблема смысла в науках о человеке / Под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2005. – С. 187–191.
4. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – С. 3–6.
5. Франкл, В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. – М.: Смысл, 2004. – С. 97–99.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990. – С. 132–140.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Емельянова Алена Игоревна – старший преподаватель кафедры социологии Института истории, социологии и управления.

В современных условиях планирование человеческих ресурсов стало формализованным организационным процессом, с помощью которого определяется потребность организации в рабочей силе с количественной и качественной точек зрения [1,145]. Рынок заставил отделы кадров стать более расчетливыми и распоряжаться человеческими ресурсами как важным ресурсом организации. Особенно жесткие требования в условиях современной экономики предъявляются к профессиональным качествам государственных и муниципальных служащих.

Сложившаяся к настоящему времени практика оценки профессиональных качеств муниципальных служащих определяется нормами Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» № 25-ФЗ, Федеральным законом «Об общих принципах организации в местном самоуправлении в Российской Федерации» № 131-ФЗ, а также законами субъектов РФ. В перечень квалификационных сведений включают: возраст, гражданство, требования к уровню профессионального образования (для разных групп должностей и специализаций муниципальных служащих), стаж и опыт работы по специальности, знание основных нормативно-правовых актов применительно к исполняемым должностным обязанностям. Эти критерии являются общими для всей территории Российской Федерации. Однако они, на наш взгляд, являются рамочными.

Необходимо отметить, что муниципальным служащим по роду их деятельности должны быть свойственны такие качества, как социальная ответственность, высокий уровень трудовой дисциплины, сознательность, развитое оперативное и тактическое мышление, способность ежедневно принимать самостоятельные решения, ответственность, хорошие коммуникативные навыки, честность и принципиальность. С полным основанием можно утверждать, что это далеко не полный перечень качеств, которыми должен обладать муниципальный служащий.

Так, Дж. Миллерсон, перечисляя признаки, характеризующие профессионалов, выделил шесть групп параметров:

- использование навыков, основывающихся на теоретическом знании;

- получение образования и обучение этим навыкам;
- компетентность, гарантированная сдачей экзаменов;
- кодекс поведения, гарантирующий профессиональную честность;
- исполнение обязанностей, идущих на благо общества;
- членство в профессиональной ассоциации [4, 363].

Полагаю, что данные критерии могут использоваться для измерения степени профессионализма муниципальных служащих. В целом следует отметить, что содержание термина «профессионализм» по отношению к муниципальным служащим еще не получил общепринятого определения. Наряду с термином «профессионализм» используется такое понятие, как «компетентность», («профессиональная компетентность»), под которой понимаются показатели, характеризующие уровень профессиональных знаний, осведомленности и способности служащего эффективно реализовывать их на практике [5, 65–67].

Профессиональная компетентность является результатом профессионального образования и практического опыта. Уровень профессиональной компетентности специалистов, их квалификационные знания, умения и навыки, функциональные обязанности устанавливаются соответствующими профессиональными стандартами, определяющими требуемый уровень квалификации специалиста, его функциональные обязанности, полномочия и ответственность [6, 46].

Один из ведущих специалистов в области изучения профессиональной деятельности А. Деркач в своих работах отмечает, что профессионализм деятельности определяется тем, в какой мере человек владеет современным содержанием и современными продуктивными средствами и способами решения профессиональных задач [7, 399].

Безусловно, каждая профессия предъявляет к работникам определенные требования, поэтому важно выявить соответствующие компетенции (или свойства личности) до того, как работник покажет их отсутствие на практике. Профессию муниципального служащего нельзя назвать новой для российского общества, так как специалистов

в этой сфере деятельности готовят не первый год, однако потребность в профессиональных муниципальных служащих стоит достаточно актуально, так как сегодня эта профессия, как никогда, предъявляет к человеку высокие требования. Муниципальная служба – это целевая система, смысл деятельности которой определяется как улучшение качества жизни населения на территории муниципального образования. Это положение закреплено в Федеральном законе «О местном самоуправлении в Российской Федерации», который устанавливает, что местное самоуправление – это самостоятельная и под свою ответственность деятельность органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения [8].

Если цель муниципального служащего отличается от вышеизложенной, то это противоречит цели существования муниципальной службы. В этой связи возрастает потребность в высокопрофессиональных кадрах, которые на практике могли бы применить свои знания в соответствии с социальной миссией системы муниципального управления.

Согласно мнениям Н. И. Кузьминой и А. К. Макаровой группами критериев, стандартизирующими профессиональную компетентность, являются:

- объективные критерии, позволяющие определить, насколько человек соответствует требованиям профессии, вносит ощутимый вклад в социальную практику;
- субъективные критерии, показывающие, насколько профессия соответствует запросам, требованиям и желаниям человека как субъекта деятельности, его мотивам и склонностям;
- результативные критерии, позволяющие определить, достигает ли человек обязательных результатов в своем труде;
- нормативные критерии, определяющие уровень усвоения норм, правил и эталонов профессии на уровне мастерства;
- индивидуально-вариативные критерии, фиксирующие, стремится ли человек индивидуализировать свой труд, самореализовывать в нем свои личные потребности;
- критерии наличного уровня, показывающие, достиг ли специалист достаточно высокого уровня профессионализма;
- прогностические критерии, дающие возможность понять, имеет ли человек перспективы роста;
- критерии профессиональной обучаемости, которые показывают, готов ли человек к перенятию профессионального опыта у других людей;
- творческие критерии – они позволяют определить, стремится ли человек выйти за пределы своей профессии, преобразовывать ее опыт, обогатить профессию;
- критерии социальной активности и конкурентоспособности профессии в обществе;
- критерии профессиональной приверженности, позволяющие определить, умеет ли специалист соблюдать честь и достоинство профессии, видеть ее вклад в развитие общества;

• качественный и количественный критерии, такие, как глубина, системность знаний, баллы и коэффициенты трудового участия [5, 399–405].

Необходимо отметить, что подобные параметры, которые следует считать показателями профессиональной компетентности и профпригодности, должны учитываться в практике управления муниципальными служащими (от приема на работу до аттестации и продвижения персонала). На практике этого нет, поскольку законодательство узко определяет требования к профессиональной компетентности. Даже оценка по неполному набору характеристик, которые учитываются при проведении аттестации (а это фактически единственная процедура оценки профессиональных качеств специалиста муниципального управления, используемая в настоящее время), далеко не всегда применяется при осуществлении кадровой политики в отношении персонала муниципальных органов.

В связи с тем, что многие важные параметры профессиональной компетентности не учитываются при управлении персоналом муниципальных органов, оценка профессионализма муниципальных служащих на практике носит фрагментарный характер и слабо связана с общей политикой по работе с персоналом муниципальных органов. Поэтому целесообразно, чтобы существующая система аттестации была дополнена, например, диагностикой профессиональных и личностных качеств муниципальных служащих, которая будет принимать во внимание все указанные выше группы требований, проводилась на регулярной основе и на всех этапах подбора, обучения, продвижения персонала учреждений муниципального управления. Необходима разработка комплексной системы показателей профессиональной компетентности работников муниципальной службы. Для этого требуется проведение исследований, включая анализ сложившейся практики оценки персонала в системе муниципального управления, социологические исследования, позволяющие определить профессиональные ожидания, мотивацию муниципальных служащих, степень соответствия этих мотивов и ожиданий потребностям муниципальной службы и ожиданиям руководителей муниципальных органов. Наконец, потребуются соотнести квалификационные характеристики муниципальных служащих, субъективные мотивации и ожидания рядовых сотрудников муниципального управления и руководителей муниципальных органов с требованиями к муниципальной службе, предъявляемыми законом и специфическими местными условиями.

На основе полученных данных могут быть разработаны программы профессиональной оценки муниципальных служащих, в том числе – программы, адаптированные к условиям конкретных регионов. Таким образом, изучение профессиональной компетентности муниципальных служащих и разработка на этой основе конкретных программ оценки и повышения уровня профессионализма муниципальных служащих – не только актуальная научная проблема, но и задача, имеющая большое практическое значение.

Литература

1. Организационная психология / Под ред. Г. В. Суходольского. – Харьков: изд-во «Гуманитарный Центр», 2004. – 256 с.
2. Аберкромби, Н. Социологический словарь: пер. с англ. / Н. Аберкромби. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 620 с.
3. Данилкина, О. Важность регулярной оценки профессионализма и компетентности государственных служащих / О. Данилкина // Человек и труд. – № 8. – 2008. – С. 65–67.
4. Волкова, Н. Стандарты профессиональной компетентности / Н. Волкова, А. Муллин, Л. Волошко // Стандарты и качество. – 2008. – № 3. – С. 46–48.
5. Деркач, А. Профессионализм управленческих кадров как фактор оптимизации государственного управления: проблемы становления и развития / А. Деркач // Безопасность Евразии. – 2003. – № 3. – С. 399–446.
6. Худоянц, М. Муниципальный служащий: проблема профессионализма / М. Худоянц // Высшее образование в России. – 2006. – № 8. – С. 172–174.
7. Батаршев, А. В. Диагностика профессионально важных качеств / А. В. Батаршев, И. Ю. Алексеева, Е. В. Майорова. – СПб.: Питер, 2007. – 192 с.: ил.
8. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2004) «Об общих принципах организации в местном самоуправлении в Российской Федерации».

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЕГО ФУНКЦИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Коньков Александр Тимофеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры, заведующий кафедрой социологии Сахалинского государственного университета. Сфера научных интересов: экономическая социология, социальный капитал и экономическое поведение, социальная стратификация. Автор 40 научных работ, опубликованных в России, США, Японии.

Проблематика социального конструирования и социальной регуляции экономических процессов приобретает все большую актуальность в современной экономической социологии. Эта тенденция проявляется в том, что на смену некогда господствовавшим односторонним максимизаторским и индивидуалистическим концепциям экономического поведения сегодня приходят более взвешенные теории, синтезирующие традиции социологического и экономического подходов к исследованию экономических феноменов. Важное место в разработке социологического подхода к исследованию экономического поведения занимает концепция социального капитала.

В научном сообществе существуют различные теоретические подходы к определению как содержания феномена, так и задач исследования социального капитала. С позиций теоретической традиции, интерпретирующей социальный капитал как совокупность отношений в рамках социальных сетей, центральной задачей исследования является изучение способов, которым социальные сети реализуют функцию социального капитала – увеличение объема доступных индивидам ресурсов (материальных и нематериальных благ). С позиций другой теоретической традиции, рассматривающей социальный капитал как совокупность социальных норм и ценностей, способностью индивидов создавать объединения, обеспечивающие эффективную коллективную деятельность, задачей исследования является определение того, какие типы социальных норм, отношений и общественных объединений «ответственны» за этот эффект.

Согласно сетевому подходу социальный капитал отождествляется со способностью социальных сетей предоставлять индивидам доступ к разнообразным ресурсам (Р. Берт), а также удерживать и распределять эти ресурсы¹. Термин «ресурсы» трактуется расширительно, как «совокупность благ» (материальные ценности, поддержка, власть,

признание и др.), которые могут быть продуктивно использованы для достижения разнообразных целей субъектов. В рамках подходов, предлагающих нормативно-ценностную интерпретацию социального капитала, преобладают теоретические разработки, рассматривающие мезо- и макроуровень функционирования социального капитала. Для различных подходов, принимающих ценностно-нормативную трактовку, общей теоретической основой является операционализация социального капитала как:

а) доверия и отношений взаимности (нормативный и ценностный аспект);

б) вовлеченности индивидов в различные неформальные и формальные организации гражданского общества².

Интегрирующий подход, предложенный автором настоящей статьи, определяет социальный капитал как «совокупность структурно оформленных социальных отношений, основанных на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, обязательствах и представлениях, использование которых позволяет получать доступ к разнообразным благам и повышать эффективность коллективной деятельности»³.

Примерами социальных сетей, обладающих значительным объемом социального капитала, являются неформальные дружеские корпорации представителей делового сообщества; круг хороших знакомых и близких друзей среди политиков, поддерживающих неформальные отношения; клубы и ассоциации, объединяющие людей по принципу землячества, совместной учебы или службы и т. п.

Социальный капитал рассматривается по аналогии с человеческим капиталом, поскольку предполагается, что инвестиции, сделанные индивидом в развитие социальных связей, способны принести ему личные выгоды. В свою очередь, агрегирование индивидуальных выгод способствует благополучию группы или всех участников социальной сети.

¹ См.: Burt R. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. – Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1992. – P. 8, 45.

² См.: Putnam R. D. *Bowling Alone: America's Declining Social Capital* // *The Journal of Democracy*. – 6:1(1995). – P. 67.

³ Коньков, А. Т. *Социальный капитал и экономическое взаимодействие* / А. Т. Коньков. – М.: изд-во РУДН, 2006. – С. 62.

Одной из наиболее ценных сторон концепции социального капитала являются ее эвристические возможности объяснения того, как социальные связи, отношения доверия и взаимности могут быть конвертированы в большую эффективность экономического взаимодействия индивидов. Способность социального капитала выступать в роли средства, катализатора или условия достижения тех или иных результатов, имеющих характер блага, позволяет поставить вопрос об определении функций социального капитала. В современной литературе использование понятия «функция» применительно к социальному капиталу в социологической литературе не привело к выработке устойчивой трактовки данного термина и, как представляется, оно не имеет надежного теоретического основания. Термин «функция» в контексте анализа роли социального капитала как производительного ресурса обычно используется в двух значениях:

а) как эквивалент самого понятия «социальный капитал» (социальный капитал приравнивается к функции);

б) как результат (последствие), к которому приводит использование социального капитала индивидуальными или коллективными акторами.

Первая традиция восходит к утверждению Дж. Коулмана, согласно которому социальный капитал «определяется своими функциями» и включает в себя множество компонентов социальных структур, «облегчающих определенные действия акторов внутри структуры». Данное определение устанавливает тождественность функции («способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно») и сущности социального капитала. Разнообразные аспекты социальной структуры могут выступать в этой роли, то есть функционировать как социальный капитал: «Функция, определяемая понятием «социальный капитал», представляет собой ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсы, которые они могут использовать для достижения своих целей»⁴.

Однако определение социального капитала в категории его функции имеет большой недостаток: в этом случае сложно отделить источники социального капитала от последствий его действия. Например, социальный капитал в форме накопленного взаимного доверия может быть результатом участия индивидов в ассоциациях гражданского общества, но и само участие индивидов в ассоциациях, следуя логике рассуждения Дж. Коулмана, может считаться важной формой социального капитала (навык спонтанной кооперации рассматривается в качестве условия эффектив-

ного социального действия)⁵. Следует признать, что трактовка результата действия социального капитала одновременно в качестве его функции и показателей его присутствия создает опасность тавтологического объяснения функционирования социального капитала: присутствие социального капитала в том или ином контексте признается в том случае, если обнаруживается «функциональное последствие» его присутствия.

Существуют и другие методологические трудности, обусловленные данной интерпретацией. Отождествление социального капитала с функцией создает трудности определения субъекта действия и объекта, на который распространяется результат функционирования. Определенный в качестве функции социальной структуры, социальный капитал тем не менее не отождествляется с деятельностью какого-либо конкретного типа структуры: различные структурные образования осуществляют «функцию социального капитала» лишь при наличии определенных отношений между субъектами структуры – доверия, взаимных обязательств и других компонентов, которые, в свою очередь, рассматриваются как свидетельство наличия социального капитала⁶.

Осуществление функции социального капитала имеет конечным результатом достижение целей индивидуальными акторами и благо участников групп, превращающих свои отношения в источник получения тех или иных выгод, понимаемых в широком смысле. В таком случае деятельность, определяемая как функция социального капитала, не является атрибутом самих социальных структур (например, социальных сетей), а выступает результатом успешного использования акторами возможностей своих отношений с другими акторами. Вместе с тем способность акторов трансформировать свои отношения с окружающими в источник разнообразных благ определяется не только структурой этих отношений, но и объемом их индивидуального экономического, человеческого, культурного и символического капитала⁷.

Таким образом, понимание социального капитала как функции в рассмотренном значении термина не позволяет однозначно связать социальный капитал с агентством социальных структур или с индивидуальным агентством акторов, а сам термин «функция» утрачивает характер категории, допускающей эмпирическую операционализацию.

Другое значение термина «функция» в применении к социальному капиталу получило более широкое распространение по сравнению с трактовкой, рассмотренной выше. По мнению Р. Патнэма, социальный капитал «способствует коорди-

⁴ Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 124.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ См.: Coleman J. A Rational Choice Prospective on Economic Sociology // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. J. Smelser and R. Swedberg. – Princeton N. J., Princeton University Press, 1994. – P. 170.

⁷ См.: Бурдье, П. *Формы капитала* / П. Бурдье // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74.

нации и кооперации для взаимного блага», а его содержание составляют нормы, сети и доверие, способствующие выполнению данной функции⁸. Указанная трактовка сближается с определением функции в структурном функционализме, где она рассматривается как «наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы»⁹. Однако функции компонентов социальной системы, как они понимаются в структурном функционализме, имеют отличия от функций, которые исследователи связывают с социальным капиталом. Если в рамках структурного функционализма функцией являются результаты деятельности, способствующие воспроизводству социальной системы (общества, его подсистем) как целого, то результаты использования социального капитала имеют характер блага для индивидов и групп, но не обязательно способствуют адаптации социальной системы в целом. Одни и те же результаты использования социального капитала могут способствовать сохранению одних социальных систем и представлять угрозу для существования других. Результаты использования социального капитала индивидуальными или коллективными акторами могут не оказывать какого-либо воздействия на стабильность и адаптационные возможности общества в целом, а в ряде случаев могут нарушать их. Последнее, например, имеет место в ситуации, охарактеризованной в ряде исследований как «аморальная семейственность», когда сплоченность и высокий уровень доверия внутри партикулярных групп имеет выраженную конфронтационную направленность в отношении других групп общества, общественных норм и ценностей¹⁰. Следовательно, понятие «функция социального капитала» не может рассматриваться в том же значении, в котором понятие «функция» применяется для характеристики деятельности социальных институтов или институциональных организаций.

Содержание понятия «функция социального капитала» в современных исследованиях нередко отождествляется со способностью социального капитала выступать источником нематериальных и материальных благ. Так, по мнению А. Портеса, основные функции социального капитала заключаются в его способности быть:

- а) источником социального контроля;
- б) источником внутригрупповой (семейной) поддержки;

в) источником благ через сети, простирающиеся за пределы партикулярной группы (семьи)¹¹.

Во всех трех случаях речь идет о последствиях, обнаруживаемых на уровне отдельных индивидов или групп акторов, объединенных в социальную сеть или группу. Среди экономических функций социального капитала исследователями были выделены его способности увеличивать объем доступных индивидам благ или ресурсов¹², снижать трансакционные издержки участников экономического обмена¹³, обеспечивать координацию экономических акторов и снижать неопределенность¹⁴. Существование указанных эффектов и их устойчивость по отношению к различным формам экономического взаимодействия достаточно убедительно доказывается на уровне эмпирических исследований. Однако применение термина «функция социального капитала» по отношению к каждому из указанных наблюдаемых эффектов требует уточнения.

Представляется, что в каждом из приведенных случаев эмпирически наблюдаемый эффект не является функцией объема социального капитала как всей совокупности отношений и связей, определяемых данным термином, а является следствием действия одного или нескольких компонентов этой системы. Так, расширение сети связей индивида и повышение уровня доверия между их участниками (что можно рассматривать как увеличение объема социального капитала, доступного индивиду) не обязательно приводят к увеличению доступного объема ценных для индивида благ. Если участники обширной социальной сети, с которыми индивид поддерживает доверительные отношения, не располагают интересующим его ресурсом, то ценность таких связей менее важна по сравнению с ценностью менее доверительного контакта с актором, не являющимся участником замкнутой социальной сети данного индивида, но располагающим интересующим его ресурсом. Следовательно, объем доступных индивиду благ является функцией таких компонентов социального капитала, как размер социальной сети индивида; объем и характер ресурсов, находящихся в распоряжении отдельных ее участников; готовность индивидов передавать ресурсы в распоряжение друг друга. При этом указанная функция в каждой конкретной ситуации определяется различным сочетанием указанных факторов, что позволяет рассматривать данную функцию как производную от группы переменных.

⁸ Putnam R. D. *Bowling Alone: America's Declining Social Capital* // *Journal of Democracy*. – 1995. – Vol. 6. – № 1. – P. 67.

⁹ Мертон, Р. К. *Явные и латентные функции* / Р. К. Мертон // *Американская социологическая мысль: тексты* / Под ред. В. И. Добренкова. – М., 1994. – С. 414.

¹⁰ См.: Banfield E. C. *The moral basis of a backward society*. – Chicago: The Free Press, 1958. Portes A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24.

¹¹ Portes A. *Op. cit.* P. 10–11.

¹² См.: Lin N. *Building a Network Theory of Social Capital* // *Connections*. – 1999. – Vol. 22. – № 1. – P. 28–51.

¹³ Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. – NY: Free Press, 1995.

¹⁴ Granovetter M. *Business Groups* // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. J. Smelser and R. Swedberg. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 453–475.

В отношении другой функции – снижения транзакционных издержек – в научной литературе приведены многочисленные свидетельства, подкрепляющие тезис о роли доверия как фактора исключения или снижения рисков и связанных с ними издержек¹⁵. Необходимо отметить, что доверие является важным компонентом социального капитала, однако оно не исчерпывает содержание последнего.

Доверие нередко рассматривается как продукт устойчивых социальных связей, которые составляют основу социального капитала¹⁶. Доверие, существующее между участниками социальных сетей, способствует поддержанию отношений, делающих возможным снижение потребности в страховании рисков участниками экономического взаимодействия. Однако не всякое увеличение доверия автоматически обеспечивает реализацию данной функции. Так, например, эффективная деятельность социальных институтов, успешно санкционирующих оппортунистическое поведение, позволяет снижать транзакционные издержки взаимодействия экономических акторов. При этом они будут в меньшей степени заинтересованы в установлении доверительных личных контактов и инвестировании средств в создание и поддержание обширных социальных сетей. В этом случае может наблюдаться снижение транзакционных издержек экономических акторов при одновременном снижении объема индивидуализированного доверия за счет сокращения инвестиций в поддержание неформальных связей.

В случае неэффективности институтов – их неспособности ограничивать оппортунистическое поведение и соблюдения контрактных обязательств – экономические акторы наоборот, расширяя свои социальные связи и укрепляя доверие в них, снижают потребность в расходах на страхование рисков при взаимодействии с контрагентами из числа участников своей социальной сети. Таким образом, различные компоненты социального капитала (социальные связи, персонализированное и генерализованное доверие) способны выступать в качестве альтернативных средств реализации одной функции. Следовательно, реализация того или иного эффекта действия («функции») доверия или другого компонента социального капитала зависит от соотношения компонентов и общего объема социального капитала конкретной социальной сети, общности или сообщества. Указанные обстоятельства позволяют детализировать функции от-

дельных компонентов социального капитала, их взаимосвязь и условия, при которых они реализуются. Так, не только доверие позволяет снизить транзакционные издержки взаимодействующих экономических акторов. Социальные связи, взаимные обязательства и коллективные санкции, являющиеся важными аспектами социального капитала, также косвенно участвуют в осуществлении указанной функции, поскольку они необходимы для возникновения отношений личного доверия между участниками социальной сети и подкрепления доверяющего поведения. Вместе с тем поддержание обширной системы деловых связей, большие взаимные обязательства членов социальных сетей, их участие в системе коллективных санкций по обеспечению взаимных обязательств контрагентами могут требовать существенных затрат. В этом случае, несмотря на высокий уровень доверия между участниками таких общностей, вероятно снижение заинтересованности экономических акторов в поддержании подобной системы деловых контактов¹⁷.

Функция социального капитала, определяемая как координация деятельности экономических акторов, проявляется как способность социальных связей выступать в роли каналов распространения информации и средства неформального взаимного контроля поведения участников социальной системы. Структура социальных связей индивида определяет объем доступной ему информации, позволяя участникам взаимодействия принимать в расчет действия других акторов, с которыми они связаны. Данный эффект может рассматриваться как функция структуры социальной сети (плотность контактов, наличие структурных брешей и др.)¹⁸. Кроме того, по каналам социальных сетей распространяется информация о действиях акторов; здесь создаются репутации и происходит оценивание поведения участников социальных сетей. При выборе контрагентов и определении возможности доверять тем или иным партнерам не обязательно иметь предыдущий опыт партнерства с тем или иным актором. Благодаря информационному обмену внутри социальной сети индивиды могут с большой вероятностью «просчитывать» действия других участников и действовать в соответствии с их вероятным поведением.

Таким образом, социальная сеть позволяет координировать действия акторов, используя преимущества неформальных каналов распространения информации. Указанный эффект отражает

¹⁵ См., например: Ляско, А. К. Доверие и транзакционные издержки / А. К. Ляско // *Вопросы экономики*. – 2003. – № 1. – С. 42–58; Baker W. Market networks and corporate behavior // *American Journal of Sociology*. – 1990. – Vol. 96. – P. 589–625; Lazerson M. A new phoenix: Modern putting-out in the Modern knitwear industry // *Administrative Science Quarterly*. – 1995. – Vol. 40. – P. 34–59.

¹⁶ Granovetter M. Problems of explanation in economic sociology // *Networks and organizations* / Ed. by N. Noha, R. G. Eccles. – Boston, Ma: Harvard Business School Press, 1992. – P. 29–56.

¹⁷ См.: Portes A., Landolt P. The Downside of Social Capital // *The American Prospect*. – 1996. – Vol. 26 (May–June). – P. 18–21.

¹⁸ См.: Burt R. S. The Network Structure of Social Capital // *Research in Organizational Behavior* / Ed. by R. I. Sutton & B. M. Staw. – Vol. 22. – Greenwich, CT: JAI Press, 2000. – P. 345–423.

свойства социального капитала как феномена, имеющего структурный и реляционный аспекты. С одной стороны, личный характер связей позволяет актору непосредственно наблюдать действия других акторов, получать информацию об их действиях «из первых рук», оказывать воздействие на их поведение (опираясь на взаимные обязательства, групповые санкции) и добиваться согласованности своих действий с различными участниками социальной сети. С другой стороны, в ситуациях, когда регулярный непосредственный контакт трудно реализовать в полной мере (например, из-за обширности социальной сети), доверительный характер социальных отношений позволяет индивидам получить надежную информацию о действиях и репутации друг друга от третьих лиц из числа членов социальной сети. В силу указанных особенностей эффект координации может рассматриваться одновременно как наблюдаемый результат действия структуры социальных связей и функция доверия между субъектами.

Обеспечение доступа к ресурсам, снижение транзакционных издержек, координация, информационный обмен и другие эффекты воспроизводимы от конфигурации (соотношения) различных компонентов социального капитала и общего его объема. Это дает основания рассматривать их как относительно автономные и специализированные функции соответствующих компонентов (доверия, сетей, норм и др.), каждая из которых отражает специфику структурного, реляционного и когнитивного аспектов социального капитала. При этом общая функция социального капитала, как представляется, не сводится к указанным эффектам и должна выражаться в наличии прямой зависимости между его объемом и наступлением тех или иных последствий.

Представляется, что для преодоления рассмотренных методологических трудностей необходимо осуществить теоретическую разработку концепции функционирования социального капитала по следующим направлениям:

1. Конкретизация понятия «функция социального капитала» путем формулировки более узкого определения.
2. Разграничение понятия «функция» социального капитала как структурно-реляционного комплекса и понятия «функция» в отношении отдельных компонентов социального капитала.
3. Конкретизация проявлений функций компонентов социального капитала и их вклада в осуществление функции социального капитала в целом.

При определении функции социального капитала следует исходить из признания того факта, что социальный капитал представляет собой совокупность структурных, реляционных и когнитивных аспектов, характеризующих связь индивидов друг с другом. Реализация тех или иных последствий, обусловленных наличием социального капитала, происходит вследствие **использования** социального капитала индивидами (инвестирова-

ния социального капитала субъектами в тот или иной вид деятельности). Последствия использования социального капитала индивидуальными акторами или группами акторов обнаруживаются в отношении этих акторов. Социальный капитал, используемый отдельными индивидами и группами, не обнаруживает прямого и устойчивого действия в отношении общества в целом. Такие последствия могут наблюдаться при конституировании тех или иных компонентов социального капитала на макроуровне (например, таких, как генерализованное доверие или развитая сеть общественных объединений). Эффекты, реализуемые на общественном уровне, не тождественны функциям социального капитала, доступного отдельным индивидам и группам, интегрированным социальными сетями.

В то же время использование социального капитала обнаруживает эффект, который произведен от совокупности различных его аспектов и не может быть сведен к действию какого-либо одного компонента социального капитала или группы компонентов. Имеется в виду общее свойство социального капитала выступать в роли средства получения разнообразных благ, не ограничивая их ресурсами, нематериальными ценностями. Увеличение объема социального капитала индивидуальными или коллективными акторами имеет своим результатом расширение доступного им объема блага, независимо от того, преследуют ли акторы такую цель сознательно и используют ли они социальный капитал как средство извлечения частного или публичного блага. В данном контексте указанное свойство характеризует социальный капитал в целом; оно может быть охарактеризовано как общая фундаментальная функция социального капитала.

В связи с вышеизложенным в настоящей работе функция социального капитала определяется как устойчиво воспроизводимый результат использования социального капитала индивидуальными или коллективными акторами. Устойчивость и воспроизводимость результата проявляется в том, что характер достигаемого эффекта (но не его величина) инвариантен по отношению к действующим субъектам; он достигается в той или иной мере в любом случае использования социального капитала. Исходя из этого, экономическая *функция социального капитала заключается в обеспечении возможностей доступа индивидов к благам. Различные материальные и нематериальные блага более доступны индивидам, располагающим значительным объемом социального капитала, по сравнению с теми, кто не располагает им или располагает его меньшим объемом.* Данная функция является свойством социального капитала в целом; она не специфична для какого-либо одного компонента социального капитала (например, доверия), но реализуется как следствие доступа индивида ко всему комплексу связей и отношений, определяемых как социальный капитал. Можно выделить следующие атрибуты, наличие которых позволяет

отождествить указанный результат с функцией социального капитала.

1. Наличие социального капитала и увеличение его объема всегда увеличивает возможности доступа индивидов к благам по сравнению с возможностями индивидов, не располагающих социальным капиталом или располагающих меньшим его объемом. Потенциальный объем доступных благ (от моральной поддержки до помощи трудом и материальных ценностей) увеличивается с расширением системы социальных связей, основанных на доверии, взаимности, обязательствах, подкрепляемых нормами и санкциями, и углублением таких отношений.

2. Возможность доступа к большему объему благ как следствие увеличения объема социального капитала имеет место независимо от того, ставит ли индивид такую цель сознательно или нет. Актуальный объем благ, к которым индивид имеет доступ благодаря социальному капиталу, может не отражать в полной мере потенциал социального капитала, например, вследствие недоиспользования его возможностей индивидами. Тем не менее наличие социального капитала является источником увеличения доступного объема благ способами, альтернативными затратам других видов капитала – физического, финансового и др.

3. Социальный капитал обеспечивает доступ к благам, значительная часть которых (ресурсы, информация, рабочие места и др.) может быть приобретена путем инвестирования других форм капитала (финансового, физического, человеческого). Однако обеспечение доступа к некоторым из этих благ специфично для социального капитала и не может быть реализовано при его полном отсутствии (реципрокность, репутация, моральная поддержка со стороны друзей и знакомых и др.).

Итак, по нашему мнению, функция социального капитала не тождественна функциям отдельных его компонентов. Компоненты социального капитала обнаруживают устойчивые эффекты, реализуемые в отношении взаимодействующих социальных акторов. Такие эффекты могут быть определены как функции компонентов социального капитала. Термин «функция компонента социального капитала» обозначает наблюдаемый результат действия того или иного структурного, реляционного или когнитивного аспекта социального капитала. Реализация такой частной функции имеет большую степень свободы от состояния других компонентов социального капитала – выраженность функции одного компонента может не обнаруживать связи с выраженностью функций другого его компонента (компонентов). Внешним проявлением функции компонента социального капитала является зависимость между величиной (выраженностью) того или иного компонента и значением того или иного наблюдаемого эффекта (например, объемом или скоростью протекания последнего). Каждому компоненту социального

капитала соответствует эффект (эффекты), устойчиво воспроизводимый в различных видах социального взаимодействия.

Исходя из данной интерпретации, можно утверждать, что различные компоненты социального капитала выполняют функцию, каждая из которых является условием реализации функции социального капитала, но не тождественна ей. Так, доверие как компонент социального капитала является условием сокращения затрат на страхование рисков участниками экономического взаимодействия. В свою очередь оно является необходимым, но недостаточным условием для обеспечения доступа индивида к ресурсам других индивидов. Для реализации данной функции необходимо одновременное сочетание доверия и других условий, таких, как связи актора с другими индивидами, располагающими интересующими его ресурсами; наличие норм, ожиданий и санкций, поощряющих предоставление ресурсов индивидами друг другу; существование каналов получения информации об имеющихся ресурсах и др.

Различные компоненты социального капитала, отражая его реляционный и структурный аспекты, обеспечивают выполнение специализированных функций. Представляя **реляционный аспект** социального капитала, взаимные **ожидания, обязательства и доверие** позволяют индивидам предотвращать недобросовестность и неисполнение обязательств контрагентами и, как следствие, снижать соответствующие издержки. Следовательно, функции доверия и проистекающих из него взаимных ожиданий и обязательств индивидов заключаются в предотвращении (снижении вероятности) оппортунистического поведения акторов и обусловленных им издержек.

Социальные связи позволяют объединить большое число субъектов, расширять круг лиц, вовлеченных в различные виды совместной деятельности, аккумулировать и перераспределять их ресурсы и средства. Основная функция социальных связей заключается в том, что они обеспечивают доступ индивидов к ресурсам других индивидов, групп и организаций, с которыми они поддерживают контакты. Кроме того, социальные связи обеспечивают функцию координации действий множества акторов, объединенных социальной сетью.

Институционализированные нормы, правила, права и санкции выполняют функцию социального контроля поведения взаимодействующих акторов. Они позволяют добиться высокой степени согласованности и предсказуемости социального поведения субъектов, ограничить оппортунистическое и девиантное поведение в масштабах социальных сетей и как следствие – повысить эффективность коллективных действий. В свою очередь, социальные общности и общества с низким уровнем развития указанных компонентов социального капитала сталкиваются с проблемами массового девиантного поведения и с низкой

эффективностью коллективных форм социальной деятельности¹⁹.

Отражая **структурный аспект** социального капитала, **социальные связи** образуют систему, в которой отдельные индивиды и их контакты упорядочены функционально и иерархически в виде социальных сетей. Благодаря этому социальные связи предоставляют каналы распространения влияния, авторитета и власти, что, наряду с привлечением ресурсов, позволяет увеличивать «капитализацию» социальных общностей, организаций и объединений, выражающуюся как их способность генерировать определенные блага.

Компоненты социального капитала, будучи сторонами одного социального феномена, тесно связаны между собой: взаимосвязь обнаруживается как на уровне функций отдельных компонентов социального капитала, так и на уровне их иерархии, когда отдельные компоненты социального капитала участвуют в реализации его общей функции. Социальный капитал конституируется в социальных сетях, которые обеспечивают его воспроизводство и накопление. Социальные сети упорядочивают, формализуют и подкрепляют отношения индивидов, благодаря чему они становятся производительным ресурсом социального действия, одновременно выступая в качестве элемента социальной структуры. Так, высокий уровень доверия и согласованности ожиданий в социальной сети является функцией ее замкнутости, делающей возможным эффективное применение санкций.

Объем доступных ресурсов является функцией величины (горизонтальной и вертикальной протяженности) социальной сети. В свою очередь, объем и характер потенциальных ресурсов социальной сети в значительной мере определяет рациональные ожидания (заинтересованность) индивидов в принадлежности к ней, поддержании контактов и выполнении обязательств по отношению к ее участникам. Оформленность взаимных ожида-

ний, доверия и исполнение обязательств являются условиями взаимного признания индивидами их статусного неравенства и закрепления его в виде институциональных прав и привилегий.

Хотя социальные сети являются способом конституирования социального капитала, само их возникновение возможно только при наличии некоторого исходного уровня доверия и готовности индивидов к сотрудничеству. Начальный уровень доверия между индивидами является необходимой предпосылкой установления устойчивых социальных связей между ними. Когда такие связи сформированы, они становятся важным фактором формирования внутригрупповых норм и правил, обеспечивающих соблюдение обязательств и другие аспекты взаимоотношений участников такой группы. Одним из факторов консолидации социального капитала в социальной сети является структурная укорененность ресурсов – невозможность их индивидуального использования без согласия других участников сети. Благодаря ограниченности ресурсов социальной сети и их неодинаковой ценности происходит специализация и структурирование позиций социальной сети по принципу доступности ресурсов. Устойчивая система социальных позиций, поддерживаемая институциональными средствами (нормы, права), образует структуру социальной сети, определяет степень ее замкнутости или открытости.

Таким образом, отдельные компоненты социального капитала приводят к различным функциональным последствиям, которые в большей или меньшей степени обеспечивают реализацию основной функции социального капитала, определяемой как обеспечение доступа к благам, увеличение доступного индивидам и группам объема благ. Различные компоненты социального капитала могут быть сгруппированы в кластеры по признаку общности функции (или группы близких субфункций), которые выполняют компоненты каждого кластера.

¹⁹ Убедительное эмпирическое объяснение корреляции высокого уровня девиации и неэффективности коллективного социального действия с недостатком развития социального капитала содержится в ряде исследований. См.: Adler P., Kwon S.-W. *Social Capital: The Good, the Bad and the Ugly* // *Knowledge and Social Capital: Foundations and Applications*. – Boston, 1998; Paxton P. *Social Capital and Democracy: An Interdependent Relationship* // *American Journal of Sociology*. – 2002. – Vol. 67. – № 2. – P. 254–298; Fukuyama F. *Social Capital and Civil Society*. The Institute of Public Policy, George Mason University. October 1, 1999.

ШОЛОХОВ: ТРУДНАЯ БИОГРАФИЯ (БЕЗ МИФОВ И ЛЕГЕНД)¹

Агеносов Владимир Вениаминович – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, действительный член Петровской академии наук и искусств, Международной академии наук педагогического образования, заслуженный деятель науки, член Союза писателей России.

Биография Михаила Александровича Шолохова окружена мифами и загадками. Частично в их создании принимал участие (или, во всяком случае, не препятствовал их появлению) и сам писатель, постоянно вынужденный доказывать свою классовую близость к пролетарской (позднее советской) литературе. Автобиографии Шолохова, публиковавшиеся им в различных изданиях, отличаются краткостью и приблизительностью.

Лишь в недавнее время усилиями С. М. Шолоховой, Г. Я. Сивоволова, В. О. Осипова и Н. Т. Кузнецовой удалось восстановить многие подлинные факты биографии Шолохова и развеять мифы, созданные вокруг его личности.

Миф первый (созданный в советскую эпоху): Шолохов – любимец Сталина и партии, всю свою жизнь он своим талантом укреплял ее позиции, оправдывая революцию и коллективизацию, высказываясь за безоговорочное служение партии. В свою очередь государство и партия награждали его орденами, Сталинской и Ленинской премиями, дважды присвоили звание Героя Социалистического Труда, избирали в Верховный Совет и ЦК КПСС и т. д. Правдой здесь является наличие у Шолохова всех перечисленных регалий и званий и постоянно цитируемая фраза писателя, произнесенная им на 2-м съезде писателей СССР: «Сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. – М., 1956. – С. 378). Однако, как показано в ряде современных исследований, жизнь писателя постоянно осложнялась обвинениями в антисоветских взглядах, клеветой и даже возможностью ареста. Понимая величину таланта писателя, власть предрежащие тщетно использовали политику кнута и пряника, чтобы поставить строптивого художника на место. Шолохову неоднократно приходилось отстаивать свои взгляды, весьма часто расходившиеся с конкретной политикой партии, бесстрашно обращаясь к Сталину и другим руководителям партии. Другое дело, что он с молодости и до последних дней своей жизни верил в *идею* коммунизма и, видя, какой дорогой ценой оплачена жизнь народа и государства, ратовал (порой в самых резких формах) за сохранение

этого государства и социалистического строя, не видя никаких этому альтернатив. Позицию писателя очень четко выразил В. Осипов: «еретик, но не противник» коммунистической идеи (В. Осипов. Шолохов. – М., 2005. – С. 154).

Миф второй (прямо противоположный и очень модный среди определенной группы современных шолоховецедов): Шолохов всегда был тайным врагом советской жизни. В каждом его произведении содержится критика политики партии и государства, а его взгляды строятся на идее славянофильства и православия. В этой концепции верно только то, что писатель не стеснялся показывать в своих книгах ошибки и искажения подлинно коммунистических идей, что он ратовал за развитие русской культуры *наряду* с другими национальными культурами. Наконец, справедливо то, что у атеиста Шолохова присутствуют православные образы, ставшие общенародными, национальными. «Он, – справедливо пишет В. Осипов, – не был противником советской власти, он боролся лишь против чудовищных «перегибов», совершаемых этой самой властью. [...] Но одновременно хорошо знал, что уже есть отдача от индустриализации, от коллективизации, что активна роль Страны Советов на международной арене, что появились высокие образцы советского искусства» (Там же. С. 236). Делать из Шолохова тайного диссидента также нелепо, как выставлять его бездумным «автоматчиком партии» (выражение его друга А. Софронова).

Рождение. Детство

Рождение и детство Шолохова драматичны.

Мать будущего писателя, дочь крепостного крестьянина Анастасия Даниловна Черникова (1871–194_), служила горничной в имении Ясеновка помещиков Поповых. Забеременевшая от сына хозяйки Дмитрия Евграфовича, она была срочно выдана за пожилого вдовца казака Стефана Кузнецова. Кузнецов пьянствовал, бил жену, и та после смерти родившейся дочери совершила незаурядный по тем временам поступок: ушла от мужа и вернулась к Поповым. Там ее и встретил сын купца 3-й гильдии Михаила Михайловича Шолохова Александр (1865–1925), к которому она и переехала в качестве экономки (формально остава-

¹ В работе использованы сведения из книг В. О. Осипова «Шолохов» (М.: Молодая гвардия, 2005) и «Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества» / Сост. Н. Т. Кузнецова (М.: Галерея, 2005).

ясь женой Кузнецова). Там 11 (24) мая 1905 года на хуторе Кружилине станицы Вешенской Донецкого округа бывшей Области войска Донского и родился будущий писатель.

Раннее детство Шолохова прошло в хуторах Кружилине и Каргине. Восемь лет (до середины 1913 года, когда казак умер и родители Шолохова смогли обвенчаться) мальчик был нахаленком (так на Дону звали незаконнорожденных) и испытывал всяческие унижения от казачьей детворы. Частично впечатления от этого времени вошли в рассказ «Нахаленок».

Стараниями приглашенного к мальчику учителя Т. Т. Мрыхина Шолохов экстерном освоил начальную программу приходского училища и был принят в Каргинское мужское приходское училище (по второму году обучения), которое он и закончил в 1913 году.

По воспоминаниям самого писателя и его учителей, он много читал, особенно увлекся Гоголем; любил слушать рассказы старых казаков. И в то же время был живым мальчиком: увлекался рыбалкой (страсть, пронесенная через всю жизнь), был способен на детские шалости.

Начавшаяся развиваться у мальчика глазная болезнь заставила отца отвезти сына в Москву, в глазную клинику доктора К. В. Снегирева, а по выздоровлении определить его в подготовительный класс частной мужской гимназии им. Г. Шелапутина.

С 1915 по 1918 год Шолохов продолжает учебу в Богучарской мужской гимназии Воронежской губернии. Гимназический курс предполагал основательное знакомство с русской историей и литературой. Изучались в гимназии и иностранные языки. Здесь начал формироваться устойчивый интерес будущего писателя к реалистической литературе: творчеству Пушкина, Некрасова, Чехова, Льва Толстого и уже упоминавшегося Гоголя. Все это позволяет опровергнуть распространенную версию о якобы полуграмотности автора «Тихого Дона».

Революция положила конец учебе Шолохова и его детству.

Юность

Революция с ее отказом от сословного неравенства, с романтической мечтой о новой счастливой жизни, давшая молодежи возможность проявлять себя в общественной жизни, на все дальнейшие годы сделала талантливого юношу ее активным сторонником.

«С 1920 года, – писал Шолохов в одной из автобиографий, – служил и мыкался на Донской земле. [...] Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 г., и банды гонялись за нами».

Тогда и произошла встреча Шолохова с Махно, обросшая легендами и вымыслами. Утверждалось, что молодого Шолохова среди других продотрядовцев вели на расстрел, когда его увидел Махно и освободил как подростка. Но, как доказано современными шолохововедами, Шолохов не мог быть в продотряде, куда брали только комсомольцев. Более вероятна версия, что Шолохов видел Махно

осенью 20-го года, а все остальное – художественный вымысел.

Возможно, основанием для утверждения предположения об участии Шолохова в продотрядах послужила фраза из той же автобиографии 1931 г.: «Долго был продработником». Речь идет о работе будущего писателя в 1920–1922 гг. делопроизводителем (статистиком) в Каргинском станичном исполкоме, помощником бухгалтера в Заготконторе, делопроизводителем Каргинской заготконторы, налоговым инспектором в станице Букановской. В августе 1922 года он был отстранен от должности и предан суду, как он сам писал в автобиографии 1949 г., «за превышение власти: 1 год условно». В чем было это «превышение», существуют две версии. Либеральная утверждает, что он занизил налог станичникам. Сам Шолохов в письме Е. Г. Левицкой от 22 июля 1929 года пишет прямо противоположное, что «вел крутую линию» (М. Шолохов. Летопись жизни и творчества. С. 17).

Налоговая работа познакомила Шолохова с учительницей Марией Петровной Громославской, назначенной помощницей молодому продкомиссару. Вскоре она стала невестой Шолохова.

В 1920–1921 гг. Шолохов учителствует: ликвидирует безграмотность среди взрослого населения в хуторе Латышеве и активно участвует в работе созданного Т. Т. Мрыхиним молодежного драмкружка, спектакли которого сопровождали хуторские собрания и наглядно разъясняли политику советской власти. Шолохов – и актер, и автор пропагандистских пьес, из которых до нас дошла только одна: «Необыкновенный день» (подражание фонвизинскому «Недорослю»), где Миша играл роль казачонка Петрушки из богатой семьи. От остальных пьес сохранились только названия: «Их нравы и обычаи», «Генерал Победоносцев», «Денщик и генерал», «Осиное гнездо» (все четыре – о белой армии), «Упокойник», «Дунька и Гришка». Все они строились на местном материале, что вызывало особый интерес зрителей-станичников.

Осенью 1922 года М. А. Шолохов уезжает в Москву, чтобы поступить на рабфак и продолжить занятия литературным творчеством. Но в силу своего происхождения и отсутствия членства в комсомоле принят на учебу он не был. «Несколько месяцев, – пишет он в автобиографии 1934 года, – будучи безработным, жил на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего. Все время усиленно занимался самообразованием».

С ноября 1923 г. Шолохов стал посещать занятия комсомольского объединения «Молодая гвардия», где познакомился с М. Колосовым, Я. Шведовым, А. Исбахом, Б. Горбатовым, Н. Богдановым и др. молодыми писателями. Там же состоялось первое знакомство с вождями РАППа А. Фадеевым, Ю. Либединым, с писателями М. Светловым, А. Веселым, М. Голодным.

Лишь в августе 1923 г. удалось найти работу счетовода в жилищном управлении на Красной Пресне, а в 1924 г. – в домоуправлении кооператива. Приходилось ютиться в маленьких комнатухах, в одну из которых привез молодую жену.

Венчание и государственная регистрация брака Шолохова с М. П. Громославской состоялось 11 января 1924 г. на Дону.

Появляются первые публикации юнкора Шолохова: фельетоны «Испытание» («Юношеская правда», 1923, 19 сент.) и «Три» (Там же. 30 окт.). Но жизнь в Москве и Подмосковье и неустроенна, и дорога. Молодая семья возвращается на Дон, в станицу Каргинскую.

Однако писателю приходится систематически приезжать в Москву, где в различных изданиях публикуются его «Донские рассказы», в т. ч. такие шедевры, как «Родинка» («Молодой ленинец», 14 дек.), «Шибалково семья», («Огонек» № 11, 5 июля), «Нахаленок» («Молодой ленинец» за 30–31 мая, 2–12 июня), «Семейный человек» («Прожектор» № 11(57) от 15 июня) и др.

В 1924 г. Шолохов вступает в РАПП. А «в 1925 году, – вспоминал Шолохов, – издательство «Московский рабочий» решило издать сборник моих рассказов. Когда книга была набрана и сверстана, ее показали Александру Серафимовичу, и тот решил познакомиться с тогда еще молодым автором...» (Шолохов М. Интересы народа – превыше всего. 1925, апрель), вскоре состоялось и личное знакомство. Автор «Железного потока» и один из самых уважаемых писателей России согласился написать предисловие в книге и в дальнейшем не раз помогал орленку, как он называл Шолохова, с публикацией его рассказов. В книгу вошли рассказы «Родинка», «Шибалково семья», «Председатель Реввоенсовета республики», «Бахчевник», «Алешкино сердце», «Двухмужняя», «Пастух», «Коловерть».

Происходят и значительные события в семейной жизни Шолохова. Летом 1925 г. умер отец писателя, а в феврале 1926 г. Шолохов сам становится отцом: родилась его старшая дочь Светлана.

Зрелость

С выходом в свет второго сборника рассказов «Лазоревая степь» (1926) Шолохов обретает статус признанного писателя. Продолжают публиковаться новые «Донские рассказы» (в т. ч. «Жеребенок», «Чужая кровь»), но мысли писателя заняты новым замыслом: романом «Донщина». В автобиографии 1932 г. Шолохов рассказывал: «В 1925 г. осенью стал было писать «Тихий Дон», но после того, как написал 3–4 п.<ечатных> л.<иста>, – бросил. Показалось, – не под силу. Начинал первоначально с 1917 г., с похода на Петроград генерала Корнилова. Через год взялся снова и, отступив, решил показать довоенное казачество». Писатель знакомится с литературой о гражданской войне на Дону, в т. ч. и с малодоступными воспоминаниями белых генералов; встречается с участниками сражений, и в частности – с бывшим командиром дивизии повстанцев Харлампием Васильевичем Ермаковым (см.), во многом послужившим прототипом Григория Мелехова.

В сентябре 1927 г. закончена первая часть романа, получившего название «Тихий Дон», в марте

1928-го – вторая. Большинство редакций отвергло рукопись как прославляющую «реакционное казачество». Стараниями Серафимовича написанное опубликовано в журнале «Октябрь» (1928, № 1–4, 5–10). Роман получил в основном положительную оценку как в советской печати (Горький, Серафимович, Луначарский), так и в эмигрантской критике, признавшей талант Шолохова-художника (Н. Кнорринг, Б. Зайцев, позже – В. Ходасевич и Н. Берберова, Ю. Фельзен), но воспринявшей, правда, роман в основном как этнографический, бытовой.

Вместе с тем начинаются и несправедливые нападки на роман и его автора. Рапповцы, члены редколлегии «Октября» Л. Авербах, В. Киршон, Ю. Либединский и В. Ермилов принимают решение о приостановке публикации третьей книги романа и требуют от автора решительной переделки. Серафимович в знак протеста выходит из состава редколлегии. В газете «Большевистская смена» и журнале «На подъеме» (1929, январь) публикуется статья «Эпопея под вопросом»; в комфракции РАПП Шолохова обвиняют в «идеализации кулачества и белогвардейщины» и объявляют непролетарским писателем (Летопись..., с. 55). Тогда же впервые возникает слух о плагиате, преследовавший Шолохова до конца его жизни. По инициативе ответственного секретаря газеты «Правда» М. И. Ульяновой создается комиссия в составе А. Серафимовича, Л. Авербаха, А. Фадеева, В. Ставского и В. Киршона, которая, изучив представленные писателем подготовительные материалы и рукописи, публикует заключение о несомненном авторстве Шолохова («Рабочая газета», 1929, 24 марта; «Правда», 1929, 29 марта). Однако вопрос о публикации третьей книги эпопеи по-прежнему не решен. Ф. Панферов и другие настойчиво советуют Шолохову сделать Мелехова большевиком, ставя это условием публикации романа. В январе 1930 года по инициативе Горького состоялась встреча Шолохова с И. В. Сталиным, проявившим интерес к новой части романа. Одновременно Сталин пишет Ф. Кону, что Шолохов якобы допустил «ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений» (Сталин И. В. Собр. соч. Т. 12. – М., 1949. – С. 112).

Вопреки обвинениям в несоветскости и непролетарских взглядах, Шолохов подает заявление и в октябре 1930 г. становится кандидатом в члены партии. Рекомендации ему дали А. Серафимович, секретарь РК ВКП/б/ П. Луговой и заведующий Вешенской электростанцией Огнев.

Не прерывая работу над «Тихим Доном», писатель проявляет все больший интерес к начавшейся коллективизации. Шолохов ездит по станицам, встречается с колхозниками. Так рождается замысел романа «С кровью и потом». Само название должно было сказать, как непросто происходит ломка устоявшихся традиций и обычаев, приобщение крестьян к коллективистской психологии.

18 мая 1930 г. семья Шолоховых пополняется сыном Александром.

Конец 1930-го писатель проводит в первой заграничной поездке по Германии. Воспользовать-

ся приглашением Горького и посетить Италию не удалось: итальянцы не дали визу.

1931 год ознаменовался на Дону голодомором. 16 января Шолохов обращается к Сталину с письмом, в котором рассказывает, что «колхозники морально подавлены» и дело коллективизации находится под угрозой» (Письма. – С. 62–65).

Задерживается и публикация 6-й части (3-й книги) о Вешенском восстании. Рапповская критика обвиняет автора в оправдании восстания, в клевете на советскую власть. Шолохов вынужден обратиться к Горькому за поддержкой. Оценка основоположника советской литературы, с одной стороны, сдержанная (Шолохов, по мнению Горького, писатель «местечковый», «без четкой социально-политической позиции», злоупотребляющий диалектизмами), с другой – явно симпатизирующая: «Рукопись кажется мне достаточно «объективной» политически, и я, разумеется, за то, чтобы ее печатать» («Хроника...» – С. 76). По инициативе Горького на его даче в Красково в июне 1931 г. состоялась встреча Шолохова со Сталиным, разрешившим печатать третью книгу «Тихого Дона» с минимальными поправками: усилить критику генерала Корнилова. Однако редакция «Октября» публиковать роман начала только в январе 1932-го и уже в февральском номере сделала-таки ряд серьезных купюр. Шолохов настоял, чтобы изъятые куски были напечатаны отдельно («Октябрь», 1932, № 5/6). Публикация была полностью завершена в 10-м номере «Октября».

Не просто складывалась и судьба романа о коллективизации. Редакция «Нового мира», принявшая роман в печать, поставила вопрос о его переименовании из «Потом и кровью» в «Поднятую целину» (цитата из речи Сталина) и одновременно потребовала изъять драматические главы о раскулачивании. Лишь вмешательство Сталина, автора статьи «Головокружение от успехов», позволило опубликовать роман целиком («Новый мир», 1932, № 6–9).

О росте авторитета писателя говорят такие факты, как зачисление его в постоянные сотрудники главной газеты страны «Правда» (май, 1932 г.), утверждение членом редколлегии журнала «Октябрь» (июнь, 1932 г.), приглашение на встречу писателей со Сталиным и членами Политбюро в доме Горького (окт., 1932 г.); несколько позже вошел в состав оргкомитета по подготовке съезда советских писателей (авг., 1933 г.). 2 ноября 1932 г. Шолохов становится членом ВКП (б). В. Васильев указывает иную дату: якобы Шолохов только в феврале 1934 в порядке исключения за «особо выдающуюся деятельность» был переведен из кандидатов в члены ВКП (б) с исчислением партийного стажа с октября 1932 года (Шолохов. Собр. соч.: в 9 т. – Т. 9. – С. 359).

1933 год начался для писателя тревожно: исключены из партии его друзья – руководители Вешенского района. Производятся массовые аресты, а главное – у населения изымается хлеб и наступает голод. Шолохов публикует в «Правде» статью «Преступная бесхозяйственность» (1933, 22 мар-

та) и обращается к Сталину с большим и крайне смелым письмом, где прямо указывает, что «район стремительно приближается к катастрофе» (Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 105–124). В апреле – новое письмо вождю о преступных методах мясозаготовок. На Дон приезжает комиссия, приходят вагоны с хлебом (хотя и не в том количестве, которое указал писатель). Положение на Дону обсуждается на заседании Политбюро (июль, 1933 г.). Наказаны местные партийные работники. А Шолохов получает письмо Сталина, где говорится: «Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите не плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию – без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью» (Писатель и вождь / Сост. Ю. Мушин. – М.: Раритет, 1997. – С. 68–69).

Это не останавливает писателя: 14 июня 1934 г. он снова обращается к Сталину, протестуя против практики насильственного изъятия хлеба. Результатом этого обращения стало принятое 23 июня Постановление ЦК ВКП (б) и СНК «О помощи колхозам Северной области АЧК» (Писатель и вождь. – М.: Раритет, 1997. – С. 149).

Казалось, жизнь писателя стремительно входит в благополучное русло. Выходят большими тиражами в массовых изданиях оба романа, причем «Тихий Дон» – с восстановленными автором купюрами, сделанными редакцией «Октября». Несмотря на обвинения в «казачьем адюльтере», «любовании бытом казачества», «внеклассовости и отсутствии поддержки революции», по настоянию писателя на экраны выходит фильм Ольги Преображенской и **Ивана Правова** «Тихий Дон» (1931). Шолохов не только делегат и член президиума Первого Всесоюзного съезда советских писателей, но и избран наряду с Д. Бедным, В. Вересаевым, Ф. Гладковым, М. Зощенко, Л. Леоновым, Ф. Панферовым, А. Фадеевым, И. Эренбургом в правление только что созданного Союза советских писателей. Более того, его избирают членом правления.

Растет международный авторитет автора «Тихого Дона». Вешки посещают датский писатель Лунд, японский – Иосие Абэ. Осенью 1934 г. супруги Шолоховы совершают триумфальное путешествие по Европе, где изданы книги писателя. В Швеции (ноябрь–декабрь 1934 г.) семью Шолоховых приняла посол Советского Союза А. М. Коллонтай; в стокгольмской печати опубликовано ин-

тервью с писателем, газеты пишут о Шолохове как о художнике европейского масштаба. В Дании Шолохова приветствовали уже на границе М. А. Нексе и другие видные писатели этой страны, в т. ч. переводчица «Тихого Дона» на датский язык Анна Чемеринская-Кон. Несколько резко враждебных статей потерялись на фоне положительных рецензий. 3 января 1935 г. Шолохов выступил с докладом о советской литературе на организованной Датским обществом сближения с СССР встрече с писателями, журналистами и книгоиздателями. Завершая эту встречу, М. А. Нексе сказал, что Шолохов вносит вклад в мировой литературный процесс. О приезде Шолохова в Великобританию (5 января 1935 года) сообщили все лондонские газеты. Посол СССР в Англии И. И. Майский дал прием в честь приезда Шолохова, на котором были известные английские писатели, журналисты и общественные деятели. Большой прием в честь Шолохова устроило Общество культурной связи с СССР. В журнале «Букселлерз» (1935, 16 янв.) была напечатана статья Шолохова «Книги и писатели в Советской России». Плодотворными были контакты с издательской фирмой «Путнам», издававшей Шолохова большими тиражами. Не менее успешно проходил и визит во Францию (с 18 по 22 января 1935), где «Тихий Дон» был издан, получил высокую оценку Анри Барбюса других писателей и французской прессы. Об итогах поездки Шолохов рассказал в интервью «59 дней за границей» (Комсомольская правда, 1935, 22 янв.).

О международном признании Шолохова свидетельствует его избрание на парижском Международном конгрессе писателей в защиту культуры (весна 1935 г.) в Постоянное бюро Международной ассоциации писателей наряду с М. Горьким, А. Толстым, М. Кольцовым и И. Эренбургом.

Шолохов по-прежнему выступает радетелем Дона. Сразу после возвращения 15 мая 1935 г. Шолохов рассказал Сталину и присутствовавшим при беседе членам Политбюро и министрам о необходимости помощи засушливым районам страны. Результатом этой встречи стало постановление «О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах юго-востока СССР». В 1935–1936 гг. Шолохов добивается строительства электростанции в станице Вешенской, выступает инициатором создания казачьего хора и агропедтехникума. Писатель выделил из своих гонораров деньги на создание театра колхозно-казачьей молодежи.

Работа над романом не мешает ему ездить по станицам, выступать в Ростове, встречаться с колхозниками, учащимися, интеллигенцией, партийным активом.

Еще одной гражданской обязанностью писателя становится заступничество за репрессированных друзей. Шолохов с разной степенью результативности ходатайствовал об освобождении арестованного сына А. Платонова, о красном партизане И. Попове, о бывшем редакторе ростовской газеты «Советский пахарь» критике И. Макарьеве, о сыне Е. Г. Левицкой Клейменове и его жене. Заступниче-

ство Шолохова вернуло исполнительнице роли Аксиньи в фильме «Тихий Дон» (1930) Э. Цесарской звание заслуженной артистки и право сниматься в кино, отобранные у нее в связи с арестом мужа.

Растет и семейство: 23 мая 1935 года рождается сын, названный в честь отца и деда Михаилом; 3 января 1938 года появляется дочь Мария.

В Большом театре в Москве идет опера И. Дзержинского «Тихий Дон» и его же – народно-музыкальная драма «Поднятая целина». «Тихий Дон» поставлен и в Ленинградском Малом оперном театре.

Однако далеко не всем нравится строптивый и удачливый писатель. Если даже друг А. Фадеев то упрекает Шолохова в отсутствии «большой, всеобъемлющей, всечеловеческой мысли...» («Лит. газета», 1937, 15 апр.), то (несколько позднее) осудит финал эпопеи: «Мы обижены концом произведения, в самых лучших советских чувствах. Потому что 14 лет ждали конца, а Шолохов привел любимого героя к моральному опустошению. 14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, – и ничего не получилось в результате рубки. Люди доходят до полного морального опустошения, и из этой битвы ничего не родилось» («Хроника». – С. 174), то что требовать от тех, кто фанатично и догматично смотрел на литературу как на арену классовой борьбы. Не случайно всесильный председатель ОГПУ Г. Г. Ягода еще в 1931 г. сказал Шолохову: «Миша! А все-таки вы – контрик! Ваш «Тихий Дон» белым ближе, чем нам!» («Хроника». – С. 75). Кто-то просто завидовал писателю, а кто-то, кого Шолохов разоблачал за произвол и хозяйственные преступления, желал «убрать» правдоискателя.

1937–1938 гг. стали для Шолохова, как и для всего советского народа, годами потрясений. В апреле 1937 г. в ЦК ВКП (б) поступает донос о том, что Шолохов, П. К. Луговой и Т. А. Логачев защищают репрессированных врагов народа. Шолохов при разборе этого доноса сказал, что арестованные врагами народа быть не могут и что названные товарищи – «районщики»-вешенцы проводят правильный курс. Вскоре Лугового, Логачева, П. А. Красюкова и большую группу парт- и хозработников арестовали. Шолохов едет в Москву и пишет письмо Сталину с просьбой разобраться в чинимом произволе. Присланный разбирать письмо Шолохова секретарь Союза писателей В. Ставский, ведший с писателем доверительные беседы, доложил, что сведения, изложенные Шолоховым, не подтвердились, что сам Шолохов бездельничает («Тихий Дон» и «Поднятая целина» не завершены; Шолохов уклонился от поездки на Международный конгресс писателей в Испании; будучи членом райкома партии, в работе райкома не участвует). «Очевидно, – писал Ставский, – что враги, действовавшие в районе, прятались за спину Шолохова, играли на его самолюбии...» Его метание, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезные опасения...» («Хроника». – С. 148). Угроза нависла уже над самим писателем. Тем не менее Сталин выразил желание поговорить с Шолоховым. Встреча состоялась 25 сентября 1937 г.,

после чего наступила томительная пауза. Письма Шолохова с просьбой принять его Генсеком оставались без ответа. И лишь 19 ноября Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) под председательством Н. И. Ежова приняла решение о восстановлении в партии Лугового, Логачева, Красюкова и возвращении их в Вешки на прежнюю работу.

То, что писатель, по его собственному признанию, «пережил за эти 10 месяцев» («Писатель и вождь» / Сост. Ю. Мурин. – М.: Раритет, 1997. – С. 74), оставалось неизвестным общественности.

1938 год ознаменовался продолжением травли Шолохова. 16 февраля писатель сообщает Сталину: «Пока положение остается прежним: невинные сидят, виновные здравствуют и никто не думает привлекать их к ответственности. <...> Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги» (Шолохов М. А. Письма. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 183–203). Осенью того же года органы НКВД планируют провокацию: внедрить в окружение Шолохова своего человека (И. С. Погорелова) и затем по его доносу «разоблачить» якобы возглавляемую писателем антисоветскую организацию (все те же секретарь Вешенского РК партии П. К. Луговой и председатель Вешенского райисполкома Т. А. Логачев плюс тесть Шолохова П. Я. Громославский). Узнав от оказавшегося совестливым человеком Погорелова о готовящемся аресте, Шолохов конспиративно уезжает в Москву, где ему удастся 23 октября встретиться со Сталиным. 4 ноября состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б), где провокаторы были разоблачены, а Шолохову и его соратникам гарантирована неприкосновенность.

Внешне же жизнь Шолохова была более чем благополучной.

12 декабря 1937 г. Шолохов избирается депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР по Новочеркасскому избирательному округу. В первых трех номерах «Нового мира» за 1938 г. печатается 4-я книга «Тихого Дона». В январе 1938 г. Шолохов вместе с А. Н. Толстым избран академиком и награжден высшей наградой страны – орденом Ленина. Весной принимает участие в качестве делегата в работе XVIII съезда ВКП (б), где 17 марта выступает с речью о необходимости повышать качество создаваемых литературных произведений. В мае 1939 г. на экраны выходит фильм Ю. Райзмана «Поднятая целина». В феврале 1940 г. закончена 4-я книга «Тихого Дона». Роман напечатан в «Новом мире» (1940, № 2/3).

Публикация вызывает дискуссии в Союзе писателей (май 1940 г.), в «Правде», «Литературной газете» и ряде журналов (с мая по октябрь 1940 г.), на заседании Комитета по Сталинским премиям (сент. 1940 г. – янв. 1941 г.). Одни участники дискуссии (их меньшинство, в т. ч. В. О. Перцов, А. А. Бек, Ю. Б. Лукин) говорили, что Шолохов не поступился правдой; другие (среди них А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, Н. Н. Асеев, А. П. Довженко), признавая талант Шолохова, говорили о необходимости привести Григория Мелехова в стан большевиков. Особую позицию занял критик В. В. Ермилов:

он озвучил ставшие на многие годы приговором Мелехову слова И. В. Сталина, что главный герой романа – «отщепенец», потерявший связь с народом, пошедшим по революционному пути. Лишь в 50-е годы Шолохов смог выразить свое отношение к этой оценке: «Я хотел показать в образе Мелехова очарование человека, но мне это до конца не удалось» («Сов. Россия», 1957, 25 авг.). 15 марта 1941 года Совет народных комиссаров присудил Шолохову Сталинскую премию за роман «Тихий Дон».

Все 30-е годы Шолохов ведет большую работу как депутат Верховного Совета. Его усилиями в Вешенской построен водопровод, здания больницы и родильного дома. В архиве писателя сохранилось множество его обращений в различные инстанции с просьбой помочь тому или иному просителю, посетившему депутата Шолохова.

Свообразный характер носят его отношения с Союзом писателей. Не получая от редактора «Октября» Ф. И. Панферова материалы для чтения и обсуждения, Шолохов выходит из редколлегии журнала, не желая числиться ее формальным членом. Не любит Шолохов и заседания, считая их пустой говорильней. Но когда речь идет о реальном литературном процессе, его позиция активна. Так, в 1940 г. выходит сборник стихов А. Ахматовой «Избранное. 1912–1940 гг.» с предисловием Шолохова. Более того, он выдвигает книгу на соискание Сталинской премии, разумеется, не присужденной. Только авторитет Шолохова помог выпустить томик произведений запрещенного к тому времени А. Платонова (1940).

Развивавшаяся в мире политическая обстановка не оставляла Шолохова равнодушным. 1 мая 1938 г. он вместе с другими деятелями советской литературы подписывает письмо «Друзьям мира и культуры», где, в частности, говорится: «Фашизм – непримиримый враг культуры, он стремится уничтожить прежде всего самое ценное, самое основное, что есть в цивилизации живого, мыслящего, трудящегося человека». Его связь с армией отмечена медалью «20 лет Вооруженных сил СССР». 13 апреля 1939 г. ему присвоено звание полкового комиссара.

На фронтах Великой Отечественной

Начало Великой Отечественной войны Шолохов встретил в Вешенской. Уже на следующий день (23 июня 1941 г.) он выступил на митинге жителей станицы и отправил телеграмму наркому обороны, где сообщал о своей готовности встать в ряды Красной Армии и о передаче денежного содержания Сталинской премии в фонд обороны.

С этого дня и до декабря 1945 г. писатель являлся военным корреспондентом «Правды», «Красной Звезды» и Совинформбюро. Он побывал на Западном фронте (авг. – окт. 1941 г.; май 1943 г. – март 1945 г.), на Южном фронте (янв. – сент. 1942 г.), на Юго-Западном фронте (дек. 1941 г. – янв. 1942 г.), на Сталинградском фронте (сент. 1942 г. – май 1943 г.), на 3-м Белорусском фронте (март–май 1945 г.). Центральная пресса регулярно публикует его ста-

тьи и очерки: «На Дону» («Правда», 1941, 4 июля), «В станице Вешенской» («Правда», 1941, 4 июля), «В казачьих колхозах» («Красная Звезда», 1941, 31 июля), «На Смоленском направлении» («Красная Звезда», 1941, 29 авг.), «Военнопленные» («Правда», 1941, 31 авг.), «Гнусность» («Красная Звезда», 1941, 6 сент.) и др. На одном из фронтов состоялось знакомство писателя с Л. И. Брежневым, которого он до самой смерти называл полковником, к неудовольствию Генсека, получившего в 1976 г. маршальское звание.

Очерки Шолохова не имели такого резонанса, как публицистика А. Толстого и И. Эренбурга. Сам писатель признавался литературоведу И. Г. Лежневу: «...Никакой я не газетчик. Нет хлесткой фразы, нет оперативности, что так необходимо для газетной работы. <...> Материал действительности представляется мне в ином виде, нежели это принято в газетном очерке. У меня потребность изобразить явление в более широких связях – написать так, чтобы рассказанное вызвало в читателе и думу». («Хроника». – С. 225). Именно так написан рассказ «Наука ненависти» («Правда», 1942, 22 июня и «Красная Звезда», 1942, 23 июня), переведенный уже тогда на индийский и почти на все европейские языки и ставший значительным событием в русской военной литературе.

Регулярно бывая на передовой, Шолохов в периодических изданиях печатался крайне мало. Причин тому, видимо, было несколько. С одной стороны, личные потрясения: в январе 1942 г. самолет, на котором летел в Куйбышев военный корреспондент Шолохов, попал в аварию. Остались в живых только Шолохов и летчик. У Шолохова произошло смещение почти всех внутренних органов. Едва придя в себя, писатель отказался от длительного отпуска и, съездив ненадолго домой, вновь стал мотаться по фронтам. Серьезным ударом для Шолохова стала гибель в 1942 г. от осколка немецкой бомбы, сброшенной почти прямоком на дом в Вешках, его матери. Но главным было другое: Шолохов стал собирать материал на новый роман – «Они сражались за Родину». В беседе с солдатами он как-то сказал: «Вот хожу по окопам, присматриваюсь, учусь у вас, изучаю солдатскую жизнь, бывальщину. А потом напишу, обязательно напишу» (Ортенберг Д. Фронтовые дни и ночи // Михаил Шолохов в воспоминаниях современников. Рукопись, ИМЛИ РАН. – С. 20–21). «Я считаю, – говорил писатель в одном из интервью, – что мой долг, долг русского писателя, – это идти по горячим следам своего народа в его гигантской борьбе против иноземного владычества, создать произведения исключительно такого исторического значения, как и сама борьба... Если уж нам, русским писателям, выйти на поле боя, то мы должны ударить тяжелой артиллерией нашего искусства». «...Меня, – вспоминал Шолохов, – вызвал Сталин после опубликования в «Правде» «Науки ненависти», похвалил и сказал: «Вам надо писать роман о Великой Отечественной войне...».

В мае 1943 года первые главы романа печатает «Правда». Главы романа выходят отдельными из-

даниями и систематически публикуются в «Правде» и «Красной Звезде».

По просьбе Всесоюзного общества культурных связей с заграницей Шолохов принимает участие в акции обращений к американскому народу: пишет «Письмо американским друзьям» (1943). Аналогичное «Письмо к американскому другу» опубликовал Л. Леонов. Вместе с А. Толстым, Л. Леоновым, К. Фединым, физиком П. Капицей, артистом И. Козловским, митрополитом Киевским и др. Шолохов подписывается под «Обращением Всеславянского митинга к угнетенным славянам Европы» (1943).

На свои средства Шолохов купил и передал Красной Армии 4 ракетные установки.

Военная деятельность Шолохова, его вклад в поддержание боевого духа советских воинов на различных фронтах отмечены орденом Отечественной войны I степени (1945), медалями «За оборону Сталинграда» (1942), «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией» и «За доблестный труд» в Великой Отечественной войне (1945).

Поездки на фронт регулярно чередовались с приездами в родные места и депутатской заботой писателя о делах земляков. Шолохов обращается в правительство с просьбой о выделении семян и горючего к весеннему севу 1943 г. и добивается выделения Донским районам продовольственной и семенной ссуды, леса, тракторов и комбайнов. Добивается присылки в школы района наглядных пособий. И находит время хлопотать о делах отдельных колхозников.

В феврале 1946 г. Шолохова вновь избирают депутатом Верховного Совета СССР, теперь по Миллеровскому избирательному округу. В своей речи перед избирателями (январь 1946 г.) Шолохов обещал «быть чутким ко всем просьбам и жалобам избирателей. <...> Я на литературном поприще буду работать так, чтобы вам не было стыдно за меня...».

В том же году Шолохову передают предложение Сталина возглавить Союз писателей СССР. Но, верный своему убеждению, что писатель должен писать, а не заседать, Шолохов отказывается. Его участие в литературной жизни страны выражается в конкретных делах. Шолохов рецензирует многие присылаемые ему рукописи молодых писателей, некоторые рекомендует издательствам. В частности, ему принадлежит честь открытия прозы К. Воробьева (1948). Оставшемуся без средств к существованию старому другу А. Платонову Шолохов помогает получить заказ на обработку русских народных сказок. Чтобы составленный Платоновым сборник «Волшебное кольцо» (1950) вышел, дает согласие на указание: «Под общей редакцией М. А. Шолохова». Пишет краткую статью «Сокровищница народной мудрости» (1957) – предисловие к заподозренному в неклассовом подходе и проповеди религии сборнику «Пословиц и поговорок русского народа» В. И. Даля, что позволило книге прийти к читателю.

В 1946 г. впервые возникает вопрос о присуждении автору «Тихого Дона» Нобелевской премии: шведский поэт и публицист Эрик Бломберг публи-

кует в газете «Нью Даг» серию статей о Шолохове и пишет, что русский писатель, как никто, достоин премии. Нобелевский комитет предложение проигнорировал.

В 1944 г. семья писателя возвращается в Вешенскую, фактически на пепелище разрушенного в 1942 г. дома. Лишь в 1946 г. в рамках правительственного проекта строительства дач для академиков Шолоховы строят вместо московской дачи дом на родине (новоселье состоялось 14 января 1949 года).

В очерке «Слово о Родине» Шолохов говорит о подвиге советских людей, ценой неимоверных усилий спасших родину от оккупантов, о будущем страны («Правда», 1948, 23 и 24 янв.).

Одновременно идет напряженная работа над романом. С 4 по 10 августа 1949 г. писатель находится в Сталинграде, посещает места сражений, встречается с трудящимися области.

Вешенскую посещают ученые-литературоведы, корреспонденты газет всех уровней, школьники и многочисленные ходоки. Почти никому нет отказа.

Новые осложнения в судьбе писателя начались в 1949 г. с выходом 12-го тома Собрания сочинений Сталина, где было опубликовано письмо вождя к Ф. Кону (1929) о «грубейших ошибках и прямо неверных сведениях» о целой группе большевиков, описанных в эпосе. На письмо Шолохова с просьбой указать, что имеется в виду, Генсек не ответил. Но в издательство «Художественная литература», готовившее новый тираж романа, поступило указание роман «доработать». Был выделен специальный редактор (К. В. Потапов), который произвел ряд изъятий и сделал несколько не принадлежащих Шолохову вставок, в том числе цитат Сталина и целых абзацев о роли Сталина в гражданской войне, существенно исказивших текст «Тихого Дона» и замысел автора. Текст издания 1953 г. был в дальнейшем частично восстановлен первым редактором романа Ю. Б. Лукиным и полностью – в 1985–1986 гг.

Еще в годы войны писателя интересовала тема советских военнопленных, не находившая место в его публикациях (т. к. по приказу Сталина плен приравнялся к измене родине), но присутствовавшая во фронтовых блокнотах и записях. Весной 1946 г. Шолохов на берегу р. Еланки встретился с прототипом А. Соколова из рассказа «Судьба человека». В 1956 г. Шолохов встретился с Главным военным прокурором СССР и убеждал его в необходимости реабилитации бывших военнопленных. А 29 декабря 1956 г. писатель прочитал рассказ сотруднику «Правды», где он и был опубликован (1956, 31 дек. – 1957, 1 янв.). Приветствие автору рассказа прислали Э. Хемингуэй и Э. Ремарк.

50-е годы проходят в работе над «Поднятой целиной», главы из которой по традиции печатает «Правда». Роман был завершен 24 декабря 1959 г. и опубликован в журнале «Нева» и отдельным двухтомным изданием в 1960 г. (Ленинская премия 1960 г.). По роману в Ленинграде А. Ивановым был снят фильм (1959–1961).

С конца 40-х гг. и до конца 50-х большое место

в жизни писателя занимает участие в движении сторонников мира. 25–28 августа 1948 г. Шолохов в составе делегации советских деятелей культуры и науки (писатели Л. Леонов, М. Турсун-Заде, композитор Т. Хренников, историк академик Е. Тарле, ученые академики И. Бардин и А. Палладин, художники А. и С. Герасимовы) участвует в работе Всемирного конгресса деятелей науки и культуры в защиту мира во Вроцлаве (Польша). В августе 1949 г. принимает участие в работе Первой Всесоюзной конференции сторонников мира, где выступает с речью. В 1950 и 1955 гг. его избирают в Советский комитет защиты мира. Его перу принадлежат статьи «С родным правительством – за мир!» (1951), «Письмо в редакцию журнала «Иностранная литература» (1955), обращенное к писателям мира и вызвавшее отклик Эрве Базена, А. Моруа, А. Моравиа, Уильяма Фолкнера, Франсуа Мориака, Говарда Фаста, художника Рокуэлла Кента. В 1957 г. Шолохов встретился с американским писателем Джоном Стейнбеком. В 1959 г. участвовал в юбилейной сессии Всемирного Совета Мира по поводу 10-летия этой организации.

С 1945 г. Шолохов с женой почти ежегодно ездит в Казахстан отдохнуть и поохотиться, интересуясь при этом и жизнью землеробов. Казахстан стал, по собственному признанию Шолохова, его второй родиной. В 1954 г. Шолохов выступил в защиту Сабита Муканова, обвиненного в национализме, дал высокую оценку роману Мухтара Ауэзова «Абай». В 50-е гг., в период освоения целины, писатель пришел в негодование от зрелища собранного и гибнущего урожая, написал для «Правды» очерк «По Западному Казахстану», рассказал секретарю ЦК М. А. Суслову о своих мрачных впечатлениях. Но тщетно: материал так и не был опубликован.

Много сил у писателя отнимает депутатская деятельность. Почтальоны приносят письма сумками, просители приходят каждый день. Да и молодые писатели заваливают классика рукописями. В 1958 г. Шолохов жалуется одному из друзей: «Я с ужасом думаю: когда же я возьмусь за перо как писатель? Ведь большинство писем это не «здорово да прощай», а просьбы заключенных, молодых писателей, обиженных местными властями, словом, такие письма, по которым надо действовать немедленно и промолчать нельзя...». А в 1960 г. в письме редактору «Огонька» шутит: «Если будет опубликовано фото писательского письменного стола, заваленного письмами, то неплохо было бы усмехнуться: «Мол, Шолохов считает, что популярность – вещь неплохая, но полсотни писем в день для одного человека многовато...». По инициативе Шолохова построено новое здание школы в станице Каргинская, вместо той, в которой учился будущий писатель (свою премию за «Поднятую целину» Шолохов передал на эту цель), санаторий и ретрансляционная телебашня в Вешенской.

Много сил и здоровья отняла у писателя история с присуждением ему Нобелевской премии. Его представил на премию в 1954 г. старейший рус-

ский писатель С. Н. Сергеев-Ценский. Комитет рассматривал вопрос до 1957 г. и присудил премию Б. Пастернаку. Шолохов получил премию лишь в 1965 г. Многочисленные заграничные туристические поездки писателя, приезды в Вешенскую выдающихся западных мастеров слова позволили западной общественности лучше узнать и творчество (книги Шолохова широко издаются в Европе), и личность писателя. В 1965 г. Шолохов получает давно заслуженную награду, как сказано в решении Нобелевского комитета, «в знак признания художественной силы и честности, которые он проявил в своей донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа».

Давнее читательское признание и на родине сопровождается и официальными наградами: в связи с 60-летием и 70-летием Шолохов дважды награждается орденом Ленина, в 1967 г. писателю присваивается звание Героя Социалистического Труда, весной 1972 г. ему вручают орден Октябрьской Революции; в 1980 г. он вторично получает звезду героя, а в Вешенской устанавливается его бюст (1981 г.).

Однако все чаще Шолохова беспокоит здоровье. Уже в 1961 г. врачи констатируют поражение сосудов мозга и аорты: не работала правая рука, он с трудом держал ручку или карандаш. Крепкое здоровье позволило преодолеть этот недуг. Летом 1965 г. писатель подхватил пневмонию. В 1970 г. – вновь тяжелая болезнь и лечение в ЦКБ. В апреле 1974 года – микроинсульт, последствия которого удалось снять лишь к концу года. Новые волнения доставила писателю вновь поднятая в 1974 г. А. Солженицыным и подхваченная Г. Солсбери история с «плагиатом» «Тихого Дона». 19 мая 1975 г. накануне юбилейного вечера в Большом театре произошел второй микроинсульт сосудов головного мозга: плохо работают правая рука и нога, нарушена координация движений и речь. Юбилейное заседание прошло без юбиляра.

В перерывах между болезнями Шолохов ведет огромную общественную работу: вникает в состояние рыбного хозяйства страны, обращается к А. Н. Косыгину, к министрам с ходатайствами по поводу газификации Вешенской и строительства там моста через Дон, аэропорта, ГРС и пищекомбината, о выделении оборудования насосной станции, о сооружении Чирской оросительной системы. Известно о сотнях ходатайств депутата Шолохова за обротившихся в нему людей: от оставшегося сиротой школьника до незаконно осужденного человека, не говоря уже о просьбах за коллег-писателей. Дом писателя посещают советские и иностранные писатели и издатели, партийные и государственные деятели, чтобы обсудить с Шолоховым насущные задачи хозяйственной жизни страны. Сам Шолохов несколько раз ездит за рубеж, чаще всего в полюбившиеся ему Скандинавские страны. Значителен вклад Шолохова в возвращение широкому кругу читателей произведений С. Есенина. Шолохов даже готов был встать во главе издательского коллектива. 16 марта 1981 года в связи с резким ухудшением здоровья Шолохова в

его доме учрежден круглосуточный медицинский пост.

В сентябре 1983 года Шолохов последний раз выехал на охоту.

27 декабря 1983 года тяжело больного писателя (рак гортани, рак легкого в последней стадии) самолетом доставляют в Москву в связи с резким ухудшением здоровья. 21 января 1984 года, поняв, что лечение не поможет, Шолохов возвращается домой. 21 февраля в 1 час 40 мин. сердце писателя перестало биться. Похоронили его 23 февраля во дворе дома, где он жил с 1949 г. На могиле установлен памятник-камень с одним словом: «Шолохов». В 1992 году рядом похоронили и Марию Петровну Шолохову.

На идеологических и литературных баррикадах

Вся жизнь Шолохова – борьба за те идеалы, которые сформировались в сознании писателя в молодости: стабильное общество равных и свободных людей, занимающихся созидательным трудом и сохраняющих нравственные ценности русского народа. А в перспективе – всемирное торжество идей коммунизма. Верность этим идеалам не мешала Шолохову видеть любые отступления от них, резко выступать как против партийных и государственных чиновников, искажающих линию партии, так и против людей, стремящихся подорвать социалистическое государство, разрушить единство социалистического лагеря. По мнению писателя, и литература должна способствовать созданию нового общества, талантливо передавать драматизм и величие эпохи, создавать яркие характеры современников.

Этими позициями объясняются публицистические выступления писателя, его письма и отдельные высказывания, в том числе и те, что носили полемический характер и были поняты и приняты далеко не всеми современниками.

Так, в 1958 г. Шолохов поддержал ввод советских войск в Венгрию. Для него кровавые события в этой стране означали разрушение единства с таким трудом достигнутого мира в Европе. Осудив ошибки венгерского правительства, Шолохов с горечью заметил, что «венгерские писатели, которые очень смело выступали против этих ошибок, в нужное время, когда царило замешательство, не подняли своего писательского слова против реакции...». Проведя параллель между событиями в Венгрии и в Гражданскую войну на Дону, Шолохов призывал осторожно отнестись к примкнувшим к контрреволюции по заблуждению: «Помимо отъявленных контрреволюционеров, там были и люди, случайно, вслепую примкнувшие к белогвардейскому движению, но впоследствии большинство из них осознало свои ошибки и стало активными строителями социализма». Видимо, такие же чувства владела писателем, когда он через 10 лет опрометчиво послал письмо Л. И. Брежневу в поддержку ввода наших войск в Чехословакию, где ситуация была совсем иной, чем в Венгрии 1958 года.

Привыкший драться с открытым забралом, Шолохов не мог понять и принять двурушничества: по его мнению, за псевдонимами почти всегда скрывалась беспринципность. Впервые свое возмущение псевдонимами Шолохов высказал, поддержав статью С. Бубеннова «Нужны ли сейчас литературные псевдонимы?» (1951), воспринятую многими как попытку возобновить т. н. борьбу с космополитизмом. Эта позиция нашла продолжение в 1966 г., когда, выступая на XXIII съезде КПСС, Шолохов клеймил поступок двух литераторов, опубликовавших за границей произведения, прямо противоречащие тому, что они писали в СССР.

Приветствуя появление рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962), воспринятого Шолоховым как изображение драматического этапа советской истории, направленного на совершенствование советского строя, автор «Судьбы человека» увидел в дальнейшем творчестве Солженицына стремление ниспровергнуть советскую власть, оправдать не военнопленных, а власовцев и потому высказался за исключение Солженицына из Союза советских писателей.

Впрочем, и отношения Шолохова с этим Союзом были весьма напряженными. Делегат Первого съезда советских писателей, Шолохов вдруг исчез из зала заседаний, предпочтя съездовской говорильне встречу с наркомом тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе по поводу строительства в Вешенской водопровода. В 1941 году в разговорах с К. И. Чуковским Шолохов неоднократно возвращался к мысли, что место писателя за столом, а не на заседаниях и собраниях, а однажды доверительно сказал: «Надо распустить Союз – пусть пишут. Пусть остается только профессиональная организация». Начиная со Второго съезда советских писателей (1954), на XX, XXI, XXII и XXIV съездах партии Шолохов, являвшийся и членом правления СП и (позже) секретарем правления, неизменно критиковал Союз за бюрократизацию, за то, что чиновничья работа отвлекает хороших писателей (в т. ч. Фадеева) от творчества, результатом чего является их молчание и появление художественно слабых произведений, правда, написанных на потребу дня. В числе таких Шолохов называл «Оттепель» И. Эренбурга, «Не хлебом единым» В. Дудинцева. Такая позиция и непривычный для официальных выступлений гаерский стиль речей писателя раздражали многих, включая и партийных руководителей. Тем более, что Шолохов порой давал необоснованно высокие оценки писателям из своего окружения.

Отдаленность от литературных центров была и сильной и слабой стороной Шолохова. С одной стороны, он не вмешивался в столичные дразги, его оценки идеологического и литературного процесса

были масштабными. Именно таким было письмо Шолохова Л. И. Брежневу о русском народе (1978, 14 марта). «Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, – писал Шолохов, – искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства». Шолохов ставил вопрос о создании журнала «Русская культура», музея русского быта, предлагал рассмотреть вопрос о состоянии русской национальной культуры на широком совещании ученых и политиков. Письмо не получило поддержки в ЦК КПСС. К поискам русской идеи страна обратилась уже после смерти писателя.

С другой стороны, незнание конкретных ситуаций и фактов порой приводило к тому, что Шолохов поддерживал ретроградов и ортодоксов, пытавшихся использовать имя и авторитет классика для достижения своих групповых целей. Хотя и здесь он проявлял характер: несмотря на уговоры, не поставил свою подпись под письмом двенадцати писателей «Против чего выступает «Новый мир»» («Огонек», 1969, № 30), направленным в т. ч. и против А. Твардовского, высоко им ценимого.

Более того, Шолохов часто поддерживал и тех, кто не был ему близок по политическим (если речь не шла о разрушении страны) и эстетическим позициям. Он высказался (декабрь 1962 г.) за публикацию поэмы того же А. Твардовского «Теркин на том свете», признанной в 1952 г. пасквилем на советскую действительность. Подвергнув на Втором съезде писателей сокрушительной критике К. Симонова (1954 г.), Шолохов в 1969 г. писал Брежневу, что Симонов талантлив и его надо «обласкать, поставить на ноги <...>, надо сделать все, чтобы не оттолкнуть его». Будучи холоден к писательскому методу Л. Леонова, Шолохов хлопотал за избрание его академиком.

Трагедия большого художника завершилась тем, что все чаще приходило убеждение: тогдашние руководители партии, награждая его званиями и орденами, не только не понимают его творческого кредо, но и ведут страну к катастрофе, не извлекая уроков из ошибок прошлого. Чтобы опубликовать главы из романа «Они сражались за Родину», писателю пришлось неоднократно писать Генсеку партии. В конце концов они вышли в «Правде» с купюрами (1969 г.). Завершив, по словам близких людей, роман, Шолохов направил его в ЦК (лично Брежневу). Рукопись была возвращена без комментариев, стояли только вопросительные знаки против глав о репрессиях 30-х годов. Убедив себя, что партии не нужен его роман, Шолохов, по словам его младшего сына, сжег рукопись.

ОБРАЗ ДОМА В РОМАНЕ М. ОСОРГИНА «СИВЦЕВ ВРАЖЕК»

Лифанова Инна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы СахГУ. Защитила диссертацию в МПГУ в 1999 году по творчеству Б. А. Можая. В настоящее время область научных интересов – творчество писателей русского зарубежья первой волны эмиграции, продолжавших традиции русской классической литературы.

Дом является одним из лейтмотивных образов всей отечественной литературы. Его наличие или отсутствие, созидание или разрушение, устремленность к нему или желание вырваться за его пределы нередко становится одной из основополагающих характеристик героя, существенной составляющей художественного воплощения авторской идеи.

Концепт «дом» включает в себя достаточно широкий спектр значений, в основе которого лежат многовековые бытовые, социальные, исторические и культурные традиции. В слове «дом» «сошлись три древнейших корня, первоначально самостоятельных, но по звучанию очень похожих: *doma* – владычествовать, то есть руководить поступками домашних; *demo* – строить, сооружать; *dem* – дом как общественная организация¹. В сознании русского человека понятие дома тесно связано с понятием семьи, родственных отношений, связи поколений, защищенности и стабильности. Дом, таким образом, осмысливается в русской культурной (и литературной) традиции как своеобразный микрокосм, противостоящий внешнему хаосу.

На ключевую роль образа дома в пространственной организации романа М. Осоргина «Сивцев Вражек» указывают уже рамочные компоненты текста. События в романе начинаются в доме профессора-орнитолога, и здесь же они заканчиваются с временным промежутком в семь лет, образуя кольцевую композицию произведения.

Местонахождение старого особняка, вынесенное в заглавие романа, отсылает к определенному пространству. Сразу же возникает несколько пространственных образов-ориентиров: Сивцев Вражек – Москва – Россия. Если же учесть, что роман вышел в эмиграции, то в сознании реального читателя (русских эмигрантов) наряду с пространственным образом возникал и другой, наделенный не только пространственными, но и определенными духовными, культурными, этическими характеристиками – образ старой, ушедшей в прошлое России.

Основные пространственные ориентиры романа обозначены уже в первом предложении: «В бес-

предельности Вселенной (здесь и далее курсив наш. – И. Л.), в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый-орнитолог Иван Александрович. Свет лампы, ограниченный абажуром, падал на книгу, задевая уголок чернильницы, календарь и стопку бумаги. Ученый же видел только ту часть страницы, где изображена была в красках голова кукушки»². И в дальнейшем повествовании дом и Вселенная неоднократно окажутся рядом: дом остается маленькой, но необходимой частичкой Вселенной, и в то же время он оказывается способным вместить все мироздание. Так воплощается авторское представление о «большом» и «малом» в жизни человека: «большое» и значительное, великое и вечное человек постигает через «малое» и родное. И тогда для него становится легко преодолимым расстояние «от здешней думы до границ Мира» (86).

Представление М. Осоргина о пространственной модели дома можно назвать неклассическим. Традиционно в отечественной литературе дом являет собой закрытый континуум, отгороженный от внешнего мира. В романе «Сивцев Вражек» предметное, бытовое описание дома профессора не создает у читателя ощущения его изолированности от внешнего пространства. В тексте романа отсутствует экспозиционное описание особняка, данное взглядом извне, со стороны. Первое знакомство читателя с домом – это его внутреннее устройство, и представлено оно через восприятие мыши, предпринявшей «вылазку за крошками» (38). Даже упоминание о стенах дома и поддерживающих его деревянных балках своеобразно: они представлены не как свидетельство прочности и основательности строения, а как среда обитания другого, не человеческого, но тоже живого мира – здесь ведется неустанная работа «тысяч поколений» (53) жучков и червячков.

Неоднократно упоминается о том, что окна старого особняка открыты или распахнуты – дом открыт миру. И все происходящее в этом мире он воспринимает так же живо, как и его обитатели.

¹ Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л., 1986. – С. 194.

² Осоргин, М. А. Сивцев Вражек: Роман. Повесть. Рассказы / М. А. Осоргин / Сост., предисл., коммент. О. Ю. Авдеевой. – М.: Моск. рабочий, 1990. – С. 37. – Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Дом профессора в романе именно *живет*: в нем течет «непрестанная жизнь и непрерывная» (54), на его «старом лице» появляются новые морщинки, он умеет «зажмуриваться, прищуриваться, затаивать дыхание» (118), «оседать, горбиться, постанывать» (177). В пору трагических испытаний он «посерел, постарел, поблек», но днем «бодрился» (177), как и его хозяин профессор. «Живое» лицо дома создается не только с помощью метафорических олицетворений, но и с помощью грамматических средств. «Жалко *старого*» (177), – завершает автор одно из описаний особняка, используя субстантивированное прилагательное в качестве одушевленного.

Но пока события истории еще не ворвались в судьбы обитателей дома, здесь течет размеренная, спокойная и счастливая жизнь: в столовой за чаем собираются гости, хозяйка Аглая Дмитриевна хлопотет над угощением, обсуждаются последние открытия в науке, учитель Танюши, «смешной», «смуцавшийся своей некрасивостью» (45) Эдуард Львович, играет на рояле. Тепло и уютно от света лампы, освещающей вязание Аглаи Дмитриевны, от хорошей музыки и душевного разговора.

При создании пространственного образа дома большое значение приобретает представление о *вертикали* и *горизонтали*. Вертикаль дома как здания образуют стены, подвал, первый и второй этажи. Низ вертикали дома – подвальное помещение, в котором живут «микроскопические существа», возбуждающие «деятельность жирной грибницы», «червячок с прочной стальной головой» и «серая мышка» (54). Мышь – «символ богатства и его накопления <...> принадлежит к домашнему очагу – в разных культурах ей совершают жертвоприношения, является персонажем, связывающим небо, землю и преисподнюю»³. Мышь присутствует в романе лишь в его первых главах, когда жизнь дома на Сивцевом Вражке еще идет привычным чередом. В 20-й главе «За шторами» в подвале появляется старая крыса – «символ агрессивности, гниения, распада, разрушения, бедствия и смерти»⁴, она символически предвещает скорую смерть Аглаи Дмитриевны и ряд последующих трагических событий.

Верх вертикали дома обозначен гнездом ласточки, каждую весну прилетающей к окну второго этажа. Ласточка олицетворяет «весну и восход солнца, добро и счастье, надежду и возрождение»⁵. И в финале романа надеждой на возрождение после всего пережитого семьей профессора звучат его слова, обращенные к внучке: «А когда нынче весной ласточки прилетят – отметить день. Я-то, может быть, уже не успею. А ты отметь обязательно <...> Это, Танюша, очень важно, может быть, всего важнее» (310).

Каждое звено вертикали ведет свою горизонталь: мышь и червячок сверлят «ходы сквозь волокна дерева» (54), ласточка перелетами «соединя-

ет» Россию и Центральную Африку, символически принося с собой огромное пространство мира.

Еще одна вертикаль связана с образом Танюши. Танюша вся стремится вверх: ее комната находится на втором этаже, именно она «широко распахивает окна» старого особняка – навстречу весеннему дню, навстречу солнцу. Только она – любимая и самая талантливая ученица Эдуарда Львовича – способна глубоко понять и тонко почувствовать «Космос» своего учителя: «Маленькой горящей точкой носилась в безвоздушном пространстве, окруженная вечными, безответными вопросами звезд, планет, туманностей, *житейским, возросшим до вселенного, вселенным, упавшим до мелочи быта* <...> Большую комнату заполнила образами <...> Летала с ними – за пределами стен» (48).

Танюша и в своем внутреннем, духовном становлении стремится ввысь, пытается постигнуть непостижимое, ее вопросы к жизни надобывденные. Вселенная считает ее выбор правильным и потому помогает: «Стены шепнули, струны донесли весеннему воздуху, – и вечернее небо выслало первую звезду вестником решения совета светил: Ахios! – Достояна!» (162).

В романе присутствует еще одно символическое обозначение горизонтали и вертикали, связанное с искусством и наукой. В особнячке постоянно звучит музыка: она уносит «в безвоздушное пространство» (48). Музыка – олицетворение бесконечности пространства и времени, она воплощает стремление человека ввысь, к вечным ценностям. Неоднократно при описании особняка упоминаются полки с книгами – таков образ визуальной горизонтали, который более широко может быть осмыслен как запечатленная в книгах человеческая мысль, движущая историческое развитие. Таким образом, искусство (музыка) в романе «вертикально», а наука (книги профессора, в том числе и его научные труды) – «горизонтальна», дом же на Сивцевом Вражке находится на пересечении этих двух координат. Мысль о необходимости гармоничного сосуществования в человеческой жизни науки и искусства возникает в самом начале романа: «...была *красота в его науке* <...> *Поэзия была в его науке*» (37), и затем варьируется на протяжении всего повествования: «Нужно уметь согласовывать мышление логическое с мышлением образами» (207).

Пристального внимания заслуживает еще один атрибут старого особняка – часы с кукушкой. Профессор «к своим часам привык» (37), они являются составляющей его жизненного порядка. Нарушается их ход тогда, когда в дом приходит смерть близкого человека: «развинтился винтик», выпал, стрелки «быстро забежали по циферблату» и «кукушка... в испуге замолкла» (75). История начала новый виток своей бесконечной спирали. Вре-

³ Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. В. Э. Багдаросян...; под общ. ред. В. Л. Теплицына. – М., 2003. – С. 322–323.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Там же. С. 260.

мя многое изменяет и в жизни семьи профессора, и в судьбе России. «Пока все в доме спали, время бешено летело. Вихрем порошили со стен дома чешуйки штукатурки, лопались скрепы крыши, червячки, мгновенно окукливаясь, делаясь жучками, умирая, размножаясь, точили балку <...>

Уже у самой постели бабушки Аглаи Дмитриевны стояла тень в старом саване, косясь на открытую дверь орнитолога, – и румянцем молодой крови оделась грудь спящей Танюши» (75). А в это же время во внешнем мире «ураганным огнем сметались окопы и жизни <...> Валами росли братские могилы» (75).

В дом профессора приходят известия о смерти Эрберга, о жутком ранении Стольниковца, превратившим его из молодого здорового мужчины в беспомощного Обрубка, лишённого рук и ног. Но все же «событие настоящее было только в спальне профессорского домика в Сивцевом Вражке. В остальном мире все было благополучно: хотя тоже пересекались жизни, рождались существа, осыпались горы, – но все это делалось в общей неслышной гармонии» (92). Танюша и профессор не пытаются отгородиться от внешнего мира, трагическая смерть близких знакомых надолго еще останется «не изжитым домашним горем» (305), но уход бабушки станет самой тяжелой утратой, отодвинувшей все остальные события. Привычное течение жизни на мгновение остановилось, но вновь проходит время и берет свое: старый «особнячок на Сивцевом Вражке защищался от мира, хотел жить прежней тихой жизнью» (206), а «...часы с кукушкой считали минуты <...> Уходили на вечный отдых те, кому пришло время, зарождались новые жизни; открывались новые раны, ныли, рубцевались; затихали вздохи и сменялись первой радостью; новые страхи вставали в сумеречный час; в потоке жизни барахтались люди, смытые с наскаро сколоченных плотов. Текла с привычным шумом река Времени, – часы с кукушкой, старые часы профессора, тикали секунды, равнодушно и степенно разматывали пружину, повинуюсь тяжести подвешенной гири» (297). И вот уже роль хозяйки переходит к Танюше, она не пускает постороннее в свой домашний, родной мир, не позволяет его разрушить никаким внешним силам, а у читателя остается надежда, что все потерянное будет наверстано – уже внучкой «птичьего профессора».

Старый особнячок вместе со своими обитателями переживает и события истории, и семейные радости и горести. Старинные часы с кукушкой в доме профессора становятся символом «отмеренного времени и вечного движения. Часы воплощают идею длительности, неотвратимости, неумолимости»⁶. Часы являются не только важной составляющей пространства старого особняка – образ

часов возникает также и при осмыслении всей пространственной организации романа. Практически во всех исследованиях, посвященных роману, цитируется фраза: «Хотя *центром* вселенной был, конечно, особнячок на Сивцевом Вражке, но и за пределами его была *жизнь*, вдаль уходившая *по радиусам*» (267). Однако следует отметить, что эта мысль не только определяет основные пространственные координаты романа, но и реализуется в его структуре в зеркальном преломлении: жизнь по тем же радиусам неоднократно возвращается к центру – к особнячку и его обитателям. Таким образом, пространственная организация романа графически напоминает песочные часы. В перешейке этих часов, через который неумолимо течет время (время-песок), и находится старый особнячок. Если же вспомнить о символическом значении часов как времени и движения, одновременно *вечного и имеющего свой предел*, то следует отметить, что это ощущение амбивалентности времени присуще и обитателям старого особняка. Им дано увидеть за историческим временем – время Вечности, за конкретным пространством – бесконечность Вселенной. Именно с этих позиций описываются и оцениваются и конкретные события, и герои. «Мудр только тот, кто не считает себя и свое – центром вселенной, кто изучает прошлое и работает для будущего»⁷, – эта мысль о «большом» и «малом» реализована и в пространственной организации романа, и в создании образа дома.

Образ дома в романе складывается не только из описаний старого особняка, хотя он и занимает центральное место, – это настоящий, полноценный Дом. В «Сивцевом Вражке» присутствуют и другие дома, принадлежащие разным героям: Васе Болтановскому, композитору Эдуарду Львовичу, офицеру Стольникову, философу Астафьеву и его «жильцу» Завалишину. Общим для них является то, что все они предстают как неполноценные дома.

У самих героев нет того ощущения дома, которое присуще обитателям особняка на Сивцевом Вражке. Возможно, это происходит потому, что все они принадлежат мужчинам. Ни в одном из них нет Хозяйки, и поэтому здесь недостает семейного уюта, и бытового, и духовного.

Вася Болтановский – студент, снимающий комнату на студенческой улице Бронной, в Гиршах. Домой он обычно только «забегает». Впервые читатель «видит» комнату Васи в начале романа: стол с «грудой книг и невытой чашкой. В остатках жидкого чая – несколько мух и желтый окурок» (79). Следующее описание комнаты дано лишь ближе к финалу романа: «на стене против кровати» висит «гравюра»; есть «твердое кресло», «ночной столик», на котором стоит «графин с водой», «настольная лампа» (226–227). В пространстве Васиной комна-

⁶ Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2001. – С. 521.

⁷ Осоргин, М. Великое и малое / М. Осоргин // Восход. – Париж, 1933. – № 6. – С. 69. – Цит. по: Осоргин, М. А. Сивцев Вражек: роман. Повесть. Рассказы / М. А. Осоргин / Сост., предисл. и коммент. О. Ю. Авдеевой. – М.: Моск. рабочий, 1990. – С. 31.

ты «временем правит» (79) будильник – такие часы обычно выбирают молодые энергичные люди. К ним и относится Вася. Стрелки циферблата Васиных часов «всегда немного убегали вперед» (304): он торопится жить, как все молодые, еще неопытные люди.

Поэтому во время Васиной болезни часы для него «потянулись», но это вынужденное замедление времени способствует постепенному внутреннему, духовному сближению Васи и Аленушки. При свете маленькой «настойной лампочки» зарождаются настоящие, большие чувства: сначала – дружба, потом – любовь. Аленушка вносит в жизнь Васи частичку настоящего домашнего уюта. Благодаря ей появились разговоры за «вечерним чаем», чтение вслух, «а Аленушка вязала или шила» (280). Такое времяпрепровождение напоминает вечера в семье профессора. К финалу романа в комнате Васи Болтановского появляется Хозяйка. А значит, есть надежда на то, что «верный рыцарь» и «сестра милосердия» все-таки вместе обретут настоящий Дом.

Александр Стольников, в прошлом – «блестящий офицер <...> совсем молодой... здоровый, стройный, загорелый, умница, неплохой танцор» (59), сейчас – «чудо», Обрубок. В комнате героя главным атрибутом является «коллекция странных, им изобретенных приборов»: «наклонная лесенка – подыматься на мускулах шеи», «пюфчик прикрепленной к полке зажигалки», «изогнутая палочка с резинкой», которую Стольников держит во рту, чтобы писать на машинке (103). Комната Обрубка напоминает какую-то фантастическую лабораторию, но все эти предметы жизненно необходимы ему; они заполняют его дни, делая их менее тягостными, обременительными, позволяя на какое-то время забыться. При описании изобретений Стольникова возникает ощущение мрачности, запущенности жилья. Оно усиливается упоминанием о «грязном потолке с желтым подтеком над окном» (155), куда бывший офицер устремляет взгляд, жаждущий неба, свободы, полета. Комната давит на Стольникова со всех сторон, ему, молодому и сильному человеку, тесно в этом замкнутом пространстве, покинуть которое без посторонней помощи он просто не в силах.

Среди творений Обрубка особое место занимает «бронзовый шарик» (87). С ним у Стольникова связаны его представления о пространстве: «Бронзовый шарик мал и ничтожен. Но вокруг него образовались круги, и первый круг захватил бытие Обрубка, печальное и нечеловеческое бытие. И дальше шли круги, все шире. В одном вмещалась Москва, в другом Россия, в третьем земля, а дальше – бесконечность. В пределах вечности ничтожно было бытие Обрубка, незаметное, несуществующее, как математическая точка; но оно было центром, блестящим, слепящим глаз; от него исходили лучи и освещали весь мир страшным смыслом и значением» (97). Герой осознает свою ничтожность,

бесполезность не только «в пределах вечности» – он не чувствует себя востребованным настоящим, сегодняшним днем. Оттого и его дом – не-дом. Но это не его вина – это его трагедия.

Символично описание последнего пристанища Стольникова, его последнего «дома»: «совсем прочного, железными скобками окованного порожного ящика из-под посуды, на котором большими печатными буквами ясно обозначены были слова:

«ВЕРХ – ОСТОРОЖНО» (158)⁸.

«Остаток дня Григорий провозился в сарайчике при доме. Пилил, стругал, набивал ножки. Стал ящик пониже <...> Надпись “верх” исчезла; осталось только слово “осторожно”» (158). И так же исчезла жизнь Стольникова, его стремление вверх: к жизни, к свету, к любви. Но осталось «осторожно» – как страшное напоминание-предупреждение о бессмысленности и жестокости войны.

Еще один дом – комната композитора Эдуарда Львовича. Свое жилище композитор воспринимает лишь как мастерскую, где рождаются его творения. Потому для него все пространство его комнаты и внутреннее наполнение жизни составляет рояль: «Эдуард Львович <...> мало замечал, что он ест и пьет, а спать он ложился потому, что играть ночью нельзя, – спят остальные люди» (139).

Раньше Хозяйкой в доме была мать композитора, после ее похорон «он сел за рояль и стал играть. И играл до сумерек. И играя – забыл о потере. И каждый раз, как он чувствовал наступившую в жизни пустоту, – он заполнял ее звуками рояля» (140). Поэтому, когда рояль отобрали, «осталась в комнате никому на свете не нужная, старая, подержанная вещь – сам Эдуард Львович» (139). «Очень похожий на ненужную и подержанную вещь, – седой, никому не нужный» (141) Эдуард Львович отправляется за утешением на «уютную могилу» (!) матери: «...знакомая могила. Даже соседние могилы были знакомы. Так хорошо было встретиться, опять быть в кругу таких простых, тихих и приятных... действительно, точно друзья» (141). Жизнь не подарила Эдуарду Львовичу полноценного дома, семьи, в которой можно найти понимание и утешение. Поэтому он всегда так спешит в старый особнячок. Настоящий Дом – там, на Сивцевом Вражке, и для Эдуарда Львовича – тоже.

Еще один герой, у которого нет полноценного дома, – философ, приват-доцент Алексей Астафьев. Он «ведет» философскую линию романа. После уплотнения «остались за ним две комнаты» (166), одну из которых занимает библиотека. Эта комната-библиотека «зимой была холодна и необитаема» (166). Да и та, в которой он живет, не становится для него настоящим домом. Здесь нет ни бытового уюта, ни душевного тепла: есть «экономическая печурка, плоская, с гофрированным подом» (141), тепла которой достаточно для одного

⁸ Объемно-прагматическое членение и графическое выделение – авторское.

человека, вместо лампы – «светильник, сделанный из бутылочки» (166); вместо желанных гостей – скрывающийся от новой власти «человек в желтых гетрах» (210), которого даже наедине Астафьев опасается называть по имени, да сосед Завалишин, «подлец» и «убежденный пьяница» (212). Судьба Астафьева складывается трагически, и, возможно, одна из причин этой трагедии – отсутствие простого житейского тепла, семейного очага, родного человека – всего того, что позволило бы примирить отвлеченную философию с жизненной реальностью.

Есть в романе и антидом – комната, которую занимает сосед Астафьева Завалишин. Автор не дает ему имени, но наделяет говорящей фамилией, его предназначение – «заваливать людей», «пускать в расход». Еще одна ассоциация – со словом «заваливающий». Его настоящий дом – это его подвал, где он расстреливает людей. Но все же есть и то место, где он живет повседневной жизнью.

В комнате Завалишина есть хозяйка – сожительница Анна Климовна, «расчетливая и хозяйственная» (275). Однако и его дом не только нельзя назвать таковым, но и, более того, можно обозначить как антидом. В тексте отсутствует описание комнаты Завалишина. По отдельным фразам складывается впечатление, что это не жилая комната, а кладовая, где находятся «всякие припасы, – в кулях, кулечках, банках, пакетиках» (275). Завалишин все несет в дом: «и белую муку, и липовый мед, и сахар кусками, и из спиртного. И материи приносил, и калоши, и обувь» (275). Все заботы и мечты Анны Климовны сосредоточены на том, «чтобы иметь настоящее хозяйство, а к праздникам заготовить и закоптить жирные окорока» (276). Поэтому «сарайчик» для «свинухи» значим для Анны Климовны (лжехозяйки!) куда больше, чем дом. И описан он более подробно: в «сарайчике» есть стол, «чистое ведерко», «окно, заделанное решеткой» (277). И «свинуха» оказывается дороже человека. Получив известие о смерти Завалишина, Анна Климовна «не плакала, даже не вынула платочка» (303). «Горем» своим поделилась с женщиной из больницы:

«– Главное дело – должность занимал большую <...> И жалование, и паек, и еще особо платили за каждую работу, как бы поштучно <...> Квартира у нас в три комнаты с кухней, много разного добра, а к Пасхе я свинушку воспитала.

И вот тут, свинушку вспомнив, Анна Климовна впервые всхлипнула, вынула чистый, аккуратно сложенный платок и вытерла сухие глаза» (303–304).

Таким образом, дом в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» воплощается в трех ипостасях: это полноценный Дом, неполноценный дом и антидом.

Полноценный Дом характеризуется наличием и гармоничным сочетанием ряда атрибутов, которыми обладает в романе только дом профессора-орнитолога. Это наличие *Хозяйки*, любимых *вещей* обитателей дома (часы с кукушкой, лампа, рояль); это ощущение *связи* и единства живущих в нем *поколений*, *гостеприимство*, *хлебосольство*; это присутствие *вечных ценностей* – науки и искусства; это и *особая атмосфера* тепла, уюта, любви и взаимопонимания. Все эти характеристики позволяют воспринимать старый особнячок как своеобразный микрокосм, упорядоченность и цельность которого становится все более ощутимой по мере развития исторических событий, несущих ощущение нестабильности, неправильности, раздробленности бытия (признаки хаоса).

Неполноценный дом героя не является средством его отрицательной характеристики, но свидетельствует о том, что в его жизни есть какая-то «неправильность», в ней отсутствует некая важная составляющая полноценного человеческого бытия.

Антидом или вообще отсутствие дома⁹ – это уже авторская оценка личности героя: его человеческой неполноценности, свидетельство духовной и душевной ущербности, а иногда – жестокости и бесчеловечности.

Дом, по Осоргину, является средоточием близких, житейских ценностей и хранителем ценностей вечных. Человек сам создает свой Дом – свое мироздание. И надежность этого Дома зависит от прочности уз, связывающих его обитателей друг с другом, понимающих ценность каждого момента жизни в настоящем и осознающих свою связь с вечным.

⁹ В данной статье мы не обращались к героям, которые автором в романе «лишены» дома (Эрберг, Брикман и др.).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Пархоменко Римма Степановна – доктор экономических наук, профессор.

Автор более 70 научных работ, посвященных вопросам перспективного планирования, логистики, маркетинга, инвестирования, становления региональной политики.

Вельмешев Владимир Викторович – инженер по прогнозированию добычи нефти и газа «Сахалин Энерджи Инвестмент ЛТД».

В экономических системах любого масштаба и уровня энергетика является базовой инфраструктурной сферой, обеспечивающей потребности всех без исключения экономических субъектов в электрической и тепловой энергии. Ни одна другая отрасль экономики так сильно, как энергетика, не влияет на качество жизни населения, эффективность функционирования бизнеса, а также на деятельность всех других социальных и технических структур различного уровня и значимости, поэтому надежное и стабильное энергоснабжение любого административно-территориального образования – неотъемлемое условие его эффективного социально-экономического развития. Динамика и уровень спроса на электроэнергию, с одной стороны, характеризуют экономический рост, уровень, темпы научно-технического прогресса и являются одной из основных качественных характеристик государственного и территориального развития. С другой стороны, деятельность, связанная с добычей энергоресурсов и получением тепла и электроэнергии, является источником загрязнения окружающей среды выбросами диоксида углерода, которые создают парниковый эффект, что, по мнению современных ученых, способствует изменению климата на нашей планете.

В суровых природно-климатических условиях России проблемы развития электроэнергетики всегда были приоритетными. В Федеральном законе 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» эта сфера деятельности названа основной функционирования экономики и жизнеобеспечения страны. При этом, несмотря на лидерство России в добыче и экспорте энергоресурсов, она, согласно докладу ПРООН о развитии человека в 2007–2008 гг., занимает 67-е место по потреблению электроэнергии на душу населения среди 177 стран мира, в несколько раз отставая от ряда государств с наиболее высоким уровнем развития человеческого потенциала. Особенностью России является резкая неравномерность в уровне территориального развития, вследствие этого в восточных районах страны энергопотребление на душу населения еще ниже (см. табл. 1). Постоянной проблемой как в свое время советской экономики, так и настоящей российской, является ее чрезмерная энергоемкость, или низкая энергоэффективность. Устойчивый экономический рост и эффективность использования энергии представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы: 60–65 % экономического роста обеспечивается за счет энергоэффективности. Из данных табл. 1 следует, что по уровню

Таблица 1

Энергетика и окружающая среда в 2004 г.

Страна	Потребление электроэнергии на душу населения (квч), 2004 г.	ВВП на единицу потребляемой электроэнергии *	Выбросы диоксида углерода на душу насел.	Доля в общем мировом объеме выбросов, %	Углеродоемкость энергетики	Углеродоемкость экономического роста
Россия,	6 425	2,0	10,6	5,3	2,38	1,17
в том числе Сахалинская обл.	5 573**	–	–	–	–	–
Норвегия	26 657	5,9	19,1	0,3	3,17	0,53
Канада	18 408	3,4	20,0	2,2	2,38	0,69
США	14 240	4,6	20,6	20,9	2,6	0,56
Япония	8 459	6,4	9,9	4,3	2,36	0,36

* Долл. США ППС 2000 г. на кг нефтяного эквивалента.

** Данные за 2006 г.

этого показателя лидирует Япония, которая не располагает собственными запасами нефти и газа, на втором месте – Норвегия, которая обеспечила экономический рост за счет нефтегазового комплекса, аутсайдером в данной выборке оказалась Россия, что свидетельствует о чрезвычайной актуальности этой проблемы для отечественной экономики.

С целью поддержки отечественных товаропроизводителей Газпромом установлены более низкие цены продажи газа на российском рынке по сравнению с мировыми, что вызывает дискуссии по вступлению России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Некоторые страны-члены ВТО утверждают, что двойственное установление цен на энергоносители представляет собой экспортную субсидию для российских экспортеров энергоемкой продукции. Продажа энергоресурсов по неоправданно низким ценам препятствует эффективной диверсификации экономики, снижающей долю отраслей, производящих энергоресурсы и энергоемкую продукцию. Кроме того, установление цен на энергоносители ниже уровня долгосрочных предельных издержек, учитывающих экологическую составляющую в дополнение к полным издержкам производства, в течение длительного периода времени также способствовало не только увеличению доли энергоемкого компонента в структуре промышленности, но и неадекватному инвестированию в производство и распределение энергоресурсов. Инфраструктура производственных мощностей промышленности чрезмерно ориентирована на использование энергии по сравнению с использованием других производственных ресурсов, а относительная цена энергии неадекватно отражает полные издержки для общества по производству этой энергии. Поэтому необходимо сформировать такой механизм принятия решений об инвестировании в промышленность, чтобы цены на энергоресурсы были бы не ниже определенных эффективных уровней, в противном случае может сформироваться дефицит энергетических мощностей, что в свою очередь замедлит экономический рост. Правительство России пытается диверсифицировать экономику, создавая новые рабочие места в секторах, которые независимы от больших объемов потребления энергии, а также снизить значимость экспорта энергоресурсов, но, как показывает статистика (данные табл. 1), пока эти усилия не смогли переломить сложившуюся негативную тенденцию.

Энергетическая отрасль России – это развивающийся в масштабах всей страны высокоавтоматизированный комплекс электрических, тепловых станций и сложного, большой протяженности сетевого хозяйства, объединенных технологическими циклами и оперативно-диспетчерским управлением. Установленная мощность электростанций зоны централизованного электроснабжения по состоянию на 2006 г. составила 210,8 ГВт [1]. Из этой суммарной мощности тепловые электростанции – основные производители диоксида углерода при использовании в качестве топлива угля составляют 68 %, гидроэлектростанции – 21 %, атом-

ные – 11 %. В настоящее время в России, кроме ТЭЦ, тепло производят 66 тысяч котельных, из которых около 3000 имеют мощность выше 20 МВт, множество мелких котельных и индивидуальных генераторов тепла. ТЭЦ общего пользования составляют почти две трети и 253 ед. промышленных мощностей. Суммарная протяженность тепловых сетей в России составляет 176,5 тыс. км. В организациях энергетической системы занято около 2 млн. человек. Структура производства тепла приведена в таблице 2 [3]. В сфере теплоснабжения наибольшая доля приходится на жилищный сектор, она достигает 51 %, доля промышленности равна 38 %, сферы услуг – 8 %, сельского хозяйства – 3 %.

Таблица 2

Структура производства тепловой энергии

Источники тепловой энергии	Доля в производстве тепла, %
Централизованные источники (мощностью более 20 Гкал/ч), в том числе:	73
Электростанции	32
Котельные	36
Прочие источники	5
Децентрализованные источники, в том числе:	27
Котельные	10
Автономные и индивидуальные источники	17

Приватизация в электроэнергетике путем создания открытых акционерных энергетических объединений (АО-энерго) в 1992 году существенно изменила ее структуру и форму управления энергетическими компаниями, которые оказались в условиях новой экономической среды и сжимающейся экономики. **Электроэнергетика, как стратегическая отрасль национальной экономики и как составная часть топливно-энергетического комплекса (ТЭК), стала индикатором экономической ситуации в стране.** Электропотребление с 1991 по 1998 год сократилось почти на 25 процентов. С 1998 года период падения спроса на электрическую энергию закончился и начался рост, но до настоящего времени электропотребление не достигло уровня, зафиксированного в конце 80-х годов. В начале реформ в российской энергетике осваивалось менее одной десятой части необходимых для технического перевооружения отрасли средств, а большая часть энергетических НИОКР вообще оказалась свернутой. В результате постоянного недостаточного финансирования в электроэнергетике стали нарастать кризисные явления, охватывающие все большую часть жизненно важных подсистем. К настоящему времени устаревшее оборудование на электростанциях России составляет 39 % установленной мощности, на те-

пловых электростанциях – 40%, а на гидростанциях – более 50 процентов [4]. Физический износ основных фондов большинства котельных достигает 68 %. В наиболее плохом техническом состоянии находятся муниципальные котельные, принятые от обанкротившихся промышленных предприятий и организаций. Котельные, работающие на газе, с котлами единичной мощностью более 4 Гкал/ч, имеют достаточно высокий КПД. Значительно хуже показатели котельных, оборудованных котлами малой мощности. Наихудшими с точки зрения экономичности являются котельные, работающие на угле: их КПД составляет 20–60 %. Это определяется низкими техническими характеристиками котлов, отсутствием химической подготовки воды для технологических нужд, плохим качеством угля и отсутствием предварительной его обработки, низким техническим уровнем эксплуатационного персонала.

Тепловые потери в трубопроводах магистральных тепловых сетей составляют около 10–11 % произведенной энергии, а суммарные потери с учетом распределенных сетей в отдельных случаях достигают до 30 %, в летний период – до 60 % (что связано не только с повышенными потерями тепла в тепловых сетях, но и со снижением тепловой нагрузки). Из-за утечек сетевой воды полная замена теплоносителя в системах теплоснабжения производится 10–30 раз в год. На каждые 100 км тепловых сетей ежегодно регистрируется более 70 повреждений. Средняя долговечность тепловых сетей составляет 12–15 лет при нормативном сроке эксплуатации 25 лет. В то же время обновление в этой системе происходит недостаточными темпами. С 1990 года по 2007 год введено в эксплуатацию всего 24,6 ГВт новых мощностей, преимущественно на тепловых станциях, которые при использовании угля становятся дополнительными источниками эмиссии загрязнителей в окружающую среду [9].

Таким образом, основными проблемами российской энергетики являются:

- невысокое энергопотребление в расчете на душу населения в сравнении с наиболее развитыми странами;
- высокая энергоемкость производимых товаров и услуг;
- недостаточные темпы ввода генерирующих мощностей;
- неудовлетворительная надежность схем энергоснабжения населенных пунктов и других конечных потребителей;
- нарастающий физический износ действующего оборудования;
- технологически и морально устаревший парк оборудования;
- сравнительная неразвитость сетевого хозяйства в отдаленных восточных регионах страны;
- большие потери в электрических и тепловых сетях;
- завышенные удельные расходы топлива на производство электрической и тепловой энергии;
- неэффективная регламентация технических условий присоединения, создания системы плани-

рования развития, обновления нормативной базы проектирования, стандартизации надежности энергетической системы.

Для решения этих проблем в России предусматривается строительство в ближайшие годы новых генерирующих мощностей объемом свыше 40 ГВт. Суммарные инвестиции в ТЭС и ГЭС, магистральные и распределительные сети, диспетчерская инфраструктура только на период до 2011 г. оцениваются в объеме до 4 трлн. руб. [6]. Кроме этого, формируются новые системные организационные изменения в сфере стратегического планирования, регулирования и управления энергетикой, направленные на обеспечение энергетической безопасности страны, повышение надежности и эффективности работы этого комплекса на основе внятной государственной политики.

На Дальнем Востоке все проблемы современной энергетики сопровождаются мультипликативным негативным эффектом. После либерализации внутренних цен многие местные предприятия оказались не в состоянии конкурировать на российском и мировом рынках в диапазоне «цена – качество» из-за отсутствия дешевой электроэнергии. В середине 90-х годов цветная и черная металлургия, химическая промышленность и машиностроение оказались на задворках экономического развития. В эти годы наибольшая рентабельность была зафиксирована в рыбной и лесной промышленности, энергетическая составляющая в которых менее значима.

В настоящее время, несмотря на кризисное состояние мировой экономики, прослеживается тенденция роста спроса на электроэнергию на ближайшую перспективу. В Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2020 года, одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2008 г., принят прогноз, предусматривающий рост централизованного электропотребления в России к 2015 году почти на 50 %, при некотором абсолютном снижении доли децентрализованного энергопотребления. Важной особенностью такого роста является его неравномерность как в региональном, так и в отраслевом аспекте, в частности, предполагается увеличение доли наиболее отстающего в своем развитии Дальнего Востока в общем электропотреблении страны. Поэтому обеспечение опережающего развития электроэнергетической отрасли, определение ее основных количественных и качественных параметров и конкретных механизмов их достижения относятся к числу наиболее важных задач экономической и энергетической стратегии как страны в целом, так и, в особенности, отдельных субъектов Федерации, социально-экономическое развитие которых существенно отстает от среднероссийских показателей. К числу таких субъектов относится и Сахалинская область.

Энергетическая система Сахалинской области технологически изолирована от общей российской энергосистемы и состоит из отдельных энергетических узлов: Центрального, обеспечивающего южную и центральную часть острова, Охин-

ского, расположенного в северной части острова, и Новиковского, обеспечивающего потребителей юго-восточной части Сахалина, кроме того, на Курильских островах функционируют четыре изолированных узла небольшой мощности. Центральный узел островной энергетической системы является собственностью ОАО «Сахалинэнерго», состоит из двух производственных подразделений: Южно-Сахалинской ТЭЦ-1, Сахалинской ГРЭС и распределительных сетей, по которым основная часть потребителей получает электрическую и тепловую энергию. Мощность объектов, принадлежащих ОАО «Сахалинэнерго», составляет 60 % от общей мощности централизованных источников, и производится на них 77 % электроэнергии, на Охинской ТЭЦ производится 9 % и 7 % – на Ногликской газотурбинной электростанции, остальная энергия производится децентрализованными источниками. Наиболее острой проблемой энергетики является старение оборудования тепловых электростанций: от 70 до 80 %. Самое изношенное оборудование на Охинской ТЭЦ, Сахалинской ГРЭС, Южно-Сахалинской ТЭЦ-1, Ногликской ГТЭС, которая хотя и была введена в эксплуатацию в конце 90-х годов, но укомплектована оборудованием, бывшим в употреблении. Учитывая значительное моральное и физическое старение оборудования, в электросетях трудно рассчитывать на надежное и стабильное энергоснабжение островных потребителей. Потери энергии в ОАО «Сахалинэнерго» составляют более 30 % [10], что значительно выше среднероссийских показателей. Основные причины потерь – устаревшая техническая база и хищения в сфере потребления. Большие проблемы в энергетике связаны с неудовлетворительными расчетами за потребляемую энергию. Часто крупнейшими неплательщиками являются государственные объекты федеральной и муниципальной собственности. Политика тарифного кредитования населения, энергоемкого ЖКХ и бизнеса, проводимая региональными властями, не стимулирует энергосбережение, с одной стороны, с другой – изолированность островной энергетики усиливает монополию местных производителей, которые функционируют при отсутствии эффективного рыночного механизма конкуренции, что также не способствует их мотивации на поиск более эффективных направлений развития отрасли.

За рубежом в последние 10–15 лет наблюдается быстрое развитие перспективных энергетических технологий с радикальным повышением их эффективности на 20–30 % при уменьшении стоимости природоохранных систем. Новые технологии на базе современных газовых установок позволяют в несколько раз увеличить долю комбинированной выработки электрической энергии при существующем тепловом потреблении. В промышленно развитых странах при наличии резервных мощностей, величина которых составляет 5–10 % и более от максимума электрических нагрузок, продолжают строить новые энергетические мощности с высоким КПД, реализуя принцип опережающего

развития электроэнергетики. С этой целью создан благоприятный инвестиционный климат: стоимость строительства ТЭС в европейских странах вполне сопоставима с российской, но тарифы на электроэнергию в странах, не располагающих соответствующей ресурсной базой, в разы выше (см. табл. 3). Следует отметить отличия в формировании тарифной системы за рубежом по сравнению с российским принципом. Наиболее высокие тарифы в Японии, которая не располагает собственными значимыми источниками энергоресурсов. Самые низкие тарифы, сопоставимые с российским уровнем, – в Норвегии, добывающей углеводороды в Северном море. Эта страна в течение многих лет занимает первое место в мире как по душевому производству ВВП, так и по качеству жизни своего населения, используя потенциал нефтегазового комплекса. В промышленном секторе Норвегии стоимость электроэнергии почти в 2 раза ниже по сравнению с тарифами на Сахалине. Вторая особенность зарубежной системы состоит в том, что тарифы в бытовом секторе, как правило, почти на 50 % выше по сравнению с промышленным. Такой подход позволяет эффективнее мотивировать население на более экономное энергопотребление, а производство товаров и услуг становится более конкурентоспособным. При этом следует отметить, что в России этот принцип сложнее реализовать из-за бедности населения, треть которого имеет доходы ниже прожиточного минимума.

Таблица 3

**Тарифы на электроэнергию
в европейских странах в 2004 году**

Страна	Тарифы на электроэнергию (руб./квт.ч)		
	промышленный сектор	бытовой сектор	усредненный тариф (50х50)
Норвегия	1,23	1,95	1,59
Германия	1,36	3,80	2,58
Великобритания	1,70	3,74	2,72
Финляндия	2,06	3,54	2,80
Австрия	2,70	4,96	3,83
Япония	3,21	4,88	4,04

В европейской части России также активно строятся новые энергетические мощности на основе парогазовых установок (ПГУ) с КПД более 55 %. ОАО «Газпром» и ОАО «Лукойл» приобрели такие активы электроэнергетики, потому что технологии выработки электроэнергии с применением таких установок, при относительно недорогом газе и малых сроках строительства, дают высокую прибыль. Генеральной схемой развития энергетики России предполагается, что с учетом перспектив разработки газовых месторождений Сахалина приоритетами территориального развития генерирующих мощностей на Дальнем Востоке будет

развитие в крупных городах тепловых электростанций на газе.

В сложных природно-климатических, сейсмоопасных и лавиноопасных условиях Сахалинской области недостаточное инвестирование в содержание и развитие островной энергетики обуславливает высокие затраты и тарифы на электроэнергию и тепло, влечет значительные техногенные риски, особенно в зимний период. Величина тарифов на электроэнергию и тепло оказывает большое давление на развитие всех видов бизнеса, особенно в сфере глубокой переработки сырья, что фиксирует экспортно-сырьевую направленность островной экономики, препятствует повышению качества жизни населения и способствует его оттоку в более благоприятные для жизни регионы.

В табл. 4 приводятся данные о тарифах на электроэнергию по укрупненным регионам страны.

Таблица 4

Тарифы на электроэнергию по укрупненным регионам России

Регион	2006 г.	2010 г.
Центр	1,09	1,40–1,46
Урал	0,81	1,03–1,08
Сибирь	0,54	0,69–0,72
Дальний Восток	1,45	1,86–1,95
Сахалин	2,03*	2,28*

* Утвержденная РЭК с 01.01.2009 г. величина тарифа для населения, которая, как правило, существенно ниже по сравнению с тарифом для организаций.

Из данных таблицы 4 следует, что стоимость энергии на Сахалине, который является поставщиком нефти и газа как на внутренний, так и на мировой рынок, самая высокая в России. В то же время в других регионах, не имеющих таких ресурсов, тарифы на электроэнергию ниже в два и более раза. По этой и ряду других причин, связанных с низкой деловой активностью, в островной экономике сложились следующие негативные тенденции:

- электроэнергетика и другие виды экономической деятельности в Сахалинской области неконкурентоспособны;
- доля убыточных предприятий в сфере производства и распределения газа, электроэнергии и воды составляет почти 80 %;
- величина прожиточного минимума – одна из самых высоких в стране, а численность населения с доходами ниже этого минимума составляет почти 20 %;
- среди субъектов РФ Сахалин по уровню качества жизни постоянного населения относится к группе аутсайдеров, несмотря на сравнительно высокую заработную плату в среднем по области за счет работающих в нефтегазовом секторе.

В 2001 г. Правительством РФ была принята федеральная целевая программа «Энергоэффективная экономика» на 2002–2005 гг. и на перспективу

до 2010 года». Согласно программе «в газовой отрасли предусматривалась разработка... технологий и оборудования для комплексной переработки газового сырья сложного состава в целях полного извлечения ценных химических компонентов». «Для освоения ресурсов углеводородного сырья на шельфах арктических морей и Дальнего Востока предусматривалась разработка специальных технологий добычи и переработки, а также создание соответствующего оборудования и инфраструктуры в указанных регионах для транспортировки сырья на внутренний и внешний рынки». В части программы, посвященной экологическим аспектам энергоэффективного развития ТЭК, предусматривалось внедрение ресурсосберегающей переработки золошлаковых отходов тепловых электростанций и снижение выбросов парниковых газов. Здесь же отмечалось: «Выполнение основных мероприятий по снижению выбросов парниковых газов должно стать важнейшим этапом реализации в России положений Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата и одним из факторов, способствующих привлечению инвестиций в российскую экономику». В программе содержались также меры по обеспечению регионов нефтепродуктами: «Для удовлетворения местных потребностей в нефтепродуктах в удаленных и труднодоступных районах планировалось строительство малогабаритных модульных нефтеперерабатывающих установок». Отмечалась необходимость разработки и создания пилотных установок, реализующих экологически чистые процессы и технологии нового поколения для энергоэффективного получения моторных масел, снижения энергетических затрат в промышленности тяжелого органического синтеза и использования перспективных источников энергии. И хотя распоряжением Правительства РФ от 17.10.2006 № 1446-р реализация этой федеральной целевой программы была признана завершенной, ее основные задачи так и остались нерешенными.

Для экономики Сахалинской области все перечисленные в программе мероприятия, к сожалению, не потеряли своей чрезвычайной актуальности и в настоящее время. Основным объектом энергетики на острове до настоящего времени является Южно-Сахалинская ТЭЦ, где уже более 40 лет работают давно устаревшие пять энергоблоков мощностью по 100 МВт каждый (фактическая их мощность около 90 МВт). Для ТЭЦ характерны высокий удельный расход топлива, большие затраты на ремонтные работы, высокая себестоимость и дорогое обслуживание, повышенное негативное влияние на окружающую среду. Администрация области основные надежды с улучшением положения связывает с обещаниями Газпрома газифицировать область, но пока в топливном балансе электростанций острова доминирует уголь. Рынок газа не развит. Поставки газа не осуществляются. С вводом Анивского месторождения удельный вес газа увеличился, а доля угля снизилась, так как отечественные угольные энергетические техно-

логии остановились в своем развитии на уровне 70-х годов прошлого века и относятся к одному из основных загрязнителей воздушного бассейна островной области. Стандарты надежности электроснабжения, качества электрической энергии и экологической безопасности значительно уступают практике развитых стран мира. Автоматизация технологических процессов на подстанциях осуществлена в незначительном объеме, а АСУ ТП как система – на 1 % по отношению ко всем подстанциям, поэтому схемы организации эксплуатации ориентированы прежде всего на круглосуточное пребывание на них обслуживающего (оперативного) персонала. Замена устаревших контрольно-измерительных приборов и автоматики на современные микропроцессорные устройства осуществляется в незначительных масштабах (не более 3 %). Существующие в настоящее время на подстанциях системы учета электроэнергии в большинстве случаев не отвечают современным требованиям как в части автоматизации, так и в части выполнения ФЗ «О единстве измерений». Большинство трансформаторов не имеет систем автоматического регулирования. В распределительных сетях генерируются значительные колебания уровня напряжения, что приводит к поломкам техники и оборудования у конечных потребителей электроэнергии. Высокие темпы роста потребления, превышающие темпы ввода производственных мощностей, наряду с отставанием в развитии электрических сетей, приводят к снижению системной надежности в целом. Отсутствие программ разработки и освоения новых технологий производства, транспорта и распределения электрической и тепловой энергии вызывает растущее отставание технического уровня островной электроэнергетики от уровня, достигнутого в промышленно развитых странах. Реализация шельфовых проектов пока мало отразилась на экономике области, включая энергетику, так как операторы проектов используют собственные автономные источники энергии, издержки производства на них достаточно высокие, но согласно условиям Соглашения о разделе продукции они все равно будут возмещаться за счет добытых на острове углеводородов. По этой причине у операторов проекта нет особой заинтересованности в развитии островной энергетики с меньшими затратами. Низкая энергоэффективность создает избыточную нагрузку на топливные отрасли, ведет к росту цен на электроэнергию для промышленных потребителей и населения и генерирует мультипликативный эффект удорожания во всех сферах экономической деятельности и жизнеобеспечения.

Перспективы развития островной энергетики непосредственно связаны с развитием Сахалинской области в целом, с газификацией острова, которую планируется реализовать с помощью ОАО «Газпром» в рамках реализации шельфовых проектов. Газ станет новым ресурсом для электростанций центральной и южной части острова. Прокладка газопровода в п. Вахрушев позволит осуществить реконструкцию Сахалинской ГРЭС

и заменить устаревшее оборудование. Намечается переоборудовать под газовое топливо Южно-Сахалинскую ТЭЦ-1. Учитывая, что ТЭЦ-1 не только вырабатывает тепло и электроэнергию для потребителей областного центра и многих близлежащих поселков, но, кроме того, является основным поставщиком парниковых газов и золошлаковых отходов в окружающую среду, перевод станции на газ значительно улучшил бы не только ее технико-экономические показатели, но и экологическую обстановку в г. Южно-Сахалинске. Охинская ТЭЦ также нуждается в реконструкции ввиду пересмотра карты сейсмичности области из-за ряда сильных землетрясений на севере Сахалина, после которых принято решение о строительстве парогазовых модулей с целью замены устаревшего оборудования. Для создания единой системы энергоснабжения Сахалина на паритетных началах с администрацией и заинтересованными компаниями рассматривается перспектива строительства высоковольтной ЛЭП «Ноглики–Даги–Оха» [10]. Кроме того, намечается реформирование ОАО «Сахалинэнерго» с целью повышения эффективности ее функционирования за счет улучшения работы основного, вспомогательного и обслуживающего производства. Проект предполагает создание прозрачной структуры региональной электроэнергетики за счет внедрения в практику управления бюджетирования во всех подразделениях компании и максимального внедрения конкурентных механизмов в условиях изолированной энергосистемы. Но все это пока в будущем. В настоящее время экономика Сахалинской области характеризуется экспортно-сырьевой направленностью. Богатейшие запасы нефти и газа, казалось, позволяют рассчитывать на быстрое социально-экономическое развитие после начала освоения месторождений. Но пока этого не случилось, и островная экономика не получила соответствующих импульсов к интенсивному росту. Основными потребителями тепло- и электроэнергии в области являются организации ЖКХ и население, и только около 30 % энергопотребления приходится на долю других экономических субъектов. Спрос на электроэнергию береговых сооружений добычи газа и нефти на шельфе, как указывалось выше, обеспечивается собственными децентрализованными источниками компаний. Для обеспечения ежегодного устойчивого экономического роста Сахалинская область должна реструктурировать свою экономику. Постановлением администрации Сахалинской области от 09.06.2006 № 140-па утверждена «Стратегия развития Сахалинской области на период до 2020 года», в которой предлагаются два сценария развития Сахалинской области: инерционный и инновационный. **Инерционный** сценарий предполагает развитие экономики в существующих условиях без радикальных преобразований и низком уровне экономической активности; имеет сырьевой профиль и ориентацию на внешний рынок. При таком сценарии развития Сахалинская область продолжает традиционно развиваться в условиях добы-

вающих отраслей и поставки энергоносителей на рынки зарубежных государств. **Инновационный** сценарий развития предполагает наравне с сырьевыми отраслями развитие перерабатывающих отраслей с применением новейших технологий. При инновационном сценарии развития Сахалинская область часть добываемого сырья перерабатывает в регионе и на рынки сбыта поставляет полученную из него продукцию.

Реализация этого сценария связана с обязательным учетом особенностей Сахалинской области как изолированного района энергоснабжения, который имеет следующие характеристики:

- потребители – населенные пункты, рассредоточенные на обширных территориях, с крайне низкой плотностью населения, с широким диапазоном нагрузок – от нескольких десятков кВт до нескольких десятков МВт;
- внешнее электросетевое хозяйство отсутствует, и его строительство нецелесообразно;
- транспортная инфраструктура развита слабо;
- основные децентрализованные энергетические источники – дизельные электростанции, работающие на привозном топливе;
- островной бизнес, кроме нефтяной и газовой промышленности, функционирует в основном в малых и средних формах.

В рамках инновационного сценария устойчивое развитие такой сравнительно слабо заселенной островной территории следует связывать с дальнейшим развитием энергетики в формате малого и среднего бизнеса. Сырьевой базой для ее развития являются большие запасы низконапорного природного газа, который крупным операторам проектов невыгодно извлекать или, как в случае с попутным нефтяным газом, утилизировать. В качестве технической базы в таких случаях можно использовать многофункциональные энерготехнологические комплексы (МЭК) на базе гибридных энергоустановок [3]. МЭК представляют собой систему, состоящую из отдельных модулей, конструктивно и функционально совместимых между собой. Комбинации модулей позволяют получить различные по составу и мощности объекты. Основные технологические модули можно подключать как к внешним сетям, так и работать независимо. Эта технология позволяет вводить МЭК в эксплуатацию поэтапно и гибко изменять схему работы. В составе МЭК в зависимости от конкретных местных условий предусматриваются следующие системы и агрегаты модульного типа:

- газогенераторная установка;
- малогабаритная установка по производству моторных топлив из нефти или газового конденсата;
- электростанция с приводом от многотопливного поршневого двигателя внутреннего сгорания;
- комплексная система утилизации тепла двигателя и газогенераторной установки;
- возобновляемый источник электроэнергии (ВЭС, малые ГЭС, солнечные электростанции и т. д.);

- статический преобразователь частоты;
- всережимный генератор;
- аккумулятор тепловой энергии для накопления и хранения излишней теплоты, выработанной гибридной электростанцией;
- накопитель электрической энергии (аккумулятор, электролизёр высокого давления с системой хранения газов и т. д.);
- система автоматического и ручного управления.

Малая энергетика может быть использована и в зонах централизованного энергоснабжения, играя важную роль в покрытии пиковой части графика нагрузки и обеспечивая маневренность генерирующих мощностей.

Перспективным направлением для развития малой энергетики является криогенная технология, при использовании которой низконапорный природный и попутный нефтяные газы сжижаются и в таком состоянии могут доставляться на любую энергоустановку. Сжиженные природные газы (СПГ) могут найти широкий сбыт не только на внутреннем, но и, при определенных условиях, на внешнем рынке по ценам \$ 120–210 за тонну. По такому варианту ОАО «Газпром» осуществляет программу газификации Ленинградской области и продает СПГ за рубеж (Финляндия) [8]. ООО «Лукойл-Нижневожскнефть» использует эту технологию для полной утилизации сжигаемых на факеле попутных нефтяных газов (ПНГ) месторождений в Волгоградской области. В этих программах в качестве технической базы используются криогенные комплексы по производству, хранению и транспортированию СПГ производительностью 6 тонн в час. В состав оборудования комплекса входит блок комплексной очистки и осушки (БКО); установка ОП-6, которая в свою очередь включает блок сжижения природного газа, производительностью 6 тонн СПГ/час; компрессорное оборудование; вспомогательное оборудование; система хранения и заправки СПГ; система автоматического контроля и управления; транспортные средства. В качестве транспортной тары предлагается использовать цистерны-контейнеры объемом 35 м³ на базе 40-футового контейнера ISO или 16 м³ на базе 20-футового контейнера ISO. В составе перерабатываемого газа имеется небольшое содержание этана, пропана и бутанов, поэтому блок сжижения комплектуется узлом ректификации, который позволяет использовать эти компоненты для эксплуатационных нужд установки, а излишки могут быть реализованы как товар. Криогенное оборудование создается на основе кооперации ОАО «Криогенмаш» с ведущими зарубежными фирмами Германии, США. Результаты разработки [8] варианта ТЭО с реализацией криогенных технологий СПГ для ООО «Лукойл-Нижневожскнефть» показали, что инвестиции в представленный криогенный комплекс СПГ окупаются в течение 3–4 лет. В условиях рыночных отношений, когда появилась заинтересованность владельцев сырья в максимальном использовании принадлежащих им товарных по-

тенциалов, внедрение криогенных технологий СПГ позволит получать значительные доходы.

В формате малой энергетики можно реализовать основные преимущества малого предпринимательства: инновационный дух, своевременную реакцию на запросы рынка, сравнительно небольшие инвестиции и менее значимые риски по сравнению с крупным бизнесом, более быстрый материальный успех. Однако эти достоинства малой энергетики могут проявиться только при определенных условиях. К числу таких условий относится развитая инфраструктура, под которой понимается система организаций, целью деятельности которых является оказание помощи и поддержки субъектам малого предпринимательства на льготных условиях. Кроме того, одной из причин успешного развития бизнеса в странах с развитой экономикой является учет того фактора, что крупное производство ориентируется на массовый, относительно однородный спрос, выпуск больших партий стандартной продукции и способствует повышению общехозяйственной эффективности за счет экономии на масштабах производства. Малые предприятия более успешно функционируют на небольших сегментах рыночного пространства, которые не представляют особого интереса для крупных корпораций, поэтому в успешных экономиках культивируется принцип кооперирования крупных и малых предприятий на основе взаимного дополнения, особенно в сфере специализации отдельных производств и в инновационных разработках. В России малые предприятия производят лишь 15–20 % валового национального продукта, на Сахалине – порядка 23 %, тогда как в странах с развитой рыночной экономикой эта цифра превышает 50 %. В последнее время в который раз малое предпринимательство объявлено «важнейшей сферой российской экономики», а поддержка малого предпринимательства – «важнейшей задачей государственной политики». На пути решения этой задачи первым шагом должно стать создание инкубаторов малого бизнеса. На Сахалине бизнес-инкубаторы (БИ) необходимо создавать в энергетике, ускоряя развитие успешных частных компаний, оказывая практическую помощь и обеспечивая техническую поддержку в виде различного рода услуг на наиболее уязвимых ранних стадиях их развития. Обычно это гибкая политика в отношении занимаемых площадей и арендной платы; обеспечение конторских услуг и оборудования с оплатой по мере использования; консультации профессионального менеджера по вопросам бизнеса, бухгалтерского учета, маркетинга и технических разработок; помощь в вопросах финансирования, организованная связь с внешними предприятиями и техническими консультантами; возможности для контактов и проведения деловых операций с другими компаниями, работающими по соседству. Инкубаторы уменьшают риск, связанный с работой вновь создающихся компаний, его обитатели получают доступ к таким услугам и оборудованию, которые иначе были бы для них недоступны или не по силам.

Для привлечения ресурсов крупных предприятий в целях развития малого предпринимательства на Западе широко применяют систему контрактных отношений крупных и мелких фирм (франчайз). Франчайзинг способствует освоению новых технологий, расширению сферы деятельности малого предпринимательства. Роль франчайзинга незаменима также в повышении качественного уровня подготовки кадров для малой энергетики. В Сахалинской области в качестве франчайзеров могли бы выступить энергетические компании из регионов, в которых эти форматы бизнеса достаточно хорошо освоены. Создание таких структур в сфере малой энергетики является жизненно необходимым в связи с тем, что это производство требует особых профессиональных знаний и соответствующей подготовки кадров. При создании условий для развития малой энергетики важнейшую роль играют нетрадиционные источники финансирования. Для привлечения инвестиций в малый бизнес, особенно в его инновационную сферу, в развитых странах используют инструменты венчурного финансирования, которое способствует развитию инноваций, формированию нового предложения и создает серьезные конкурентные преимущества не только компаниям, но и национальной экономике. Особенность венчурного финансирования заключается в том, что денежные капиталы одних предпринимателей и интеллектуальные возможности других (оригинальные идеи или технологии) объединяются в реальном секторе экономики для того, чтобы в новой компании обоим предпринимателям принести прибыль. Понятие венчурного капитала складывается не только из экономической, но и социальной и даже психологической составляющих. Именно личности инвестора и инвестируемого играют определяющую роль наряду с самой идеей будущего производства. В России понятие венчурного финансирования появилось с 1993 года, когда по решению Токийского саммита правительств стран «Большой семерки» и ЕС было принято Соглашение о поддержке приватизированных малых и средних предприятий и запущена ЕБРР программа региональных венчурных фондов (РВФ) в объеме \$ 300 млн. В 2006 г. решением Правительства Российской Федерации (Постановление № 516 от 24 августа 2006 года) создано ОАО «Российская венчурная компания» (РВК). В инвестиционной декларации венчурного фонда содержатся определенные правила и условия, среди которых – основные: доля РВК в фонде – 49 %; фонд инвестирует только в инновационные компании; за 5 лет фонд должен инвестировать не менее чем в 8 инновационных компаний; 80 % средств фонда должны быть инвестированы в компании на ранней фазе их развития. К настоящему времени в ряде регионов на базе РВК созданы фонды содействия развитию малых венчурных предприятий в научно-технической сфере республик Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Чувашия, а также в Московской, Калужской, Самарской и Тюменской областях. Но к

одному из условий функционирования РВК относится запрет на инвестирование проектов в добычу, производство и переработку полезных ископаемых и энергоносителей, а также в производство и распределение электроэнергии, за исключением разработки и использования технологий экологически чистого извлечения энергии. Учитывая, что малая энергетика Сахалинской области может быть создана для переработки попутных нефтяных и низконапорных газов, это направление следует рассценивать как инвестирование в научно-техническую отрасль для экологически чистого извлечения энергии, с тем чтобы получить федеральную поддержку на развитие малой островной энергетики.

Таким образом, для преодоления негативных тенденций в экономике и энергоснабжении островной области в электроэнергетике Сахалина и Курил необходимо выделить следующие приоритетные задачи:

- обеспечение опережающего развития электроэнергетической отрасли, создание в ней оптимальной, экономически обоснованной структуры генерирующих мощностей и распределительных сетей с целью надежного обеспечения потребителей электроэнергией и теплом;
- оптимизация топливного баланса электроэнергетики за счет максимально возможного использования потенциала развития малой газовой децентрализованной генерации; создание инфраструктуры, обеспечивающей полноценное участие малых и средних компаний в рынке электроэнергии и мощности; минимизация удельных расходов топлива на производство электроэнергии и тепла за счет внедрения передовых технологий и современного высокоэкономичного оборудования;
- соблюдение экологических нормативов в соответствии с принятыми международными обязательствами и национальными стандартами;
- создание условий для развития малых форм в энергетике, используя для их стимулирования инструменты не только налогово-бюджетной политики, но и соответствующую инфраструктуру, включая бизнес-инкубаторы и технологические площадки для разработки и апробирования новых энергоустановок на СПГ, полученном из низконапорного природного и попутного нефтяного газа;
- диверсификация источников финансирования развития малой энергетики, в том числе за счет создания венчурных фондов на основе партнерства с государством и муниципалитетами;
- формирование региональной нормативной базы, регламентирующей деятельность в этой сфере;

- использование возможностей конкурентного ценообразования, которое создаст реальную зависимость между эффективностью бизнеса и размером прибыли и коренным образом переломит затратные тенденции в энергетике.

Все перечисленные задачи могут быть успешно решены только при создании через систему высшего и среднего профессионального образования соответствующего кадрового потенциала для островной экономики и энергетики.

Литература

1. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 года. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2008 г. № 215-р.
2. Горшков А. П. ЗАО «Газотурбинные технологии». Рынок ГТУ: ситуация меняется [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gtt.ru/content/category/2/36/64/>
3. В. В. Заддэ. ВИЗ, Мини-ТЭЦ и будущее энергетики России (№ 11, 2005) [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.esco-ecosys.narod.ru/2005_11/art13.htm.
4. С. В. Жарков. О перспективах оборудования отопительных ТЭЦ в России. Институт систем энергетики им. Л. А. Мелентьева СО РАН (г. Иркутск) [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gtt.ru/content/category/2/36/64/>
5. Макаров, В. Л. Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия / В. Л. Макаров, А. Е. Варшавский. – М.: Наука, 2004. – С. 84.
6. Некрасов, А. С. Перспективы развития топливно-энергетического комплекса России на период до 2030 года / А. С. Некрасов, Ю. В. Синяк / Проблемы прогнозирования. – № 4. – 2007. – С. 11–25.
7. Основные положения (Концепция) технической политики в электроэнергетике России на период до 2030 г. ОАО РАО «ЕЭС России». 2008 г.
8. Передельский, В. А. Криогенный комплекс по производству, хранению и транспортированию СПГ производительностью 6 тонн в час / ОАО «Криогенмаш»/ Москва.
9. Б. С. Ревзин. О роли теплофикации и о развитии энергетических ГТУ и ПГУ в новых условиях [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gtt.ru/content/category/2/36/64/>
10. Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2020 года [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.adm.sakhalin.ru/uploads/media/Strategija.doc>.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ С ОСНОВНЫМИ СТРАНАМИ-ПАРТНЕРАМИ ПО АТР

Урубкова Ирина Евгеньевна – ведущий экономист агентства по культуре Сахалинской области, аспирантка кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета.

В результате сочетания определенных географических, политических и исторических условий внешнеэкономическая деятельность стала для Сахалинской области одним из важнейших факторов, влияющих на социально-экономическую ситуацию региона. За счет внешнеэкономической деятельности удается компенсировать отрицательные последствия удаленности от основных промышленных центров России.

Существует не так много монографий или крупных исследований, посвященных проблемам внешнеэкономической деятельности Сахалинской области. В их числе можно назвать труды В. Н. Елизарьева¹, В. П. Горшечникова², П. А. Минакира³, И. П. Фархутдинова⁴, Н. В. Арсеньева⁵, А. А. Кина⁶. Необходимо отметить, что основная часть работ была опубликована до 2000 года. Новейшие исследования по данной тематике можно встретить в формате небольших статей.

В данной статье рассматривается развитие одной из форм внешнеэкономической деятельно-

сти – внешней торговли Сахалинской области – с четырьмя странами: Японией, Республикой Корея, США и Китаем как с наиболее постоянными торговыми партнерами. На протяжении ряда лет с момента прекращения существования СССР суммарная доля четырех стран во внешнеторговом обороте области значительно превышала 50 %, в 2008 г. эта цифра составила 93,6 %⁷. Таким образом, очевидно, что отношения Сахалинской области с перечисленными странами значимы для ее экономики.

В статье предлагаются варианты ответов на два интересующих нас вопроса: какие изменения произошли в структуре внешней торговли Сахалинской области (на примере торговли с вышеперечисленными странами); явились ли они результатом четко спланированных и скоординированных действий региональной администрации.

Динамика стоимостных показателей внешней торговли Сахалинской области по основным группам товаров представлена в таблицах 1 и 2.

¹ См.: Елизарьев, В. Н. *Сахалинская область на перекрестке российско-японских отношений конца XX столетия (современные формы и проблемы сотрудничества)* / В. Н. Елизарьев. – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 1999. – 175 с.; Елизарьев, В. Н. *Сахалинская область. Современные формы и проблемы международного сотрудничества* / В. Н. Елизарьев. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 1999. – 416 с.

² См.: Горшечников, В. П. *Россия, Дальний Восток, Сахалинская область. Проблемы и практика интеграции в мировое хозяйство* / В. П. Горшечников, В. В. Рукавец. – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1999. – 102 с.

³ См.: Минакир, П. А. *Внешиэкономическое сотрудничество на Дальнем Востоке России: проблемы и перспективы* / П. А. Минакир // *Регион: экономика и социология*. – 2000. – № 1. – С. 69–84; Минакир, П. А. *Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года* / П. А. Минакир, Н. Н. Михеева // *Регион: экономика и социология*. – 2002. – № 3. – С. 34–66.

⁴ См.: Фархутдинов, И. П. *Концептуальные основы стабилизации экономики региона (на примере Сахалинской области)* / И. П. Фархутдинов. – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 1999. – 196 с.

⁵ См.: Арсеньев, Н. В. *«Сахалин-2»: факты, документы. События (1990–2000 годы)* / Н. В. Арсеньев. – Южно-Сахалинск: изд-во «Лукоморье», 2008. – 472 с.

⁶ См.: Кин, А. А. *Комплексная оценка связей Сахалина с Россией и миром* / А. А. Кин, Е. Б. Кибалов, Е. Е. Горяченко, В. И. Горяченко // *Регион: экономика и социология*. – 2002. – № 1. – С. 32–40; Кин, А. А. *Экономика восточного анклава: состояние и перспективы развития* / А. А. Кин, Н. Н. Михеева // *Регион: экономика и социология*. – 2001. – № 3. – С. 54–74.

⁷ Рассчитано по: *Сахалинская область на рубеже XXI века*. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. – 322 с.; *Сахалинская область в цифрах*. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2007. – 387 с.; *Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года*. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

Таблица 1⁸

Динамика экспорта Сахалинской области по странам и группам товаров

Годы	1999	2002	2005	2008
Экспорт Сахалинской области, тыс долл.	159 802,47	501 390,87	1 062 723,42	8 731 201,28
Общий объем экспорта Сахалинской области по 4-м странам, тыс. долл.	120 584,53	478 858,89	944 661,12	8 595 116,83
Япония	43 221,54	155 684,73	709 941,20	3 666 757,97
Нефть сырая	0,38	108 737,53	640 266,54	3 519 304,78
Уголь	0,00	3 863,62	13 969,60	46 416,59
Рыба и морепродукты, из них:	14 642,99	24 736,85	17 187,55	34 499,47
свежие, мороженые, сушеные	13 731,84	21 818,66	17 187,55	34 135,11
готовые	911,15	2 918,19	0,00	364,36
Лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия	24 813,34	16 982,80	11 437,42	1 731,32
другое	3 764,83	1 363,93	27 080,09	64 805,81
Республика Корея	34 453,91	249 352,30	193 969,87	4 640 014,18
Нефть сырая	13 262,90	205 223,07	47 708,25	4 466 047,85
Уголь	94,46	296,68	0,00	1 640,93
Рыба и морепродукты, из них:	7 678,40	17 800,80	25 573,13	15 012,50
свежие, мороженые, сушеные	4 279,61	13 338,02	25 573,13	14 503,32
готовые	3 398,79	4 462,78	0,00	509,18
Лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия	7 553,04	14 598,45	8 965,65	691,67
другое	5 865,11	11 433,30	111 722,84	156 621,23
Китай	35 086,10	67 747,60	30 710,14	222 931,71
Нефть сырая	33 894,13	30 068,66	0,00	158 590,75
Уголь	0,00	0,00	0,00	1 686,88
Рыба и морепродукты, из них:	1 187,47	3 383,86	26 884,92	38 552,44
свежие, мороженые, сушеные	1 187,47		26 884,92	38 552,44
готовые	0,00		0,00	0,00
Лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия	0,00	1 021,48	1 373,22	1 052,01
другое	4,50	33 273,60	2 452,00	23 049,63
США	7 822,98	6 074,26	10 039,91	65 412,97
Нефть сырая	0,22	0,02	0,04	42 880,82
Рыба и морепродукты, из них:	2 444,41	1 666,30	404,61	4 172,02
свежие, мороженые, сушеные	708,63	20,02	404,61	4 003,71
готовые	1 735,78	1 646,28	0,00	168,31
Лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия	0,21	11,61	0,00	0,05
другое	5 378,14	4 396,33	9 635,26	18 360,08

Япония стабильно занимает место в первой тройке стран – основных партнеров Сахалинской области в АТР. В рассматриваемом периоде (1992 г. – настоящее время) с 1998 г. во внешней торговле отмечается поступательное наращивание объемов внешнеторгового оборота. Вместе с тем показатели внешней торговли Японии с Сахалинской областью свидетельствуют о нестабильной динамике. Если в 1992 г. удельный вес Японии во внешнеторговом обороте Сахалинской области был 54,4 %,

то в 2000 г. – 15,4 %, а в 2008 г. – 39,3 %⁹. В структуре внешнеторгового оборота Сахалинской области Япония занимает гораздо большую долю, чем по России в целом. В этом проявляется специфика области как одного из регионов ДВФО. Удельный вес Сахалинской области во внешнеторговом обороте России с Японией в 2008 г. составил 13,6 %¹⁰.

В 2008 г. объем внешнеторгового оборота области с Японией составил 3 954,5 млн долл. (39,3 % внешнеторгового оборота области) и увеличился

⁸ Рассчитано по: Статистические данные о внешней торговле Сахалинской области со странами: США, Япония, Китай, Республика Корея, Сингапур – в разрезе товарных групп за период с 1994 года по 2008 год включительно // Текущий архив Сахалинской таможни. № 070821. 1689 л.

⁹ См. там же.

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения 01.12.2009).

по сравнению с 2007 г. в 1,9 раза, а с 1998 г. – в 27,8 раза¹¹. Значительный рост внешнеторгового оборота в первую очередь связан с наращиванием объема экспорта сырой нефти, добытой в рамках реализации нефтегазовых проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» на шельфе острова.

С течением времени отраслевые приоритеты Японии значительно изменились. На протяжении 90-х гг. в структуре областного экспорта в Японию преобладали пищевкусовые товары: рыба и морепродукты. В литературе того периода возможный рост экспорта в Японию связывался именно с уве-

Таблица 2¹²

Динамика импорта Сахалинской области по странам и группам товаров

Годы	1999	2002	2005	2008
Импорт Сахалинской области, тыс. долл.	113 576,93	268 464,57	2 492 185,16	1 036 363,90
Общий объем экспорта Сахалинской области по 4-м странам, тыс. долл.	72 080,79	196 198,82	1 636 954,24	612 748,59
Япония	11 318,22	22 905,64	764 273,83	243 666,81
Продовольственные товары	177,66	125,21	220,42	312,09
Текстиль, обувь	37,58	53,91	160,62	3 240,04
Нефть и нефтепродукты	876,17	140,08	1 124,37	995,76
Полимеры, пластмассы	460,54	722,13	2 049,59	1 132,74
Каучук, резина	356,41	518,14	1 538,83	3 832,30
Металлы и изделия из них	2 465,28	7 233,98	178 439,84	44 053,30
Машины и оборудование	4 292,43	8 455,59	68 213,10	48 211,88
Транспортные средства	1 660,94	4 817,76	492 589,88	109 912,73
Мебель	1,11	21,10	1 149,98	1 175,63
Республика Корея	13 129,99	12 505,32	504 960,48	76 685,05
Продовольственные товары	576,57	724,94	143,38	882,59
Текстиль, обувь	144,36	486,89	1 751,58	1 087,44
Нефть и нефтепродукты	334,30	183,04	1 537,00	3 533,68
Продукция химической промышленности	361,11	474,28	2 932,58	6 787,24
Полимеры, пластмассы	648,52	1 445,80	4 634,39	5 846,82
Металлы и изделия из них	779,69	2 701,37	147 339,60	35 346,45
Машины и оборудование	1 091,53	2 846,09	329 925,30	10 189,50
Транспортные средства	7 998,70	2 115,28	5 618,91	4 752,95
Мебель	383,32	203,93	2 689,98	1 970,14
Китай	270,67	3 083,26	40 413,45	45 423,36
Продовольственные товары	9,00	0,00	0,19	1,61
Одежда и обувь	41,19	147,75	595,37	2 439,13
Продукция химической промышленности	102,51	774,45	680,20	669,49
Полимеры, пластмассы	9,39	18,58	2 136,21	846,16
Каучук, резина	2,36	7,75	853,12	628,40
Металлы и изделия из них	5,65	40,84	29 291,74	6 918,82
Машины и оборудование	13,51	505,43	1 572,07	8 768,84
Транспортные средства	18,12	509,05	270,79	5 210,62
Мебель	5,19	139,14	571,93	3 046,55
США	47 361,91	157 704,60	327 306,48	246 973,37
Продовольственные товары	3 058,66	972,03	410,79	2 447,16
Текстиль, обувь	816,28	822,09	6 562,57	1 840,31
Нефть и нефтепродукты	166,97	785,05	804,75	2 609,06
Продукция химической промышленности	3 789,60	3 996,15	6 073,23	9 094,90
Полимеры, пластмассы	812,95	2 952,52	370,40	5 346,05
Каучук, резина	1 110,83	766,41	2 639,79	3 270,73
Металлы и изделия из них	10 692,93	178,78	82 507,13	50 440,09
Машины и оборудование	16 531,13	68 055,55	161 505,16	123 070,36
Транспортные средства	2 348,17	33 207,68	9 365,01	11 681,32
Мебель	4 026,71	14 480,77	7 549,61	3 047,43

¹¹ Рассчитано по: Сахалинская область на рубеже XXI века. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. – 322 с.; Сахалинская область в цифрах. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2007. – 387 с.; Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

¹² Рассчитано по: Статистические данные о внешней торговле Сахалинской области со странами: США, Япония, Китай, Республика Корея, Сингапур – в разрезе товарных групп за период с 1994 года по 2008 год включительно // Текущий архив Сахалинской таможни. № 070821. 1689 л.

личением поставок рыбы и морепродукции¹³. Но после 2000 г. удельный вес рыбы и морепродуктов стал стремительно падать и в 2008 г. составил уже всего 1 %¹⁴. Основой экспорта стало минеральное сырье, а именно нефть сырая (96 % в 2008 г.).

В 2008 г. преобладали товары топливно-сырьевой группы, на долю которых приходилось около 97,3 %¹⁵ стоимостного объема всех экспортных поставок области в Японию. В феврале 2009 г. состоялось открытие первого в России завода по сжижению природного газа (СПГ). Мощность завода СПГ — 9,6 млн. тонн в год, 60 % этого объема будет поставляться в Японию, в марте 2009 г. начались поставки газа в Японию из порта Пригородное. В связи с открытием завода можно прогнозировать рост экспортных поставок в Японию на ближайшую перспективу.

С 2003 г. по настоящее время наблюдается тенденция роста экспорта в Японию угля в абсолютном выражении, однако его доля в поставках топливно-энергетических ресурсов пока остается незначительной: 1,27 % общего объема экспорта в Японию в 2008 г. (таблица 1).

Японский рынок имеет важное значение для поставок второй по значимости экспортной группы области — рыбы и морепродуктов. Практически вся продукция реализуется в виде сырья, что снижает стоимостные показатели экспорта. По мнению администрации Сахалинской области, важнейшей задачей остается переработка сырья и поставка на японский рынок готовой высококачественной продукции¹⁶. Однако, согласно официальным данным государственной таможенной статистики Японии¹⁷, в 2008 г. доля свежей рыбы в общем объеме импортируемых Японией продуктов питания составила 21,6 %, а в общем объеме импортируемой рыбы и рыбопродуктов — 82,6 % (таблица 3). В структуре японского потребления сырая рыба традиционно занимает большую долю. Поэтому поставки Сахалинской областью на японский рынок переработанного сырья в этой отрасли не являются перспективными.

На протяжении ряда лет лесопродукция оставалась одной из основных экспортных статей Сахалинской области в Японию. Но экспорт лесоматериалов в Японию имеет неэффективную структуру: значительную долю в нем занимают поставки необработанной древесины. В последние годы отмечается стремительное падение доли лесоматериалов в общем объеме поставок на японский рынок.

Тем не менее, наряду с Республикой Корея и КНР, Япония является основным импортером сахалинских лесоматериалов.

Таблица 3¹⁸

Показатели японского импорта по некоторым видам товаров

Код товара	Наименование	Объем, тыс. иен	Удельный вес, %
0	Продовольственные товары, скот	5567478567	100,0
007	Рыба и рыбопродукты	1452725992	26,1 (100,0)
00701	Свежая рыба	1200393166	21,6 (82,6)

Расширение подрядных работ в рамках проектов освоения нефтегазовых месторождений сахалинского шельфа, строительство завода СПГ обусловили значительное увеличение в 2003–2005 гг. объемов импорта из Японии. В 2008 г. импорт составил около 250 млн. долл., т. е. по сравнению с 2005 г. сократился втрое (таблица 2). Снижение импорта связано с окончанием строительных работ по обустройству инфраструктуры по проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2». В структуре импортных поступлений доля машин и оборудования является наибольшей. Однако следует отметить, что практически вся продукция машинопромышленного комплекса ввозится на территорию области для реализации работ в рамках шельфовых проектов «Сахалин». В структуре ввоза отсутствует технологическое оборудование, предназначенное для создания перерабатывающих производств в других отраслях экономики.

Республика Корея занимает одно из ведущих мест среди стран дальнего зарубежья, торгующих с Сахалинской областью. Основными факторами, стимулирующим внешнеэкономическую деятельность, является территориальная близость, интересы Республики Корея в сфере освоения природных ресурсов, наличие в регионе корейской диаспоры.

В торговле Сахалинской области с РК прослеживается тенденция роста. За период с 1992 по 2008 г. внешнеторговый оборот увеличился в 87,5 раз¹⁹. По объему товарооборота с 2006 г. РК вышла на пер-

¹³ См.: Бок Зи Коу. Экономика Сахалина: учебное пособие для вузов / Бок Зи Коу, М. С. Высоков. — Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 2003. — С. 288.

¹⁴ Рассчитано на основе данных таблицы 1.

¹⁵ См. там же.

¹⁶ См.: Комитет международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей Сахалинской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ciferas.ru (дата обращения 01.12.2009).

¹⁷ См.: Государственная таможенная служба Японии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.customs.go.jp (дата обращения 01.12.2009).

¹⁸ Рассчитано по: Государственная таможенная служба Японии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.customs.go.jp/english/exp-imp/index.htm (дата обращения 01.12.2009).

¹⁹ Рассчитано по: Сахалинская область на рубеже XXI века. — Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. — 322 с.; Сахалинская область в цифрах. — Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2007. — 387 с.; Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь — декабрь 2008 года. — Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. — 217 с.

вое место, опередив по этому показателю Японию. Однако как абсолютные, так и относительные показатели товарооборота не являются стабильными в течение всего рассматриваемого периода. Если в 1992 г. удельный вес РК во внешнеторговом обороте Сахалинской области был 17,8 %, то в 2000 г. – 6,4 %, а в 2008 г. – 47,9 %²⁰. По итогам 2008 г. доля РК во внешней торговле области была 47,9 % или 4 827 млн долл., что составило более четверти (26,4 %) от общего торгового баланса России и Республики Корея. В статистике внешнеторгового оборота наблюдается похожая картина, как и в отношениях с Японией: на протяжении 1992–2008 гг. доля РК во внешней торговле России не превышала 2,7 %. В Сахалинской области же – не опускалась ниже 6,4 % в 2000 г.²¹ В структуре внешнеторгового оборота Сахалинской области РК занимает большую долю, чем по России в целом.

Экспорт носит сырьевой характер. Но на протяжении рассматриваемого периода претерпевал изменения по группам товаров. В 90-е гг. основными статьями экспорта являлись рыба и морепродукты, лесоматериалы, металлический лом. В 2001 г. благодаря существенному увеличению экспорта нефти объем внешней торговли между Сахалинской областью и Республикой Корея значительно вырос и составил 362,6 млн долл., увеличившись по сравнению с 2000 г. более чем в 6 раз. Соответственно, экспорт рыбы и морепродуктов в структуре экспорта в РК снизился и составил всего 5,1 %. С 2007 г. данный показатель не превышает 3 %²². Тем не менее поставки рыбы и морепродуктов в РК в абсолютном выражении по-прежнему значительны. С 2006 г. поставки этой группы товаров в РК превышают аналогичные поставки на рынок Японии.

В связи с реализацией проекта «Сахалин-2» Республика Корея рассматривается в качестве одного из ключевых потребителей сахалинского сжиженного природного газа. Компания Sakhalin Energy выиграла тендер на поставку ежегодно 1,5 млн тонн СПГ в Республику Корея.

В 2008 г. объем импорта составил 97 млн долл.²³ (8,8 % областного импорта). Относительно низкая цена и хорошее качество корейских товаров сдела-

ли их популярными среди населения области. На судостроительных предприятиях Республики Корея осуществляются все виды ремонта сахалинских судов. В результате в 2008 г. около 9 % областного импорта приходится на Республику Корея. В отдельные годы импорт в РК достигал гораздо более высоких отметок. Например, в 1998 г. доля РК в структуре областного импорта составила 60,5 %²⁴. Это связано с тем, что в 1998 г. в РК прошла доводку морская ледостойкая платформа «Моликпак», которая в конце августа была установлена на шельфе Сахалина. В 2006 – 2007 гг. доля РК в импорте составляла 40 %: модернизация буровой платформы «Моликпак», строительство танкеров для экспорта сахалинской нефти, контракт, полученный корпорацией «Daewoo Engineering and Construction Co., Ltd.» при строительстве завода СПГ, строительство морской платформы «ЛУН-А» компанией «Samsung Heavy Industries».

Таким образом, если основными статьями импорта на протяжении 90-х гг. были продукты питания, товары хозяйственно-бытового назначения, одежда и обувь, то с началом реализации проектов сахалинского шельфа ситуация изменилась. В настоящее время основными группами импортных товаров являются изделия из черных металлов (26,3 %), черные металлы (8,3 %), пластмассы и изделия из них (6 %), машины и оборудование (5 %), нефтяные масла (3,6 %) (таблица 2).

Сахалинские предприятия, организации и учреждения начали активное деловое сотрудничество с Китаем с 1998 г. Оно заключалось во взаимных деловых визитах, потоке грузов, привлечении китайских рабочих для выполнения различных работ.

Несмотря на рост российско-китайской приграничной торговли, доля КНР в объеме внешнеторгового оборота Сахалинской области как субъекта ДВФО остается довольно низкой: 2,8 % в 2008 г. Экономическое сотрудничество с Китаем не отличается стабильностью внешнеторгового оборота. Доля внешнеторгового оборота с Китаем в рассматриваемый период колеблется от 1,5 % (1998 г.) до 9,2 % (1993 г.). В 2008 г. товарооборот между Сахалинской областью и КНР увеличился в 1,8 раза, превысив 300 млн долл.²⁵ По этому пока-

²⁰ Рассчитано по: Сахалинская область на рубеже XXI века. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. – 322 с.; Сахалинская область в цифрах. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2007. – 387 с.; Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

²¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения 01.12.2009).

²² Рассчитано по: Статистические данные о внешней торговле Сахалинской области со странами: США, Япония, Китай, Республика Корея, Сингапур – в разрезе товарных групп за период с 1994 года по 2008 год включительно // Текущий архив Сахалинской таможни. № 070821. 1689 л.

²³ Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

²⁴ Сахалинская область на рубеже XXI века. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. – 322 с.

²⁵ Рассчитано по: Сахалинская область на рубеже XXI века. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. – 322 с.; Сахалинская область в цифрах. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2007. – 387 с.; Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

зателю двусторонние экономические отношения с Китаем заняли 4 место после Республики Корея, Японии и США.

В настоящее время в Китай отправляются нефть сырая, мазут, рыба и морепродукты. Товарная структура экспорта в Китай сохраняет сырьевую направленность. Среди основных экспортных позиций – топливно-энергетические ресурсы (нефть, уголь) – 73,1 %, продовольственные товары и сырье для их производства (рыба и морепродукты) – 27,5 %²⁶. Китай является крупным импортером сахалинской рыбы и морепродуктов. На его долю в 2008 г. пришлось 23,2 % общего экспорта этой товарной группы в стоимостном выражении²⁷. Это второе место после Республики Корея. Всего в 2008 г. в Китай реализовано 71,8 тыс. тонн рыбы и морепродуктов на 74,9 млн долл. Значительный рост экспорта на китайский рынок связан с поставками в январе–марте текущего года нефти сырой.

На протяжении 90-х гг., в условиях инфляционных процессов, дешевые китайские товары пользовались стабильным спросом у населения. Основную часть импорта из Китая составляли топливо и пищевкусные товары, изделия из пластмасс и одежда. В дальнейшем появилась потребность в более качественном ассортименте. В этой связи началось изменение структуры экспортно-импортных операций с Китаем. Основными статьями импорта из Китая являются: цемент, контейнеры, электрогенерирующие установки, трубы-профили и металлоконструкции из черных металлов, бульдозеры и экскаваторы.

Сахалинская область придает большое значение развитию экономических связей с **США**, рассматривая их в качестве одного из наиболее перспективных партнеров.

До 1990 г. контакты с американскими бизнесменами ограничивались в основном контактами с представителями нефтяного бизнеса, которые активно включились в проработку потенциальных возможностей шельфа Сахалина. Новый виток российско-американских отношений связан с освоением нефтегазовых месторождений сахалинского шельфа. В 1992 г. Правительством РФ по инициативе областной администрации было принято решение о привлечении к разработкам месторождений иностранных компаний на условиях раздела продукции. В 1995 г. было подписано соглашение о реализации проекта «Сахалин-1», среди иностранных участников которого американская компания Exxon Neftegas Ltd (оператор проекта). С началом работ по проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2» из-

менения произошли не только в структуре внешней торговли Сахалинской области с США, но и в тенденциях развития совместного предпринимательства.

В 1992–1993 гг., когда областной рынок насытился китайскими дешевыми, но порой некачественными товарами, у сахалинских предпринимателей появляется все больший интерес к закупке более качественных товаров из США, а также импорту товаров из развивающихся стран через посредничество американских фирм. Это резко сказалось на росте внешнеторгового оборота между Сахалинской областью и США. Улучшение условий и климата для российско-американских торгово-экономических отношений, проводимый Правительством РФ курс реформ также не могли не отразиться на показателях товарооборота между Сахалинской областью и США. За период с 1992 г. по 1998 г. общий объем товарооборота возрос в 11,7 раза. В том числе экспорт – в 5,3 раза, импорт – в 33 раза. В 2008 г. объем внешнеторгового оборота с США составил 359 млн долл. (3,6 % внешнеторгового оборота области) и увеличился по сравнению с 1998 г. в 2,4 раза, а по сравнению с 1992 г. – в 27,6 раза²⁸.

Но эти показатели не дают точного представления о развитии внешней торговли между Сахалинской областью и США. Вместе с тем, если в 1992 г. удельный вес США во внешнеторговом обороте Сахалинской области был 4,2 %, а в 1998 г. – 15,6 %, то в 2008 г. – 3,6 %, т. е. опустился ниже уровня 1992 г. По этим показателям картина в области не слишком отличается от РФ в целом: удельный вес США во внешнеторговом обороте России составил в 1992 г. – 3,8 %, в 1998 г. – 7,0 %, в 2008 г. – 3,7 %²⁹. С 1995 г. наблюдается ежегодное отрицательное сальдо торгового баланса с США.

В 2002 г. американской компанией Parker Drilling Company запроектирована и построена в Нью-Иберия (штат Луизиана) самая мощная на тот момент в мире наземная буровая установка «Ястреб», которая была установлена на месторождении «Чайво» по проекту «Сахалин-1», в связи с чем в статистике наблюдалось резкое увеличение импорта из США (таблица 2). Аналогичная ситуация наблюдалась в статистике 2005 г., когда на месторождении Чайво была установлена буровая платформа «Орлан». Впервые платформа, изначально названная «Glomar Beaufort Sea», эксплуатировалась компанией Exxon Mobil в 1984 г. в море Бофорта на северном склоне Аляски. В 2001 г. платформа была отбуксирована с Аляски в российский

²⁶ Рассчитано по данным таблицы 1.

²⁷ См. там же.

²⁸ Рассчитано по: Сахалинская область на рубеже XXI века. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. – 322 с.; Сахалинская область в цифрах. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2007. – 387 с.; Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

²⁹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения 01.12.2009).

порт Советская Гавань, где модернизирована. Постоянная морская добывающая платформа «Орлан» стала первой для России.

На протяжении 90-х гг. основными статьями экспорта являлись рыба и морепродукты, услуги по монтажу нефтяного оборудования, услуги связи и транспортные услуги. Резкий рост экспорта в 2006 г. объясняется следующими фактами: октябрь 2005 г. стал началом добычи нефти и газа в рамках проекта «Сахалин-1»; в 2006 г. была введена в эксплуатацию система экспорта сырой нефти и начались поставки на мировой рынок, с терминала в Де-Кастри был отгружен первый танкер с нефтью в рамках проекта «Сахалин-1».

В настоящее время импортируются в Сахалинскую область из США также в основном промышленные товары (машины и оборудование, изделия из черных металлов).

Анализируя важнейшие документы Сахалинской области, в которых определены цели и задачи внешнеэкономической деятельности региона и были предложены мероприятия по их реализации (Постановление губернатора Сахалинской области от 4 апреля 1996 г. «Об утверждении программы развития долговременных экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона»³⁰; Распоряжение администрации Сахалинской области от 7 декабря 2001 г. «Об основных направлениях внешнеэкономической политики на 2002–2004 гг. и на перспективу до 2010 г.»³¹), можно выявить следующие положения, касающиеся непосредственно внешней торговли:

- Наиболее важную часть экспорта составляют природные ресурсы, которые рассматриваются как основа для дальнейшего развития производственного потенциала и наращивания экспорта. Выделяются задачи: совершенствование существующей структуры экспорта; наращивание экспорта за счет производства новых видов товаров и услуг. Предполагалось, что на базе глубокой переработки местных ресурсов минерального сырья, древесины, рыбы и морепродуктов будет создаваться высококонкурентная продукция.

- Относительно импорта ставилась задача его рационализации: повышение в структуре импорта доли машин, оборудования, технологий, производство которых в области невозможно, и постепенный отказ от импорта ряда продовольственных

и потребительских товаров в результате развития импортозамещающих производств.

Представленные данные показывают, что в рассматриваемый период лишь только топливно-энергетическая отрасль наращивала экспорт своей продукции за счет поставок сырой нефти сахалинского шельфа. В экспорте лесопродукции, напротив, происходит большой спад. Экспорт рыбы и морепродуктов не был подвержен заметным колебаниям, лишь в 2008 г. последовало довольно значительное (более чем на 40 % по сравнению с предыдущим годом) его увеличение. В структуре экспорта не появилось новых видов товаров на основе глубокой переработки сырья. Более того, как видно из таблицы 1, объемы готовой рыбной продукции, поставляемой на рынки рассматриваемых стран, за последние 10 лет снизились. Удельный вес этих товаров в экспорте по странам составляет менее 1 %. Экспортное соотношение свежей и готовой рыбы и морепродуктов четко отражает дисбаланс добывающих и перерабатывающих мощностей в этой отрасли. Добываемый уголь используется исключительно в энергетических целях. Очевидна не востребованность, даже в сравнении с 90-ми годами, лесного фонда области.

Поставленная администрацией задача рационализации импорта отчасти была решена: импорт машин и оборудования в область возрос за счет реализации работ по проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2», а импорт продовольственных товаров постепенно снижался. На протяжении 90-х гг. наблюдалась концентрация сахалинского экспорта по рынкам сбыта (до 90 % древесины и свыше 90 % рыбы и морепродуктов продавались в Японию³²). Таким образом, существовала угроза одновременно потерять рынок по этим группам товаров. В настоящее время значительная доля этих товаров поставляется не только на рынок Японии, но также в Республику Корея и Китай.

Сравнительный анализ внешнеэкономической деятельности показывает существенную активизацию взаимовыгодных связей с Республикой Корея. Если в 1992 г. объем внешней торговли с этой страной составлял чуть более 55 млн долл., то в 2008 г. он превысил 4,8 млрд долл.³³ С 2006 г. в Сахалинской области РК занимает первое место по товарообороту.

³⁰ Об утверждении Программы развития долговременных экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Постановление Губернатора № 185 от 4 апреля 1996 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения 01.12.2009).

³¹ Об основных направлениях внешнеэкономической политики администрации Сахалинской области на 2002–2004 гг. и на перспективу до 2010 г. (распоряжение администрации Сахалинской области № 148-ра от 7 декабря 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения 15.05.2009).

³² Рассчитано по: Статистические данные о внешней торговле Сахалинской области со странами: США, Япония, Китай, Республика Корея, Сингапур – в разрезе товарных групп за период с 1994 года по 2008 год включительно // Текущий архив Сахалинской таможни. № 070821. 1689 л.

³³ Рассчитано по: Сахалинская область на рубеже XXI века. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2001. – 322 с.; Сахалинская область в цифрах. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2007. – 387 с.; Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

Объемы внешнеторговых связей с Китаем, доля которого во внешнеторговом обороте в 2008 г. не достигла 3 %³⁴, являются необычно низкими для дальневосточных регионов. Основной позицией, обеспечивающей прирост товарооборота с Китаем, стал экспорт рыбопродукции.

Среди стран-импортеров в область преобладают США. Несмотря на постепенное снижение удельного веса импорта из США по сравнению с 90-ми гг., большая часть продовольственных товаров, машин и оборудования поступает в настоящее время в Сахалинскую область именно из этой страны.

Необходимость вовлечения Сахалинской области и Дальнего Востока в целом в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странами АТР диктуется стратегическими целями России на занятии достойного места в этом регионе. Но пока позиции Сахалинской области в АТР сильны лишь по природным ресурсам. Внешняя

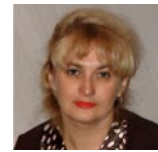
торговля на региональном уровне воспроизводит российскую модель: доминирование ограниченного круга товаров делает малопредсказуемыми перспективы торговых отношений, способствует уязвимости российских партнеров перед лицом колебаний конъюнктурных параметров одного или нескольких рынков.

Развитие нефтегазовых проектов шельфа Сахалина имеет большое значение не только для развития производства на Дальнем Востоке, но и для интеграции в АТР. Вместе с тем эффективность сырьевой направленности развития экономики ограничена. Структурных сдвигов, необходимых для создания условий воспроизводства, способствующих повышению конкурентоспособности продукции, не произошло. Сахалинская область еще в недостаточной мере использует возможности высокотехнологичных стран и стран с высокой численностью населения.

³⁴ Рассчитано по: Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь – декабрь 2008 года. – Южно-Сахалинск: Сахалинский облкомстат, 2009. – 217 с.

О ПРОЯВЛЕНИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ ТРУДОВОГО ПРАВА

Андриановская Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и трудового права ЮИ Сахалинского государственного университета.

Понятийный аппарат некоторых институтов трудового права представляется весьма разработанным и по большей части вполне приемлемым в современных условиях. Так, можно отметить преемственный подход в использовании терминологии таких институтов, как институты трудового договора, рабочего времени, времени отдыха и др. Причем подходы (приемы) в закреплении основных понятий институтов в трудовом праве различны. Во-первых, можно отметить преемственное закрепление в институтах трудового права понятий – традиционное их рассредоточение в различных нормах конкретного института. И, во-вторых, новое, при котором понятия сосредоточены в специальной статье, содержащей только дефиниции в виде конкретного перечня в строго определенном месте. Чаще всего по-новому понятийный аппарат института отражен в специальной части подраздела «Общие положения», специальной статье «Основные понятия».

Безусловно влияние преемственности на формирование многих понятий, таких важнейших, как трудовой договор, перевод, прогул, рабочее время, сверхурочные работы, ненормированный рабочий день и другие. Поскольку эти понятия имеют теоретическое и практическое значение, уделим им внимание в большей степени.

Необходимо специально подчеркнуть то, что в КЗоТе 1918 г. не содержалось определений многих понятий, но в тексте Кодекса они применялись. К примеру, при длительном характере работ, как следует из текста ст. 32 КЗоТа, применялось испытание, и в восьми статьях КЗоТа – с 32-й по 39-ю были предусмотрены правила его применения. В ст. 40 КЗоТа была предусмотрена возможность применения в интересах дела перевода, и далее в 14 статьях с примечаниями по тексту даны были правила его применения. Аналогичным образом были закреплены в Кодексе 1918 г. нормы о вознаграждении за труд (р. VI), о рабочем времени (р. VII), об обеспечении надлежащей производительности труда (р. VIII), об охране труда (р. IX) и другие. Но определены эти понятия в Кодексе не были. Только в Кодексе 1922 г. впервые нашли закрепление два определения: коллективного договора (ст. 15), трудового договора (ст. 27). Тем не менее и в Кодексе 1918 г., и в Кодексе 1922 г. были использованы и использовались в последующих кодексах и другие термины, которые не были в них определены: «перевод», «систематическое неисполнение без

уважительных причин обязанностей», «нормальное рабочее время», «сверхурочные работы», «ежедневный непрерывный отдых», «очередной отпуск», «дополнительный отпуск», «вознаграждение за труд», «нормы выработки», «трудовой конфликт» и другие. С точки зрения отслеживания закрепления в Кодексе некоторых определений можно отметить, что в КЗоТе 1971 г. определение коллективного договора было исключено из текста КЗоТа, а определение трудового договора нашло свое закрепление в ст. 15 КЗоТа, на наш взгляд, оно было более разработанным (нежели в КЗоТе 1922 г.). По сути, в КЗоТе 1971 г. содержалось одно определение: определение трудового договора, в отличие от ныне действующего Трудового кодекса, в котором довольно основательно, на наш взгляд, проработаны определения основных понятий институтов трудового права. Например, в Трудовом кодексе в ряде глав (а соответственно – в институтах) закреплены основные понятия. Так, в ст. 251 ТК «Особенности регулирования труда» дано определение данного понятия, в ст. 129 ТК «Основные понятия и определения» даны понятия института оплаты труда путем перечисления понятий, таким же образом в ст. 143 ТК закреплены понятия тарифной системы оплаты труда (тарифная сетка, тарифный разряд, квалификационный разряд и др.). Таким же образом закреплены в Кодексе понятия института охраны труда в ст. 209 «Основные понятия».

Следует отметить, что терминология, закрепленная в Кодексе, в результате кодификации и в настоящее время претерпевает ряд изменений: так, законодатель отказывается от термина «вознаграждение за труд», используя вместо этого термин «оплата труда», «оплата по труду», вместе с тем, очевидно, в силу преемственности в трудовом праве, в нормах, регулирующих премиальные выплаты, используется термин «вознаграждение по итогам годовой работы» (ст. 84 ТК). Считаем, что такого рода рассогласованность в рамках института должна быть устранена.

Полагаем, что частично в КЗоТе 1971 г. все же нашли закрепление некоторые определения: «испытания» – проверка соответствия рабочего или служащего поручаемой работе (ст. 21 КЗоТа); «сверхурочные работы» – «сверхурочными считаются работы сверх установленной продолжительности рабочего времени» (ст. 54) и другие. Точнее, в ст. 54 было приведено положение о том, какие

работы считаются сверхурочными. Ранее указано на частичное закрепление, так как некоторые понятия указаны были в скобках в тексте статьи в качестве уточнения, а в иных случаях часть понятия была закреплена в статье непосредственно в виде пояснения. Этот прием не представляется верным. Подчеркнем, что с точки зрения влияния преемственности в этом отношении законодатель, наряду с новыми подходами в закреплении определений, использует и прежний. На наш взгляд, не очень удачный. Поэтому здесь можно отметить негативное влияние преемственности. Поскольку понятия в Кодексе не должны быть указаны в скобках, в виде уточнений, пояснений. Так, с позиции филологии, следуя правилам пунктуации, «скобками выделяются: 1) вставные конструкции, дополняющие или поясняющие содержание основного предложения; 2) вставные конструкции, поясняющие отдельные слова в основном предложении»¹. Следовательно, определение не должно быть заключено в скобки, а представлено отдельно, как мы указывали уже, это сделано при определении понятий институтов охраны, оплаты труда. Не все определения в рамках институтов представляются нам правильными. Но в целом подход законодателя вполне оправдан, на наш взгляд. Хотя мы не являемся сторонниками перечисления в отдельной статье всех (или почти всех) определений.

Отметим, что определение понятия, данное в скобках, – довольно частое явление в Трудовом кодексе. Так, в скобках определение трудовой функции дано дважды в ТК (в нескольких статьях – 15-й и 57-й). Данная категория в Кодексе применяется довольно часто. Это одна из основных более-менее разработанных в науке трудового права категорий института трудового договора, и она «заслуживает» того, чтобы закрепить ее определение в отдельной статье. Следует отметить, что категория трудовой функции рассматривается и в науке трудового права (и в законодательстве закреплена) в качестве одного из важнейших условий трудового договора. Поэтому целесообразно в институте трудового договора выделить отдельную статью, в которой закрепить основные определения важнейших категорий института трудового договора, среди которых – определение трудовой функции, что позволит избежать дублирования понятий в кодексе.

Некоторые понятия представлены в Трудовом кодексе, как и в ранее действовавших кодексах, например, в качестве уточнения: в скобках, а не в виде отдельного определения, выделяемого по крайней мере абзацем. Причем данный подход применяется уже более 30 лет. Полагаем, что в данном случае преемственность оказывает негативное влияние на формирование понятийного аппарата отрасли. Так, в ст. 72² в случаях простоя в скобках дано понятие простоя (временной приостановки работ по причинам экономического, технологиче-

ского, технического и организационного характера), в ст. 57 ТК определяется в скобках трудовая функция (работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работы работнику). Подчеркнем, что в ст. 15 повторно, также в скобках, в качестве уточнения дано понятие трудовой функции. Оно, таким образом, в ст. 15 ТК РФ отражено в скобках в виде уточнения. То есть здесь можно отметить дублирование: в ст. 15 и ст. 57 в скобках дано одно и то же определение трудовой функции. Полагаем, что целесообразно дать это определение в одной статье. Термин «трудовая функция» далее в ТК применяется, к примеру, в ст. 72¹ и других статьях. Поэтому здесь необходима известная унификация.

Можно отметить и другой способ закрепления определений в Кодексе, когда из положения статьи можно частично вывести определение: например, в ст. 70 ТК хорошо просматривается понятие испытания работника. Так, полагаем, довольно своеобразно, в силу преемственности, определяется испытание при приеме на работу: «... по соглашению сторон может быть предусмотрено условие об испытании в целях проверки его соответствия поручаемой работе» (ч. 1. ст. 70 ТК). Полагаем, из данного положения о возможности установления испытания (ч. 1 ст. 70 ТК) можно выделить следующее определение испытания: «Испытание – способ проверки соответствия работника работе. Или, иными словами, испытание – проверка соответствия работника поручаемой работе. Полагаем, что в данном случае наблюдается неточность в определении испытания. Она заключается в следующем: словосочетание «соответствие работника поручаемой работе» неточное, поскольку проверке подвергаются квалификация, опыт, знания, деловые и иные качества работника поручаемой работе, а не сам работник – работе. Попутно отметим, что в Кодексах 1918, 1922 гг., несмотря на то, что понятие «испытание» использовалось, определение его дано не было. Только в Кодексе 1971 г., как и в современном Кодексе, его можно вывести из ч. 1 ст. 21 (ст. 70 ТК). Полагаем, чтобы устранить негативное влияние преемственности, необходимо специально в отдельной части ст. 70 определить рассматриваемое понятие. К примеру: испытание – проверка соответствия опыта, квалификации, деловых качеств работника поручаемой работе. А также закрепить определение испытания либо в отдельной статье ТК, либо в ч. 1 ст. 70 ТК РФ. На наш взгляд, предпочтительнее первое.

Это, во-первых, позволит избежать отмеченного ранее дублирования в ст. 15 и ст. 57 ТК РФ, а также более четко определить понятия. В связи с чем представляется необходимым в ТК внести изменения следующего характера: главу 10 «Общие положения» раздела III «Трудовой договор» начать

¹ См.: Розенталь, Д. Э. Справочник по пунктуации / Д. Э. Розенталь. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 140–142.

с отдельной статьи «Основные понятия» по аналогии с иными разделами «оплата и нормирование труда», «охрана труда». Конечно, здесь под влиянием новых тенденций построения раздела, главы Кодекса усматривается отход от преемственности в расположении статей института трудового договора. Тогда в отдельной статье главы 10 раздела III ТК «Основные понятия» можно будет дать определение основных понятий института трудового договора: трудового договора, перевода, перемещения, испытания, трудовой функции, простоя и других. Во-вторых, что представляется немаловажным, понятия не будут даны в скобках, в качестве уточнения, как это мы наблюдали в ст. 70, 57, 72 и других.

Следует отметить, что дублирование наблюдается и в других статьях ТК: в ст. 60¹ и ст. 282 дается определение совместительства: «совместительство – выполнение работником другой регулярной оплачиваемой работы на условиях трудового договора в свободное от основной работы время» (ст. 282). И в ч. 1 ст. 60¹ ТК закреплено, что «работник имеет право заключать трудовые договоры о выполнении в свободное от основной работы время...». То есть, по существу, определение совместительства дано в ч. 1 ст. 282, а в ст. 60¹ продублировано. Следует заметить, что ранее в ст. 98 ТК оно было продублировано, но с 30 июня 2006 г. ст. 98 утратила силу, и исключение этой статьи из кодекса нарушило некоторое единство. Поскольку в ТК 2002 г. было предусмотрено два вида работы за пределами нормального рабочего времени: а) сверхурочная работа (по инициативе работодателя); б) совместительство (по инициативе работника). Следует отметить, что вместо исключенной из Кодекса ст. 98 были введены ст. 60¹ «Совместительство» и ст. 60² «Совмещение». Полагаем, что возможное дублирование в Кодексе – результат поспешных изменений, при которых не согласуются вводимые нормы и уже действующие.

Полагаем, что некоторые новые нормы, введенные в Кодекс, излишни. Так, с точки зрения совершенствования понятийного аппарата института трудового договора полагаем, что ст. 85 необходимо за ненадобностью исключить; во-первых, считаем излишними пояснения о том, что персональные данные работника – информация, необходимая работодателю в связи с трудовыми отношениями, во-вторых – пояснения о том, что является обработкой персональных данных работника – получение, хранение, комбинирование, передача персональных данных работника. Поскольку и так понятно, что должны собой представлять персональные данные работника и как (в каких целях) они должны быть использованы (обработаны) работодателем. Целесообразно, на наш взгляд, указать, какие данные относятся к категории персональных (можно ограничиться простым перечислением) и какие правила допустимы (недопустимы) при их обработке.

В-третьих, структурно в целях совершенствования законодательной техники необходимо, следуя положениям преемственности, вернуться к краткости и лаконичности в формулировании основных положений в отдельных статьях Кодекса. Так, некоторые статьи Трудового кодекса, к примеру, 57-я, может быть разделена на несколько статей: 1) 57 «Общие положения содержания трудового договора» (в нее внести ч. 1, 4, 5 из текста ст. 57 ТК); 2) 57¹ «Обязательные условия трудового договора» (в нее внести ч. 2 ст. 57 ТК); 3) 57² «Дополнительные условия трудового договора» (ч. 4 ст. 57 ТК). В связи с последним мы условно указали, какие положения, содержащиеся в ст. 57 ТК, в современной редакции можно использовать при расформировании исследуемой статьи. Тогда в рассмотренных статьях не будет нагромождения в текстах статей, поскольку ранее мы уже отмечали, что объем многих статей Кодекса значительно увеличился, к примеру, ст. 57 ТК расположена на полутора страницах ТК.

Далее целесообразно уделить внимание понятиям институтов, которые относятся и к экономическим (в первую очередь), и к правовым понятиям.

Теоретическое и практическое значение в науке имеет определение следующих понятий: рабочего времени и времени отдыха. По нашему мнению, нет смысла в Кодекс включать такие определения, как «рабочее время» и «время отдыха». Представляется, что рассматриваемые термины имеют не только правовое значение, но и экономическое (в первую очередь экономическое), социальное, медицинское и т. п. И в своей основе эти определения содержат общеизвестные с точки зрения и экономики, и права признаки: в первом случае – «рабочее время – время, в течение которого работник должен исполнять свои трудовые обязанности...» (ст. 91 ТК), во втором – время отдыха – время, в течение которого «работник свободен от исполнения своих трудовых обязанностей...» (ст. 106). В КЗоТе 1918, 1922, 1971 г. эти понятия не имели закрепления. Следуя преемственности, по нашему мнению, не должны включаться в Кодекс юридические понятия, имеющие в своей основе общеизвестные экономические понятия, которые используются в праве, социологии, медицине и др.

Сравним, например, определение, данное в экономической науке, сразу же отметим одинаковую основу в экономическом и правовом определении рабочего времени. Так, «рабочее время – установленное в соответствии с законом время, в течение которого трудящийся должен выполнять свои трудовые обязанности... продолжительность участия трудящихся в общественно организованном труде»². Общеизвестно отличие рабочего времени в правовом и экономическом аспекте, между тем очевидна общая основа определения. Оно заключается в том, что в праве рабочим признается и

² Краткий экономический словарь / Под ред. Ю. А. Белика и др. – М.: Политиздат, 1987. – С. 260, 261.

время, когда работник не выполняет свои трудовые обязанности (фактически его нет на работе), а законодатель признает это время рабочим и предусматривает его оплату.

В завершение полагаем, что нет смысла представлять в Кодексе чисто учебные положения: ст. 106 «Понятие времени отдыха», ст. 107 «Виды времени отдыха». Тогда как по аналогии с учебным материалом в Кодексе должно быть определено рабочее время и также даны его виды. В ст. 91 ТК дано понятие рабочего времени. А виды ни в названной статье, ни в иной не обозначены. Между тем именно в этой связи наблюдается «путаница» в видах рабочего времени, смешение их с видами режима рабочего времени.

Аналогичным образом можно проанализировать ст. 209 «Охрана труда». С точки зрения экономической науки охрана труда и техника безопасности определяются как комплекс мероприятий по обеспечению безопасности на производстве, предохранению работников от различного рода травм и вредных воздействий, связанных с условиями труда, по устранению причин, вызывающих эти явления, улучшению и оздоровлению условий труда³. Сравним приведенное с определением, закрепленным в ст. 209 ТК: «Охрана труда – система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия». Нам представляется более удачным основа определения охраны труда с экономических позиций. Охрана труда рассматривалась всегда в науке трудового права как комплекс мероприятий по обеспечению безопасности. Это понятно. Так же, как совершенно очевидно и, на наш взгляд, не требуется закрепления определений, приведенных в ст. 209 ТК, «вредный производственный фактор», «опасный производственный фактор», «безопасные условия труда» и т. п. Более того, в трудовом законодательстве традиционно используются эти термины: «опасные» и «безопасные» условия труда.

Так же «условия труда» – экономическая категория; она определяется как совокупность факторов производственной среды, которые влияют в процессе труда на состояние работника... и результаты производства⁴. Аналогичным образом в ст. 209 ТК определены условия труда как совокупность факторов производственной среды и трудового процесса... Но категория «условия труда» используется не только в институте охраны труда, но и в институте трудового договора, в институте рабочего времени и времени отдыха и других. Полагаем, что это понятие имеет общепрофессиональное значение.

И с этих позиций название ст. 74 «Изменение определенных сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда» сформулировано правильно. В новой редакции ст. 74 указано, что изменение условий трудового договора может быть по причине изменения организационных или технологических условий труда. Поскольку условия трудового договора могут быть изменены вне зависимости от воли субъектов, а по причинам, не зависящим от их воли, а именно в связи с изменением организационных или технологических условий труда. И указанная взаимосвязь позволяет разграничить категории: «условия труда» и «условия трудового договора».

Представляется, что гораздо важнее закрепить в ТК правила применения видов рабочего времени, времени отдыха, т. к. именно в этой связи возникают спорные ситуации, о них следует поговорить отдельно. Поэтому обратим внимание на понятие «ненормированный рабочий день», неоднозначность понимания и применения на практике которого вызывала ряд вопросов⁵. Поэтому и потребовалось его уточнение. На наш взгляд, вполне объяснимо включение в ст. 101 ТК определения ненормированного рабочего дня следующим образом: «Ненормированный рабочий день – особый режим работы...», и отнесена данная норма к главе 16 «Режим рабочего времени».

По нашему мнению, уточнение термина «ненормированный» совершенно верно: он отнесен не к виду рабочего времени, а к особому режиму рабочего времени, и совершенно верно определение ненормированного рабочего дня (именно режима дня, а не вида времени) закреплено в ст. 101 главы 16 «Режим рабочего времени»: «Ненормированный рабочий день – особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники... за пределами нормированной продолжительности рабочего времени». Признаки данного понятия в совокупности следующие: этот режим устанавливается 1) по распоряжению работодателя; 2) в особых случаях для выполнения трудовой функции; 3) эпизодически; 4) для отдельных (не для всех) работников.

Обратим внимание на то, что на практике нередко термины «нормированный», «ненормированный» воспринимались и воспринимаются, как правило, неоднозначно. Чаще всего, на наш взгляд, совершенно неправильно прилагательное «ненормированный» увязывалось с существительным «время», поэтому приходилось наблюдать представление «ненормированного» в качестве вида рабочего времени. Между тем общеизвестны в теории трудового права три вида рабочего времени: нормальной, сокращенной и неполной продол-

³ Краткий экономический словарь. – С. 211.

⁴ Краткий экономический словарь. – С. 344.

⁵ См.: Головина, С. Ю. Проблема выбора терминов для обозначения понятий в трудовом праве / С. Ю. Головина // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 52.

жительности. В основе такого деления лежит один критерий: продолжительность времени. И в данной продолжительности работник работает постоянно или определенный период времени, например, если сокращение рабочего времени установлено по возрасту (ст. 92 ч. 1) – до достижения 16 лет, 18 лет и т. п., то такой вид рабочего времени используется до достижения соответствующего возраста.

Далее рассмотрим несколько важнейших понятий института заработной платы. С 1918 г. в Кодексе был выделен специальный раздел VI «О вознаграждении за труд», в КЗоТе 1922 г. – VIII «Вознаграждение за труд», в КЗоТе 1971 г. – VI «Заработная плата», но только с 2002 г., со времени вступления в законную силу, внесены в ТК РФ основные понятия института заработной платы (ст. 129). Таким образом, на протяжении весьма длительного времени используемые в Кодексе понятия не были в нем определены. Представляется, что в данном институте целесообразно рассмотреть те основные понятия, которые имеют именно правовое значение. Те же понятия, которые имеют экономическое или социальное значение (например, такое общеизвестное понятие, как минимальный размер труда), вряд ли нуждаются в закреплении в кодифицированном нормативном акте. Следуя преемственности, на наш взгляд, достаточно указать наиболее важные из них. Представляется, что в трудовом законодательстве – не только в Кодексе, но и в других нормативных актах – необходимо отказаться от загромождения их текстов различного рода терминами экономического и социального характера, оставив лишь те термины, которые на самом деле важны для понимания смысла и содержания основных норм конкретного института.

Обратимся к некоторым основным понятиям института заработной платы. Во-первых, в ныне действующем Кодексе наблюдается тождество категорий «заработная плата» и «оплата труда работников». Следует отметить, что в юридической литературе довольно длительное время при формулировке понятия «заработная плата» часто подвергалось критике определение данного понятия через признак вознаграждения за труд. На наш взгляд, не учтена указанная критика и в статье 129 ТК РФ, в которой заработная плата по-прежнему определяется через вознаграждение за труд. Может быть, более правильным заработную плату определять через следующий признак: установленный соглашением сторон размер оплаты труда. И далее – по тексту ст. 129 ТК – «в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы...».

Во-вторых, следует отметить, что в ст. 143 ТК даны в основном базовые понятия тарифной системы оплаты труда. Часть из них, к примеру «тарифная ставка», отнесена по смыслу законодателя (ст. 129, 143 ТК) к основным, а «тарифная сетка» – к «неосновным понятиям» (ст. 143 ТК). Аналогичным образом совершенно излишне в ст. 160 ТК перечислены, на наш взгляд, нормы труда, поскольку это – чисто экономические категории.

По нашему мнению, на сегодняшний день многие понятия преждевременно внесены в Трудовой кодекс и требуют своего совершенствования. Так, не проработано понятие «служебная командировка», которая в соответствии со ст. 166 ТК определяется как «поездка» работника... и далее по статье используется категория «служебные поездки». По тексту непонятно, как они соотносятся. Также представляется непродуманным и совершенно лишним в Кодексе определение понятия «особенности регулирования труда», впервые закрепленное в ст. 251 ТК РФ. Получается, что, в соответствии со ст. 251 ТК, «особенности регулирования труда» – это «нормы, частично ограничивающие применение общих правил... либо предусматривающие для отдельных категорий работников дополнительные правила». Полагаем, что суть определения в данном случае заключается не в частичном ограничении общих правил, а в возможности применения дифференциации в правовом регулировании труда, и в таком виде данное определение вряд ли несет смысловую нагрузку, проявляющуюся в разделе XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников». Также в ст. 297 ТК РФ определен «вахтовый метод – особая форма осуществления трудового процесса...». На самом деле вахтовый метод – особый режим работы. И неточностей такого рода в действующем Кодексе достаточно много. Например, в современном Трудовом кодексе содержатся два идентичных определения трудового спора: по сути, трудовой спор – и индивидуальный, и коллективный – определяется как «неурегулированные разногласия работников... и работодателями по вопросам...». Полагаем, что в ст. 381 и 398 ТК РФ даны почти одинаково понятия индивидуального и коллективного трудового спора. Чтобы избежать дублирования, целесообразно дать одно определение трудового спора, выделив, если это необходимо в Кодексе, виды трудового спора по субъектному составу. А специфика в регламентации отношений по разрешению индивидуального и коллективного спора будет видна из особенностей регулирования этих видов споров, что и прослеживается в статьях главы 60 «Рассмотрение и разрешение индивидуальных трудовых споров» и главы 61 «Рассмотрение и разрешение коллективных трудовых споров» современного Трудового кодекса.

Завершая рассмотрение вопроса о проявлении преемственности в понятийном аппарате трудового права, отметим, что для исследования нами были взяты не все понятия, а некоторые. Без всякого сомнения, преемственность в правовом регулировании труда оказывает постоянное и постепенное воздействие на весь понятийный аппарат отрасли трудового права. Формирование понятийного аппарата отрасли в современный период развития государства и права вряд ли можно считать процессом завершенным. Решить задачу совершенствования понятийного аппарата трудового права можно только в результате комплексных исследований, специально посвященных этому вопросу.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПЕРЕВОДОВ НА ДРУГУЮ РАБОТУ

В трудовом законодательстве России по меньшей мере 90 лет производится регламентация переводов. В КЗоТе 1918 г. достаточно подробно было урегулировано применение переводов, что нашло отражение в ст. 40, 41, 42, 43, 44, 45.

В КЗоТе 1918 г. как такового раздела с названием «Трудовой договор» выделено не было. Только в Кодексе 1922 г. впервые был выделен раздел V «О трудовом договоре», в который были включены нормы о трудовом договоре, его условиях, о заключении договора, о переводе, об испытаниях, о прекращении договора и др. Основой современного института трудового договора можно считать два раздела КЗоТа 1918 г. «О предварительном испытании» (IV) и «О переводе и увольнении трудящихся». Таким образом, в разделе V «О переводе и увольнении трудящихся» часть норм была посвящена регулированию отношений, связанных с переводами.

В Кодексе 1922 г. содержалось несколько статей (36, 37, 37¹), включающих нормы о переводах, в специальную главу они объединены не были. Позже довольно длительное время, вплоть до 2002 г., законодатель не выделял в Кодексе специального подраздела, содержащего группу норм о переводах. Только в 2002 г. в Кодексе была специальная глава 12 «Изменение трудового договора», содержащая три статьи: 72, 73, 74. В 2006 г. эта глава была расширена за счет введения нескольких статей: 72¹, 72². Таким образом, в настоящее время нормы о переводах включены в специальную главу.

Многие положения кодексов 1918 и 1922 гг. до сих пор являются действенными. Кодексом 1922 г. в основном восприняты положения КЗоТа 1918 г. о переводах. В дальнейшем можно было наблюдать совершенствование института трудового договора, причем преемственные положения о переводах данного института являются основными в современном правовом регулировании трудовых отношений. В связи с чем можно отметить и положения, не действующие в настоящее время по вполне понятным причинам. Например, в настоящее время перевод носит индивидуальный характер, тогда как в КЗоТе 1918 г. в ст. 45 был предусмотрен перевод «целой группы трудящихся» из организации, где они работают, в другую организацию, расположенную в той или иной местности. При применении этой статьи были предусмотрены специальные правила согласования с соответствующими органами и условия применения перевода такого рода. Уже по КЗоТу 1922 г. и в последующем перевод носит индивидуальный характер, а групповой или коллективный перевод с того времени не применялся.

Примером такого рода может служить положение, закрепленное в Кодексе 1918 г. в ст. 40, со-

гласно которому «перевод... может происходить только в интересах дела», а также то, что перевод может быть во всех предприятиях, учреждениях и хозяйствах, применяющих чужой труд за вознаграждение. В примечании к ст. 40 указывались некоторые исключения из правил настоящей статьи, касающиеся нераспространения их на случаи работы у частных лиц, если труд применяется в формах, указанных в ст. 6 Кодекса 1918 г. Полагаем, что в современный период регулирования отношений, связанных с переводами, законодателю необходимо воспринять это важнейшее положение, отказавшись от подробной регламентации переводов.

Определенный теоретический и практический интерес с точки зрения преемственности представляет понятие перевода. Тем более, за почти 90-летнюю историю правового регулирования переводов на другую работу, по нашему мнению, четкого легального определения перевода на настоящий момент нет. Несмотря на то, что в этой связи впервые в современном Трудовом кодексе, полагаем, только предпринята попытка определить понятие перевода в трудовом законодательстве. Представляется, что преемственность оказывала негативное влияние на формирование исследуемого понятия, что проявляется в том, что законодатель не закреплял в Кодексе определение перевода. Это негативное воздействие проявлялось в первую очередь в том, что начиная с 1918 г. законодатель в основном осуществлял регламентацию условий переводов, не определяя его понятия в конкретной статье Кодекса. И такого рода ситуация сохранялась вплоть до 2002 г. (времени вступления в законную силу нового Трудового кодекса). Только в ТК РФ 2002 г. определение перевода было дано, но, полагаем, частично, поскольку его можно было извлечь из ч. 1 ст. 72 ТК РФ. А во вторую – четко не были определены признаки перевода, по которым можно было отличить его от смежных правовых явлений. Тем не менее законодатель оперирует, по меньшей мере с 1918 г., термином «перевод», как и иными смежными правовыми явлениями, такими, как «перемещение» и с 1988 г. – «изменение существенных условий труда...»; далее в первую очередь обратимся к собственно понятию перевода на другую работу и отличию его от иных смежных с ним правовых явлений.

Повторимся: в трудовом законодательстве, а конкретнее, в кодексах, начиная с 1918 (1922) г. по 2002 г., определение перевода не содержалось, закреплялись лишь его условия и некоторые правила применения. Так, в КЗоТе 1918 г. в разделе «О переводе и увольнении трудящихся» содержалось 5 статей (ст. 40–45). В КЗоТе 1922 г. и в КЗоТе 1971 г.

нормы о переводах соответственно содержались в главе V «О трудовом договоре» (ст. 36, 37), в главе III «Трудовой договор» (ст. 25, 26, 27 КЗоТа). Поскольку на практике возникали определенные сложности в применении переводов, в ряде постановлений Пленумов Верховного суда СССР и Верховного суда РФ была предпринята попытка восполнить пробел и дать руководящие разъяснения по поводу того, что следует считать переводом. Например, следуя руководящим разъяснениям Постановления Пленума Верховного суда СССР 19.10.71 г., под переводом следовало понимать изменение хотя бы одного из условий трудового договора (п. 10¹ Постановления Пленума Верховного суда СССР 19.10.71 г. в ред. 22.01.74 г.)¹. Позже Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что под переводом на другую работу, требующим согласия работника, следует считать поручение ему работы, не соответствующей специальности, квалификации, должности, либо работы, при выполнении которой изменяются размер заработной платы, льготы, преимущества и иные существенные условия труда, обусловленные при заключении трудового договора² (п. 12 Постановления Пленума Верховного суда РФ 22.12.92 г. «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров»).

В данном случае мы видим, что перевод определяется через два признака: изменение трудовой функции и изменение существенных условий труда. Причем в одном случае используется термин «условия трудового договора», а в другом – «условия труда». Достаточно четко прослеживается смешение терминов «условия труда» и «условия трудового договора». По сути, из приведенного следует тождество в понимании этих терминов. На самом деле условия труда и условия трудового договора могут быть, а могут и не быть тождественными.

С 2002 г., со времени вступления Трудового кодекса в законную силу, впервые в ТК РФ было дано определение перевода, если сказать точнее, то его можно было выделить из ч. 1 ст. 72 ТК «Перевод на другую постоянную работу... то есть изменение трудовой функции или изменение существенных условий трудового договора...» по инициативе работодателя, т. е. здесь проявляются два основных признака перевода: изменение трудовой функции или изменение существенных условий трудового договора. Далее сразу же отметим первую рассогласованность, обнаруживаемую при соотношении ч. 1 ст. 72 и ст. 73 ТК. Так, в соответствии со ст. 72 ТК в редакции 2002 г., где перевод определяется как изменение трудовой функции или существенных условий трудового договора, а ст. 73 ТК РФ была названа «Изменение существенных условий трудового договора», буквально получалось, что из положений ст. 72 ТК следовали положения ст. 73 ТК. Следуя логике, в ст. 73 ТК далее должны

быть включены понятия, обозначающие содержание термина «изменение существенных условий трудового договора». Но по сути регулирования, исходя из содержания названных статей, это не совсем так. Ведь в ст. 73 ТК рассматривалось такое правовое явление, которое можно назвать «смежным» с переводом наряду с перемещением. Оно имеет самостоятельное значение в правовом регулировании рассматриваемой группы отношений и с переводом связано косвенно. Здесь следует специально обратиться к некоторым историческим аспектам в регулировании рассматриваемой группы отношений и проследить генезис и преемственность в их регулировании. Обратимся к нормам КЗоТа 1971 г. Изначально в ч. 1 ст. 25 КЗоТа 1971 г. содержалось правило, согласно которому перевод на том же предприятии... перевод на другое предприятие... в другую местность, хотя бы вместе с предприятием... допускается только с согласия рабочего или служащего. Здесь же были предусмотрены случаи, когда согласие работника не требовалось, со ссылкой на ст. 26, 27, 135 КЗоТа. В названных статьях были предусмотрены временные переводы: в случае производственной необходимости (ст. 25 КЗоТа), в случае простоя (ст. 27 КЗоТа), в порядке дисциплинарного взыскания (ст. 135 КЗоТа). В части второй ст. 25 КЗоТа приводилось положение о том, что не считается переводом... перемещение рабочего или служащего на другое место на том же предприятии... без изменения специальности, квалификации, должности... и иных существенных условий труда. Таким образом, до внесения изменений в ст. 25 КЗоТа, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении в законодательство Союза ССР о труде изменений и дополнений, связанных с перестройкой управления экономикой» от 4.02.1988 г., можно было говорить об одном правовом явлении, смежном с переводом, а именно – о перемещении. Перемещение в этом смысле рассматривалось как изменение только места работы (рабочего места). В результате указанных изменений при перемещении подразумевалось изменение рабочего места, перемещение в другое структурное подразделение, а также поручение работы на другом механизме в пределах специальности, квалификации или должности, обусловленной трудовым договором. Попутно отметим, что содержание перемещения по сути не изменилось, а проявление данного правового явления было возможно в случаях: а) изменения места работы (рабочего места), б) поручения работы на другом механизме или агрегате. То есть, по существу, речь идет об изменении одного условия трудового договора (о месте работы, рабочем месте).

В 1988 г. в связи с рассматриваемыми изменениями в ст. 25 КЗоТа была введена ч. 3. Тем самым наряду с известными (переводом и перемещением)

¹ См.: Бюллетень Верховного суда СССР. – 1981. – № 4.

² См.: Бюллетень Верховного суда РФ. – 1993. – № 3.

было введено иное, назовем его «смежное», правовое явление: «изменение существенных условий труда». Полагаем необходимым уточнить: в данном случае наблюдалось применение словосочетания «условий труда», а не «условий трудового договора». Рассматриваемое изменение существенных условий труда было вызвано изменениями в организации производства и труда. В этом случае не менялась трудовая функция (по сути, сохранялась специальность, квалификация, должность), а менялись условия труда. Последние были приведены в ст. 25 КЗоТ: системы и размеры оплаты труда, льготы, режим работы, установление или отмена неполного рабочего времени, совмещение профессий, изменение разрядов и наименования должностей и др. В этой связи необходимо подчеркнуть, что названные в ч. 3 ст. 25 КЗоТ условия труда во многом совпадали с условиями трудового договора. В связи с тем, что необходимо было установить особенности применения последнего в отличие от перевода и перемещения, специально была предусмотрена процедура применения этого правового явления. А именно: работник должен быть поставлен в известность об изменении существенных условий труда не позднее чем за два месяца. В случае, если работник был не согласен на продолжение работы в новых условиях, а прежние существенные условия труда не могли быть сохранены, то было предусмотрено увольнение по п. 6 ст. 29 КЗоТ. Увольнение производилось в связи с отказом работника от перевода, а также с отказом от продолжения работы в связи с изменением существенных условий труда.

Регламентация переводов, перемещения и изменения существенных условий труда сохранялась в таком виде длительное время. Только с 2002 г. (времени вступления ТК в законную силу) наблюдаем замену терминов «условия труда» на «условия трудового договора» в определении такого смежного с переводом правового явления, как «изменение существенных условий...».

В связи с изменениями, внесенными в ТК РФ от 30.06.06 г., во-первых, было внесено изменение в понятие перевода на другую работу. Во-вторых, несколько уточнено понятие (смежное с переводом) «перемещение», и в-третьих, усовершенствовано (другое смежное с переводом) понятие «изменение существенных условий». Начнем анализ с исследования понятия «перевод». Его, точнее сказать, можно выделить из ч. 1 ст. 72¹: «Перевод... постоянное или временное изменение трудовой функции и (или) изменение структурного подразделения...». То есть в настоящее время перевод можно определить через изменение трудовой функции (только одного из условий трудового договора) или через изменение структурного подразделения. Если налицо изменение трудовой функции и изменение структурного подразделения, то переводом, следуя практике применения переводов, такое явление назвать можно. А в случае изменения только структурного подразделения можно ли данное явление считать переводом? Причем в ТК РФ речь

идет: а) о возможности указания структурного подразделения, а не об обязательности; б) не об условии о месте работы в целом, а о «части» этого условия.

Таким образом, при определении перевода в качестве определяющего признака в настоящее время можно считать изменение трудовой функции – то есть одного из условий трудового договора. А изменение существенных условий трудового договора теперь не является признаком перевода и при их изменении перевода не наблюдается, за исключением одного: если исходить из того, что условие о трудовой функции – основное условие трудового договора, то можно сказать, что до 2006 г. перевод определялся через изменение условий трудового договора (условий труда), а с 2006 г. – через изменение одного из условий трудового договора, а именно условия о трудовой функции, то есть раньше перевод определялся более широко, теперь – узко. Сужение, на наш взгляд, вряд ли обосновано, не только в связи с нарушением преемственных положений, а в связи с возможными сложностями применения данного правового явления на практике.

Полагаем, что необходимо установить основной признак (признаки) перевода. В этой связи нам представляется правильным вернуться к понятию перевода, установленному в Постановлении Пленума 1971 г. (приведено ранее): «изменение хотя бы одного из условий трудового договора», учитывая, что перемещение – изменение места работы (подчеркнем: одного условия трудового договора), без изменения всех остальных условий. Поскольку в современной формулировке перевода получается, что все остальные условия трудового договора (кроме трудовой функции) менять можно и это не будет считаться переводом, в отличие от ранее действовавшего трудового законодательства. Раньше правовое явление, при котором были изменены, к примеру, условия об оплате труда (режиме труда, льготах, преимуществах) и т. п., считалось переводом и без согласия работника не было возможным. Правовое значение перевода определяется возможностью сторон изменить условия трудового договора в одностороннем или двустороннем порядке. Перевод не всегда связан с «движением» работника на другую работу, с «движением», как правило, связано перемещение. Попутно отметим, что перемещение в связи с изменениями от 30.06.06 г. определяется не как изменение места работы, а как изменение рабочего места (ст. 72¹ ТК РФ).

В современной редакции ст. 72¹ основные признаки перевода могут быть налицо в трех случаях: а) изменение трудовой функции; б) изменение трудовой функции и структурного подразделения; в) изменение структурного подразделения. То есть в одном случае перевод будет наличествовать при изменении двух условий трудового договора: условия о трудовой функции и условия о месте работы, и то не во всех случаях, а в случаях изменения структурного подразделения; в другом, поскольку в скобках (как возможный вариант) в ст. 72¹ поставлен союз «или», будет наблюдаться изменение

только структурного подразделения без изменения трудовой функции. Предположим, что речь идет об изменении только структурного подразделения в соответствии с ч. 1 ст. 72¹ ТК РФ. Тогда явно прослеживается рассогласованность между ч. 1 и ч. 3 ст. 72¹ ТК РФ, проявляющаяся в двух моментах. Первая рассогласованность заключается в том, что если в соответствии с ч. 1 ст. 72¹ изменяется только структурное подразделение (и это будет квалифицировано как перевод), тогда как понимать закрепленное в ч. 3 ст. 72¹ ТК РФ положение о том, что не требует согласия перемещение в другое структурное подразделение? Иными словами, мы видим в этом случае не перевод, а перемещение. В результате: изменение структурного подразделения считается переводом или перемещением? И вторая рассогласованность заключается в том, что в части 3 ст. 72¹ отмечено: «если это (перемещение. – И. А.) не влечет за собой изменения определенных сторонами условий трудового договора». Получается, что если при перемещении на другое рабочее место, в другое структурное подразделение наблюдается изменение определенных сторонами условий трудового договора, то оно (перемещение) уже перестает быть таковым, следовательно, трансформируется в перевод и требует согласия. Поэтому в плане устранения данной рассогласованности и приведения в соответствие названия ст. 72¹ «Перевод на другую работу. Перемещение» и ее содержания в ст. 72¹ необходимо четко обозначить перевод и перемещение. Полагаем, что устранить данную рассогласованность, учитывая преобладающий подход в исследовании, можно, определив перевод следующим образом: перевод на другую работу – изменение одного из условий трудового договора. Перемещение – изменение места работы (а по новому – рабочего места), без изменения иных условий трудового договора. Начать ст. 72¹ ТК необходимо именно с определения перевода, а далее определить перемещение и другие правовые явления, связанные с ними. Целесообразно указать их в одной статье, назвав ее по аналогии со ст. 209 ТК РФ «Основные понятия». Конечно же, довольно сложно определить такое смежное с переводом явление, как изменение обязательных (существенных) условий договора, поскольку при определении этих явлений применяются одинаковые словосочетания: «изменение условий труда, изменений условий трудового договора». Некоторое усовершенствование в названии от 30.06.06 г. позволяет не смешивать его с переводом по следующим основаниям: специальные причины; односторонний порядок и др. Тем не менее в целях установления более точной терминологии при

определении данного явления правового характера целесообразно в трудовое право ввести специальную категорию, характеризующую это сложное правовое явление. Представляется, что в данном случае можно воспользоваться таким термином, как «перестановка», или, что, на наш взгляд, предпочтительнее, другим термином – «пертурбация». В кратком словаре иностранных слов пертурбация рассматривается как внезапное изменение, осложнение в обычном ходе чего-либо, вносящее расстройство; нарушение нормального хода явления³. Если воспользоваться приведенным термином и представить его приемлемым для использования в праве при регулировании названной группы отношений, то с правовой точки зрения его можно определить как изменение определенных сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменениями производственно-технического характера. Тогда определения всех трех явлений, связанных с изменением условий трудового договора, будут более точными, а именно:

- перевод – изменение любого из обязательных (существенных) условий трудового договора;
- перемещение – изменение места работы (рабочего места) без изменения определенных сторонами условий трудового договора;
- пертурбация – изменение по производственно-техническим причинам определенных сторонами условий трудового договора, без изменения трудовой функции. Разграничение этих терминов более точно можно будет провести также по условиям их применения. Например, пертурбация может быть в соответствии со ст. 74 ТК РФ установлена в специальных случаях (изменения в технике и технологии производства); с изменением определенных сторонами условий трудового договора, за исключением трудовой функции; по инициативе работодателя (в одностороннем порядке); с уведомлением работника в письменной форме за два месяца; с предложением работнику перевода; а в случае угрозы массового увольнения – с введением режима неполного рабочего времени.

В качестве вывода отметим, что в «конструировании» норм, регулирующих отношения, связанные с изменениями трудового договора, необходимо провести определенную систематизацию. Во-первых, в отдельной статье рассматриваемой главы Кодекса дать определение перевода, перемещения и пертурбации (перестановки). Во-вторых, в специальных статьях разграничить правила и условия их применения. При этом вполне уместно в отдельной статье выделить общие и особенные условия их применения.

³ Локина, С. М. Краткий словарь иностранных слов / С. М. Локина. – С. 369.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛЯТИВНОЙ ПРИРОДЕ ЧАСТНОГО ДОГОВОРА

Бухалов Антон Владимирович – старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин ЮИ Сах ГУ, аспирант Ленинградского областного университета им. А. С. Пушкина.

Современный уровень развития частного права свидетельствует о необходимости пересмотра роли договора как регулятора общественных отношений.

Неоднозначное отношение к договору (и к частному праву вообще) в советское время породило некоторые затруднения в понимании этого, безусловно, важного института частного права и снизило его регулирующую роль в обществе. Об этом свидетельствует отсутствие более или менее фундаментальных научных исследований в советское время, посвященных договорной тематике. Следовательно, познание регулятивной роли частного договора в праве, причем именно с точки зрения науки теории государства и права, является немаловажной задачей.

Еще в 50–60-е гг. прошлого столетия видные исследователи договорной тематики весьма последовательно и настойчиво обращали внимание на то, что частный договор, являясь основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношения, в то же время регулирует поведение сторон непосредственно в соответствии с правовыми нормами, устанавливает права и обязанности участников порождаемого данным договором отношения.

Безусловно, познание регулирующей роли частного договора невозможно без исследования сущности частного права.

По своей сущности частное право представляет собой не столько суверенную часть юридической системы страны, сколько существование и действие определенных правовых начал и в этом смысле – дух права.

Частное право – «это начала, утверждаемые для отдельных лиц юридически значимые свободу, независимость, самостоятельность. То есть это такое правовое состояние отдельных лиц, когда они сами, суверенно, без вмешательства извне, своей волей и в своем интересе решают свои дела и когда у субъектов есть свобода действия»¹.

Вместе с тем частное право выполняет ряд функций:

1) частное право является носителем цивилизованной свободы. Это неприкосновенность соб-

ственности, юридическое равенство субъектов, свобода договора;

2) именно частное право является средством для формирования единой, непротиворечивой основы деятельности людей. В сфере частного права господствуют общезначимые интересы отдельных людей.

Таким образом, частное право представляет собой «совокупность норм, охраняющих и регулирующих отношения частных лиц в гражданском обороте, их интересы как свободных и равных субъектов частноправовых организаций народного хозяйства»².

Основными принципами частного права, таким образом, являются: «равенство субъектов права, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, судебная защита прав»³.

Полагаем, что именно свободное волеизъявление субъектов частноправового отношения является определяющим фактором не только при заключении договора, но и при определении объема взаимных прав и обязанностей.

Желание участников частного отношения узаконить связь по поводу определенного объекта зачастую способствует заключению индивидуального договора.

Индивидуальные договоры – это акты правоприменения. Как полагает Иванов В. В., «особенности индивидуальных договоров как актов правоприменения проявляются в следующем: если обычные юридические факты выражают собой уже свершившиеся действие или событие, то договорные юридические факты представляют собой своеобразную юридическую или фактическую программу предстоящей деятельности участников договора, частный договор выступает не только как основание для возникновения правоотношения, но и как само правоотношение»⁴. Однако полагаем, что отождествлять договор и правоотношение в смысле общественного отношения уре-

¹ Агарков, М. М. Ценность частного права / М. М. Агарков // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 43.

² Алексеев, С. С. Частное право: научно-публицистический очерк / С. С. Алексеев. – М., 1999. – С. 78.

³ Алексеев, С. С. Указ. соч. – С. 78.

⁴ Иванов, В. В. Теория договора / В. В. Иванов. – М.: Юрист. – С. 43.

гулированного нормами права преждевременно. Стороны договора первоначально вступают в общественные отношения, опосредованные частным договором.

Отношение – «способ сопричастного бытия вещей как условие выявления и реализации скрытых в них свойств. Отношения возникают в таких процессах сопряжения предметов – во взаимоотношении, сближении и приобщении их друг к другу, – когда единение различий порождает кооперативный эффект»⁵.

В свою очередь общественное отношение представляет собой многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности. Отдельные люди вступают в общественные отношения именно как члены, представители тех или иных социальных групп.

В широком смысле – это вся система связей и зависимостей человеческой деятельности и жизни социальных индивидов в обществе. В более узком, специальном смысле – опосредованные связи между людьми, определяющие возможность взаимодействия между ними в пространстве, вне их непосредственного контакта, а зачастую и вне прямого осознания механики подобных взаимодействий.

Таким образом, вступая в общественное отношение, субъекты изъявляют волю на возникновение определенных связей между собой, благодаря которым они получают право реализовывать свои субъективные возможности по поводу определенного объекта данного общественного отношения. Существует огромное количество общественных отношений, опосредуемых различными актами. Нас же интересуют отношения частноправовые.

Под частноправовым отношением следует понимать отношения суверенных участников социальных связей по поводу объектов, находящихся в их власти. Субъектами частноправовых отношений выступает широкий круг членов гражданского общества.

Важным условием вступления в частноправовые отношения является наличие частного интереса. Интерес, с точки зрения В. П. Грибанова, – «это потребность, принявшая форму сознательного побуждения и проявляющаяся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений, а в конце концов в их отношениях, в которые вступают лица в процессе своей деятельности»⁶.

Принимая во внимание позицию С. Ф. Кечекьяна, по мнению которого «изъявление воли самого управомоченного лица... совершенно необходимо для осуществления права»⁷, В. П. Грибанов при-

шел к выводу о волевом характере осуществления всех частных правоотношений, а следовательно, и субъективных гражданских прав. Это означает, что всякое проявление воли, в свою очередь, предполагает наличие интереса, поскольку последний является также предпосылкой осуществления субъективных гражданских прав. К тому же субъекты частноправовых отношений обладают частной инициативой, т. е. самостоятельным, четко выраженным согласием на вступление в правоотношение, реализацию соответствующих прав и надлежащее исполнение обязанностей.

В-третьих, субъекты частноправовых отношений обладают частной инициативой, т. е. самостоятельным, четко выраженным согласием на вступление в правоотношения, реализацию соответствующих прав и обязанностей.

Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что при помощи договора субъекты частного права реализуют свои права и обязанности, следовательно, можно говорить о регулирующей роли договора. Однако при этом не стоит забывать, что частный договор регулирует общественные отношения, используя определенный механизм.

Регулирующая роль договора сближает его с законом и нормативными актами. Условия договора отличаются от правовой нормы двумя принципиальными особенностями. Первая связана с «происхождением правил поведения: договор выражает волю сторон, а правовой акт – волю издавшего его органа. Вторая различает пределы действия нормы права и условия договора. Договор непосредственно рассчитан на регулирование поведения только его сторон – для тех, кто не является сторонами, он может предусматривать права, а не обязанности; в то же время правовой или иной нормативный акт порождает в принципе общее для всех и каждого правило поведения»⁸. Однако есть еще одна отличительная черта закона и договора – это механизм реализации содержащихся в них предписаний. При этом положения нормативного акта реализуются посредством механизма правового регулирования.

Вообще, «механизм правового регулирования» отражает внутреннюю структуру процесса правового регулирования, показывает, из каких стадий этот процесс складывается и в какой последовательности они сменяют друг друга.

«Правовое регулирование представляет длящийся во времени процесс, проходящий ряд этапов, на каждом из которых реализуются особые цели и действуют различные юридические инструменты, призванные служить достижению конкретных правовых результатов»⁹.

⁵ Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Керимова. – М.: Академический проспект, 2004. – С. 498.

⁶ Грибанов, В. П. Гражданское право. Учебник / В. П. Грибанов. – М., 1998. – С. 98.

⁷ Кечекьян, С. Ф. Интерес в праве / С. Ф. Кечекьян. – М., 1996. – С. 11.

⁸ Иванов, В. В. К вопросу об общей теории договора / В. В. Иванов // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 21.

⁹ Теория государства и права. Элементарный курс: учебное пособие / А. В. Малько, В. В. Нырков, К. В. Шундилов. – М.: КНОРУС, 2007. – С. 89.

Данный процесс начинается со стадии нормативно-юридического регламентирования общественных отношений. Эта стадия находит свое отражение в таком элементе МПР, как юридическая норма.

Вторая стадия правового регулирования – стадия наступления юридически значимых фактов и конкретизации условий действия нормативных юридических программ. Данную стадию характеризует такой элемент МПР, как юридический факт или система юридических фактов.

Задача юридического факта в рамках МПР состоит в обеспечении непосредственной связи между правовой нормой, охватывающей формально закрепленные правовые цели и модельный юридический инструментарий, и конкретными субъектами права, находящимися в заданной нормой ситуации. Именно наступление юридического факта «запускает» процесс действия установленного в законодательстве правового инструментария и «направляет» его работу на достижение соответствующих результатов.

Третья стадия правового регулирования – установление индивидуальной юридической связи между субъектами социальных отношений. На данной стадии на основе нормы права и при наступлении соответствующих юридических фактов складываются реальные правовые связи между субъектами – иными словами, возникают правоотношения.

Четвертая стадия правового регулирования – это стадия практической реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Субъекты практически, своими активными действиями воплощают в жизнь те права и обязанности, которые предоставляются им соответствующей нормой права в той или иной юридической ситуации, и таким образом реализуют соответствующие юридические цели.

Естественно, регулирование договором общественных отношений имеет свой механизм, отличный от механизма правового регулирования.

Частное право воздействует на отношения с обязательным использованием начал саморегуляции, прежде всего – договора между сторонами.

Отношения, регулируемые частным правом, являются отношениями горизонтального типа, координации, а не субординации их участников, поскольку они не подчинены друг другу.

Отношения субъектов строятся на принципах равноправия, возникают, изменяются и прекращаются по их свободному волеизъявлению.

«Автономия воли – свободное усмотрение относительно того, вступать или нет в общественные отношения, с кем и на каких условиях»¹⁰.

Равенство положений сторон в частноправовом отношении имеет свои специфические черты, вытекающие в конечном счете из того, что частное

право охраняет прежде всего лишь частные интересы. Равенство это является необходимой предпосылкой возникновения, изменения или прекращения частноправового отношения или указания материальной ответственности за его нарушение.

Деятельность субъектов по реализации частноправовых норм представляет собой процесс, состоящий из трех стадий.

1) Определение объекта правоотношения и его параметров.

Договор имеет значение для тех, кто его принял. Не случайно говорят, что договор – закон для двоих. Поэтому они имеют значение для регулирования конкретных отношений, возникающих между их участниками.

2) Поиск лица, способного удовлетворить интерес управомоченной стороны в избираемом ею объекте.

3) Заключение договора.

Говоря о частном договоре как социальном регуляторе, необходимо указать на ряд признаков: определенность адресата, определенность содержащихся в частном договоре прав и обязанностей, однократность применения как самого договорного акта, так и порождаемых им конкретных норм, прекращение частного договора сразу после его реализации.

Важными отличительными чертами регулирования общественных отношений посредством частного договора от регулирования правоотношений посредством нормативно-правового акта является, во-первых, нормативное регламентирование общественных отношений (нормативное установление): в законе это – норма права, в договоре – условия, определяющие права и обязанности сторон, причем такие условия носят свободный характер.

Свобода в области частного права – это полная и суверенная самостоятельность отдельного лица, выраженная в его автономном и защищенном статусе субъекта права и в обладании защищенными субъективными правами.

При этом и то и другое имеет характер правовых явлений по своей основе абсолютного порядка, т. е. они открывают простор для собственного, по усмотрению, поведения и в этой связи в принципе не допускают вмешательства кого-либо в эту сферу свободы.

Таким образом, субъекты частного договора получают возможность регулировать возникшее общественное отношение своей волей и по своему усмотрению (естественно, если это не противоречит закону). Условия, содержащиеся в договоре, которые определяют стороны, их права и обязанности, предмет и т. д. носят обязательный характер для тех, кто принял данный договор, – таким образом можно говорить о воздействии положений договора на те общественные отношения, которые им урегулированы.

¹⁰ Куценко, В. И. Общественные отношения / В. И. Куценко, И. В. Бойченко, Ю. Д. Прилюк. – М., 1991. – С. 76.

Обязательность положений договора обеспечивается посредством возможности применения ответственности за нарушение отдельных положений договора или договора в целом в соответствии с законом или самим договором.

Соответственно, используя договор (его положения), стороны сами обеспечивают юридическую связь и выполняют его условия с момента заключения договора (момента возникновения юридической связи) до момента его прекращения.

Литература

1. Агарков, М. М. Ценность частного права / М. М. Агарков // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 43.
2. Алексеев, С. С. Частное право: научно-публицистический очерк / С. С. Алексеев. – М., 1999. – С. 78.
3. Грибанов, В. П. Гражданское право: учебник / В. П. Грибанов. – М., 1998. – С. 98.
4. Иванов, В. В. Теория договора / В. В. Иванов. – М.: Юрист. – С. 43.
5. Иванов, В. В. К вопросу об общей теории договора / В. В. Иванов // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 21.
6. Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Керимова. – М.: Академический проспект, 2004. – С. 40.
7. Кечежян, С. Ф. Интерес в праве / С. Ф. Кечежян. – М., 1996. – С. 12.
8. Куценко, И. В. Общественные отношения / В. И. Куценко, И. В. Бойченко, Ю. Д. Прилюк. – М., 1991. – С. 76.
9. Теория государства и права. Элементарный курс: учебное пособие / А. В. Малько, В. В. Ныркин, К. В. Шундинов. – М.: КНОРУС, 2007. – С. 48.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андреева Анастасия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Юридического института СахГУ.

Общепризнано, что суверенное государство является основным субъектом международного права. Территориально-организационная структура государства может быть различной. Различают простые (унитарные) и сложные (федерации, конфедерации) государства. Считается, что если речь идет об унитарном государстве, то вопроса о международной правосубъектности его частей вообще не существует¹. Между тем вопрос о правосубъектности федеративных государств в международном праве вообще не регламентирован, а внутри государств он решается по-разному.

Среди многочисленных норм международного права существует одно правило, относящееся к правосубъектности членов Федерации. Являясь достаточно авторитетным по данному вопросу, оно до сих пор так и осталось нормой обычного международного права. Это правило выработала Комиссия международного права ООН при активном участии советского юриста Г. И. Тункина: «Государства – члены федеративного союза могут обладать правоспособностью заключать международные договоры, если такая правоспособность допускается федеральной конституцией и в пределах, ею установленных»². Другими словами, вопрос о признании правосубъектности членов Федерации остается за национальным законодательством.

В истории существовали две федерации, субъекты которых были по конституции суверенны и могли претендовать на статус субъектов международного права. Ими были Союз ССР и Югославская Федерация. Правосубъектность двух союзных советских республик – Украины и Белоруссии – получила международное признание благодаря их членству в ООН. Однако на деле эта правосубъектность в значительной мере носила формально-юридический характер³.

На сегодняшний день существует несколько федераций, субъекты которых обладают правом заключать международные соглашения по весьма ограниченному кругу вопросов (пограничные, культурные, полицейские, экономические связи) под контролем федерального правительства. К ним относятся ФРГ, Швейцария, Австрия и в какой-то мере США и Канада.

Заметим, что вопрос о международном статусе субъектов Российской Федерации в научной литературе начал обсуждаться с принятием Федеративного договора 1992 г. и Конституции 1993 г.⁴.

Конституция Российской Федерации отнесла внешнюю политику, международные отношения, международные договоры к ведению Федерации⁵, а координацию международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации – к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации⁶. Федерация поддерживает отношения, а субъекты – связи. Очевидно, что законодатель не ставит на один уровень международные связи субъектов и межгосударственные отношения Федерации в целом.

Но тем не менее тогда о своей международной правосубъектности заявили некоторые субъекты Российской Федерации (Татарстан, Башкортостан и другие). Так, например, Конституция Татарстана 1992 г. определила статус республики как «суверенного государства, субъекта международного права» (ст. 61).

В 1999 г. вступил в силу Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»⁷, он обозначил возможности субъектов в межгосударственной сфере.

Закон 1999 г. определил, что под международными и внешнеэкономическими связями субъектов Российской Федерации понимаются осуществля-

¹ Курс международного права: в 7 т. – Т. 1. – С. 167.

² УИЛС. 1966. Vol. II. P. 191 // Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть / И. И. Лукашук. – М., 2005. – С. 341.

³ Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть / И. И. Лукашук. – М., 1997. – С. 310.

⁴ Пустогаров, В. Л. Международные связи субъектов Российской Федерации и их правовое регулирование / В. Л. Пустогаров // Государство и право. – 1994. – № 7; Вельяминов, Г. М. Правовой статус субъектов Российской Федерации и проблемы признания / Г. М. Вельяминов // Московский журнал международного права. – 1995. – № 2; Игнатенко, Г. Л. Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации / Г. Л. Игнатенко // Российский юридический журнал. – 1995. – № 1.

⁵ П. «к» ст. 71 Конституции Российской Федерации. – М., 1999. – С. 22.

⁶ П. «о» ч. 1. ст. 72 Конституции Российской Федерации. – С. 23.

⁷ СЗ РФ. 1999. – № 2. – Ст. 231.

емые в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях связи с иностранными партнерами (п. 2 ст. 1). Иностранцами партнерами являются субъекты иностранных федеративных государств, административно-территориальные образования иностранных государств. Субъекты Российской Федерации с согласия Правительства Российской Федерации могут осуществлять такие связи и с органами государственной власти иностранных государств (п. 1. ст. 1).

Таким образом, ни Конституция, ни Федеральный закон 1999 г. ничего не говорят о самостоятельной международной правосубъектности членов Российской Федерации.

Как правило, международные отношения государств складываются в трех основных направлениях: 1) заключение договоров с иностранными государствами и международными организациями; 2) открытие дипломатических и консульских представительств; 3) участие в деятельности международных организаций.

Как показывает практика, в том числе и Сахалинской области, международные связи субъектов Российской Федерации складываются в тех же направлениях, с учетом их специфики, это: 1) заключение соглашений с иностранными партнерами; 2) открытие зарубежных представительств; 3) участие в деятельности межправительственных организаций.

Рассмотрим эти виды деятельности более подробно.

Сначала остановимся на договорной правоспособности субъектов Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», субъекты в пределах своих полномочий имеют право заключать соглашения с иностранными партнерами. Субъект заблаговременно уведомляет федеральные органы государственной власти о вступлении в переговоры о заключении соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей (ст. 3).

В ст. 7 того же Закона предусмотрено, что *соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключаемые органами государственной власти субъекта Российской Федерации независимо от формы, наименования и содержания, не являются международными договорами*. Этой статье стоит уделить особое внимание, так как неопределенность статуса международных соглашений субъектов Российской Федерации порождает немало вопросов.

Из 7 статьи следует, во-первых, что такие соглашения не имеют никакого отношения к международным договорам, и, во-вторых, что соглашения

не регулируются нормами международного права. А эти утверждения, в свою очередь, спорны.

Что касается первого положения, то, согласно Федеральному закону 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации», «договор – это международное соглашение... независимо от его наименования»⁸. Схожая формулировка содержится и в ст. 2 Венской конвенции о международных договорах 1969 г.⁹. Во внутрисударственном праве любое соглашение, являющееся результатом достижения воли двух и более субъектов относительно их прав и обязанностей, называется договором (трудовой договор, гражданский договор). В сфере международно-правовых отношений различие между договорами в зависимости от их наименования не проводится. Договор может называться соглашением, пактом, меморандумом и т. д. В связи с этим непонятно, почему законодатель избегает использовать термин «договор» в отношении соглашений субъектов Российской Федерации. Соглашение является договором, даже если оно и не называется договором.

Второе положение, о том, что к соглашениям членов Федерации не имеют отношения нормы права международных договоров, тоже достаточно спорно.

В Законе 1999 г. есть только одно общее требование, согласно которому соглашение не может содержать положения, противоречащие Конституции, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, федеральному законодательству (п. 2. ст. 1).

На сегодняшний день в Российской Федерации нет нормативно-правового акта, который бы определил требования к порядку заключения, форме, структуре таких соглашений.

Вполне очевидно, что соглашения субъектов Российской Федерации имеют определенные сходства с международными договорами, несмотря на то, что такие соглашения действуют в правовом режиме Конституции. К соглашениям субъектов, безусловно, применяются по аналогии нормы права международных договоров, это касается прежде всего формы и структуры договора. Таким образом, соглашения являются частью нормативно-правовой составляющей международно-правовой системы и в то же время – составной частью правовой системы РФ и ее субъектов.

На сегодняшний день субъекты Российской Федерации заключили не одну сотню соглашений с иностранными партнерами.

Так, Сахалинской областной администрацией подписано в 1998 г. Соглашение о дружбе и экономическом сотрудничестве между Сахалинской областью Российской Федерации и Хоккайдо Японии¹⁰.

⁸ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. // СЗ РФ. 1995. – № 29. – Ст. 2757.

⁹ Международное право в документах / Под ред. Н. Т. Блатовой. – М., 1982. – С. 235.

¹⁰ Губернские ведомости. – № 161. – 24 ноября. – 1998.

Межрегиональные связи Сахалинской области и США строятся в рамках отношений со штатом Аляска на основе Соглашения о сотрудничестве между Сахалинской областью и штатом Аляска 1997 г.¹¹ В 2002 г. был заключен Меморандум о продолжении этого сотрудничества, и Меморандума о продолжении этого сотрудничества 2002 г. В стадии разработки находятся соглашения с провинцией (Корея), штатом Альберта (Канада), провинцией Хейлунцзян (Китай).

Остановимся подробнее еще на одном моменте. В 2000 г. Правительство Российской Федерации приняло Правила государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации¹². Согласно этому Положению, все соглашения подлежат регистрации в Министерстве юстиции России (п. 1). В качестве положительного момента можно отметить, что тем самым был усилен контроль со стороны федеральных органов государственной власти за договорной деятельностью субъектов, так как до этого момента ни один федеральный орган не располагал полной информацией обо всех соглашениях, заключаемых членами Федерации. Но, с другой стороны, теперь соглашения подлежат регистрации в качестве нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации. Таким образом, снова законодатель ставит под сомнение международный характер соглашений.

Любое соглашение, в том числе и международное, вступает в силу с момента, определенного сторонами договора. Согласно п. 8 этого же Положения, в государственной регистрации соглашения может быть отказано, если будет установлено противоречие нормам международного права и федерального законодательства. Основание, безусловно, серьезное, но приостановление действия договора в одностороннем порядке вряд ли является приемлемой мерой, так как соглашение не является в чистом виде внутригосударственным правовым актом.

Более того, согласно ст. 4 Федерального закона «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», проект соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей не позднее чем за месяц до подписания представляется для согласования в Министерство иностранных дел Российской Федерации, а при необходимости и в другие федеральные органы исполнительной власти.

Таким образом, соглашение до подписания уже проходит согласование в органах государственной власти. В случае возникновения разногласий между федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации в отношении проекта применяются согласительные процедуры в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 3 ст. 4).

Понятно стремление государства особо подчеркнуть значимость внутригосударственного правового регулирования заключения соглашений субъектов Российской Федерации, но в то же время нельзя подрывать имидж субъекта Федерации, который важен и для самого государства.

Теперь коснемся такого направления международной деятельности субъектов Федерации, как создание представительств за рубежом. Оно не является основным, но начинает активно развиваться.

В Конституции этот вопрос не нашел своего отражения. Согласно п. 1 ст. 10 Федерального закона «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», субъекты пользуются правом открывать свои представительства за пределами государства. Представительства субъектов РФ не обладают статусом дипломатических представительств, на них не могут быть возложены дипломатические или консульские функции. Работники таких представительств не пользуются дипломатическими и консульскими иммунитетами (п. 4 ст. 10).

Цель открытия таких представительств – представление интересов субъекта, действуют они в соответствии с законодательством страны пребывания. Тем самым законодатель подчеркивает, что зарубежные представительства членов Федерации не имеют отношения к официальной деятельности дипломатических и консульских представительств государства.

В 2003 г. Сахалинская областная Дума приняла Закон «О представительствах Сахалинской области за рубежом»¹³. В нем определено, что «представительство Сахалинской области – государственный орган, расположенный на территории иностранного государства, представляющий интересы Сахалинской области и осуществляющий их защиту» (ст. 1). Представительства создаются в целях реализации соглашений, заключаемых органами государственной власти Сахалинской области и субъектами страны пребывания (ст. 3). Представительства являются юридическими лицами (ст. 5).

¹¹ Губернские ведомости. – № 26. – 15 апреля. – 1997.

¹² Правила государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 24 июля 2000 г. № 55 // Российская газета. – № 149. – 3.08.2000; Также см.: Разъяснения по применению настоящих Правил, утвержденные приказом Минюста РФ от 22 июня 2001 г. № 185 // Российская газета. – № 128. – 07.07.2001; Порядок организации работы с соглашениями об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, утвержденный приказом Минюста РФ от 28 ноября 2000 г. № 355 // Бюллетень Минюста РФ. – № 1. – 2001.

¹³ Закон Сахалинской области «О представительствах Сахалинской области за рубежом» 2003 // Губернские ведомости. – № 140 (1792). – 12.07.2003.

В настоящий момент администрация Сахалинской области ведет переговоры и об открытии представительств в штате Аляска (США), а также на острове Хоккайдо (Япония).

Что касается третьего направления международной деятельности субъектов Федерации – участия в международных организациях, то в Конституции Российской Федерации о нем тоже ничего не упоминается. В п. 1 ст. 1 Федерального закона 1999 г. определено только, что «субъект может участвовать в деятельности международных организаций в рамках органов, созданных специально для этих целей».

Известно, что уставы некоторых международных организаций (ЮНЕСКО, ВОЗ) допускают членство в них образований, не являющихся независимыми государствами. Однако официальное членство субъектов Российской Федерации в этих организациях не оформлено.

На сегодняшний день Сахалинская область представлена в таких международных организациях, как Ассоциация региональных администраций стран северо-восточной Азии (АРАССВА) и Северный форум.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что практика Российской Федерации в

общем идет по пути регулирования международных связей субъектов на федеральном уровне. Из федерального законодательства явно следует, что субъекты Российской Федерации не являются субъектами международного права и не обладают международной правосубъектностью. Хотя в работах ряда авторитетных ученых высказывается мнение, что тенденция развития правосубъектности членов Российской Федерации налицо¹⁴, с этим все же трудно согласиться.

С одной стороны, федерация громко заявила о праве своих субъектов участвовать в международных и внешнеэкономических связях, с другой стороны, заняла выжидающую позицию. Несмотря на то, что Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» был принят почти десять лет назад, природа соглашений субъектов Федерации с иностранными партнерами, статус зарубежных представительств так четко и не определены. С другой стороны, субъекты Федерации принимают нормативно-правовые акты, в которых регламентируют эти вопросы самостоятельно. Этот процесс в регионах идет разными темпами.

¹⁴ Бирюков, Н. Н. О международной договорной правоспособности субъектов Российской Федерации / Н. Н. Бирюков // Правоведение. – 1988. – № 2; Федоров, Ю. И. О правосубъектности членов Федерации в международном праве / Ю. И. Федоров // Московский журнал международного права. – 1994. – № 4; Пустогаров, В. Л. Международные связи субъектов Российской Федерации и их правовое регулирование / В. Л. Пустогаров // Государство и право. – 1994. – № 7.

ФОРМЫ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ И ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Нагаева Татьяна Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института СахГУ.

Согласно ст. 2 УК РФ, задачи уголовно-правовой охраны личности, общества и государства, а также задачи предупреждения преступлений и обеспечения мира и безопасности человечества решаются посредством определения того, «какие опасные для личности, общества и государства деяния являются преступлениями». Представляется, что содержание ст. 2 УК отражает задачи уголовного закона не в полной мере. Уголовное право и уголовный закон (как его текстуальная форма) решают и другие задачи, обусловленные социально-политическими функциями уголовного права как такой отрасли, которой присущи свойства права – гарантирование, обеспечение, регулирование интересов всех субъектов права и всех субъектов уголовно-правовых отношений. Поэтому не только в юридической литературе, но и в доктринальных источниках отмечается наличие в законе таких уголовно-правовых норм, посредством которых реализуются не только охранительные, но также регулятивные функции¹. Например, причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны признается правомерным на основании ст. 37 УК. Правомерным признается причинение вреда и при наличии других обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 38–42 УК). Именно эту группу отношений и называют регулятивной, так как они складываются на основе управомочивающих норм.

Вместе с тем если представить функции уголовного права в виде системы, то охранительной функции отводится, несомненно, главная роль, что и определяет его отраслевую специфику. Охранительная функция (и соответствующая ей охранительная задача) уголовного права, по сути дела, независима ни от политического строя государства, ни от особенностей его экономики. Центральное место в ней принадлежит понятию общественно опасного преступного деяния, под которым российская уголовно-правовая доктрина традиционно понимает две его формы – действие и бездействие.

По смыслу ч. 2 ст. 2 УК, преступность деяния является не его «природным» социальным свойством (в этом качестве выступает его общественная опасность), а *юридически квалифицированным признаком*, поскольку только законодатель определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния являются преступлениями (ч. 1 ст. 3 УК).

Результат законодательной «юридической квалификации» общественно опасного деяния по сути своей зависит от правового (юридического) значения поставленных под уголовно-правовую охрану общественных отношений, интересов субъектов уголовного права (личности, общества и государства). Следовательно, и формы преступного деяния (с точки зрения их законодательного описания) должны находиться в тесной связи с правовой природой поставленных под охрану общественных отношений (или интересов).

Эта связь была давно подмечена российскими юристами. Например, Н. С. Таганцев отмечал, что для обеспечения или охраны одних интересов («существующих норм») законодатель исходит из принципа «не вреди» (не совершай, не действуй). По его мнению, для охраны других отношений указанным принципом нельзя ограничиться. «Необходимо содействие, помощь, вмешательство». В таких случаях законодатель определяет преступное деяние как бездействие². Это положение имело важное методологическое значение для классического российского уголовного права прежде всего в силу специфики взглядов на сущность деяния, которое трактовалось как «*посягательство на норму*»³. Соответственно и под объектом преступления понималась именно *юридическая норма*⁴.

В современной российской уголовно-правовой доктрине принято за правило характеризовать действие и бездействие как уголовно-правовые (юридические) формы общественно опасного деяния как признака объективной стороны состава преступления⁵. «Законодатель избирает для опре-

¹ См.: Российское уголовное право. Общая часть. Учебник. – М., 1997. – С. 8–9; Российское уголовное право: в двух томах. – Т. 1: Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2003. – С. 8; Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник / М. П. Журавлев и др. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – С. 5.

² Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. – Т. 1 / Н. С. Таганцев. – Тула, 2001. – С. 127.

³ Там же. С. 308.

⁴ Там же. С. 397–398.

⁵ См., напр.: Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А. В. Наумов. – М., 1996. – С. 161.

деления признаков деяния в объективной стороне состава преступления форму действия тогда, когда интересы охраны тех или иных отношений требуют обеспечить невмешательство»⁶.

Правовые особенности объектов уголовно-правовой охраны определяют и условия уголовной ответственности за бездействие: «Активное вмешательство в сферы, затрагивающие гарантированные Конституцией РФ интересы личности, общества и государства, допустимо лишь в тех пределах, которые урегулированы законодательством. Это принципиальное положение оказывает влияние на содержание бездействия как формы общественно опасного деяния»⁷. Уголовно-правовые понятия действия и бездействия могут не совпадать с фактическим содержанием поведенческого акта. Многие авторы, отмечая это несоответствие, считают обязательным сделать вывод о том, какая из уголовно-правовых форм деяния юридически свойственна объективной стороне того или иного преступления.

Каково же значение юридической формы деяния? В чем состоит необходимость ее установления?

Проследим связь правовых форм преступного деяния с особенностями объектов уголовно-правовой охраны на примере преступлений против личности. Так, преступления против жизни и здоровья (глава 16 УК) описаны в законе как действие. Для этого законодатель часто использует термин «причинение» (ст. 105, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118 УК), термин «заражение» (ст. 121, 122 УК).

Бездействие является правовой формой деяния только в двух составах преступлений главы 16 УК. Это преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье: неоказание помощи больному (ст. 124 УК) и оставление в опасности (ст. 125 УК). Это объясняется особенностями общественных отношений, охраняемых указанными выше уголовно-правовыми запретами. По существу, уголовный закон поставил под охрану не только жизнь и здоровье, но и безопасность человека как состояние его физической защищенности (что определяет социально-правовое основание криминализации деяний, ставящих в опасность жизнь и здоровье). Для ее охраны и обеспечения необходимо руководствоваться обоими принципами: в одних случаях требуется обеспечить невмешательство, а в других – содействие.

Свобода, честь и достоинство по определению являются такими интересами личности, для обеспечения и охраны которых необходим принцип невмешательства. Поэтому все преступления, предусмотренные главой 17 УК, описаны в законе как действие: «похищение» (ст. 126 УК), «лишение» (ст. 127 УК), «торговля» (ст. 127-1 УК), «использо-

вание» (ст. 127-2 УК), «распространение» (ст. 129 УК) и др. Бездействие как правовая форма обозначенных деяний неприменима.

Сказанное в полной мере относится к характеристике преступных деяний, предусмотренных главой 18 УК (преступления против половой свободы и половой неприкосновенности). Действительно, с юридической точки зрения причинение вреда половой свободе (тем более – неприкосновенности) путем бездействия невозможно. Это явствует из законодательной конструкции объективной стороны составов преступлений, сформулированных в ст. 131–135 УК.

Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК) имеют различные правовые формы в зависимости от содержания этих прав и свобод. В большинстве норм законодатель описывает деяние как действие: «нарушение» (ст. 136, 138, 143 УК), «воспрепятствование» (ст. 141, 144, 148, 149 УК), «фальсификация», «подделка», «изготовление» (ст. 142 УК), «проникновение» (ст. 139 УК). Бездействие как правовая форма деяния отражена законодателем в трех составах: «отказ» (ст. 140, 145 УК), «невыплата» (ст. 145-1 УК).

Уяснение социально-правовой сущности объекта уголовно-правовой охраны позволяет безошибочно определить юридическую форму преступного деяния. На первый взгляд в этом нет острой необходимости. Во-первых, мы давно уяснили, что юридическая форма преступного деяния часто не совпадает с характеристикой его фактической (поведенческой) стороны. Во-вторых, для российской уголовно-правовой доктрины (Особенной части уголовного права) стало традицией не акцентировать внимание именно на юридической форме деяния.

Поэтому нередко там, где должна быть указана форма преступного деяния (действие или бездействие), дается характеристика поведенческого акта. Например: «Объективная сторона убийства как типичного преступления с материальным составом представляет собой единство трех элементов: 1) действие (бездействие), направленное на лишение жизни другого лица; 2) смерть потерпевшего как обязательный преступный результат; 3) причинная связь между действием (бездействием) виновного и наступившей смертью потерпевшего»⁸.

Конечно, важно подчеркнуть, что для квалификации убийства не имеет значения, действием или бездействием оно совершено, так как в любом случае юридической формой этого деяния является действие – «причинение смерти» (лишение жизни).

⁶ См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. проф. А. И. Рарога. – М., 2007. – С. 100.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ См.: Российское уголовное право: в 2 т. – Т. 2: Особенная часть / Г. Н. Борзенков, Л. В. Инногамова-Хегай, В. С. Комиссаров и др.; под ред. Л. В. Инногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – М., 2007. – С. 25.

Законодатель сам нередко прибегает к подобному способу текстуального отображения юридического значения преступления: «общественно опасное действие (бездействие)» – ст. 5, 14, 25, 26, 28, 30 УК. Однако по смыслу положений, предусмотренных в указанных (и других) статьях УК, под «действием» и «бездействием» понимается именно юридическая форма преступления. В ряде случаев не требуется текстуального выделения (обособления) этих терминов, и автор законодательного текста ограничивается выражением «общественно опасное деяние» (как это имеет место, например, в ч. 1 ст. 14, ч. 2 ст. 21 УК) либо «деяние» (ч. 1 ст. 24, 25, 26 УК).

Применительно к характеристике юридического значения (формы) конкретного преступления, предусмотренного Особенной частью УК, использование подобного стилистического приема не всегда является оправданным и ведет к подмене понятий, что нередко является причиной противоречивых решений отдельных доктринальных вопросов и непрекращающихся научных споров⁹.

Представляется, что определение юридической формы преступного деяния и обособление ее от поведенческого акта необходимо прежде всего потому, что уголовная ответственность за преступное деяние в форме бездействия (в его юридическом смысле) связана с установлением определенных условий, а именно – обязанности и возможности действовать определенным образом.

Формы преступного деяния отображаются в тексте уголовного закона при помощи различных терминов. Чаще всего термины, определяющие действие, трактуются адекватно этой форме преступного деяния: «причинение», «нападение», «незаконные действия», «посягательство», «уничтожение», «повреждение», «завладение» и пр. Нередко и бездействие получает недвусмысленное текстуальное отображение: «неисполнение», «оставление», «неоказание помощи», «невозвращение» и пр.

Однако в ряде случаев определение формы преступного деяния представляет определенную сложность из-за неясности значения определяющего его термина. Например, термин «отказ» в семантиче-

ском плане ближе к действию как активному проявлению несогласия или нежелания. Поэтому отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК) мог бы трактоваться как действие, имеющее вербальную или документальную форму. Простое умолчание (фактическое бездействие) не в полной мере отвечает языковому значению слова «отказ». Это же можно сказать и о термине «нарушение».

В то же время ясно, что не текстуальная, а юридическая форма определяет уголовно-правовую сущность преступного деяния. Исходя из конституционного права человека и гражданина, нарушением неисполнением должностным лицом обязанности предоставить гражданину информацию, затрагивающую его права и свободы, юридической формой преступного деяния является бездействие. Его фактическая сторона (прямой отказ или умолчание в ответ на требование) не имеет значения. Так же и для ответственности за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний не имеет значения, каким образом он выражен: соответствующим заявлением или неявкой в суд или органы предварительного следствия.

Нарушение неприкосновенности частной жизни в юридическом смысле – только действие. Уголовно-правовая форма нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспорта имеет другую характеристику. Обеспечение общественной безопасности посредством правового регулирования работы, движения и эксплуатации транспорта предполагает как соблюдение запретов (не вреди), так и активное содействие (помоги). В силу этого указанное деяние имеет альтернативную уголовно-правовую форму. Оно действительно может быть выражено как в действии, так и в бездействии.

С изложенных позиций неважно, какую форму имеет поведенческий акт в действительности (фактически). Имеет значение его юридическая форма, которую необходимо определять в каждом конкретном случае. Необходимость выделения и дифференциации юридических форм общественно опасного деяния определяется основаниями уголовно-правовых запретов, особенностями объектов уголовно-правовой охраны.

⁹ Например, о последствиях бездействия и их уголовно-правовом значении; о покушении на преступление путем бездействия и т. п.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КОЛЕСНИКОВ

1929–2009 гг.

28 апреля 2009 года, ровно за месяц до своего восьмидесятилетия, ушел из жизни сахалинский историк, бывший ректор Южно-Сахалинского государственного педагогического института Николай Иванович Колесников.

Он родился 28 мая 1929 года в деревне Журавлевка Бутуруслянского района Оренбургской области в семье школьного учителя Ивана Алексеевича Колесникова. В 1947 году переселенческий поток, увлекший на Сахалин сотни тысяч советских людей, подхватил семью Колесниковых, и они оказались за многие тысячи километров от родного Оренбуржья.

Вскоре после приезда, в апреле 1947 года, Николай Колесников устроился на должность рыбака на Песчанский рыбозавод (поселок Озерецкое Анивского района). Всего четыре месяца спустя молодой рабочий получил направление на комсомольскую работу. С августа 1947 года он работает старшим пионервожатым Анивской средней школы, а в декабре 1948 года был приглашен на работу в Анивский райком ВЛКСМ, где заведовал отделом пионерской работы.

В 1949 году, в двадцать лет от роду, Николай Иванович вступил во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков). Забегая вперед, следует отметить, что он до конца своей жизни сохранил свои убеждения и не покинул (подобно подавляющему большинству членов КПСС) правящую партию на следующий день после того, как она потеряла власть. Можно разделять или не принимать (как автор данных строк) коммунистические убеждения Н. И. Колесникова. Однако его верность организации, с которой он связал свою жизнь еще в юности, не может не вызывать уважения.

В августе 1949 года Николай Колесников становится студентом только что образованного Сахалинского учительского института, который он закончил в июле 1951 года, получив диплом учителя русского языка и литературы, а также физического воспитания.

После окончания учительского института Николай Иванович возвращается на комсомольскую работу. С июля 1951 по январь 1952 года он – лектор, затем до февраля 1953 года – руководитель лекторской группы Сахалинского обкома ВЛКСМ.

В феврале 1953 года обком КПСС направляет двадцатитрехлетнего Николая Колесникова в Александровск, где он работает первым секретарем Александровского горкома комсомола. В 1955 году, находясь в Александровске, Николай Иванович поступил на заочное отделение Хабаровского государственного педагогического института. В 1960 году он перевелся с 5-го курса ХГПИ в Южно-Сахалинский государственный педагогический институт, который и закончил год спустя.

В декабре 1955 года Н. И. Колесников был отозван в Южно-Сахалинск. Здесь он сначала работает вторым секретарем Сахалинского обкома ВЛКСМ. В мае 1956 года Николай Иванович достигает пика своей комсомольской карьеры. Он становится первым секретарем Сахалинского обкома ВЛКСМ.

В сентябре 1961 года Сахалинский обком КПСС направляет Н. И. Колесникова на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. После окончания ВПШ Николай Иванович возвращается на Сахалин и в августе 1963 года назначается заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Сахалинского обкома партии. С декабря 1965 по сентябрь 1967 года он возглавляет отдел школ Сахалинского обкома КПСС. И, наконец, в сентябре 1967 года Н. И. Колесников становится заведующим отделом пропаганды и агитации Сахалинского обкома КПСС.

В 1968 году Николай Иванович поступает в заочную аспирантуру Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Четыре года спустя он успешно защитил кандидатскую диссертацию. Тема его работы «Деятельность КПСС по повышению активности интеллигенции в коммунистическом строительстве (1956–1966 гг.): на материалах Хабаровской краевой и Сахалинской областной партийных организаций».

В июле 1974 года Николай Иванович был назначен ректором Южно-Сахалинского государственного педагогического института. Именно в этот период автор данных строк (в то время студент третьего курса исторического факультета) впервые увидел Николая Ивановича. Хорошо помню, что приход нового ректора ознаменовал-

ся началом большого строительства. Именно при нем в значительной степени силами студенческих стройотрядов были сооружены новый учебный корпус института и два общежития. Однако в силу ряда обстоятельств в январе 1983 года Николай Иванович был вынужден оставить пост ректора.

После этого он сначала в течение двух лет работает старшим научным сотрудником ЮСГПИ, а с февраля 1985 по январь 1989 года – лектором отдела пропаганды и агитации Сахалинского обкома КПСС.

В январе 1989 года Николай Иванович возвращается в ЮСГПИ. Он работает доцентом кафедры истории КПСС и научного коммунизма. За время работы на данной кафедре Н. И. Колесниковым был разработан ряд курсов: история КПСС, политическая история, история Отечества, Россия в мировом сообществе цивилизаций. В 1994 году Николай Иванович избирается на должность профессора кафедры социально-политических наук. В 2000 году он становится профессором кафедры истории, а в 2004 году – профессором кафедры российской истории Сахалинского государственного университета.

Не оставляя работу в СахГУ, Николай Иванович в августе 1998 года становится директором Сахалинского центра документации новейшей истории (создан в 1991 году на базе Партийного архива Сахалинского обкома КПСС), который возглавлял до 2004 года.

Николай Иванович впервые проявил интерес к истории Сахалинской области в период нахождения на комсомольской и партийной работе. Именно тогда появляются его первые публикации, посвященные истории сахалинского комсомола и сахалинской интеллигенции. Не оставил он данную проблематику и после перехода в ЮСГПИ. Однако те публикации практически не были замечены читающей публикой.

Кроме того, Н. И. Колесников принимает участие в редактировании двух сборников документов по истории Сахалинской области. Среди них и сравнительно неплохой сборник «Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945)» (Южно-Сахалинск, 1967), и крайне слабый «Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах. 1946–1975» (Южно-Сахалинск, 1981).

Временем, когда ярче, чем когда-либо, раскрылся историк Н. И. Колесников, стали 90-е годы. Именно в этот период началось наше тесное сотрудничество. В 1992 году в Сахалинском центре документации новейшей истории, директором которого в то время являлся автор этих строк, началась работа по подготовке «Краткого указателя фондов». Именно тогда мы решили привлечь к работе по редактированию указателя Николая Ивановича. Дело в том, что перу Н. И. Колесникова принадлежал единственный известный нам в то время опубликованный обзор документов бывшего партийного архива Сахалинского обкома КПСС

(«Обзор документов фондов уполномоченного Дальбюро ЦК РКП(б) при Сахалинской области и Сахалинского окрпартбюро»). Николай Иванович охотно согласился принять участие в нашем проекте и с самого начала включился в работу. Несмотря на то, что мы были чрезвычайно ограничены во времени, был подготовлен чрезвычайно полезный справочник.

Еще в период работы над кратким указателем фондов Сахалинского центра документации новейшей истории возникает идея подготовить цикл статей, посвященных первым секретарям обкома КПСС, которые на протяжении многих десятилетий правили Сахалинской областью. Названный цикл был заказан автором этих строк Николаю Ивановичу для журнала «Краеведческий бюллетень».

Втягиваясь в данный проект, Н. И. Колесников обрел себя на огромную работу по поиску и обработке материалов, многие из которых никогда не вводились в научный оборот. При этом далеко не все материалы находились на Сахалине. Следует также отметить, что сроки подготовки статей были весьма ограничены. И Николай Иванович прекрасно справился с работой. В течение 1993–1994 годов на страницах журнала «Краеведческий бюллетень» одна за другой появляются статьи, посвященные шести первым руководителям Сахалинской области, работавшим в 1945–1991 годах.

С самого начала публикации Н. И. Колесникова привлекли большое внимание читателей. В связи с этим встал вопрос об издании данного цикла в виде отдельной книги. И в 1995 году появляется монография «Они правили областью». Кроме того, материалы, собранные автором в период работы над названной книгой, легли в основу целого ряда интересных докладов, а также главы «Сахалинская область в 1945–1993 годах» учебного пособия «История Сахалинской области».

Успех книги «Они правили областью» подтолкнул автора к продолжению работы, и в 1997–1998 годах на страницах журнала «Краеведческий бюллетень» появляется новая книга Николая Ивановича «Двадцать лет во главе советского Северного Сахалина (1925–1945)», посвященная партийным секретарям, управлявшим нашей областью в 1925–1945 годах.

В 2001 году Н. И. Колесников, объединив и доработав тексты книг «Двадцать лет во главе советского Северного Сахалина» и «Они правили областью», выпускает в свет монографию «Время и власть», посвященную руководителям Сахалинской области советского периода (1925–1991 годы).

В октябре 2004 года Н. И. Колесников навсегда покинул Сахалин, которому отдал 57 лет своей жизни. А в самом конце апреля 2009 года мы получили сообщение о том, что Николай Иванович умер.

Не все, о чем писал сахалинский историк Н. И. Колесников, бесспорно. Он и сам никогда не претендовал на обладание истиной в послед-

ней инстанции. Однако сегодня именно благодаря трудам Николая Ивановича мы имеем самую подробную и хорошо проработанную историю Сахалинской области советского периода.

Не все было успешным и в биографии ректора Южно-Сахалинского государственного педагогического института Н. И. Колесникова. Однако нельзя не отметить, что именно в период его рек-

торства для нашего вуза было построено больше, чем за все годы, предшествовавшие его назначению. Да и после его ухода такого размаха строительных работ уже не было.

Имя Н. И. Колесникова надолго вписано как в историографию истории Сахалина и Курил XX столетия, так в историю нашего университета.

М. С. Высоков

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР
ВНИРО – Всероссийский институт рыбного хозяйства и океанографии (г. Москва)
ДВГУ – Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
ДВГТУ – Дальневосточный государственный технический университет (г. Владивосток)
ДВНЦ (Дальневосточный научный центр) **АН СССР** (г. Владивосток)
ДВО (Дальневосточное отделение) **РАН** (г. Владивосток)
докт. геол.-мин. наук – доктор геолого-минералогических наук
докт. экон. наук – доктор экономических наук
ИЕН (Институт естественных наук) **СахГУ**
ИИАиЭ (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока) **ДВО РАН** (г. Владивосток)
ИИСУ (Институт истории, социологии и управления) **СахГУ**
ИУУ – Институт усовершенствования учителей
ИФ (Институт филологии) **СахГУ**
ИФЗ (Институт физики Земли) **им. О. Ю. Шмидта РАН** (г. Москва)
канд. биол. наук – кандидат биологических наук
канд. геол.-мин. наук – кандидат геолого-минералогических наук
канд. ист. наук – кандидат исторических наук
канд. пед. наук – кандидат педагогических наук
канд. соц. наук – кандидат социологических наук
канд. тех. наук – кандидат технических наук
канд. физ.-мат. наук – кандидат физико-математических наук
канд. филол. наук – кандидат филологических наук
канд. филос. наук – кандидат философских наук
канд. юрид. наук – кандидат юридических наук
ЛГУ (Ленинградский государственный университет) **им. А. А. Жданова**
МГПИ (Московский государственный педагогический институт) **им. Н. К. Крупской**
МИИСП (Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства) **им. В. П. Горячкина**
МОПИ (Московский областной педагогический институт) **им. Н. К. Крупской**
МПУ (Московский педагогический государственный университет) **им. В. И. Ленина МПУ** – Московский педагогический университет
н. с. – научный сотрудник
ОИФЗ (Объединенный институт физики Земли) **им. О. Ю. Шмидта РАН** (г. Москва)
РАЕН – Российская академия естественных наук
РАГС (Российская академия государственной службы) **при президенте РФ** (г. Москва)
РАН – Российская академия наук
РНЦ (Российский научный центр) **им. В. И. Курчатова** (г. Москва)
РЭА (Российская экономическая академия) **им. Г. В. Плеханова**
СахГУ – Сахалинский государственный университет
СО (Сибирское отделение) **АН СССР** (г. Новосибирск)
СОКМ – Сахалинский областной краеведческий музей (г. Южно-Сахалинск)
СО (Сибирское отделение) **РАН** (г. Новосибирск)
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТИНРО – Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (г. Владивосток)
ЮИ (Юридический институт) **СахГУ**
ЮСППИ – Южно-Сахалинский государственный педагогический институт

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПОСТУПАЮЩИМ В РЕДАКЦИЮ

1. Статью следует представлять в печатном (1 экземпляр) и электронном виде.
2. Текст статьи в электронном виде должен быть набран шрифтом Times New Roman 12-м кеглем с одинарным интервалом в формате RTF.
3. Иллюстрированный материал следует предоставлять отдельными файлами: таблицы – в формате Excel; формулы – в формате Microsoft Equation; рисунки и фотографии – в форматах BMP, PSD или TIFF.
4. В случае применения архиваторов допускается использование только архиватора ZIP.
5. К материалам статьи прилагается текстовый файл в формате DOC, со списком и описанием файлов, составляющих статью. (Например: NOTRE.RTF – текст статьи; TABL_1.XLS – таблица № 1.)
6. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее – тщательно проверен, все ссылки выверены. При необходимости следует дать расшифровку в примечаниях используемых в статье аббревиатур и сокращений.
7. К статье прилагаются: фотография автора и персональные сведения о нем. Фото: ч/б, желательно 4х6 см. Персональные сведения: полное имя автора, место работы и должность, ученая степень и научное звание, научная специализация, место и время обучения в аспирантуре и защиты диссертаций, количество опубликованных работ (в т. ч. монографий). Необходимо указать также контактные телефоны или домашний адрес.
8. Объем статьи – не более 1,5 печатного листа.
9. Сноски помещаются в конце работы.
10. Автор публикации обязан предоставить аннотацию на свою работу на русском и английском языках объемом до 500 печатных знаков с пробелами.

К публикации в ежегоднике принимаются научные статьи, представляющие результат личных или групповых исследований преподавателей, сотрудников и аспирантов СахГУ. Принцип отбора материалов к печати: научность, подтвержденная рецензией соответствующей кафедры или подразделения вуза; новизна; состоятельность. Предпочтение отдается теоретическим статьям, форвардным разработкам, итогам выполнения коллективных хозяйственных или бюджетных тем, выполняемых кафедрами, лабораториями, временными творческими коллективами. Материалы, направленные в редакцию, не рецензируются. Ответственность за точность ссылок и персональных биографических данных несет автор.

Ежегодные сроки приема статей редакцией издания – **до 15 декабря.**